

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: История.

Международные отношения

2021

Том 21

Выпуск 2

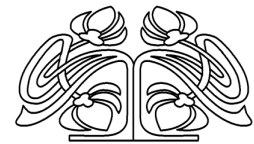

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2021 Том 21

ISSN 1819-4907 (Print)

ISSN 2542-1913 (Online)

Издается с 2005 года

Серия История. Международные отношения, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Рязанов С. М.** Деятельность полиции Урала по обеспечению пожарной безопасности (1862–1917 годы) 142
- Романовский В. К.** «Россия должна остаться великой державой...». К 100-летию сборника статей Н. В. Устрялова «В борьбе за Россию...» 149
- Косиченко А. Г.** Отношения Русской и Константинопольской православных церквей в XX веке 159
- Пушкаренко Е. А.** Немецкая политика и пропаганда в области культуры на территории Генерального округа Белоруссия в 1941–1944 годах 167

Всеобщая история и международные отношения

- Конопленко А. А.** Взаимоотношения Ливонского ландмейстерства Тевтонского ордена и рижских архиепископов в условиях Реформации и вопрос о политическом устройстве Ливонии 175
- Гаврилова Е. В.** Маргарита Ангулемская и проблемы ренессансного религиозного инакомыслия 188
- Лощилова Т. Н.** Трансформация образа власти на медалях последних Валуа в период Религиозных войн 193
- Носова Е. С.** Взгляды кардинала Габриэле Палеотти на религиозное искусство 200
- Кирюшкина В. В.** Религиозный фактор в жизни и творчестве Александра Поупа 206
- Дик Г. В.** Католическая церковь и колониальная политика Франции в период революции конца XVIII века 215
- Шамардин В. В.** Взаимодействие США со странами СТСЭП в рамках торговой политики администрации Дж. Буша-младшего 225
- Каргашина К. В.** Французское общество и референдум по «конституции Европы» в 2005 году 231
- Алексеев Д. В.** Управление миграционными процессами на примере Испании и Марокко 235

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** Воевода Саратова Аверкий Федорович Болтин (1644–1646) 244
- Дружкин А. А.** Основные тенденции социально-экономического развития новообразованных уездов Прихоперья в конце XVIII – первой трети XIX века 256
- Майорова А. С.** Изучение А. Н. Минхом истории заселения Саратовского Поволжья 264
- Тощенко В. А.** Аграрное развитие Дальнего Востока в начале XX века на страницах журналов Приморского и Амурского обществ сельского хозяйства 270

Критика и библиография

Представляем книгу

- Креленко Н. С.** Английские просветители о проблемах роста преступности в период коммерциализации общества 277

Приложения

Хроника

- Галямичев А. Н.** Историк и его время (жизнь и судьба В. А. Ермолаева) 280

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76642 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 07.00.02 – отечественная история, 07.00.03 – всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования, 07.00.15 – история международных отношений и внешней политики)

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36018, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Батищева Татьяна Федоровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 23.06.21.
Подписано в свет 30.06.21.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 16,04 (17,25).
Тираж 500 экз. Заказ 61-Т.
Цена свободная

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2021

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведения, международных отношений, источниковедения и историографии, рецензии и хронику.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями. Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора – доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков через полуторный интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем сообщений и рецензий – 10–20 тыс. знаков и до 2 рисунков и таблиц. Рецензии оформляются так же, как статьи.

Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова (5–10), текст статьи, благодарности и ссылки на гранты (если есть); примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотации:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 300–500 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях (концевых автоматических сносках) нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Ryazanov S. M.** Policing for security of Fire Safety in Ural (1862–1917) 142
Romanovski V. K. «Russia shall remain the great power...». To the 100th anniversary of the collection of articles by N. V. Ustryalov «In the struggle for Russia» 149
Kosichenko A. G. Relations between the Russian and the Constantinople Orthodox Churches in the XX century 159
Pushkarenko E. A. German cultural policy and propaganda in the territory of the General district of Belarus in 1941–1944 167

World History and International Relations

- Konoplenko A. A.** Relations between the Livonian Order and the Archbishops of Riga in the context of the Reformation and the question of the political structure of Livonia 175
Gavrilova E. V. Marguerite of Angoulême and the problems of Renaissance religious dissent 188
Loshchilova T. N. Transformation of the image of power on the medals of the last Valois during the Religious wars 193
Nosova E. S. Religious views of Cardinal Gabriele Paleotti on sacred art 200
Kiryushkina V. V. Religious factor in the life and work of Alexander Pope 206
Dik G. V. The Catholic Church and the colonial policy of France during the Revolutionary period of the late XVIII century 215
Shamardin V. V. US Interaction with the TPSEP countries within the Trade Policy of the George W. Bush Administration 225
Kargashina K. V. The French society and the referendum of the «constitution of Europe» in 2005 231
Alekseev D. V. Migration management case study: Spain and Morocco 235

Regional History and Local Studies

- Rabinovich Ya. N.** Saratov governor Averky Fedorovich Boltin (1644–1646) 244
Druzhkin A. A. The main trends of socio-economic development of the newly formed uyezds in the Koper River Region (Prikhoperye) in the late XVIII and the first third of the XIX centuries 256
Mayorova A. S. A. N. Minh's study of the history of the Saratov Volga region settlement 264
Toshchenkova V. A. The journals of the Primorsky and Amur communities of agriculture as a source on the history of the agrarian development of the Far Eastern region (early XX century) 270

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Krelenko N. S.** English enlighteners about the problems of the growth of crime during the period of commercialization of society 278

Appendices

Chronicle

- Galyamichev A. N.** The historian and his time (life and fate of V. A. Ermolaev) 280

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник

(Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönningkhaus (Lüneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

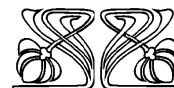
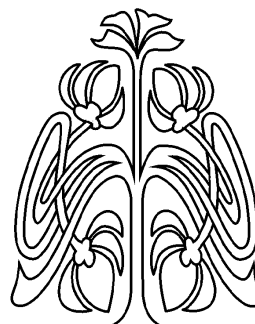
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

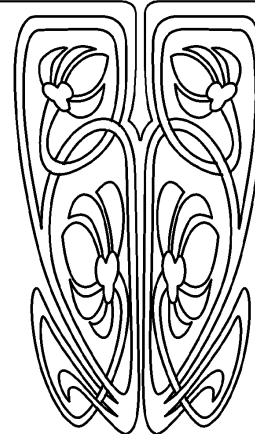
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 142–148
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 142–148

Научная статья
УДК 94(470.5)
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-142-148>

Деятельность полиции Урала по обеспечению пожарной безопасности (1862–1917 годы)

С. М. Рязанов

Пермский институт ФСИН России, 614012, г. Пермь, ул. Карпинского, д. 125

Рязанов Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, s_ryazanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5137-3614>

Аннотация. В статье исследуется деятельность полиции уральских губерний по предупреждению и тушению пожаров во второй половине XIX – начале XX в. На основе архивных документов, материалов периодической печати и нормативных правовых актов определено место контроля за пожарной безопасностью в общей структуре административно-надзорных функций уральской полиции. Формулируются выводы о том, что в деятельности по предупреждению пожаров важное место занимал институт полицейских урядников, в процессе тушения пожаров полицейские принимали на себя руководящие функции.

Ключевые слова: Вятская губерния, ночной караул, Пермская губерния, Пожарный устав, пожаротушение, полицейский городской, полицейский урядник

Для цитирования: Рязанов С. М. Деятельность полиции Урала по обеспечению пожарной безопасности (1862–1917 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 142–148. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-142-148>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-142-148>

Policing for security of Fire Safety in Ural (1862–1917)

S. M. Ryazanov

Perm Institute of the FPS of Russia, 125 Karpinsky St., Perm 614012, Russia

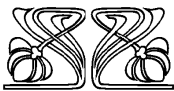
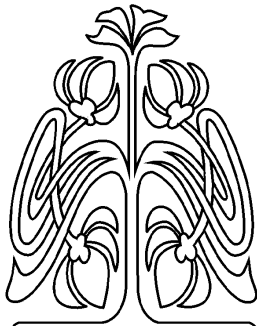
Sergey M. Ryazanov, s_ryazanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5137-3614>

Abstract. The article examines the policing to prevent and extinguish fires in the second half of the 19th – early 20th centuries in the Ural provinces. Based on archival documents, materials from periodicals and regulatory legal acts, it demonstrates the place of control over fire safety in the general structure of administrative and supervisory functions of the Ural police. The conclusions is made that the institute of country police officers occupied an important place in fire prevention activities, and the police assumed leadership functions in the process of extinguishing fires.

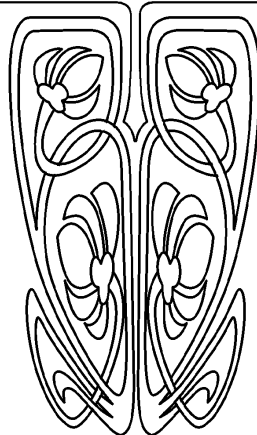
Keywords: Vyatka province, night guard, Perm province, Fire Regulations, firefighting, city police officer, country police officer

For citation: Ryazanov S. M. Policing for security of Fire Safety in Ural (1862–1917). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 142–148 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-142-148>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Сегодня датой основания полиции считается 25 мая 1718 г., когда Петром Великим петербургскому генерал-полицмейстеру были вручены лично составленные царем «Пункты». Однако, если взглянуть на эти пункты, то можно убедиться в том, что в первой четверти XVIII в. под полицией подразумевалось нечто иное, нежели то, что сегодня скрывается за этим термином. Так, из имеющихся 13 «пунктов» 7 касались надзора за строительством, пожарной безопасностью, санитарией и чистотой улиц. На наблюдении за правильным устройством печей и труб Петр I и вовсе останавливался дважды. В первом пункте указывал на его необходимость, а в восьмом – раскрывал процедурные моменты¹. Таким образом, с самого начала деятельности российской полиции надзор за пожарной безопасностью являлся одной из основных ее задач. Разумеется, к 1862 г. на первый план начали выходить правоохранительные функции. Однако вплоть до самой своей ликвидации в марте 1917 г. полиция являлась органом, которому было вверено следить за абсолютно всем происходящим в империи, и пожарный надзор, особенно в сельской местности, играл не последнюю роль. Даже накануне Первой мировой войны волостной старшина Успенской волости Пермского уезда одноименной губернии объяснял необходимость срочного замещения вакансии урядника наступлением летнего времени, когда нужно иметь особое наблюдение «за исправностью дымовых труб». Функцию урядника по поддержанию правопорядка старшина поставил в своем прошении на последнее место².

Обращает на себя внимание тот факт, что деятельности полиции Российской империи по предупреждению и тушению пожаров в исторической науке внимания практически не уделяется. Можно упомянуть разве что небольшую статью Е. С. Конахиной о пресечении пожаров симбирскими полицейскими в конце XIX в.³ И это в то время, когда деятельность российской полиции изучена настолько всесторонне, что даже надзору за проституцией посвящена отдельная монография⁴! Немного могут добавить к исследованию роли полиции в организации пожарной безопасности обобщающие работы о ее деятельности, как на уровне отдельных регионов⁵, так и России в целом⁶. Нередко эта функция даже не упоминается, не говоря уже о сколько-нибудь подробном ее раскрытии.

Целью настоящего исследования, таким образом, выступает не только анализ деятельности полиции Урала по обеспечению пожарной безопасности во второй половине XIX – начале XX в., но и постановка новой для историографии проблемы. Для достижения поставленной цели необходимо в первую очередь рассмотреть место контроля за пожарной безопасностью в общей структуре административно-надзорных функций полиции. Второй задачей является изучение действий чинов полиции в том случае, когда пожар уже начался.

Для достижения цели, помимо литературы, был привлечен значительный объем неопубликованной делопроизводственной документации и тесно примыкающих к ней материалов официальной периодической печати. Прежде всего, использовались источники, отложившиеся в фондах Департамента полиции исполнительной (Российский государственный исторический архив) канцелярии пермского губернатора, Пермского губернского правления, Пермского уездного полицейского управления (Государственный архив Пермского края), а также публикации о деятельности полиции в номерах Вятских, Пермских и Уфимских губернских ведомостей. Среди нормативно-правовых источников принципиальное значение имеют «Наказ служителям земской полиции» 1837 г., «Городовое положение» 1870 и 1892 гг., а также акты органов местного самоуправления.

Для вторичной обработки информации исторических документов были использованы традиционные методы исторической науки: историко-генетический – для последовательного изложения деятельности уральских полицейских по предупреждению и тушению пожаров во второй половине XIX–начале XX в.; историко-сравнительный – для сопоставления деятельности полиции в различных губерниях; историко-системный – для изучения всей совокупности функций полиции как единой системы и определения в ней места пожарной безопасности. Избрание теории модернизации в качестве методологической парадигмы позволило выйти за границы «описательности» и выяснить вопрос о соответствии полицейской противопожарной деятельности потребностям меняющегося общества.

Хронологические рамки ограничены принятием «Временных правил о полиции» в 1862 г. и ликвидацией полиции в марте 1917 г. Географические рамки, исходя из принципа историзма, – четырема губерниями, относимыми к Уральскому региону в рассматриваемый период: Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской.

В некотором уточнении нуждается и предмет исследования. Под «деятельностью полиции» подразумевается работа исключительно полиции общей, делившейся в XIX – начале XX в. на городскую и уездную. Служба военной полиции (жандармерия, «охранка»), специальной горной полиции, криминальной полиции (сыскные отделения) и милиции («городская стража») в статье не рассматриваются.

К концу XIX в., по словам златоустовского уездного исправника (Уфимская губерния) Н. А. Ключникова, уездная полиция выполняла «массу разнохарактерных обязанностей, разбросанных во всех 16 томах Свода законов, в большинстве случаев, срочных и ответственных»⁷. С этим мнением вполне солидарны современные исследователи. «Действовавшее в то время законодательство рассматривало общую полицию

как орган управления вообще, а полицейских чиновников – как олицетворение власти в городах и уездах страны»⁸, – отмечал А. В. Кокшаров.

Последняя попытка хоть как-то консолидировать функции полиции была предпринята в 1837 г. в «Наказе чинам и служителям земской полиции», который, несмотря на стремительно меняющиеся условия жизни, продолжал действовать с некоторыми изменениями 80 лет, вплоть до ликвидации полиции в 1917 г. Так как главенствующей задачей земской полиции «Наказ» считал исполнение и контроль исполнения законов, то на первый план выходили не правоохранительные, а административные функции. Начинаясь же перечень конкретных обязанностей с обнародования законов⁹. Изъятие этой задачи в ходе «Великих реформ» сразу же сместило акценты. Теперь обязанности полиции начинались с защиты прав православной церкви, подавления беспорядков и борьбы с «тайными обществами»¹⁰. Столь выпуклое указание на первостепенность политических функций даже на законодательном уровне, не говоря уже о многочисленных циркулярах и инструкциях МВД, к слову, ставит под сомнение устоявшееся в отечественной историографии разделение полиции на «политическую» и «общую», однако более подробное рассмотрение данного вопроса не входит в круг задач настоящего исследования.

Собственно деятельность по обеспечению пожарной безопасности находилась в середине «Наказа», между «попечением о народном здравии» и борьбой с наводнениями. В то время как даже подавлению беспорядков посвящена всего одна, пусть и обширная статья, то борьбе с пожарами – целых пять¹¹. При этом одним лишь «Наказом» обязанности полиции в этой области не ограничивались. Противопожарные правила, за соблюдением которых необходимо было наблюдать полицейским, конкретизировались в «Пожарном уставе» 1857 г., действовавшем на территории империи вплоть до 1885 г. В дальнейшем «меры предосторожности от пожаров» были разделены между «Уставом о предупреждении и пресечении преступлений», «Строительным» и «Лесным»¹².

Продолжая обзор нормативно-правовой базы, стоит отметить и многочисленные подзаконные акты. Например, в «Инструкции полицейским урядникам» как образца 1878 г., так и 1887 г., содержались нормы о предупреждении и прекращении пожаров¹³. Кроме того, меры предосторожности от пожаров вне поселений, за которыми также призваны были следить чины полиции, определялись «Временными правилами», утвержденными министерством внутренних дел 19 сентября 1878 г.¹⁴

Помимо органов государственной власти, с 1870 г. свои обязательные постановления о мерах предосторожности от пожаров имели право издавать органы городского самоуправления, а следить за их соблюдением обязана была опять же полиция. Так, летом 1879 г. Уржумская городская дума (Вятская губерния) в своем «Обязательном

постановлении» не просто ввела новые противопожарные правила для домовладельцев, контролировать исполнение которых должны были полицейские, но и прямо определила обязанности последних. § 4 относил наблюдение за состоянием книжек о чистке печных труб к совместному ведению органа местного самоуправления и полиции, а также обязывал трубочистов в случае обнаружения неисправностей сообщать в полицейское управление для проверки сведений и составления соответствующего протокола. § 17 определял обязанности ночного караула, который в случае обнаружения признаков пожара или «людей почему-либо подозрительных» обязан был сообщить сначала жителям дома и соседям, а затем – полиции. Полиция, в свою очередь, должна была приходить на помощь по свисткам караульных и контролировать добросовестное исполнение ими своих обязанностей¹⁵.

Появление в России ночных караулов связано отчасти с кадровым кризисом полицейских и пожарных команд в городах, случившимся в результате введения в 1874 г. всеобщей воинской обязанности. Если ранее данные вакансии могли пополняться за счет военнослужащих, то теперь единственным источником оставался вольный найм, а, учитывая низкие размеры вознаграждения, даже на немногочисленные штатные должности, достойных претендентов не хватало. Прибавим к этому, что с 1860-х гг. население городов постоянно росло и сами по себе старые штаты уже не соответствовали времени. Ситуация, таким образом, складывалась практически катастрофическая. Местные городские власти нашли выход из создавшегося положения в возрождении практики ночной «караульной повинности», которую жители города обязаны были по очереди отбывать «натурой»¹⁶.

Другими словами, одну устаревшую форму исполнения полицейских функций военными, неспособными к строевой службе, сменила другая – не менее архаичная. И хотя очевидно, что ночные караулы несли далеко не только противопожарные, но и правоохранительные функции, в редакции «Городового положения» 1892 г. прямо указывалось, что они содержатся органами местного самоуправления «в видах пожарной безопасности»¹⁷, тем более, что наблюдение за «людьми почему-либо подозрительными», было превентивной мерой не только от краж, но и от поджогов.

Ночные караулы учреждались также и в деревнях, а следить за их «исполнением» обязывалась полиция. Речь изначально шла о полиции выборной, так как становой пристав фактически не мог контролировать соблюдение противопожарных правил на территории своего огромного участка. «Имея в виду, что по случаю пожаров и засух в лете прошлого года, по вверенному мне уезду, в селениях было очень много пожаров..., – наставлял подчиненных становых приставов

малмыжский уездный исправник (Вятская губерния) летом 1874 г., – ...я рекомендую Вам... обязать всех сотских, десятских и деревенских старост, чтоб они неослабно наблюдали... за исправностью ночных караулов, чтобы непременно при каждом доме была вода в бочках...»¹⁸.

В 1878 г. на Урале был введен институт полицейских урядников, и данная контрольная функция перешла новоучрежденным нижним чинам. Однако на практике возникали трудности. Так, на территории густонаселенной Пермской губернии на одного урядника приходился участок в среднем состоявший из 4,2 волостей, 97,95 населенных пунктов, протяженностью 93,15 км и населением 18089,95 чел. При этом в некоторых уездах ситуация была значительно сложнее общегубернской. Например, Чердынский уезд делился всего на 5 участков средней протяженностью 203,76 км¹⁹. Представляется весьма сомнительным, чтобы один всадник действительно мог быть в курсе соблюдения мер пожарной безопасности на вверенной территории, не говоря уже о том, что на нем лежал груз и иных обязанностей.

Однако утверждать на этом основании, что вновь учрежденные урядники не приносили пользы в борьбе с нарушением противопожарных правил, было бы неверным. В 1878–1880 гг. на страницах местных официальных газет для создания «положительного имиджа» нового института в глазах населения публиковался отчет о деятельности всех урядников губернии. Самым распространенным правонарушением в Вятской губернии в 1879 г. согласно приводимым сведениям являлось несоблюдение ночного караула (525; 30,94 % от всех сообщений). Кроме того, отдельными урядниками фиксировались акты на волостного заседателя, запретившего ночные караулы, на отказ от исполнения ночного караула отдельных сельских обывателей и целых деревень. Если же говорить о прямых нарушениях норм пожарной безопасности, то урядниками составлено 52 (3,06 %) акта на домовладельцев за ветхие и неисправные печные трубы, 14 (0,82 %) протоколов о несоблюдении дневного караула или отсутствии караульщика в пожарном сарае. Помимо дежурного, урядники часто не находили в пожарном сарае охомутанной лошади (24; 1,41 %). Неисправность пожарных инструментов, а в одном случае в придачу и самого пожарного сарая, отмечена в 44 актах (2,59 %). Зафиксировано 102 случая (6,01 %) нарушений правил предосторожности от пожара, 28 (1,65 %) случаев неправильной постройки домов и сараев, а также 9 (0,53 %) нарушений при устройстве кузниц. Хотя последние пункты касались несоблюдения строительного, а не пожарного устава, без сомнения, они были тесно связаны с пожарной безопасностью в сельской местности. Кроме того, урядниками отмечалось несоблюдение мер предосторожности от пожара, в частности при сжигании леса, сучьев, поленьев, сушке хлеба в овине, очистке труб (26; 1,53 %)

и один случай разведения огня близ казенного леса. 69 (4,07 %) протоколов на домовладельцев касались неисправного содержания или засорения улиц. Помимо очевидного нарушения санитарно-эпидемиологических норм, эти протоколы также могли касаться и противопожарных правил, в частности, в трех сообщениях прямо указывалось на размещение на улицах пожароопасных материалов. В сообщениях о 35 (2,06 %) составленных урядниками актах не уточнено, сколько из них касалось неисправного содержания улиц, а сколько – нарушения правил о ночных караулах²⁰.

Таким образом, более половины зафиксированных полицейскими урядниками правонарушений прямо или косвенно затрагивало пожарную безопасность региона. Меньше внимания уделяли пожарной безопасности полицейские урядники Пермской губернии, однако и здесь работа в данном направлении проводилась. Например, урядником 1 участка 1 стана Шадринского уезда Мамышевым зимой 1878–1879 гг. «ввиду крайне неудовлетворительного состояния пожарных средств в некоторых селениях... принимались меры побуждения к приведению их в лучшее состояние...»²¹.

В 1904–1906 гг. на Урале была введена полицейская стража по закону от 5 мая 1903 г. По новому узаконению в каждой волости полагалось по одному уряднику. Увеличение штатов урядников в несколько раз позволило в том числе улучшить ситуацию с пожарной безопасностью в сельской местности. Так, в служебном дневнике урядника Полуденской волости Пермского уезда и губернии В. А. Ощепкова за 27 апреля 1906 г. отмечалось: «В 10 час[ов] утра, проезжая в Югокамский завод, увидел в стороне от дороги... крестьянин Михаил Угольников и Василий Богатырев развели огонь, жгли старую солому в остожье, погода тогда была сухая и ветреная, немедленно заехал к ним и приказал огонь завалить землей...». А два последующих дня урядник провел за осмотром дымовых труб в д. Полуденной, совместно с волостным старшиной, старостой и понятыми²².

Пожары во второй половине XIX – начале XX в. продолжали представлять значительную угрозу как для городов, так и для сельской местности. В частности, 16–17 апреля 1879 г. в ходе крупного пожара выгорела центральная часть г. Оренбурга. Ущерб был огромен. Погибло 949 домов, включая многие административные здания, 2 церкви, мечеть, 4 мельницы, 292 лавки с кладовыми²³. О ежегодном числе пожаров на Урале в рассматриваемый период можно отчасти судить по таблице.

Согласно действующему во второй половине XIX – начале XX в. законодательству существовавшие в городах пожарные команды не были самостоятельны и подчинялись городской полиции. В помощь «полицейским пожарным командам» или взамен их городские думы имели право учреждать «вольные» команды и общества²⁴. Так, в

Число пожаров на Урале (1880–1911 гг.)

Название губернии	Годы			
	1880	1890	1900	1911
Вятская	6666	6210	6336	4586
Оренбургская	295	638	376	1160
Пермская	1211	1006	834	1325
Уфимская	527	1003	606	1331
Итого	8699	8857	8152	8402

Сост. по: «Обзоры» Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской губерний за 1880, 1890, 1900 и 1911 гг.

1866 г. полицейская пожарная команда была создана в г. Сарапуле (Вятская губерния), а в 1880 г. для ее усиления учреждено вольное пожарное общество²⁵. В свою очередь, в сельской местности, где пожарных подразделений, на каких то ни было началах, просто не существовало, согласно Инструкции 1878 г. руководство тушением пожаров полностью ложилось на плечи станковых приставов и урядников²⁶. Данная деятельность требовала от полицейского не меньшей, а порой и большей самоотверженности, чем правоохранительная. Так, в с. Порезском Глазовского уезда (Вятская губерния) 22 июля 1880 г. произошел пожар, уничтоживший 15 крестьянских домов. «... При самом начале этого пожара явился на место полицейский урядник... Денисов и принимал... меры к прекращению пожара, подвергая... жизнь свою опасности, так например он, одевшись в крестьянский аязм, бросился в горевший уже пожарный сарай и выбросил оттуда пожарные снаряды, – сообщал вятский губернатор министру внутренних дел, – а затем... распоряжался бывшим на пожаре народом, с целью спасти дома..., которые... охватывал уже огонь и... сам бросился с рукавом машины в самый жар, успев уже через эти действия прекратить действие огня...». От усталости и жара урядник потерял сознание и восстанавливался несколько недель. Министр внутренних дел распорядился представить урядника к награде²⁷. Примечательно, что среди сохранившихся послужных списков 88 полицейских урядников Пермского уезда, служивших по закону от 5 мая 1903 г., нет ни одного поощренного за борьбу с пожаром²⁸.

Помимо полицейских урядников, как нижние чины полиции участие в тушении пожаров должны были принимать и учрежденные в 1904–1906 гг. полицейские стражники. Так, в программу «словесных занятий» со стражниками Пермской губернии, разработанную уже в начале 1906 г. соликамским уездным исправником ротмистром И.-М. М. Эйсымонтом, входило разъяснение их обязанностей в случае возникновения пожара²⁹.

Разумеется, далеко не все стражники демонстрировали желание рисковать жизнью для спасения чужого имущества. Некоторые не спешили не только тушить, но даже регистрировать

пожары. Например, полицейский надзиратель Закамского участка Оханского уезда Пермской губернии И.-М. И. Вондаловский узнал о пожаре в ночь со 2 на 3 августа 1911 г. только в 2 ч дня, так как стражник Е. М. Шерстобитов не делал положенного ночного объезда. «На вопрос мой сегодня, почему он не знал о пожаре, ответил мне... что он не караульный»³⁰, – жаловался начальник. За этот и иные случаи «нерадения по службе» Е. М. Шерстобитов был уволен.

Несмотря на существование в крупных населенных пунктах специальных пожарных команд, полиция также не освобождалась от обязанностей по тушению пожаров, прежде всего, руководящего характера. Весной 1915 г. в тушении пожара в кельях Соликамского Свято-Троицкого мужского монастыря (Пермская губерния), угрожавшего и другим строениям, принимали участие пожарная команда, войска и представители населения. Городской голова Н. М. Ксенофонотов, также лично присутствовавший на пожаре, сообщал пермскому губернатору о «в высшей степени энергичных и целесообразных распоряжениях местного полицейского надзирателя Антипьева, много содействующего успеху в борьбе с огнем», и «весьма корректном отношении его к собравшейся публике, благодаря чему почти не наблюдалось обычной в таких случаях беспорядочной суеты и каких либо недоразумений». Однако из-за «беспорядков» в делопроизводстве, выявленных в ходе ревизии, Н. Ф. Антипьев не только не удостоился благодарности за свой труд, но и был даже понижен в должности³¹. Всего же за борьбу с огнем благодарности были удостоены 8 полицейских чиновников Пермской губернии конца XIX – начала XX в. (5,37 % от всех изученных формулярных списков; 10,96 % от общего числа поощренных).

Уфимский полицмейстер Смирнов 1 марта 1903 г., напротив, вынужден был оправдываться на страницах «Уфимских губернских ведомостей» за свое промедление при руководстве тушением пожара в д. Воробьева. Полицейский утверждал, что из-за темноты «пожарный солдат» не рассмотрел цифр и началась работа по бесполезному исканию колодца. Когда же один из частных приставов дал верный обмер, то колодец был сразу найден. Однако в зимнее время, прежде чем подвинуть гидрант, нужно было еще вытащить из колодца несколько пудов сена с навозом. Посторонняя же публика к гидранту не допускалась, чтобы, во-первых, не мешать, а, во-вторых, не стать жертвой «пахучих газов» при открытии крышки колодца³².

В отдельных случаях в тушении городских пожаров, помимо пожарной команды, принимали участие простые городские. Например, летом 1914 г. приказом пермского полицмейстера Н. Н. Церешкевича старший городской 1-й части г. Перми Спиридонов удостоился благодарности «за... разумно-энергичные и решительные

действия, проявленные при тушении пожара в Епархиальном женском училище...»³³.

На плечах полиции, прежде всего уездной, лежало также тушение пожаров вне поселений. В частности, не только расследовать причины, но и тушить лесные пожары прямо обязывал урядника «Лесной устав»³⁴. В сообщениях о действиях урядников в 1879 г. в Вятской губернии только 3 касаются участия в тушении пожаров, при этом один из них произошел в лесу – в Устьинской казенной даче³⁵. Урядник Ново-Ильинской волости Пермского уезда Смыков 1 мая 1906 г. доносил уездному исправнику: «28 и 29 апреля было два лесных пожара в даче Камского акционерного общества около села Ново-Ильинска, каковые в виду своевременного принятия мною мер к тушению скоро были прекращены»³⁶. Во время крупного лесного пожара на Саймановских промыслах Кыштымского завода Екатеринбургского уезда Пермской губернии в апреле 1916 г. огонь удалось потушить только благодаря усилиям пленных австрийцев, действовавших под руководством местной полицейской стражи и лесных сторожей³⁷.

Безусловно, важную роль играла деятельность полиции после пожара – расследование причин произошедшего. В том случае, если пожар носил криминальный характер (поджог), полицейским предстояло произвести дознание и найти виновного. Однако данная правоохранительная функция не входит в круг задач настоящего исследования.

Таким образом, полиция Урала принимала активное участие в предупреждении пожаров как в городах, так и в сельской местности. Так, превентивные меры против пожаров составляли более половины от всех актов и протоколов, составленных урядниками Вятской губернии в 1879 г.

В процессе тушения пожара в поселении полицейские – от полицмейстера до урядника – брали на себя руководящие функции, успешность этой деятельности нашла отражение в каждом 10-м формулярном списке полицейского чиновника Пермской губернии.

Примечания

- 1 См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 : в 45 т. Т. 5. СПб. : Тип. 2 отд-ния собств. его император. величества канцелярии, 1830. С. 569–571.
- 2 См.: Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. 132 (Пермское уездное полицейское управление). Оп. 3. Д. 506. Л. 8.
- 3 См.: *Конахина Е. С.* Деятельность уездной и городской полиции по пресечению пожаров в 1890–1900 гг. // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 43, ч. 1. С. 34–38.
- 4 См.: *Тарасова И. А.* Историко-правовой опыт деятельности полиции Российской империи по предупреждению распространения проституции (XVIII – начало XX в.). Старотеряево : Московский областной филиал Московского университета МВД им. В. Я. Кикотя, 2016. 118 с.
- 5 См.: *Сичинский Е. П.* Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. М. : Майор, 2005. 266 с.
- 6 См.: *Минер В. Л.* История полиции России. Полиция Российской империи. М. : Московский университет МВД им. В. Я. Кикотя, 2016. 390 с.
- 7 Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ). Ф. И-9 (Уфимское губернское правление). Оп. 1. Д. 622. Л. 23 об.
- 8 *Кокшаров А. В.* Полиция Владимирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. К 150-летию реформы полиции России. 2-е изд. Иваново : Спринт, 2012. С. 83.
- 9 Свод учреждений государственных и губернских : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Тип. 2 отд-ния собств. его император. величества канцелярии, 1842. С. 455.
- 10 Свод законов Российской империи : в 5 кн. Кн. 1, т. 2. СПб. : Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. С. 91.
- 11 Свод учреждений государственных и губернских... Ч. 2. С. 461–462.
- 12 *Новичкова Н. Ю.* Пожарная охрана и российское законодательство на рубеже XIX–XX вв. // Пожаровзрывобезопасность. 2006. Т. 15. № 5. С. 22.
- 13 Инструкция полицейским урядникам : утв. Управляющим Мин-ва внутр. дел 19 июня 1878 г. [Б. м.] : [Б. и.], 1878. С. 17–18 ; Инструкция полицейским урядникам : утв. Министром внутр. дел 28 июля 1887 г. СПб. : Тип. Н. М. Дурново, 1888. С. 8.
- 14 Справочная книга для полицейских урядников. СПб. : Изд. Кн. маг. юрид. лит-ры, [Б. г.]. С. 165–168.
- 15 Вятские губернские ведомости. 1879. 18 авг. С. 2.
- 16 *Сичинский Е. П.* Указ. соч. С. 75, 76, 109.
- 17 Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3 : в 33 т. Т. 12. СПб. : Гос. тип., 1895. С. 444.
- 18 Три века полиции в Удмуртии : 1718–2018 гг. / редкол. : А. С. Первухин и др. Ижевск : Премиум, 2018. С. 75.
- 19 Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД). Оп. 39. Д. 58. Л. 85 об.–118 об.
- 20 Вятские губернские ведомости. 1879. 21 февр.–15 дек.
- 21 Пермские губернские ведомости. 1879. 14 февр. С. 1.
- 22 ГАПК. Ф. 132. Оп. 1. Д. 51. Л. 58.
- 23 Вятские губернские ведомости. 1879. 2 мая. С. 3.
- 24 *Смирнова А. А.* К вопросу о правовом статусе полицейских и общественных пожарных команд в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. // Государство и право. 2020. № 3. С. 177.
- 25 *Яковлева И. В.* Города Вятской губернии в период перехода от аграрной к индустриальной эпохе (вторая половина XIX – начало XX в.) : дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2017. С. 118.
- 26 *Романова А. В.* Городская и уездная полиция Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : Эволюция института и деятельность : дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2017. С. 102.

- ²⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 41. Д. 6. Л. 52–53 об.
²⁸ ГАПК. Ф. 132. Оп. 3. Д. 79–620.
²⁹ Там же. Д. 56. Л. 69.
³⁰ Там же. Д. 600. Л. 9–10 об.
³¹ Там же. Ф. 36 (Пермское губернское правление). Оп. 10. Д. 633. Л. 31, 31 об.
³² Уфимские губернские ведомости. 1903. 1 марта. С. 2.
³³ ГАПК. Ф. 65 (Канцелярия пермского губернатора). Оп. 3. Д. 57. Л. 70.
³⁴ *Ахмедов Ч. Н.* Полицейский урядник : особенности становления института в Российской империи // История государства и права. 2006. № 11. С. 45.
³⁵ Вятские губернские ведомости. 1879. 30 июня. С. 3.
³⁶ ГАПК. Ф. 132. Оп. 3. Д. 51. Л. 66.
³⁷ Там же. Ф. 65. Оп. 3. Д. 83. Л. 107, 107 об.

Поступила в редакцию 09.02.2020, после рецензирования 20.12.2020, принята к публикации 28.12.2020
Received 09.02.2020, revised 20.12.2020, accepted 28.12.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 149–158
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 149–158

Научная статья
УДК 94(47).084.3
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-149-158>

«Россия должна остаться великой державой...». К 100-летию сборника статей Н. В. Устрялова «В борьбе за Россию»

В. К. Романовский

Нижегородский институт развития образования, 603122, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, д. 203

Романовский Вячеслав Константинович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры историко-филологических дисциплин, vkroman@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1007-3791>

Аннотация. Статья посвящена важному документу русской политической публицистики эпохи революции и гражданского противостояния в России. Впервые в отечественной историографии исследуются условия появления сборника статей «В борьбе за Россию», анализируется его проблематика, акцентируется внимание на «примиренческой» идеологии автора, раскрывается ее влияние на общественно-политическую жизнь русской эмиграции и Советской Республики, отмечается актуальность авторских трактовок и оценок для современного российского общества.

Ключевые слова: Н. В. Устрялов, сборник статей, Гражданская война, идея примирения, служение родине

Для цитирования: Романовский В. К. «Россия должна остаться великой державой...». К 100-летию сборника статей Н. В. Устрялова «В борьбе за Россию» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 149–158. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-149-158>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-149-158>

«Russia shall remain the great power...». To the 100th anniversary of the collection of articles by N. V. Ustryalov
«In the struggle for Russia»

V. K. Romanovski

Nizhny Novgorod Institute of education development, 203 Vaneeva St., Nizhny Novgorod 603122, Russia

Vyacheslav K. Romanovski, vkroman@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1007-3791>

Abstract. The article focuses on the important document of Russian political journalism of the era of the revolution and civil confrontation in Russia. For the first time in Russian historiography, the author explores the environment of the appearance of the collection of the articles called «In the struggle for Russia», analyzes its problems, emphasizes author's «reconciliatory» ideology, reveals its influence on the socio-political life of the Russian emigration and the Soviet Republic, and points out the author's interpretations and assessments for the contemporary Russian society.

Keywords: N. V. Ustryalov, the collection of articles, Civil war, the idea of reconciliation, service to the Motherland

For citation: Romanovski V. K. «Russia shall remain the great power...». To the 100th anniversary of the collection of articles by N. V. Ustryalov «In the struggle for Russia». *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 149–158 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-149-158>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В октябре 1920 г. в Харбине вышел в свет сборник статей Николая Васильевича Устрялова «В борьбе за Россию»¹. Автор, которому не было еще и 30-ти лет, уже обладал весомым политическим опытом. В 1917–1918 гг. он, правовед и приват-доцент Московского университета, являлся ведущим публицистом газеты «Утро России», лидером калужских кадетов, участником кадетских съездов и конференций, редактором еженедельника «Накануне», подвергал критике

действия большевиков. В 1919 г. Устрялов был директором правительственного пресс-бюро в Омске, входил в руководство Русского бюро печати, редактировал газету «Русское дело», возглавлял Восточный отдел ЦК кадетской партии, оказывая идеологическую поддержку Верховному правителю.

После разгрома Колчака, уже в Харбине, публицист подвергает критической переоценке происходящие события в России. Его позиция по

обсуждаемым темам (Гражданская война, Белое дело, революция, большевизм и др.) расходится с установками антибольшевистского лагеря. Газетные статьи, собранные в сборник, вместе с предисловием и послесловием приобретают концептуальный характер. Автор сборника ставит перед русскими патриотами, соотечественниками «проблему их дальнейшего политического “самоопределения”...». «Явный крах ...вооруженной борьбы с большевизмом, – пишет он в предисловии, – ... диктует нам... новые способы и формы служения родине», статьи сборника «намечают идеологию нового пути»². Бывший колчаковец провозглашает идею примирения с советской властью и оказания ей помощи в возрождении родины.

В эмигрантских кругах сборник Устрялова вызывает негативные отклики. Эсеровский публицист М. В. Вишняк подвергает резкой критике автора издания за его «готовность преклоняться перед любой властью», «неверие в народ» и «веру в диктатуру»³. В «приспособленчестве» и «соглашательстве» Устрялова обвиняют его недавние соратники по партии А. В. Карташев⁴ и Д. С. Пасманик⁵. Даже друзья публициста недоумевают, как может он – «философ и мыслитель соловьевской школы», «русский православный человек», инициировать идею сотрудничества с «захватчиками и насильниками?»⁶. Единственной положительной реакцией на сборник Устрялова оказывается рецензия В. Б. Станкевича, лидера группы «Мир и труд» (Берлин), выступавшей за восстановление гражданского мира в России⁷.

Напротив, в Москве сборник Устрялова принимают с одобрением. Е. М. Ярославский поддерживает авторскую мысль о необходимости прекращения вооруженной борьбы с большевиками и возрождении страны через советскую власть⁸. А. К. Воронский оценивает издание сборника как показатель перелома в настроениях эмигрантской интеллигенции⁹.

Вскоре в Праге выходит сборник статей «Смена вех» (1921), предложивший русской интеллигенции «сменить вехи» – принять революцию, советскую власть и помогать ей укреплять русскую государственность¹⁰. Его широкое распространение в эмиграции и советских кругах, появление «сменовеховских» газет и журналов, приводит к тому, что сборник «В борьбе за Россию» выпадает из поля внимания эмигрантской и внутривосточной общественности.

До начала 1990-х гг. имя Устрялова находилось в забвении, а его труды под запретом. Но историк С. А. Федюкин в монографии о борьбе с буржуазной идеологией в начале нэпа (1977) упоминает устряловский сборник 1920 г., предвосхитивший, по его словам, основные идеи сборника «Смена вех»¹¹. Уехавший из СССР М. С. Агурский в своей книге о русском национал-большевизме отводит сборнику Устрялова менее страницы, но формулирует важный вывод: этот сборник –

«первая четко выраженная программа русского национал-большевизма»¹².

В постсоветский период наблюдается устойчивый интерес к личности Н. В. Устрялова. За последние два десятилетия опубликованы работы, посвященные мировоззрению и общественно-политической деятельности политика и публициста¹³, эволюции его идейных воззрений¹⁴, идеологии национал-большевизма¹⁵, политической философии¹⁶. Благодаря усилиям С. М. Сергеева¹⁷ и В. Э. Багдасаряна¹⁸ переизданы его основные труды, в том числе сборник статей «В борьбе за Россию». Однако этот сборник до сих пор обделен вниманием исследователей, в отечественной историографии о нем нет ни одной публикации. Между тем это важный публицистический документ, отражавший острые проблемы «русской жизни», пути и способы их преодоления в эпоху Гражданской войны. Материалы сборника и сегодня, спустя 100 лет после его издания, на наш взгляд, не теряют научно-познавательной и общественной актуальности.

В настоящей статье раскрываются причины появления сборника статей «В борьбе за Россию», анализируется его содержание, акцентируется внимание на авторских подходах решения актуальных проблем «русской жизни» и сущности «идеологии нового пути», определяется влияние сборника на общественно-политическую жизнь советской России и русской эмиграции, отмечается актуальность идей и оценок Н. В. Устрялова для современного российского общества.

Издание сборника статей с призывом о примирении с большевиками не было проявлением «приспособленчества» со стороны автора. Процесс зарождения «примиренческих» настроений в сознании Н. В. Устрялова начался вскоре после прихода к власти большевиков¹⁹. Уже в конце 1917 г. кадетский политик в одной из статей делает неожиданные для своего окружения признания: отмечает народный характер русской революции, считает, что большевистская власть «органически из жизни выросла» и необходимо «пройти через большевизм», выражает уверенность в том, что раны, нанесенные революцией, «страна залечит», а «страшное потрясение наших дней послужит ей на пользу»²⁰. Многие факты из омской жизни (неспособность Верховного правителя стать русским «Наполеоном», интриги властной элиты, предательские действия союзников и пр.) подрывают его веру в Белое дело и подталкивают к переосмыслению Гражданской войны²¹. В дневнике от 26 мая 1919 г. он признается: за Россию стало спокойно, «ее будущее обеспечено – вне зависимости от того, кто победит – Колчак или Ленин...»²². Признав в Омске диктатуру главным фактором сохранения русской государственности, Устрялов считает уже вторичным, при какой власти можно добиться результата.

Разгром Колчака и советско-польская война способствовали преобразованию «примиренче-

ских» настроений Устрялова в «идеологию нового пути», она находит отражение в его газетных статьях, изданных вскоре отдельным сборником. В мемуарных заметках харбинской поры он признается: «Процесс разочарования в “белой мечте” закончился вместе с падением Омского правительства... “Национал-большевистская” концепция, зревшая в моем сердце, и в уме моем в течение всего омского периода (если не всей революции с разгона Учредительного собрания...), созрела всецело и вполне»²³. О «благотворной роли» польского «выступления» на формирование «идеологии нового пути» автор указывает в предисловии к сборнику статей²⁴.

Статьи сборника с незатейливыми заголовками («Интервенция», «Союзники и мы», «Врангель», «Два страха», «Смущенные сердца», «Зеленый шум» и др.) посвящены актуальным «темам дня», насыщены лаконичными характеристиками событий и явлений, содержат аргументированную авторскую позицию, пронизаны патриотическим пафосом и концептуально «работают» на общую идею – примирение с большевиками во имя возрождения русской государственности и культуры.

Особое место в сборнике занимает тема Белого дела. Разгром Колчака, по утверждению автора, означает полный крах Белого движения. «Мы побеждены, – пишет он, – и побеждены в масштабе всероссийском»²⁵. Раскрывая мотивы и цели «белой» борьбы (уничтожение большевизма, преодоление революции, возрождение русской государственности, обеспечение правопорядка на основах национального демократизма и др.), автор подчеркивает, что все же главным мотивом был национальный – воссоздание единой и великой России²⁶. Однако в ходе гражданского противостояния Белое движение отступает от своих главных заповедей. Уже при Колчаке было немало тех, кто его дискредитировал и компрометировал. Но при всех своих минусах, подчеркивает публицист, колчаковская власть жестко отстаивала перед Антантой идею единой и неделимой России. Исключительно щепетильным в этих вопросах был генерал Деникин, исключавший какой-либо торг, если дело касалось единства России. Русские патриоты жестко отстаивали независимость страны. «Русский суверенитет на русской территории являлся в наших глазах непререкаемой аксиомой»²⁷, – отмечает Устрялов. Однако при Врангеле Белое движение искажается до неузнаваемости. Подтверждением тому, по словам автора, являются программные положения крымского генерала – «областничество», «самостийность», «федерализм», поощрение сепаратизма, территориальные уступки иностранцам²⁸ и пр.

«Это не что иное, как движение великого отчаяния и потрясающего неверия, – сокрушается публицист. – **Его вожди потеряли веру в Великую Россию**»²⁹ (здесь и далее выделено Н. Устряловым. – В. Р.). Белое движение изменило своим первоначальным целям, выродилось «в ересь

провинциализма», «связало себя с иностранными элементами», «потускнело и поблекло» в результате альянсов и компромиссов с так называемыми «союзниками», проиграло борьбу с большевиками в сфере идей, что и привело его к краху»³⁰.

Советский лагерь, напротив, вышел победителем в Гражданской войне. Большевики, отмечает Устрялов, фактически вырвали у сторонников Белого движения знамя национального возрождения России, и оно творится под их руководством. Советская власть преодолела анархию, создала армию, собирает русские земли, т. е. реализует программу Белого движения. Большевики стали государственниками и способны восстановить «русское великодержавие». «Причудливая диалектика истории, – пишет автор, – выдвинула советскую власть с ее идеологией интернационала на роль национального фактора современной русской жизни»³¹. В этой ситуации, по его словам, устремления советской власти и жизненные интересы русских патриотов «совпадают», хотя мотивы сторон различны: первые решают национальные задачи «во имя идеи великой революции», вторые борются «за то же» «во имя великой и единой России». При всем различии идеологий и мотиваций «практический путь один», и русский большевизм является полезным фактором в истории русского национального дела³². Поэтому, считает Устрялов, необходимо отказаться от вооруженной борьбы с большевизмом, этот путь – «бесплодный, неудавшийся». Его могут отстаивать лишь люди, «обиженные революцией», с ущемленными классовыми интересами. Продолжение Гражданской войны противоречит национальным интересам страны. Истоющая страну, она лишь «разжигает злорадные взоры иностранцев», которые не прочь извлечь свою выгоду от ослабления России³³.

Необходимо, утверждает автор, признать правоту большевиков, примириться с ними, принять их власть, встать на дорогу сотрудничества со своими вчерашними врагами, решающими национальные задачи. Это примирение приведет к ограничению негативных тенденций революции, создаст благоприятные условия для собирания территории, восстановления государственного единства России, позволит русским патриотам принять участие в том, за что они боролись в недавнем прошлом. Тем самым будет обеспечено дело национального возрождения, а «путь в Каноссу...окажется путем в Дамаск»³⁴. Известные крылатые выражения («путь в Каноссу» – признать себя побежденным, смириться, покориться победителю; «путь в Дамаск» – прозрение человека, его духовное обновление) дают возможность Устрялову объяснить соотечественникам важность предложенного им пути, глубинный смысл и значение духовной работы, которую они могут проделать во имя отечества.

Примирение необходимо и потому, подчеркивает Устрялов, что советская власть способна на эволюцию. Не изжитые внутри страны и за

ее пределами капиталистические порядки, ценности и привычки заставят власть большевиков изменяться. При установлении хотя бы «худого мира» с другими странами советская диктатура в значительной степени утратит свои «одиозные» качества. «Предстоит экономический Брест большевизма»³⁵, – прогнозирует автор.

Для Устрялова политика примирения – не цель, а тактика. «Это отнюдь не означает безусловного приятия большевизма или полного примирения с ним, – пишет он. – Должны лишь существенно измениться методы его преодоления. Его не удалось победить силой оружия в гражданской борьбе – оно будет эволюционно изживать себя в атмосфере гражданского мира... Процесс внутреннего органического перерождения советской власти... уже начинается... И наша общая очередная задача способствовать этому процессу»³⁶.

Особое внимание в сборнике уделяется крестьянским восстаниям и той угрозе, которую, по мнению автора, они несли стране. Подчеркивается опасность планов поддержки их со стороны эмиграции. Те, кто возлагает большие надежды на зеленую волну народного негодования, отмечает Устрялов, провоцируют новую «русскую Вандею» (район Франции, ставший очагом контрреволюции в эпоху Французской революции. – В. Р.). У крестьян имеются основания для протестов, но они могут превратиться в новую волну безвластия и распада страны. «Есть нечто худшее, чем дурная власть, – вспоминает он слова французского историка и мыслителя И. Тэна, – это – уничтожение власти»³⁷. Поглощение московского правительства зеленой волной было бы «торжеством неслыханной анархии» и такой «антибольшевизм» страшен и для большевиков, и в целом для страны. Придет реакция «в самой нелепой и разрушительной форме». «Новая разиновщина» приведет к расчленению России, которая может погибнуть «как великая держава». Поэтому «разумным русским националистам» необходимо противостоять такой «погромной, анархической волне... во имя русской культуры, во имя русского народа, и прежде всего **во имя Великой России**»³⁸.

Русская революция и отношение к ней – проблема, разделявшая Устрялова с белым лагерем, небольшевистской интеллигенцией. Публицист считает крайне важным развенчание в этих кругах главных страхов о революции – ее нерусской основе и разрушительных последствиях³⁹. «Какое глубочайшее недоразумение считать русскую революцию не национальной! – восклицает Устрялов. – Это могут утверждать лишь те, кто закрывает глаза на всю русскую историю и, в частности, на историю нашей общественной и политической мысли...». Русская революция началась и развивалась «через типичнейший русский бунт, “бессмысленный и беспощадный”, но всегда таящий в себе... какую-то своеобразную “правду”». На разных этапах в ней отражался

дух различных течений русской мысли: славянофильства, Белинского, чаадаевского пессимизма, герценовского революционного романтизма, Чернышевского, Ткачева. «Наконец, – отмечает автор, – разве на каждом шагу в ней не чувствуется Достоевский, достоевщина – от Петруши Верховенского до Алеши Карамазова? ...А марксизм 90-х годов, руководимый теми, кого мы считаем теперь носителями подлинной русской идеи – Булгаковым, Бердяевым, Струве? А Горький?..». «Нет, – подчеркивает он, – ни нам, ни “народу” неуместно снимать с себя прямую ответственность за нынешний кризис... Он – наш, он – подлинно русский, он весь в нашей психологии, в нашем прошлом, – и ничего подобного не может быть и не будет на Западе... И если даже окажется..., что девяносто процентов русских революционеров – инородцы, главным образом евреи, то это отнюдь не опровергает чисто русского характера движения... Не инородцы революционеры правят русской революцией, а русская революция правит инородцами революционерами»⁴⁰.

Устрялов признает, что русская революция имеет негативные последствия – расхищаются культурные ценности, распространяются болезни и голод, люди покидают страну. Но у нее есть и созидательное начало. Она постепенно «превращается в творческую и зиждательную национальную силу» и переход от разрушения к нормальному государственному состоянию «произойдет не вопреки... революции, а через нее»⁴¹.

Заметное место в сборнике отводится действиям союзников, интервенции в годы Гражданской войны, международному положению советской России, некоторым аспектам ее внешней политики. В Сибири Устрялов публично отстаивал русский суверенитет перед союзниками в печати, на страницах «Правительственного вестника»⁴² и «Сибирской речи»⁴³, принимал участие в выработке «омской» позиции по международным вопросам на Восточной конференции партии кадетов (1919)⁴⁴. Это оказалось полезным для понимания им истинных мотивов и целей участия союзных стран в российских событиях.

Политику союзников в годы Гражданской войны публицист характеризует как антирусскую. Вместо оказания реальной помощи омской власти страны Антанты выступали «агентами расчленения, распада страны», используя русскую смуту в своих геополитических интересах. Их неблагоприятная роль особенно проявилась на последней стадии «омской» борьбы, когда вместо поддержки гибнущему омскому правительству они фактически «склонились на сторону его врагов». Их помощь белой России закончилась «галантной и предупредительной передачей адмирала Колчака “суду самого русского народа”»⁴⁵.

После Колчака, отмечает Устрялов, стало очевидным, что «иностранными штыками национального возрождения не достигнешь». Союзники потеряли поддержку значительных слоев

русского населения. Поэтому любое вооруженное вторжение иностранцев в пределы России «есть в настоящее время акт не только не полезный, но определенно вредный и по существу враждебный»⁴⁶. Желанием «оживить призраки догоравшей гражданской войны» публицист оценивает апрельские действия Японии на востоке России (нападение японцев 4–5 апреля 1920 г. на отряды партизан и воинские части Приморской земской управы, расположенные в дальневосточных городах. – В. Р.). «Оставьте нас в покое! – заявляет он в адрес Японии и бывших союзников. – Гражданская война наша кончается, и благоволите уже не пытаться снова ее разжечь... Вы теперь не получите поддержки ни одного сознательно-русского патриота. Наши пути разошлись... **Ныне уже невозможна антибольшевистская интервенция. Всякая интервенция будет ныне – антирусской**»⁴⁷.

Международное положение советской России, отмечает публицист, остается сложным. Страну окружают «бессильные и фальшивые» государства, «строящие свое бытие на расчленении России». За ними стоят державы Европы, заинтересованные в ослаблении русского могущества, поэтому возможны новые конфликты⁴⁸. Нападение Польши на советскую Россию подтверждает эти прогнозы. Причиной ее агрессии, по мнению автора, является великий империализм. Польша возомнила себя «великой державой» и старается извлечь выгоду из тяжелого положения России. За ней стоят западные державы и их цели – не идеологические, а геополитические. Наивно думать, что польское наступление имеет целью борьбу с большевизмом. Поляки в свое время не поддержали Деникина, его победа им была «не нужна», они радовались братоубийственной войне и ослаблению России. И теперь агрессоры стремятся реализовать идеи «великой и сильной Польши», предъявляя России территориальные и материальные претензии⁴⁹. «Не к большевикам, а к России направлены требования варшавского правительства...», – заключает автор. – Не большевики, а Россия должна заплатить полякам миллиарды рублей за «разрушения» в войне... Не большевики, а Россия унижается требованием оскорбительной расплаты за свою историческую победу в споре с польской державой...»⁵⁰.

Во внешнеполитической области, отмечает публицист, Москва считает Россию «плацдармом» мировой революции. Эти планы утопичны, но влияние страны в мире растет, и большевизм «становится ныне прекрасным орудием международной политики России». Свои приоритеты советские лидеры связывают с Европой, желая воссоздать страну «как державу европейскую» и восстановить там российское влияние. Проевропейский курс России позволит к минимуму свести ее соперничество с Японией в азиатско-тихоокеанском регионе и восстановить с ней нормальные отношения. Для этого, считает автор, Япония

должна на востоке России отказаться от продолжения военной интервенции, признать «буферное» государство (ДВР. – В. Р.), а большевикам следует отказаться от распространения своих идей в Японии и Корее. Но прежде необходимо установить «русскую власть» на востоке страны⁵¹.

Таким образом, анализируя ключевые события и процессы в России, автор сборника приходит к выводу о том, что советская власть осуществляет «национальное дело» и предлагает русским патриотам «новые способы и формы служения родине»: остановить Гражданскую войну и восстановить гражданский мир в стране;

принять революцию как исконно русское явление и способствовать преодолению ее негативных тенденций;

пойти на примирение с советской властью, осуществляющей «национальные» задачи;

помогать большевикам укреплять государственность, восстанавливать экономическое и мировое могущество России;

содействовать мирными способами эволюции советской власти и изживанию утопий большевизма;

противодействовать эмигрантским планам использования крестьянского движения в борьбе с большевиками, угрожающего единству России; прекратить поддерживать антирусские планы интервенции союзников;

помогать Советам в их борьбе с польской агрессией и защите отечества;

поддерживать проевропейский внешний курс новой России и восстановление добрососедских отношений с Японией.

При обсуждении реальных проблем «русской жизни» Устрялов часто переходит от «практики» к «теории», обращаясь к теоретическим вопросам политики, этики, государства, культуры, что позволяют публицисту находить дополнительные аргументы в защиту своей позиции. Знание им текущих российских проблем, их философское осмысление раскрывают новые грани личности автора – ученого, философа, политического мыслителя, который стремится изложить свою позицию и дать аргументированные ответы своим оппонентам и критикам.

В эмигрантских кругах задавались вопросом: почему некоторые политики, служившие омской власти, после разгрома Колчака проповедуют мир с большевиками? Устрялов объясняет, что в политической сфере не может быть неизменных установок и принципов, постоянных союзников или врагов. «Политика, – пишет автор, – вообще не знает вечных истин. В ней по-гераклитовски “все течет”, все зависит от наличной “обстановки”, “конъюнктуры”, “реального соотношения сил”»⁵². Политики-реалисты при необходимости быстро перестраиваются, меняют свои позиции, их вчерашний враг становится другом и наоборот. Таковыми были Бисмарк, превратившийся из противника Австрии в ее друга и защитника,

Ленин, перестроившийся из «друга» Германии в ее «врага», из антимилиариста в идейного вождя регулярной армии. Эти деятели не изменники своим принципам, «они лишь умеют отличать принцип от способа его осуществления»⁵³.

Политики-догматики, напротив, не видят противоречивости жизни, пытаются ее втиснуть в определенные политические догмы, программы, схемы. Близки к ним политики-романтики, которые смешивают категории чистой этики с практическими правилами политической жизни, имеющей условный, текучий характер. «Политический романтизм...», – подчеркивает Устрялов, – на практике превращается в дурную, безнравственную политику, ... напрасные жертвы... **Нравственная политика есть реальная политика.** Идеализм цели, реализм средств – вот высший догмат государственного искусства»⁵⁴.

Политикам-реалистам мыслитель позволяет совершать любые политические кульбиты. Лишь в одном они обязаны сохранять постоянство – когда речь идет о государстве, отечестве. «Принцип государственного блага, – пишет он, – освящает собою все средства, которые избирает политическое искусство для его осуществления»⁵⁵. И «поворот 1920 года» Устрялова освящен этим принципом: «Первое и главное, – отмечает он, – собрание, восстановление России как великого и единого государства. Все остальное приложится»⁵⁶. Он порывает с либеральным лагерем и провозглашает примирение с большевиками, потому что они, по его убеждению, способны эту задачу решить.

Однако оппоненты Устрялова не считали нужным поддерживать большевиков за то, что они являются «собирателями» русских земель. «Не о сохранении территории нужно заботиться в первую голову, – отмечала харбинская газета «Свет». – Пусть большевики восстановят тело России, но они убивают ее национальную душу, русскую культуру»⁵⁷.

Политический мыслитель стремится переубедить критиков. Существует неразрывная связь, пишет он, между территорией государства и «размахом» и «стилем» его культуры. Глубоко ошибается тот, кто считает территорию «мертвым» элементом государства, «индифферентным его душе». Для государства, состоящего из власти, населения и территории, последний элемент «является наиглавнейшим». «Именно территория, – подчеркивает он, – есть наиболее существенная и ценная часть государственной души». Лишь «физически» мощное государство может обладать великой культурой, потому что для этого «нужен большой стиль, большой размах, большой масштаб мысли и действия», в то время как «форма власти менее всего отражается на размахе, “стиле” государственной культуры». Анализируя примеры различных эпох из истории Рима (республиканского и императорского) и Франции (Людовика XIV, Робеспьера и Наполеона), автор приходит к выводу о том, что их культу-

ра «блекнет» именно тогда, когда эти государства лишались части своей территории. Населению же, продолжает он, прежде чем стать источником культуры, «необходимо превратиться в “нацию”». А ключевым фактором рождения нации являются условия «территориального» порядка, создающие ее физическое благополучие и экономическую мощь. «Для государственного деятеля..., – заключает автор, – “потеря территорий” есть всегда “потеря живой силы”, отмирание “части души”». Поэтому большевики, собирающие русские земли, заслуживают всемерной поддержки»⁵⁸.

Автор сборника старается вселить чувство уверенности и оптимизма в сознание соотечественников, видевших в революции только разрушение и гибель – государственности, культуры, традиций, веры, морали. В истории человечества, по его мнению, за эпохами падения и распада неизменно наступали периоды взлета и возрождения. Факт разрушения «не есть какое-то абсолютное зло», в ходе него рождается новое. Средние века обогатили человечество собственной культурой, Французская революция «внесла в европейскую цивилизацию самозаконный мир своих ценностей..., прославив Францию навеки». Петр Великий ниспроверг «кандовый уют московской Руси», заложив «фундамент гранитной культуры петербургского великодержавия». Периоды разрушения, таким образом, «не дают еще ни малейшего права считать такие эпохи бесплодными, злыми или постыдными»⁵⁹.

Н. В. Устрялов стремится убедить небошевистскую общественность в том, что русская революция оплодотворяет нацию новым духовным опытом, способствует обновлению культуры. «Я глубоко верю, – прогнозирует он, – что, гениально оживив традиции Белинского, она заставит Россию с потрясающей силой пережить и правду Тютчева, Достоевского. Соловьева... Но для этого... Россия должна остаться великой державой, великим государством». Если власть революции способна восстановить русское великодержавие, международный престиж России, считает мыслитель, то «наш долг во имя русской культуры признать ее политический авторитет»⁶⁰.

Особое отношение автор проявляет к теме патриотизма. Он широко трактует это чувство – как преданность, служение родине, отечеству, государству⁶¹. Ему важно донести мысль; если новая власть решает национальные задачи, то русские патриоты должны поддерживать идею примирения с родиной. Однако соотечественники демонстрировали разные представления о патриотизме. И Устрялов, анализируя те или иные примеры, сталкивается с подлинными и ложными его проявлениями. Настоящий патриотизм, по его мнению, демонстрирует своим доблестным примером генерал А. А. Брусилов, вступивший в ряды Красной армии во время агрессии Польши. Он «своим подвигом замкнул круг ее превращения в русскую национальную армию», нужную

для защиты от внешних врагов. Великая любовь к отечеству заставила полководца, несмотря на неприятие идеологии новой власти, «честно отдать ей свои силы и знания». Защищая Советскую власть, «он защищает родину, исторические пути которой ... причудливо совпали с путями Советской власти»⁶². Свой сборник автор посвящает генералу А. А. Брусилову – «мужественному и верному служителю Великой России...».

«... Имеются люди, – отмечает Устрялов, – и, по-видимому, их все-таки большинство, – которые умеют руководствоваться в своих поступках и мыслях не своим отношением к... правительству, правящему в данный момент страной, а своим отношением к ней самой... Для таких людей недостатки правительства, каковы бы они ни были, не могут служить мотивом поддержки внешних чужих сил в их борьбе с родною страной. ... Для таких людей... лишь те перемены правительства законны и благотворны, которые принудительно вытекают из недр самой страны, самой нации... Они никогда и ни при каких условиях не могут быть пораженцами»⁶³.

А. А. Брусилова и многих других граждан страны автор считает настоящими патриотами. Они служат родине, встают на ее защиту при любой власти, отдавая свои силы, знания и опыт, исключают союз с неприятелем и пораженческие настроения. Подлинные патриоты идут на примирение с политическими противниками ради сохранения и возрождения отечества, защищают интересы страны, а не классов или партий.

Однако Устрялов приводит и другие примеры. В 1905 г. русские студенты отправили императору Японии телеграмму с пожеланием «скорейшей победы над кровавым русским царем», а в другом случае – пожелали полякам «успеха в борьбе... за восстановление польского государства и свержение русского абсолютизма». В 1920 г. деятели русской интеллигенции отправили письма с пожеланиями: японцам – «победы над кровавыми русскими правителями», а полякам – «успеха в их борьбе с красным правительством...»⁶⁴.

Критически публицист оценивает действия врангелевцев. Они ведут борьбу с большевиками, пишет он, «до последней капли крови», не осознавая, что в ходе борьбы разрушают свое отечество. Главнокомандующий русской армии в условиях польской кампании «отказался пожать протянутую руку Брусилова... во имя России», но по рекомендации французского генерального штаба двинул свои войска на помощь полякам, пролил русскую кровь и «спас Варшаву». Врангель и его сторонники «соединяются с врагами и завистниками России», превращаются «в орудие союзных рук». «Если это называть патриотизмом, – замечает автор, – то не будет ли подобный патриотизм, как в добрые старые времена, требовать кавычек?»⁶⁵.

Патриотизм «в кавычках» по Устрялову искаженный и ложный, проявляется в действиях соотечественников,

которые ради политических целей демонстрируют солидарность с враждебным государством или с частью населения страны, проповедующих сепаратизм. Они желают поражения своему правительству и родине, выступают в качестве оппозиции (враждебной силы) к власти, когда страна находится в опасности, солидаризируются с ее недругами, готовы бороться с неугодной им властью до гибели самой родины.

Незадолго до выхода сборника Н. В. Устрялов отправляет письмо к П. Б. Струве, входившему в правительство Врангеля в Крыму. В нем содержится оценка политической ситуации на востоке России после Колчака и формулировались выводы о том, что необходимо прекратить вооруженную борьбу с большевиками, помогать им восстанавливать государственную мощь страны и способствовать «преодолению большевизма эволюционно и изнутри». В этом заключается, по его словам, идеология «национал-большевизма» – «использование большевизма в национальных целях», которую он пропагандирует в Харбине⁶⁶. «Идеология нового пути» в этом письме, таким образом, впервые получает название «национал-большевизм».

Материалы сборника статей и письма Устрялова к Струве позволяют определить существенные черты новой идеологии. Русский национал-большевизм есть идеология использования большевизма в национальных целях, сохранения и возрождения России как национального государства на основе гражданского мира и в условиях Советской власти. Она нацелена на возрождение русской великодержавности, восстановление экономической мощи страны, сохранение и развитие ее национальной культуры, укрепление суверенитета и международного влияния в мире, противодействие антирусским целям Запада, преодоление большевизма эволюционно и изнутри мирными методами, на сохранение патриотизма, культурных и духовных традиций, преемственности исторических эпох. Национал-большевизм Устрялова пронизан идеями государственничества, авторитаризма, великодержавности, патриотизма, антизападничества, антидемократизма, охранительства, что характеризует эту идеологию как консервативную.

Сборник статей «В борьбе за Россию» занимает важное место в политической истории России и русской эмиграции. Его материалы свидетельствуют об эволюции общественных настроений отечественной интеллигенции, которая, осознавая бессмысленность братоубийственной войны, искала пути выхода страны из кризиса, основанные на синтезе политических сил (красных и белых) и идеях гражданского мира. В сборнике отражаются также настроения широких социальных слоев населения России, которые, не принимая идеологии новой власти, были заинтересованы в восстановлении мира и согласия в стране и ее возрождении.

Выход сборника Н. В. Устрялова свидетельствует о серьезных кризисных процессах в кадетизме и русском либерализме. Либеральный лагерь фактами поддержки кадетской партией военной диктатуры Колчака в Сибири, инициирования кадетом Устряловым национал-большевистской доктрины демонстрировал неспособность в рамках традиционных либеральных ценностей находить ответы на вызовы времени.

Сборник «В борьбе за Россию» провозглашает новую идеологическую доктрину – национал-большевизм, основанную на идее примирения с новой властью и использования большевизма в национальных целях. Национал-большевистский путь развития страны являлся, по словам Устрялова, «несравненно более плодотворным, экономным и национально целесообразным» для «национальной» России⁶⁷. Он был альтернативой как эмигрантским, так и большевистскому проектам преобразования страны, но в стране с диктатурой правящей партии был обречен.

Идеи харбинского сборника способствовали расколу и ослаблению антибольшевистского лагеря. В эмигрантской Европе группа кадетов и октябристов во главе с Ю. В. Ключниковым (А. В. Бобрищев-Пушкин, Ю. Н. Потехин и др.) разрывает отношения с кадетско-октябристскими кругами и активизирует работу над сборником статей «Смена вех».

В сборнике статей Н. В. Устрялова впервые формулируются основные идеи, которые найдут отражение в пражском сборнике «Смена вех» и станут основой «сменовеховства». Начальная история этого движения неотделима от харбинских публикаций Устрялова и его сборника «В борьбе за Россию». Как справедливо отмечал сам автор, его «сменовеховская декларация появилась 1 февраля 1920 года (статья «Перелом» – первая публикация в харбинской печати, с нее начинается авторский сборник. – В. Р.), т. е. больше, чем за год до нэпа». «Исторически, – пишет он, – мы ведем нашу смену вех не от нэпа, а от конца гражданской войны, в ее основной фазе»⁶⁸.

Сборник Н. В. Устрялова как один из важных документов русской мысли оказал заметное влияние на общественные процессы русской эмиграции. Он способствовал формированию в эмигрантских кругах критического отношения к традиционному идейному наследию и известным партийно-политическим доктринам. В условиях поиска новых идей возникли пореволюционные идейно-политические течения – евразийство, утвержденчество, новоградство, младороссы и др. Имея некоторые различия в программных установках, они все основывались на так называемой «пореволюционной» идеологии, основоположником которой являлся Н. В. Устрялов (неприятие идеи реставрации старой власти, примирение с русской революцией, отказ от вооруженной борьбы с советской властью, патриотизм, анти-

демократизм, антилиберализм, примат духовного начала над материальным и др.)⁶⁹.

В советской России устряловский сборник использовался в агитационно-пропагандистских целях власти. Большевики хотя и считали Устрялова классовым врагом, примиренческую позицию его преподносили в качестве примера, подтверждавшего правильность их курса и имевшего поддержку даже во враждебном лагере.

Сборник статей Н. В. Устрялова, изданный 100 лет назад, содержит немало положений и оценок, не теряющих и сегодня научно-познавательной актуальности. Сохраняют научную значимость авторские оценки революции 1917 г. как исконно русского явления, противоречивого по своим последствиям. Время подтвердило правильность многих авторских суждений о Гражданской войне, ее характере и последствиях, причинах поражения белого движения и победы красных, антирусском характере интервенции, неблагоприятной роли союзников в «русских» делах и др.

Н. В. Устрялов – один из первых русских политических мыслителей – отмечал противоречивые свойства и тенденции новой власти и советской общественной системы, ее дуалистическую природу и сущность. Так, заявляя о преданности идеям интернационализма и мировой революции, большевики в то же время становились государственниками, активными защитниками страны, сторонниками укрепления советской державы, ее ведущей роли в мире. Верным оказался и авторский прогноз о возможности перерождения советской власти, о чем свидетельствует финальный этап советской истории.

Важно отметить, что многие проблемы, изложенные в сборнике, их авторские трактовки и оценки остаются актуальными для современной России и некоторые из них служат напутствием, наказом для современного поколения россиян:

интересы отечества и государства важнее партийных установок;

гражданский мир и согласие в стране актуальны и незыблемы для власти и общества;

сохранение и защита территории России – прямая обязанность ее власти, политиков и граждан;

сохранение России как великого и единого государства есть необходимое условие сохранения и развития великой национальной культуры;

настоящий патриот встает при любой власти на защиту отечества, не сотрудничает с его пораженцами и недругами;

антирусский характер интервенции в годы Гражданской войны в России является важным уроком для нынешнего поколения соотечественников.

Итак, под влиянием разгрома Колчака и советско-польской войны в октябре 1920 г. в Харбине выходит сборник статей Н. В. Устрялова «В борьбе за Россию». Автор анализирует внутреннее и внешнее состояние страны, признает разгром Белого

движения во всероссийском масштабе, считает, что большевики реализуют «национальную» программу белых и предлагает меньшевистской общественности новые способы и формы служения родине, основанные на примирении с советской властью и оказании ей помощи в возрождении страны. В этом заключается, по его словам, идеология национал-большевизма – «использование большевизма в национальных целях».

Сборник статей «В борьбе за Россию» – важный документ русской политической публицистики эпохи «русского кризиса». Он отражает симптомы «примиренческих» настроений русской интеллигенции и других социальных слоев населения. Провозглашение видным деятелем кадетской партии консервативной идеологической доктрины свидетельствовало о серьезных кризисных явлениях в кадетизме и русском либерализме. «Примиренческие» идеи сборника способствовали расколу антибольшевистского лагеря, зарождали сменовеховства и других «прогрессивных» течений в русской политической эмиграции.

Сборник «В борьбе за Россию», изданный 100 лет назад, остается созвучным нашему времени, его материалы заслуживают исследовательского и общественного внимания. Не теряют научной значимости авторские оценки событий российской революции и Гражданской войны, противоречивой сущности советской общественной системы. Настроениям нынешних российских граждан близки мысли Н. В. Устрялова о важности гражданского мира для нашей страны, сохранении традиционных ценностей – отечества, государства, патриотизма, культуры, необходимости хранить и защищать территориальную целостность родины. Остается актуальным и положение автора, что «Россия должна остаться великой державой» как основного условия процветания великой национальной культуры.

Примечания

- 1 Устрялов Н. В. В борьбе за Россию : сборник статей. Харбин : Окно, 1920. 82 с.
- 2 Там же. С. 1–2.
- 3 Вишняк М. В. [Рец. :] Устрялов Н. В. «В борьбе за Россию». Харбин : Окно, 1920 // Современные записки : в 70 кн. 1921. Кн. 3. С. 273–274.
- 4 См.: Карташев А. В. Истоки соглашательства (письмо из Парижа) // Новая русская жизнь. 1921. 12 марта.
- 5 См.: Пасманик Д. С. Приспособление или протест? (по поводу кн. проф. Устрялова // Общее дело. 1921. 3 марта.
- 6 «Не остановиться ли?» (Из переписки Н. В. Устрялова и княгини Л. В. Голицыной / вступ. ст. О. А. Воробьева // Грани. 1999. № 192. С. 213.
- 7 См.: Станкевич В. Б. [Рец. :] Проф. Н. Устрялов. «В борьбе за Россию». Харбин : Окно, 1920 г. // Русская книга. Берлин, 1921. № 4. С. 6–7.

- 8 См.: Ярославский Е. М. Патриотика [Передовая] // Правда. 1921. 15 марта.
- 9 См.: Воронский А. К. Вынужденные признания // Правда. 1921. 6 апр.
- 10 См.: Смена вех : сборник статей Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-Пушкина, С. С. Чахотина и Ю. Н. Потехина. Прага : [б.и.], 1921. 184 с.
- 11 См.: Федюкин С. А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу. М. : Наука, 1977. С. 103.
- 12 Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. Paris : YMCA-Press, 1980. С. 65.
- 13 См.: Быстрянцева Л. А. Мировоззрение и общественно-политическая деятельность Н. В. Устрялова // Новая и новейшая история. 2000. № 5. С. 162–190.
- 14 См.: Романовский В. К. Николай Устрялов : от либерализма к консерватизму. Н. Новгород : Нижегородский институт развития образования, 2010. 462 с.
- 15 См.: Багдасарян В. Э. Николай Васильевич Устрялов – идеолог национал-большевизма // Вестник государственного и муниципального управления, 2018. № 3 (29). С. 99–122.
- 16 См.: Сергеев С. М. Политическая философия Н. В. Устрялова в контексте русской мысли // Николай Васильевич Устрялов. Калужский сборник. Вып. 2. Калуга, 2007. С. 97–128.
- 17 См.: Устрялов Н. Национал-большевизм / сост., вступ. ст., примеч. и коммент. С. М. Сергеева. М. : Эксмо, 2003. С. 48–122.
- 18 См.: Устрялов Н. В. Избранные труды / сост., авт. коммент. : В. Э. Багдасарян, М. В. Дворковая ; авт. вступ. ст. В. Э. Багдасарян. М. : РОССПЭН, 2010. С. 87–155.
- 19 См.: Романовский В. К. Н. В. Устрялов о русской революции (по его публикациям 1917–1918 гг.) // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 154–156.
- 20 Устрялов Н. В. Рождественскую ночь // Утро России. 1917. 25 дек.
- 21 См.: Романовский В. К. Деятельность Н. В. Устрялова в белой Сибири в 1919 году // Известия высших учебных заведений. Сер. «Гуманитарные науки». 2015. Т. 6, вып. 4. С. 279–180.
- 22 Устрялов Н. В. Белый Омск. Дневник колчаковца / подготовка текста, предисл. и коммент. А. В. Смолина // Русское прошлое : историко-документальный альманах. СПб. : Свелен, 1991. № 2. С. 294.
- 23 Устрялов Н. В. 1919-й год. Из прошлого / подготовка текста и коммент. А. В. Смолина // Русское прошлое : историко-документальный альманах. СПб. : Logos, 1993. № 4. С. 262.
- 24 См.: Устрялов Н. В. В борьбе за Россию. С. 1–2.
- 25 Там же. С. 3.
- 26 Там же. С. 11, 16, 21.
- 27 Там же. С. 16–17.
- 28 Там же. С. 60, 64, 66, 71–74, 76.
- 29 Там же. С. 71.
- 30 Там же. С. 4–5, 74.
- 31 Там же. С. 5.
- 32 Там же. С. 10–11.
- 33 Там же. С. 4, 7, 8, 22–23.

- ³⁴ Устрялов Н. В. В борьбе за Россию. С. 52, 62–68, 70.
- ³⁵ Там же. С. 9–13.
- ³⁶ Там же. С. 5.
- ³⁷ Там же. С. 65.
- ³⁸ Там же. С. 64–70.
- ³⁹ Там же. С. 43.
- ⁴⁰ Там же. С. 47–48.
- ⁴¹ Там же. С. 6, 36, 44–45.
- ⁴² См.: Устрялов Н. В. Международная перегруппировка // Правительственный вестник. 1919. 16 марта.
- ⁴³ См.: Устрялов Н. В. Союзники и Россия // Сибирская речь. 1919. 18 июня.
- ⁴⁴ См.: Устрялов Н. В. Третья Восточная конференция партии Народной свободы. Омск. 20–21 мая 1919 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии / сост., автор предисл. и примеч. Н. И. Канищева : в 3 т. Т. 3, кн. 2 : 1918–1920 гг. М. : РОССПЭН, 2000. С. 92–111.
- ⁴⁵ Устрялов Н. В. В борьбе за Россию. С. 15–16.
- ⁴⁶ Там же. С. 6, 7, 15.
- ⁴⁷ Там же. С. 17.
- ⁴⁸ Там же. С. 10–11, 35–36.
- ⁴⁹ Там же. С. 24–25, 28–29.
- ⁵⁰ Там же. С. 25, 26.
- ⁵¹ Там же. С. 6, 9–10, 12, 35, 37–42.
- ⁵² Там же. С. 18, 19, 57.
- ⁵³ Там же. С. 19–20.
- ⁵⁴ Там же. С. 19–20, 57.
- ⁵⁵ Там же. С. 19.
- ⁵⁶ Там же. С. 5.
- ⁵⁷ Там же. С. 50.
- ⁵⁸ Там же. С. 50–53.
- ⁵⁹ Там же. С. 44–45.
- ⁶⁰ Там же. С. 52–55.
- ⁶¹ Там же. С. 19, 57.
- ⁶² Там же. С. 32–33.
- ⁶³ Там же. С. 31.
- ⁶⁴ Там же. С. 30–31.
- ⁶⁵ Там же. С. 22, 56, 57, 61–62.
- ⁶⁶ См.: К истории национал-большевизма : письмо Н. В. Устрялова к П. Б. Струве (1920) // Россия и реформы : сборник статей / сост. М. А. Колеров. М. : [б. и.], 1995. Вып. 3. С. 155–158.
- ⁶⁷ См.: Устрялов Н. В. В борьбе за Россию. С. 79.
- ⁶⁸ Устрялов Н. В. На новом этапе. Шанхай : Центурион, 1930. С. 23.
- ⁶⁹ См.: Романовский В. К. Н. В. Устрялов и эмигрантские пореволюционные течения : 1920–1930-е годы // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. : История. Политология. Социология. 2017. № 1. С. 16–22.

Поступила в редакцию 30.11.2020, после рецензирования 10.12.2020, принята к публикации 28.12.2020
Received 30.11.2020, revised 10.12.2020, accepted 28.12.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 159–166
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 159–166

Научная статья
УДК 261.8
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-159-166>

Отношения Русской и Константинопольской православных церквей в XX веке

А. Г. Косиченко

Институт философии, политологии и религиоведения Министерства образования и науки Республики Казахстан, 480100, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Курмангазы, д. 29

Косиченко Анатолий Григорьевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, anatkosichenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9112-8426>

Аннотация. Отношения двух православных церквей, каждая из которых занимает особое место в мировом православии, в переломный для обеих исторический период исследуется в статье с привлечением фактического материала и его анализа в политическом, каноническом и духовном измерениях. Формулируется вывод о том, что политической и ситуативной целесообразностью нельзя обобщать отход от сущности православия как в межправославных отношениях, так и в деятельности его иерархов.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Константинополь, взаимоотношения церквей, власть, церковная и государственная политика, патриарх, каноничность

Для цитирования: Косиченко А. Г. Отношения Русской и Константинопольской православных церквей в XX веке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 159–166. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-159-166>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-159-166>

Relations between the Russian and Constantinople Orthodox Churches in the XX century

A. G. Kosichenko

Institute of philosophy, political science and religious studies of the Ministry of education and science of the Republic of Kazakhstan, 29 Kurmangazy St., Almaty 480100, Republic of Kazakhstan

Anatolii G. Kosichenko, anatkosichenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9112-8426>

Abstract. The article examines the relations between the two Orthodox churches, each of which occupies a specific place in world Orthodoxy, at a crucial historical period for both of them, using factual material and its analysis in political, canonical and spiritual dimensions. It is concluded that political and situational expediency cannot justify a departure from the essence of Orthodoxy both in inter-Orthodox relations and in the activities of its hierarchs.

Keywords: The Russian Orthodox Church, Constantinople, relationship of Churches, power, Church and state policy, patriarch, canonicity

For citation: Kosichenko A. G. Relations between the Russian and Constantinople Orthodox Churches in the XX century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 159–166 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-159-166>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Отношения вынесенных в название православных церквей важны и интересны во многих смыслах. Во-первых, в отношениях церквей проявляется степень соответствия каждой из них сущности православия, так как привнесение в эти отношения внешнего и чуждого ему содержания указывает на деформацию духа православия этими церквами. Во-вторых, история отношений Русской и Константинопольской церквей помогает раскрыть характер их отношений в настоящее время в их глубине и полноте. В-третьих,

посредством отношения церквей вскрываются контексты их взаимодействия: социально-политические, идейные и духовные. Таким образом, через историю отношений конкретных церквей воссоздается эпоха, в которой складываются эти отношения, политические и иные интересы сторон, духовная атмосфера и даже личностные характеристики участников исследуемых процессов.

Константинопольская церковь – одна из древнейших и во времена Византийской империи

бывшая крупнейшей, богатейшей и самой значительной церковью мира. Главе этой церкви усвоен титул «первейшего среди равных», он именуется Вселенским патриархом, поминается первым в диптихе (очередность поминание церквей и патриархов во время литургии).

Русская православная церковь получила автокефалию от Константинополя в 1448 г. и после разгрома Византии и захвата Константинополя турками в 1453 г. стала по ряду позиций преемницей Константинополя. Известен тезис: «Москва – третий Рим, а четвертому не бывать», сформулированный на Руси в первой трети XVI в. Русская православная церковь – крупнейшая в мире, сегодня верующих в ней более 100 млн чел. (около трети всех православных в современном мире).

В настоящее время отношения Русской и Константинопольской православных церквей находятся на крайне низком уровне. Русская православная церковь (РПЦ) в сентябре 2018 г. прервала евхаристическое общение с Константинопольским патриархатом и перестала почитать его на службах. Причиной такой позиции РПЦ стало предоставление автокефалии так называемой «Православной церкви Украины» Константинопольским патриархатом, что, по мнению многих православных богословов и специалистов по церковному праву, противоречит сущности межправославных отношений.

В 2016 г. РПЦ в последний момент отказалась участвовать в Критском соборе, который готовился несколько десятилетий при самом действенном участии РПЦ. И хотя помимо РПЦ в соборе отказались участвовать Антиохийская, Болгарская и Грузинская церкви, весь гнев Константинополя обрушился на РПЦ. Еще ранее, в конце XX в., отношения между Русской и Константинопольской православными церквями обострились из-за создания Константинополем параллельной православной структуры в Эстонии наряду с Эстонской православной церковью Московского патриархата.

И за Константинопольской, и за Русской православными церквями стоят государства: за Константинопольской – Греция и Турция, за Русской – Россия, РФ. Тем самым в отношения этих церквей втянуты государства, что усложняет сами отношения и помещает их в систему непростых контекстов. Так, всякое осложнение на государственном уровне сказывается на отношениях церквей. Англия и США весь XX в. активно вмешивались в отношения РПЦ и Константинополя и подчас определяли эти отношения. Происходит это и сегодня. Известно высказывание З. Бжезинского о том, что после распада СССР у США остался один противник – Русская православная церковь. Так что политика (и национальная, и международная) – важнейший фактор межправославных отношений.

Отношения РПЦ и Константинополя в 20–30-е годы XX века

Взгляд на ближайшую историю отношений Русской и Константинопольской православных церквей (даже в пределах XX в.) позволяет сделать однозначный вывод о том, что эти отношения испортились не вдруг и не сейчас. В течение всего XX в. они были очень сложными, напряженными, неровными и не дружескими. Поскольку многие из сегодняшних противоречий уходят корнями в XX в., рассмотрим подробно отношения между Константинопольской и Русской православными церквями, обращаясь к характеру этих отношений именно в XX в.

Сложные и принципиально неверные с позиции православия отношения между Константинопольской и Русской церковью, которые существовали в течение всего XX в., можно было бы объяснить историческими обстоятельствами и социально-политическим контекстом. Действительно, Константинопольский патриархат после поражений Турции в Первой мировой войне потерял все свои епархии в Малой Азии. Остались зарубежные епархии и отдельные приходы в самой Турции. Тем самым Константинопольский патриархат впервые в истории потерял и паству, и положение. Если к тому же учесть, что в 1923 г. после разгрома Греции в войне с Турцией согласно Лозаннскому договору страны взаимно депортировали большую часть населения, Греция вынуждена была принять 1300 тыс. греков из Малой Азии, а Турция приняла около 400 тыс. турок из Греции и островов, то понятно, какой силы удар получил Константинопольский патриархат. В 1920 г. он окончательно испортил отношения с турецкими властями: во время оккупации Турции союзными войсками патриархат политически просчитался; местоблюститель патриаршего престола митрополит Дорофей ошибочно посчитал, что наступило время восстановления греческого государства в Малой Азии и предпринял ряд шагов, настроивших против патриархата правительство Турции: патриархат перестал утверждать кандидатуру патриарха в правительстве; демонстративно не считался с распоряжениями турецкого правительства; было отменено преподавание турецкого языка в греческих школах. Все это привело к резкому противостоянию Турецкого государства и Константинопольского патриархата. Дело дошло до того, что Турция потребовала удаления патриархата из Стамбула, и только решительная позиция союзников на Лозаннской конференции (1923 г.) позволила сохранить патриархат в Стамбуле.

В этих условиях Константинопольский патриархат перенес центр внимания на свои зарубежные епархии, а также, воспользовавшись политической нестабильностью в Европе и распадом Российской империи, взял под свой амфор православные церкви Эстонии, Латвии, Польши, Финляндии, ранее входившие в Русскую

православную церковь. Последнее не могло не вызвать протестов со стороны РПЦ, правда, протестов ограниченных, так как в самой России церковь подвергалась гонениям. Она пыталась уцелеть в условиях нарастающего безбожия в революционной России и ей было не до происков Константинопольского патриархата. Константинополь «перехватывал» чужие епархии; пользуясь своим особым положением в составе автокефальных церквей, нарушал канонические нормы, установленные веками на Вселенских соборах. В результате Константинопольскому патриархату удалось даже увеличить паству за счет зарубежных епархий и диаспоры. Однако моральный ущерб от такой деятельности был очевиден. Современная политика Константинополя несет на себе отпечаток этой церковной неправды.

Не менее сложным было и положение Российской православной церкви. После революции Советская власть вначале декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (1918 г.), затем последовательным разрушением церкви многочисленными способами: изъятием церковного имущества под предлогом необходимости помощи голодающим (что спровоцировало протесты верующих, аресты и суды в ответ); отнесением священства и монашества к классу эксплуататоров; внесением раскола в ряды епископата и священников созданием обновленчества и «Живой церкви» предельно ограничила возможности РПЦ. У Московского патриархата нарастали проблемы с Русской православной церковью за границей: последняя, находясь в относительной безопасности, требовала от патриарха Тихона и Синода противостоять Советской власти более решительно; а с подписанием митрополитом Сергеем (Страгородским) «Послания к пастырям и пастве» (Декларации 1927 г.) вообще разорвала общение с Российской православной церковью.

Однако Русская и Константинопольская церкви находились в неравном положении. Обе они вынуждены были считаться с политическими реалиями своего времени. Но РПЦ была церковью преследуемой и гонимой, ее служители мученически погибали от руки государства, а церковь Константинополя была всего лишь в неудобных условиях, причем следует отметить, что турецкие власти чинили ей препятствия часто в ответ на создаваемые ею неадекватные ситуации (политические инициативы). Константинопольская церковь вела антитурецкую политику, и что же удивляться, если у нее возникали проблемы с турецким руководством. РПЦ вела себя компромиссно по отношению к власти, но власти было этого мало, она проводила политику на истребление церкви. И как тут сравнивать степень трудностей, которые испытывали и та и другая церковь? У Константинополя было больше свободы в принятии решений, поэтому Константинопольская церковь несет большую ответственность за ухудшение отношений между нею и РПЦ в XX в.

В 20–30-е гг. XX в. Русская (тогда она именовалась Российской) православная церковь состояла из трех частей: собственно Российской православная церковь («тихоновцы» – по имени патриарха Тихона, законно избранного на Поместном соборе 1917–1918 гг.); обновленцы (в том числе «Живая церковь») и Русская православная церковь за границей (состоявшая из иереев и мирян, эмигрировавших из России после революции). Обновленческая церковь в СССР возникла под влиянием двух факторов: накопившихся противоречий в самой церкви и желания власти уничтожить РПЦ («тихоновскую») руками обновленцев (которых затем также планировалось ликвидировать).

В 1922 г. в результате интриг был избран заочно патриархом Константинопольским Архиепископ Афинский Мелетий, который в нарушение законов Османской империи не прошел утверждения властями Турции и прибыл в Стамбул на корабле Антанты под Византийским флагом. «В 1921 г. без ведома турецкого правительства на патриарший престол был избран Архиепископ Афинский Мелетий (Метаксакис). С его именем связан целый ряд реформ, достаточно спорных с точки зрения всей полноты Православия. В 1922 г. он признал законность иерархии англиканской церкви, а в апреле 1923 г. издал Томос об обязательном и исключительном подчинении Константинопольскому Патриарху всей православной диаспоры, т. е. тех приходов и епархий, которые в силу внешних причин утратили связь с Матерью-Церковью. В наибольшей степени это решение коснулось Русской Церкви, поскольку за государственными границами Советской России остались епархии и приходы в Америке, Эстонии, Польше, Финляндии, Латвии, Японии, Западной Европе, а также многочисленные православные русские эмигранты, бежавшие за границу от коммунистических преследований. Большинство этих Церквей оказались включенными в Константинопольский Патриархат на правах автономии»¹.

Поначалу Константинопольский патриарх Мелетий поддерживал патриарха Тихона. В начале мая 1922 г. Константинопольский патриархат подготовил и разослал всем православным церквям «Меморандум Вселенской Патриархии в защиту гонимых христиан в Азии и России», который констатировал бедственное положение Российской православной церкви и в котором выражалась поддержка патриарху Тихону и всем православным верующим России. «Как будто мало было гонений против Русской Церкви при первом налете большевиков, – налете, в котором десятки епископов, сотни иереев и тысячи христиан были убиты и вера подверглась безконечным видам унижений, а в последнее время, как новый повод гонений и разрушения Христианской Веры, предпринята конфискация священных предметов, предназначенных для богослужения, как будто в видах гуманной цели. Немедленно убиваются служители Церкви за то, что отказываются

собственноручно отдавать св. иконы и св. чаши осквернителям религии, привлекается к суду и сам наивысший вожь Русской Церкви Блаженнейший Патриарх Тихон. Патриарх Царьградский Мелетий с окружающим его Священным Синодом Митрополитов Вселенской Патриархии ... выражают свое живое соучастие Блаженнейшему Патриарху Тихону и всему клиру и народу этой Церкви»².

Тогда же Мелетий издал грамоту, адресованную главе Русской православной церкви за границей митрополиту Антонию (Храповицкому), в которой говорилось: «... Когда мы узнали о новом гонении на Русскую Церковь ... посчитали долгом поспешить оказать по возможности утешение и поддержку с нашей стороны. Вследствие сего мы отправили меморандум нашего Священного Синода, направленный ко всем христианским Церквам, православным и другим, прося их соединить свои молитвы ко Господу за гонимых христиан в Малой Азии и России и, если возможно, подействовать через свои правительства в защиту гонимых. Прилагая при этом копию вышеупомянутого обращения, желаем, чтобы Ваше Высокопреосвященство передали Святейшему Патриарху Господину Тихону этот акт нашей Святой Матери Великой Христовой Церкви и одновременно передали Патриарху выражение глубокой братской нашей симпатии к Его Блаженству с горячими нашими молитвами за скорое окончание бедствий, окружающих Его и Его религиозную паству. Во Христе любящая сестра – Константинопольская Церковь. Патриарх Мелетий»³.

Но уже через несколько месяцев позиция Константинополя резко изменилась и он стал поддерживать обновленцев: «При подготовке к «церковному суду» над Патриархом летом 1922 г. члены Высшего Церковного Управления (орган обновленцев. – А. К.) получили неожиданную поддержку со стороны представителя Константинопольского Патриарха в Москве архимандрита Иакова, о чем немедленно доложили своим кураторам из госорганов. ... Цена участия Вселенского Патриарха в соборном суде с целью низложения Святейшего Тихона с Патриаршего Престола составила 10 тыс. турецких лир с условием возвращения дома Константинопольского патриархата в Москве»⁴.

В июне 1924 г. в «Известиях ЦИК» появилась статья с заголовком «Вселенский патриарх отстранил бывшего патриарха Тихона от управления Российской церковью». В статье говорилось: «Московский представитель Вселенского патриарха архимандрит Василий Димопуло сообщил представителю РОСТА следующее: “Мною получено только что из Константинополя сообщение о том, что Константинопольский патриарший Синод, под председательством Вселенского патриарха Григория VII, вынес постановление об отстранении от управления Российской Православной Церковью патриарха Тихона, как виновного во всей церковной смуте”»⁵.

Приведем и ответ главы РПЦ патриарха Тихона на обращение к нему Константинопольского патриарха с требованием оставить престол: «... Мы не мало смутились и удивились, что глава Константинопольской Церкви без всякого предварительного сношения с нами, как с законным представителем и главою всей Русской Православной Церкви, вмешивается во внутреннюю жизнь и дела Автокефальной Русской Церкви... Позволительно усомниться и в предполагаемой Вашим Святейшеством мере умиротворения Церкви – моем удалении от управления Церковью... – Не умиротворит это Св. Церковь, а породит новую смуту, принесет новые скорби и без того многострадальным верным нашим Архипастырям и пастырям... – Патриарх Тихон»⁶.

Наряду с поддержкой обновленцев в СССР Константинопольский патриарх Мелетий находил время и на обновленческую деятельность на уровне мирового православия. В 1923 г. он созвал так называемый «Все православный конгресс» (хотя на нем присутствовали только 9 православных иерархов, а Восточные церкви – Антиохийская, Александрийская и Иерусалимская отказались в нем участвовать, подчеркнув его неканоничность). Атмосфера этого «конгресса» хорошо передана в отчете о нем, опубликованном в «Церковных ведомостях» – органе Русской православной церкви за границей. «После торжественной части началось деловое заседание Конференции. Св. Патриарх во все время конференции восседал на троне... Кроме вопроса о новом стиле конференция затронула вопросы: 1) о препятствиях к браку, 2) о браке клириков (второбрачие духовенства и женатый епископат), 3) о сокращении богослужения, 4) об упрощении одежды духовенства и 5) о посте»⁷. Русская православная церковь не приняла ни одного из этих новшеств.

Константинопольский патриарх Мелетий внес большую смуту во всемирное православие. Он начал практически осуществлять давно вынашиваемые Вселенским престолом планы по выстраиванию православия по образцу западного христианства – превратить Константинополь в некое подобие Ватикана, а Константинопольского патриарха – в восточного папу. Мелетий нарушил канонические правила перехода церквей из одной юрисдикции в другую. Он изменил тысячелетние нормы жизни церкви: календарные, в отношении поста, одеяний и второбрачия священства и др. Он всего два года был патриархом Константинопольским, но авантюрных решений принял множество. Мелетий, используя поддержку своего родственника Э. Венизелоса (несколько раз возглавлявшего правительство Греции), стал вначале главой церкви Греции, затем Константинопольским патриархом, а с 1926 г. – патриархом Александрийским, что многовато для одного человека. Имеются свидетельства, что Константинопольский патриарх Мелетий, являлся масоном, был членом Великой масонской ложи Греции⁸. Это объясняет, с одной

стороны, то огромное количество его далеких от православия инициатив, разрушающих единство православного мира, а с другой, высвечивает истоки удивительной «продуктивности» его деятельности. И это в обстоятельствах, зачастую совсем не способствующих успеху.

Отношения Константинопольской и Русской православных церквей после Второй мировой войны

После окончания Второй мировой войны авторитет СССР значительно возрос. В странах Восточной Европы к власти пришли социалисты или коммунисты, влияние СССР на эти государства становилось доминирующим. РПЦ, чье положение в СССР существенно улучшилось после встречи в сентябре 1943 г. руководства церкви со Сталиным, стала оказывать влияние на православные церкви Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии. Документы, собранные в двухтомнике «Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов: в 2 томах», изданном в 2009 г., убедительно доказывают возросшую роль РПЦ в мировом православии. Эту ситуацию руководство СССР решило использовать в политических целях и перенести центр мирового православия из Константинопольского патриархата в Москву. Православие решено было задействовать как дополнительный фактор в политике СССР того времени. «В первые послевоенные годы была предпринята попытка превратить Московский Патриархат в своего рода «Православный Ватикан», отодвинув Константинопольского Патриарха на второй план. Подобные намерения тесно переплетались с планами руководства СССР усилить свое влияние в Турции. Этой стране были предъявлены требования – передать часть Турецкой Армении в состав Советского Союза и допустить размещение советских военных баз в проливах Босфор и Дарданеллы, что позволяло контролировать ситуацию в районе Стамбула (впрочем, при поддержке США данные требования были отклонены)»⁹. На 1946 г. планировался сначала Вселенский собор в Москве, затем, когда стало ясно, что собор провести не удастся из-за активного противодействия восточных патриархов, в том же году появилось намерение провести Предсоборное совещание, которое также не удалось организовать. Тогда было принято решение ограничиться совещанием глав православных церквей в 1948 г. в честь 500-летия обретения автокефалии РПЦ. Патриархи многих церквей и особенно восточные патриархи с крайней подозрительностью отнеслись к усилению межправославной деятельности РПЦ.

Достаточно точно характеризует сложившуюся ситуацию откровенная беседа в 1947 г. с патриархом Московским и всея Руси Алексием I митрополита Гор Ливанских Илии, который, в

частности, сказал: «Патриархи-греки, а именно – Вселенский Максим (Турция), Александрийский Христофор (Египет) и отчасти Иерусалимский Тимофей (Палестина) с большой подозрительностью относятся к русскому патриарху, опасаясь возрастающего влияния Русской православной церкви и высказывая опасения, что русский патриарх имеет намерение стать Вселенским патриархом. После приглашения всех патриархов на предполагаемое в 1948 г. совещание глав автокефальных православных церквей в Москве эта подозрительность еще более усилилась. Патриархи-греки образовали блок «Против Москвы» и приглашали присоединиться к нему патриарха Антиохийского (Сирия – Ливан) Александра (араб), который категорически отказался от этого»¹⁰.

Г. Г. Карпов (председатель Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР) отмечает следующий фрагмент этой беседы: «Наряду с идейным тяготением к Москве, Антиохийский патриархат надеется, что Русская церковь и особенно русское правительство возобновят давнюю традицию систематической материальной помощи Антиохийской церкви на школы, церкви, отдельным нуждающимся епископам, т. к. именно государство, подчеркивал митрополит Илия, а не церковь, в дореволюционное время широко субсидировало Антиохийскую церковь. По этому вопросу, – пишет Г. Г. Карпов, – митрополит Илия заявил: Каждое государство имеет свои секретные фонды и дает из этих фондов Восточным патриархам (имея в виду Англию, США и Грецию); если бы Московский патриархат давал деньги Восточным патриархам – все они повернулись бы лицом к Москве»¹¹.

Наряду с усилением взаимодействия с восточными патриархами в вопросах противостояния Константинопольскому патриархату РПЦ также предприняла усилия по возвращению в свою юрисдикцию Финляндской и Польской православных церквей, которые в 1923 г. были взяты под омофор Константинопольского патриархата. Однако эти усилия не увенчались успехом: длительная переписка Алексея I с патриархами Константинополя сначала Вениамином I, а затем Максимом V ни к чему не привела. Константинопольские патриархи тянули время, отвечали уклончиво. Финляндская и Польская церкви не спешили вернуться в РПЦ.

Была предпринята попытка вернуть РПЦ и Западно-Европейский экзархат, чей глава митрополит Евлогий (Георгиевский) в 1931 г. принял юрисдикцию Константинополя, а в 1945 г. ходатайствовал о возврате экзархата в РПЦ. Но и это намерение не реализовалось. После смерти Евлогия Константинополь настоял на проведении Епархиального собрания экзархата, которое большинством голосов приняло решение остаться в составе Константинопольского патриархата в качестве автономного русского экзархата. Ссылаясь на это решение, «Константинопольский Синод

принял резолюцию: западноевропейские русские приходы принять в юрисдикцию Вселенского Патриарха с сохранением внутренней самостоятельности, как особую русскую православную церковную организацию»¹².

Заметным успехом РПЦ стало проведение в Москве в 1948 г. Всеправославного совещания в честь 500-летия автокефалии РПЦ. В нем приняли участие 11 из 13 на то время автокефальных православных церквей. Но и здесь Константинополь встал в оппозицию Москве. Хотя его делегация и участвовала в совещании, но только в его торжественных заседаниях; в рабочих же заседаниях (а на совещании было поднято несколько важных для православия вопросов: «Ватикан и Православная церковь»; «Римская Церковь и единство Христовой Церкви»; «Отношение Ватикана к Православии за последние 30 лет»; «Экуменическое движение и Православная Церковь») участия не принимала. В своем приветствии совещанию представитель Константинополя несколько раз подчеркнул «материнскую» роль церкви Константинополя по отношению к РПЦ, указав тем самым Москве ее место. Но в целом Всеправославное совещание достигло своих целей: вокруг РПЦ были консолидированы все славянские православные церкви; высветилась оппозиционная роль Константинополя; выработано отношение к экуменическому движению, и принято решение не участвовать в проводимой в том же году в Амстердаме «Всецерковной конференции» (на которой, кстати сказать, и был организован Всемирный совет церквей).

Еще одна страница в отношениях Русской и Константинопольской православных церквей связана с пребыванием на константинопольском престоле патриарха Афинагора. В ноябре 1948 г. Афинагор, экзарх Северной и Южной Америки, протеже США, стал Константинопольским патриархом. Само избрание Афинагора патриархом происходило не канонически. Он был избран патриархом заочно и прибыл в Турцию на личном самолете Гарри Трумэна, президента США, в январе 1949 г. Афинагор был на этот момент гражданином США, что делало невозможным его избрание патриархом (для избрания кандидат должен быть гражданином Турции), но в аэропорту Афинагора встречал префект Стамбула, который тотчас и вручил ему паспорт Турции. Продвижение США Афинагора на константинопольский престол объясняется осознанием США роли православия в современном мире, стремлением не допустить его укрепления и ярым антисоветизмом и антикоммунизмом самого Афинагора.

СССР был осведомлен о намерении США сделать Афинагора главой Константинопольской церкви, но ничего не мог противопоставить этому. В докладной записке Г. Г. Карпова К. Е. Ворошилову от 9 мая 1948 г. говорилось: «... Начиная с 1946 г., американцами при содействии греческого правительства разными путями ведется подго-

товка к тому, чтобы на Вселенский Патриарший Престол в Константинополе поставить своего человека, враждебного Советскому Союзу, тогда как Вселенский Патриарх Максимос (предшественник Афинагора. – А. К.) высказывался в свое время в пользу сближения с Русской Церковью. На его место намечается архиепископ Нью-Йоркский Афинагор, грек по национальности, американский подданный»¹³.

При поддержке США Афинагор развернул обширную деятельность по снижению роли РПЦ в мировом православии. Параллельно он устанавливал тесные связи с Ватиканом и к 1951 г. проявил себя в полной мере. В СССР отношение к нему сменилось от настороженного на резко отрицательное. «До тех пор, пока патриархию Константинополя будет возглавлять американец Афинагор, ее можно считать самым мощным антикоммунистическим бастионом и самым надежным инструментом в борьбе за освобождение православной церкви славян из-под влияния Советского Союза. Афинагор, опираясь на поддержку США и турецкого правительства, выступает за создание единого фронта всех церквей в борьбе против коммунизма»¹⁴.

Получила всемирную известность и деятельность Афинагора по сближению православия и Ватикана – ставилась задача полного их объединения (чем и сегодня активно занимается Константинополь при патриархе Варфоломее I). В декабре 1965 г. патриарх Константинопольский Афинагор сделал очень значимый шаг абсолютно неканонического характера. Совместно с папой Римским Павлом VI он подписал акт о взаимном снятии анафем 1054 г. (когда и произошло разделение христианства на западный и восточный обряды). Предполагалось, что в результате этого акта инициируется процесс воссоединения православия и католицизма. Автокефальные православные церкви эту инициативу Афинагора не поддержали. Например, патриарх Алексий I, глава РПЦ, в ответ на сообщение Афинагора о взаимном снятии анафем 1054 г. телеграфировал в Стамбул 28 декабря 1965 г.: «Телеграмма Вашего Святейшества, в которой Вы пишете о решении снять анафему 1054 г., нами получена. Ожидаем Ваших писем. Предварительно можем сообщить Вам, что рассматриваем решение Вашего Святейшества и Святого Синода Константинопольской Церкви как действие вашей Поместной досточтимой Церкви, обращенное к Церкви Рима. Богословского значения для всей Полноты Святой Православной Церкви этот акт, по нашему мнению, не имеет. Братски обнимаю Ваше Святейшество и шлю мои сердечные Вам пожелания. С любовью о Господе патриарх Алексий»¹⁵ (ответ Патриарха Алексия напечатан в «Журнале Московской Патриархии». 1966. № 2. С. 4).

Такие односторонние действия Константинополя от имени всего православия подчеркивают стремление Вселенской патриархии перешагнуть

через устоявшуюся в ее отношении формулу «первой по чести среди равных» и стать «первой по власти без равных», как это формулируется константинопольскими богословами сегодня, в XXI в. Во всей остроте перед мировым православием вопрос о праве Константинопольских патриархов обладать первенством власти встал только сегодня, после предоставления Томаса об автокефалии так называемой «Православной церкви Украины». Но вопрос этот далеко не нов.

В середине XX в. Константинополь уже открыто заявлял претензии на господство; вопрос об этом прямо был задан митрополиту РПЦ Николаю (Ярушевичу), и тот дал на него ответ. В силу ясности и актуальности ответа приведем и вопрос, и ответ на него полностью – для многих современных экспертов и аналитиков это будет открытием. Вопрос был задан 20 июня 1950 г. корреспондентом Болгарского телеграфного агентства И. Вандовым. Митрополит Николай ответил: «На заданный Вами мне вопрос в связи с выступлением патриарха Афинагора от февраля с.г., я, при сем, препровождаю мой ответ. Вопрос: Что Вы можете сказать по вопросу об энциклике Константинопольского патриарха от 26 февраля с.г., обращенной ко «всем членам православной церкви», в которой патриарх Афинагор, именующий себя «Вселенским», называет Константинопольскую церковь Матерью-церковью для прочих православных церквей и рассчитывает «на покорную преданность ее детей и на полное и добровольное исполнение ими своих обязанностей по отношению к ней»? Ответ: Этой энциклики от Константинопольского патриарха мы не получили и не можем сказать, предназначалась она нам или нет. Мы прочитали сокращенное изложение ее в заграничной печати. В ней мы усматриваем лишь повторение давних попыток Константинопольских патриархов установить вместо первенства чести первенство власти Константинопольского престола над всеми другими православными патриархатами, то есть воскресить отвергнутые православной Вселенской церковью идеи папизма, против которых всегда боролась Русская церковь. Матерью-церковью всех церквей являлась и является Иерусалимская православная церковь, а не Константинопольская. Для Русской церкви Константинопольская церковь является такой же братской церковью, как и прочие братские автокефальные церкви. Что касается титула «Вселенский», то этот титул никогда не имел в прошлом и не имеет в настоящем своего прямого значения и в прошлом был лишь почетным титулом по праву чести для патриарха столичного города и по традиции сохранился до настоящего времени. С уважением НИКОЛАЙ, митрополит Крутицкий и Коломенский, член Священного Синода»¹⁶.

Попытка Русской православной церкви стать после Второй мировой войны Вселенским патриархатом, оттеснив Константинополь, не ис-

ходила от самой РПЦ. Эта попытка была навязана РПЦ руководством СССР по чисто политическим мотивам, а РПЦ пошло на поводу у власти, что неудивительно при улучшении отношений власти и РПЦ после нескольких десятилетий гонений на церковь. Политика, как неоднократно подчеркивалось, часто и мощно вмешивалась и вмешивается сегодня во взаимоотношения автокефальных православных церквей. Это вмешательство в абсолютном большинстве случаев негативно сказывается на положении всемирного православия. Так было и в послевоенный период: и авторитет РПЦ несколько пошатнулся, и руководство СССР вскоре отказалось от своего намерения. «Во второй половине 1948 г. произошло резкое падение заинтересованности руководства СССР во внешнеполитических акциях Русской Церкви. Потерпели крах все «средиземноморские» планы И. В. Сталина в Греции, Турции, Израиле и, соответственно, не так нужны стали восточные православные иерархи. Начался период «холодной войны», и в условиях перехода СССР от наступательной внешнеполитической стратегии к оборонительной пришлось полностью отказаться от всех глобальных церковных планов, в том числе от создания в Москве мирового религиозного центра и передачи Московскому Патриарху от Константинопольского титула Вселенский»¹⁷.

Таким образом, как видно из приведенных источников и их анализа, и Русская, и Константинопольская православные церкви принимали решения под влиянием политических обстоятельств и веяний времени. При этом как бы теряется критерий истины в политике этих церквей. К счастью, таковой критерий имеется – это соответствие позиции церкви православным канонам и традиции; критерий верности учению Иисуса Христа. Среди социально-политических хитросплетений, действительно, подчас невозможно разобраться в реальных процессах церковной политики. Но церковная политика вторична по отношению к стоянию в истине православия; истина же эта проста и ясна. Неясность возникает как результат ложной и запредельно компромиссной церковной политики, которая чаще всего не имеет отношения к сущности православия.

Деятельность православных церквей в различных государствах осуществляется во вполне конкретной социально-политической ситуации. Церкви не могут не считаться с реалиями, в которых они существуют. Политическая составляющая этой деятельности в известной мере неизбежна, все церкви имеют ее в виду. Однако нельзя забывать, что основная цель деятельности церкви – спасение душ верующих для вечной жизни, для Царствия Небесного, т. е. центральной задачей церкви является деятельность в духовной сфере. Политические же аспекты деятельности церкви носят подчиненный этой основной цели характер, и чрезмерное сосредоточение внимания на социально-политическом контексте функциони-

рования церкви не приносит пользы церкви: происходит подмена цели средствами ее достижения.

Следует подчеркнуть, что сложнейшие и полные противоречий отношения Русской и Константинопольской церквей не были бы такими напряженными, если бы противоречия между ними решались не на политическом и иных уровнях, а, как то и должно, на православных основаниях. Обе церкви не продемонстрировали умения сосуществовать на принципах любви и милосердия, веры в то, что руководство Православной церковью осуществляется не тем или иным патриархом или Синодом, а самим Иисусом Христом. По каждому из спорных моментов взаимоотношений Константинополя и Москвы практически никогда не принимались решения в духе братской любви и милосердия. Не был реализован на практике дух единства православия. К сожалению, таковыми эти отношения остаются и сегодня.

Примечания

- 1 Константинопольский патриархат. 1.1 Краткий исторический очерк. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/konspekt-po-istorii-pomestnyh-pravoslavnyh-tserkvej/1 (дата обращения: 12.10.2019).
- 2 Меморандум Вселенской Патриархии в защиту гонимых христиан в Азии и России. В Патриархии 5 мая 1922 г. URL: https://russportal.ru/index.php?id=church_writing_antony_khrapovitsky1960_06_055 (дата обращения: 11.09.2020).
- 3 Грамота Святейшего Мелетия, Патриарха Вселенского, на имя Председателя б. Высшаго Русскаго Церковнаго Управления за границей. 13 мая 1922 года. URL: https://russportal.ru/index.php?id=church_writing_antony_khrapovitsky1960_06_054 (дата обращения: 15.06.2020).
- 4 Иванов С. Н. Хронология обновленческого «переворота» в Русской церкви по новым архивным документам // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II : История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 3 (58). С. 49.
- 5 Мазырин А. В. Патриарх Тихон и Константинопольская патриархия : к вопросу о причинах фактического разрыва отношений // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II : История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 6 (67). С. 19–20.
- 6 Грамота Святейшего Тихона, Патриарха Всероссийского – Его Святейшеству, Архиепископу Константинопольскому – Новому Риму и Вселенскому Патриарху Григорию VII. URL: https://russportal.ru/index.php?id=church_writing_antony_khrapovitsky1960_06_071 (дата обращения: 18.06.2019).
- 7 «Церковные ведомости», издаваемые при Архиепископском Синоде Русской Православной Церкви за границей. Двухнедельное издание. №№ 11 и 12. 1 (14) – 15 (28) июня 1923 г. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattach/attachment/a3/dc/a3dc5f08-335a-444e-813a-1feefcf44d83.pdf> (дата обращения: 03.02.2020).
- 8 Zervoudakis A. I. Famous Freemasons // Journal of the Grand Lodge of Greece. 1967. № 71 (January – February). С. 25–50.
- 9 Шкаровский М. В. Константинопольский Патриархат и Русская Православная Церковь в первой половине XX века. М. : Индрик, 2014. С. 110.
- 10 Докладная записка Г. Г. Карпова И. В. Сталину о пребывании в Москве митрополита Гор Ливанских Илии // Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов : в 2 т. / отв. ред. Т. В. Волокитина. Т. 1 : Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 614.
- 11 Там же. С. 613.
- 12 Шкаровский М. В. Константинопольская Православная Церковь в 1917–1939 гг. URL: <https://www.ippo.ru/ippo/ru/article/1-konstantinopolskaya-pravoslavnaya-cerkov-v-1917--201711> (дата обращения: 20.06.2020).
- 13 Из докладной записки Г. Г. Карпова К. Е. Ворошилову о внешнеполитической деятельности РПЦ, ситуации в православном мире, экуменическом движении и предстоящем совещании глав православных церквей в Москве // Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1948 гг. Документы российских архивов : в 2 т. / отв. ред. Т. В. Волокитина. Т. 1. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 680.
- 14 Информационное письмо С. Р. Савченко Г. Г. Карпову о меморандуме конгрегации Ватикана «Пропаганда фиде» об отношении Восточных патриархов к СССР и Русской православной церкви (г. Москва, 21 марта 1951 г.) // Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов : в 2 т. / отв. ред. Т. В. Волокитина. Т. 2 : Власть и церковь в Восточной Европе. 1949–1953 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 691.
- 15 О «снятии анафем» 1054 года Константинопольским патриархом Афинагором и папой Римским Павлом VI в 1965 году. URL: <https://www.blagogon.ru/biblio/200/> (дата обращения: 19.05.2018).
- 16 Докладная записка Г. Г. Карпова И. В. Сталину с приложением текста интервью митрополита Николая корреспонденту Болгарского телеграфного агентства И. Вандову в связи с энцикликой Вселенского патриарха Афинагора о признании Константинопольской церкви Матерью-церковью всех православных церквей. Москва 21 июня 1950 г. // Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов. Т. 2. С. 478.
- 17 Шкаровский М. В. Константинопольский Патриархат и Русская Православная Церковь в первой половине XX века. С. 127.

Поступила в редакцию 28.10.2020, после рецензирования 10.11.2020, принята к публикации 28.12.2020
Received 28.10.2020, revised 10.11.2020, accepted 28.12.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 167–174
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 167–174

Научная статья
УДК 94(470.42)
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174>

Немецкая политика и пропаганда в области культуры на территории Генерального округа Белоруссия в 1941–1944 годах

Е. А. Пушкаренко

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

Пушкаренко Елена Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, pushkarenko-elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3048-9321>

Аннотация. В статье рассматривается проблема политики и пропаганды в области культуры гражданской немецкой администрации на территории Генерального округа Белоруссия. Цель исследования – проанализировать содержание материалов немецкой пропаганды в области культуры, определить ее основные направления, цели и эффективность, а также содержание реальной оккупационной политики в сфере культуры. Методы исследования – анализ и синтез. Исследователь приходит к выводу, согласно которому истинными целями немецкой политики и пропаганды в области культуры были стремление обеспечить спокойный тыл и привлечь население округа к решению собственных экономических задач. Автор считает, что эффективность пропаганды нивелировалась крайне жестоким оккупационным режимом, политикой «выжженной земли», методами борьбы с партизанами, вербовок оstarбайтеров, а также партизанской контрпропагандой.

Ключевые слова: немецкая пропаганда, Генеральный округ Белоруссия, Вторая мировая война, Вильгельм Кубе, «белорусизация», коллаборационизм, культурная политика

Для цитирования: Пушкаренко Е. А. Немецкая политика и пропаганда в области культуры на территории Генерального округа Белоруссия в 1941–1944 годах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 167–174. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174>

German cultural policy and propaganda in the territory of the General district of Belarus in 1941–1944

Elena A. Pushkarenko

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia

Elena A. Pushkarenko, pushkarenko-elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3048-9321>

Abstract. The article deals with the problem of policy and propaganda in the field of culture of the German civil administration in the territory of the General District of Belarus. The aim of the research is to analyze the content of German propaganda materials in the field of culture, to determine its main directions, goals and effectiveness, as well as the content of the real occupation policy in the field of culture. Research methods-analysis and synthesis are applied in the article. The researcher comes to the conclusion that the true goals of German policy and propaganda in the field of culture were the desire to provide a calm rear, to attract the population of the district to solve their own economic problems. The author believes that the effectiveness of propaganda was leveled by the extremely brutal occupation regime, the policy of «scorched earth», methods of fighting partisans, recruiting ostarbeiters and partisan counter-propaganda.

Keywords: German propaganda, General district of Belarus, World War II, Wilhelm Kube, «Belarusization», collaboration, cultural policy

For citation: Pushkarenko E. A. German cultural policy and propaganda in the territory of the General district of Belarus in 1941–1944. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 167–174 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В последние годы Россия и страны на постсоветском пространстве сталкиваются с различными вызовами, в том числе морально-этического, ценностного, идеологического характера. В их число входят попытки фальсификации истории,

разжигание национальной розни, столкновение между собой соседних народов, акцентуация в публичном пространстве темы взаимных «национальных обид» и т. д. В этой связи наше исследование представляется актуальным и значимым, ведь

в годы Великой Отечественной войны немецкие власти на оккупированной советской территории использовали аналогичные методы.

Новизна исследования обусловлена его объектом. В современной отечественной историографии крайне мало работ, посвященных проблеме использования пропаганды идей национального и культурного возрождения как инструмента оккупационной политики на территории захваченных советских республик, в данном случае БССР. При этом феномен белорусской культуры в годы Великой Отечественной войны как таковой получил освещение в ряде исследований зарубежных и российских исследователей. Так, отдельные аспекты оккупационной политики немецкой гражданской администрации в области культуры на территории Генерального округа Белоруссия были рассмотрены в работах польского историка Ю. Туронка¹ и немецкого исследователя Й. Шлоотца².

К проблеме причиненного немецкими оккупантами ущерба обращались белорусские исследователи, в том числе С. Я. Новиков³, А. М. Литвин⁴, А. А. Коваленя⁵. В последние годы в Белоруссии вышел ряд коллективных монографий⁶, посвященных общей проблематике военной истории на белорусской земле в годы Великой Отечественной войны⁷. При этом феномен немецкой пропаганды на оккупированной территории советской Белоруссии и в особенности проблеме культурной политики оккупационных властей требует дальнейшего детального изучения.

В годы Великой Отечественной войны белорусская культура в пределах Генерального округа Белоруссия пережила своеобразный подъем, инициатором которого выступил глава немецкой гражданской администрации Вильгельм Кубе. Идея так называемой «белорусизации», предложенная им, включала целый ряд составляющих. Это и возрождение культуры и языка, и возобновление церковной жизни, и популяризация достижений мировой и белорусской культуры среди населения округа, и открытие школ и высших учебных заведений. Культурная политика немецких властей исходила из того, что белорусский край на протяжении долгого времени существовал в условиях целенаправленной русификации и полонизации, полного отрицания феномена белорусской культуры, языка, истории. Эти обстоятельства, как нельзя лучше, способствовали пропагандистским слоганам о том, что только политика немецких властей станет предпосылкой «возрождения национального самосознания и культуры»⁸.

В. Кубе считал, что для успешного господства в белорусском крае необходимо учитывать «его наиболее тяжелое положение среди стран рейхскомиссариата Остланд». Причину этого он видел «в более чем 20-летнем нахождении Белоруссии под властью Польши и большевиков». «В Белоруссии положение осложнялось еще и тем, что здесь постоянно проходят войска, а теперь остались коммунисты и партизаны. В годы советской

власти на белорусских землях хорошо жили евреи и русские, а местные рабочие, крестьяне, ученые находились под жидовским гнетом. Культура Белоруссии уничтожалась: церкви разграбили большевики, а поляки проводили полонизацию. Чтобы навести здесь порядок, отмечал Кубе, необходимо, в первую очередь, уничтожить большевизм и его последствия, остановить рост партизанского движения, провести реприватизацию, поднять зарплату местным служащим и рабочим до уровня Прибалтики, начать издание белорусскоязычной литературы, особенно учебников». Он считал необходимым «развивать школьную систему, запретить употребление русского и польского языка, как отголоска большевистского и польского режимов». Кубе предложил наладить отношения с православной церковью, а также «попытаться найти взаимопонимание с католической»⁹.

В. Кубе изначально сделал ставку на пропаганду, как средство реализации оккупационных экономических и политических задач. Его двухлетняя деятельность в должности Генерального Комиссара была направлена на приобретение симпатий населения путем определенных уступок, по крайней мере внешних, в области культуры, религии, образования. Уже в его первом обращении «К жителям Белоруссии» от 22 сентября 1941 г. вообще декларировалось свободное развитие края в составе «Новой Европы». В нем говорилось: «Белорусы! Первый раз в вашей истории победа Германии дает вам возможность обеспечения вашему народу свободного развития и светлого будущего без российско-азиатско-большевистского гнета и чужеземного владычества. Я надеюсь, что каждый из вас понимает, что его интересы тесно связаны с интересами Германии, и что вы будете верными последователями и помощниками немецкого руководства»¹⁰.

Кубе исходил из того, что без определенных политических уступок он не сможет рассчитывать на поддержку местных национально ориентированных сил, а также националистов и коллаборационистов. В их лице он видел главную опору в проведении мероприятий оккупационной власти в относительно «мирных» условиях, без ухудшения отношений с местным населением и разжигания его враждебных чувств к немцам, что угрожало бы впоследствии развитием партизанской борьбы. Ставка Кубе на белорусский национализм проявилась в открытии школ, в восстановлении церковной жизни, провозглашении так называемой автокефальной православной церкви Белоруссии, в привлечении к сотрудничеству части местной интеллигенции и белорусских эмигрантов, вернувшихся домой. Большинство прибывших в Минск деятелей берлинской, варшавской и виленской эмигрантских группировок получило те или иные должности, связанные со сферой идеологии и пропаганды. Например, Сенкевич был назначен редактором «Минской газеты» (в дальнейшем «Белорусской»). Редакторами газеты

«Голос села» были тот же Сенкевич и Короленко. Акинчиц стал организатором «школы пропагандистов», воспитанниками которой были будущие пропагандистские кадры из числа белорусских коллаборационистов – Ганько, Колядко, Шевцов и другие¹¹.

С начала оккупации часть белорусской интеллигенции, восприняв первые обращения Кубе в области развития «белорусской идеи» за чистую монету, а вместе с ними и представители коллаборационизма пытались повлиять на политику новой власти в сфере культуры. Довольно быстро была возобновлена деятельность радиосети и зазвучали передачи на белорусском языке. Радио стало одним из главных средств пропаганды. Транслировались как передачи, посвященные истории и культуре Белоруссии, так и творчеству немецких композиторов и писателей. Запрещалось, разумеется, все, что было связано с культурными достижениями советского периода, и, наоборот, вспоминали забытые имена деятелей белорусской культуры. В содержании радиопередач можно выделить три направления: популяризация образцов европейской и в особенности немецкой культуры, возрождение имен известных исторических и культурных деятелей Белоруссии, знакомство аудитории с белорусской историей и культурой и собственно пропаганда, которая активно внедряла в массовое сознание идею пагубности для белорусов «московского» культурно-исторического влияния.

Интересно привести программу радиотрансляций за ноябрь – декабрь 1943 г.: первый раздел под названием «Белоруссия – наша Родина» включал такие темы, как «Похоронный обряд в Белоруссии», «Реки Белоруссии», «Всебелорусский конгресс в Минске»; второй раздел «Белорусская культура» составляли такие темы, как «Белорусская культура в 19-м столетии», «Белорусский театр», «Поэзия Л. Гениюш»; третий раздел «Говорит Белоруссия» состоял из сообщений антисоветского содержания, например, «Как большевики уничтожали книги», «Советская действительность», «Белорусы в войне за жизнь Европы», «Мы и большевики», «Большевизм – лютей враг белорусского народа»; четвертый раздел «Молодая Белоруссия борется» пропагандировал идею создания так называемой «Новой Европы» и роль в ее построении белорусской молодежи, призывал ехать на работу в «рейх», вступать в «Союз белорусской молодежи». По радио звучали также произведения Баха, Моцарта, Листа; зачитывались отрывки из произведений Шиллера («Коварство и любовь»), Чехова («Медведь»), Тоголя («Майская ночь»), а также декламировались стихи белорусского поэта Богдановича¹².

Белорусскую аудиторию знакомили с произведениями репрессированных советской властью поэтов, писателей, музыкантов. Например, Белорусский драматический театр (БДТ) представил оперу «На Купалье», авторы которой – компо-

зитор Теровский и поэт Чарот – стали жертвами политических репрессий. В репертуар БДТ входили также произведения европейской, русской и белорусской классики. Например, редактор «Белорусской газеты» А. Адамович занимался переводами произведений немецких авторов на белорусский язык. В марте 1943 г. по договору с отделом искусств Минского городского комиссариата он перевел для БДТ пьесу немецкого драматурга Грубера «Юленька»¹³. А в июле 1942 г. для радиоэфира была подготовлена программа «Белорусская камерная музыка», в которую вошли романсы и песни на слова известных белорусских поэтов В. Дунина-Марцинкевича, М. Богдановича и Н. Арсеньевой в исполнении артистов БДТ А. Костенича, Г. Лапина и М. Банатич¹⁴.

От артистов требовали хорошего владения белорусским языком и политической благонадёжности, которая выяснялась после заполнения соответствующей анкеты, включавшей вопросы о национальной и партийной принадлежности, вероисповедании, политических убеждениях¹⁵.

При БДТ существовала цирковая труппа, гастролировавшая по территории округа и выступавшая в «домах культуры». Кубе приказал организовать при этих учреждениях кружки белорусской художественной самодеятельности. Руководство «кружками» возлагалось на местные учительские кадры. Здесь занимались изучением национальных белорусских песен и традиций, немецких стихов и маршей, а также декламацией стихов на белорусском и немецком языках, посвященных Гитлеру. Один из подобных «домов культуры» был основан в июле 1942 г. в г. Лепеле. В учредительных документах организации говорилось: «Этот дом культуры основан для развития культурной жизни г. Лепель и для укрепления дружеских чувств его жителей к Великому Германскому Народу в составе следующих отделов – образования, искусств, игр, спорта. Первый отдел будет знакомить своих членов с наукой и литературой Германии, с деятельностью А. Гитлера, с его планом «Нового порядка в Европе». Другой отдел будет выявлять художественные способности своих посетителей и будет состоять из музыкального, хорового, драматического и художественного кружков. Третий – через игры и спорт – будет содействовать физическому воспитанию его членов... Членом дома культуры может стать любой русский в возрасте 16 лет, что будет способствовать его личному и общественному развитию»¹⁶.

Духом обеспокоенности о культурной жизни «освобожденных народов» были проникнуты и соответствующие статьи в белорусско- и русскоязычных изданиях, выходивших под контролем оккупационных властей. В публикуемых материалах проводились две пропагандистские линии: первая разоблачала угрозу для всего «культурного мира» возможной победы большевиков. Например, в статье, опубликованной в газете «Новое слово»,

говорилось: «Большевизм – угроза мировой культуре; в случае победы советов погибнет все высокородное – философия, искусство, религия – все, что ниспослано Богом». Другая линия была ориентирована на пропаганду исключительной роли Германии в деле возрождения белорусской культуры и национального самосознания белорусского народа. Наиболее последовательно эта идея проводилась такими изданиями, как «Баранавіцкая газета», «Пагоня», «Менская газета» и др.¹⁷

Примечательно, что пропаганда «культурного и национального возрождения» резко контрастировала с реальной политикой немецких оккупационных властей на Востоке. В одном из обращений В. Кубе к А. Розенбергу сообщалось, что по приказу Г. Гимmlера множество ценных предметов искусства Белоруссии было отправлено в Германию, а также о разграблении музея первобытной истории и оборудования университета в Минске¹⁸. При этом подчиненными Розенберга уже был создан специальный «штаб для учета и эвакуации культурных ценностей с территории занятых восточных областей». А сам Розенберг в соответствии с приказом Гитлера от 1 марта 1942 г. был наделен полномочиями по изъятию и использованию культурных и научных ценностей в пределах «Остланда». Хотя конфискации подлежало имущество «еврейских, франкомасонских и близких к ним организаций», в этот разряд попали и так называемые «бесхозные ценности» и предметы с «неустановленным происхождением». Таким образом, культуре Белоруссии с первых дней оккупации был нанесен огромный и невозполнимый ущерб. Это фактическое уничтожение культурного наследия белорусского народа шло вразрез с демагогическими заявлениями немецких пропагандистов о возрождении белорусского языка и культуры.

Иллюстрацией к реальной политике немецких властей в области культуры «освобожденных народов» служат слова главы нацистского рейха: «Если мы будем обучать русских, украинцев и киргизов читать и писать, то впоследствии это обернется против нас. Образование даст более развитым из них возможность изучать историю, овладеть историческим опытом, а отсюда развивать политические идеи, которые не могут не быть губительными для наших интересов. Нельзя, чтобы они знали больше, чем значение дорожных знаков. Обучение в области географии может быть ограничено одной-единственной фразой «столица рейха – Берлин». Математика и все прочее совершенно не нужно»¹⁹.

Настоящему глумлению подверглось культурное достояние народов Белоруссии. Нормы поведения германских солдат относительно культурных ценностей «освобожденных народов» были сформулированы в приказе генерал-фельдмаршала фон Рейхенау. В нем подчеркивалось, что «никакие исторические или художественные

ценности на Востоке не имеют значения»²⁰. Эти указания в полной мере претворялись оккупантами и на белорусской земле. За 1941–1944 гг. нацисты уничтожили в Белоруссии свыше 500 крупных памятников культурного и научного значения, нанесли крупнейший урон культурным учреждениям Республики. Ими было разрушено свыше 5300 клубов и красных уголков, более 200 библиотек, 26 музеев. Ущерб, причиненный захватчиками только учреждениям сферы искусства, исчислялся в 163,4 млн советских рублей. В Минске захватчики уничтожили государственную картинную галерею, расхитили представлявшие значительную ценность картины и скульптуры (более 500 произведений). Были разгромлены Белорусский театр оперы и балета, 1-й Белорусский драмтеатр, Дома союзов писателей, художников и композиторов. Все, что представляло какую-либо материальную или художественную ценность, объявлялось собственностью «рейха» и вывозилось в Германию.

Очевидно, что подобная практика резко контрастировала с демагогично объявленной В. Кубе идеей «белорусизации» и «возрождения культуры» и полностью нивелировала деятельность отделов культуры и пропаганды. Именно эти негативные последствия для пропагандистской работы Генерального Комиссариата стали причиной неоднократных обращений В. Кубе к руководству. Например, в письме к А. Розенбергу от 29 сентября 1941 г. он признавал, что в университете «бессмысленно уничтожены и разграблены приборы стоимостью в миллионы марок»²¹.

Некоторые изменения, как в оккупационной политике, так и в содержании пропаганды, произошли в 1942 г. Их причиной стало развитие событий на Восточном фронте. Обеспечить дальнейшее использование человеческих и природных ресурсов в тылу вермахта можно было только при условии нормальных взаимоотношений с местным населением. Как следствие, Розенберг сформулировал ряд идеологических клише и установок для пропаганды об уважительном отношении к национальному своеобразию восточных народов и о роли Германии как покровительницы и защитницы этих народов. Отныне запрещалось употреблять слово «колония» либо рассказывать о колонизаторских планах нацистов относительно «восточных территорий»²².

С этого момента в пропагандистских целях запрещалось употреблять в СМИ слова «Россия» и «Русское Отечество». Вместо них предлагалось использовать словосочетания «народы России» и «белорусский народ»²³.

У Кубе эта доктрина вылилась в очередное пропагандистское обращение к населению округа: «В условиях свободы от польского и российского шовинизма и советско-большевистской идеологии белорусы впервые за свою историю получили возможность для своего национального развития». Было заявлено о необходимости ликвидации

последствий влияния «чужеземных идеологий» и укрепления «собственного этнического элемента». Этой цели должны были служить развитие просвещения, культуры, деятельность церкви, воспитание у молодежи национального самосознания. Утверждалось, что только в случае, если Белоруссия выберет для себя курс на сотрудничество с немецкой властью, она не только найдет свой путь в европейское сообщество и примет участие в создании «Новой Европы», но и получит возможность для национального возрождения. Ключевым лозунгом этого периода стал лозунг «Белоруссия для белорусов». Воплощению этой задачи должны были послужить основанные в 1942 г. разнообразные культурные, общественные и иные организации, например, «Белорусское научное общество»²⁴, «Белорусские профсоюзы»²⁵, «Судебный аппарат Белоруссии»²⁶, «Всебелорусский женский комитет»²⁷. Само их наличие должно было быть доказательством доверия немецких властей к белорусам, уважения к их стремлению организовать собственные общественные и административные структуры.

В инструкции отдела пропаганды для местных кадров начала 1943 г. «О популяризации мероприятий немецкой власти и белорусско-немецкого сотрудничества» говорилось: «Общественно-политические мероприятия имеют исключительное значение для белорусского народа и заслуживают широкой популяризации, как в городах, так и в деревнях. Надо расширять пропаганду на все слои общества в форме докладов и бесед на предприятиях среди рабочих и служащих, а также среди сельских жителей. В результате этой разъяснительной работы станет понятной политика немецкой власти в отношении белорусов». В документе предлагалось акцентировать внимание аудитории на ряде базисных пунктов. Например, что 22-ое июня 1941 года является «исторической датой начала освобождения белорусов от жидо-большевистской системы», что «сталинская армия вскоре будет отброшена на Восток и окончательно разбита». Рекомендовалось также апеллировать к национальным чувствам белорусов, используя заранее заготовленные клише: «Богатый в прошлом белорусский край, доведенный большевиками до полной разрухи, экономического и культурного упадка, теперь навсегда освободился от бесчеловечного гнета жидо-большевиков, от голода и нищеты, от невиданного в истории всех времен и народов дьявольского террора НКВД. Возшло солнце национальной справедливости, белорусский народ впервые получил право бороться за светлое будущее вместе со всеми культурными народами Европы. Немцы пришли в Белоруссию не с целью порабощения и грабежа, как утверждает советская пропаганда, а изгнали ненавистный белорусскому народу жидо-большевизм и вместе с лучшими представителями белорусского народа восстанавливают разрушенные большевиками экономику и культуру страны»²⁸.

В контексте предложенной программы проходила пропагандистская деятельность коллаборационистских организаций, в том числе Белорусской народной самопомощи (БНС), которая наладила издание книг и брошюр по культурно-исторической и национальной тематике, например, «Кривия – Белоруссия в прошлом» Станкевича, «Белорусский песенник», «Сборник белорусских пьес», «Что надо знать каждому белорусу»²⁹.

Особое место в пропаганде в области культуры занимала такая форма работы, как организация и проведение народных праздников. Например, в июле 1942 г. в Минске на берегу Свислочи БНС организовала массовое празднование Купалья. В праздничную программу входили танцы, песни, народная музыка, купальские костры и выступления пропагандистов об исключительной роли Гитлера в деле «освобождения Белоруссии» и обретенной возможности празднования древних национальных праздников, запрещенных большевиками³⁰.

Национальную сущность проводимых пропагандистских мероприятий должны были подчеркнуть и другие акции оккупационной власти. К их числу можно отнести переименование улиц в Минске, в том числе в честь известных деятелей белорусской культуры. Например, улицу М. Горького переименовали в честь М. Богдановича, улица А. С. Пушкина стала носить имя Ф. Скорины, а светлое имя «возрождение» получила улица К. Маркса³¹.

В 1943 г. по инициативе В. Кубе в округе прошла пропагандистская кампания о «нордической крови белорусов». В соответствии с новой теорией национального происхождения белорусов они относились к числу этносов, стоящих на более высокой ступени, чем русские. Это объяснялось тем, что белорусы, а вместе с ними украинцы и «русские Севера», «имели общие этнические корни с викингами и развивались под их культурным влиянием»³².

При этом белорусские коллаборационисты наивно рассчитывали, что переименование улиц и издание националистических брошюр выльется в признание права на учреждение собственной государственности. Например, в марте 1943 г. на съезде окружных глав БНС и военных референтов Центральная Рада БНС составила меморандум по вопросам национальной и культурной политики и адресовала его Кубе. «Белорусская интеллигенция не может противостоять вражеской пропаганде, поскольку сама не знает конкретных условий вступления Белоруссии в Новую Европу, – говорилось в нем, – съезд считает целесообразным предложить следующие мероприятия, которые еще могут вернуть энтузиазм в народе для борьбы за Новую Европу: обозначить идеологическую и организационную основу вхождения Белоруссии в состав Новой Европы, признать ее независимость; создать национальное правительство,

которое объявит об отделении от СССР и объявит ему войну, как врагу белорусского народа; отменить большевистские законы; организовать Белорусскую Национальную Армию; привлечь в Белоруссию эмигрантские силы»³³.

Однако подарка в виде суверенитета от своих «освободителей» белорусские коллаборационисты так и не дождались. А немецкая администрация продолжала активно муссировать тему «возрождения культуры», чему были посвящены «недели белорусской культуры», которые стали проводить с весны 1943 г., но дальше этого дело не пошло. Одна из первых «недель» прошла в период с 23 мая по 30 мая 1943 г. и включала чтение докладов на тему «Исторические пути белорусской литературы и ее современные задачи» и празднование юбилея Ф. Сяхоновича. Планировалось издание сборника стихов белорусских поэтов Л. Гениуш и Н. Арсеньевой³⁴. Регулярно с 1942 г. проходили выставки произведений белорусских художников. Их организовывали 2 раза в год в крупных городах округа, например, в Минске, Барановичах, Слониме. Экспонировались картины таких художников, как Дучиц, братьев Волковых и Тихоновичей, Гембицкого, Севрука и др.³⁵

Медалями для «народов Востока» были отмечены местные пропагандистские кадры из числа коллаборационистов, активно участвовавшие в многочисленных «культурных мероприятиях», а именно Ганько, Адамович, Козловский, Сенкевич, Абрамович, Найдюк, Кипель, Ермаченко³⁶.

Практически накануне освобождения Белоруссии от фашистов с подачи оккупационной администрации были основаны Белорусское культурное объединение (БКО) и Белорусское научное товарищество (БНТ) – в феврале и марте 1944 г. соответственно. Целью их создания было объявлено «развитие белорусской науки и культуры»³⁷. В Статуте БНТ, подписанном Кубе еще в 1943 г., говорилось: «Чтобы удовлетворить стремления к развитию и подъему белорусской культуры и науки и сделать возможной организацию научной работы в Белоруссии, распоряжаюсь об основании в Минске БНТ и наделяю его Статутом». Для проведения своей работы члены БНТ предполагали повсеместное основание на территории округа секций белорусоведения, природоведения, математики, техники, искусства и литературы³⁸.

Однако деятельность этих объединений не ограничивалась вопросами исключительно «национального и культурного возрождения». С одной стороны, многие из их членов были известными деятелями культуры – музыкантами, поэтами, писателями (М. Щеглов, Н. Арсеньева, Л. Гениуш, Ю. Витьбич), но, с другой стороны, они же участвовали в пропагандистских акциях под руководством белорусских коллаборационистов И. Ермаченко, Е. Калубовича, В. Кипеля. «Беларуская газета», на страницах которой впервые публиковались произведения этих авторов, отмечала, что «1944 год стал годом настоящего

расцвета культуры, когда поэты и писатели работают свободно, без «социального заказа»³⁹.

Действительно, такое впечатление может возникнуть, если забыть о Хатыни и тысячах других сожженных белорусских деревень, геноциде евреев, принудительных вербовках оstarбайтеров, разграблении белорусских музеев, библиотек. Пропаганда и реальная политика немецких оккупационных властей в области культуры диаметрально расходились. Так, немцами были вывезены из Центральной библиотеки Минска в Германию 1,5 млн книг, в том числе собрание старопечатных изданий Ф. Скорины, первое издание Литовского Статута, рукописи Янки Купалы, Максима Богдановича, библиотеки Академии наук, государственного университета, политехнического института. Гитлеровцы разрушили БГУ вместе с зоологическим, историко-археологическим и геолого-минералогическим музеями, уничтожили медицинский институт со всеми его клиниками; разгромили Академию наук с девятью институтами, зоологическим и геологическим музеями, ботаническим садом (из последнего вывезли в Германию лучший в Европе гербарий); уничтожили политехнический институт; разрушили Государственную филармонию и консерваторию⁴⁰. Единственное, что оставили немецкие оккупанты белорусам, — возможность разговаривать на белорусском языке на 1/4 части территории БССР, чтобы обучать и воспитывать детей в духе преданности нацистской Германии. Разговоры немецких пропагандистов о «расцвете белорусской культуры» звучали попросту абсурдно на фоне проводимых в зоне действия партизан карательных акций, чем еще более стимулировали развитие партизанского движения. Об отрицательном влиянии политики «выжженной земли» на эффективность пропагандистской работы неоднократно докладывал своему руководству Генеральный Комиссар округа – В. Кубе. Например, в июне 1943 г. он сообщал, что среди 5000 убитых в ходе операции «Котбус», «которые якобы сотрудничали с партизанами, много женщин и детей». Кубе предупреждал, что политические последствия этих акций катастрофические⁴¹. В другом рапорте на имя Лозе он был еще более резок: «Массовые расстрелы или сжигание женщин и детей не имеют ничего общего с гуманным ведением войны. Количество деревень, уничтоженных во время крупных полицейских операций, превышает количество деревень, сожженных партизанами. Если такими методами действовать и дальше, нечего рассчитывать на успокоение края. Карательные экспедиции порой превращаются в кровавые оргии, и это не только уничтожает доверие населения к немецкому руководству, но в первую очередь отнимают уверенность у белорусов, которые с нами сотрудничают...»⁴².

Слова Кубе отнюдь не означают, что он искренне переживал о судьбах белорусского народа и стремился остановить его геноцид. Кубе был

членом НСДАП, разделявшим идеологию и ценности создателей «вечного рейха». Его неоднократные обращения к вышестоящему руководству свидетельствуют лишь о чисто утилитарном стремлении извлечь максимальные материальные и людские ресурсы (вербовки оstarбайтеров) белорусской земли через использование пропаганды.

Таким образом, инициированная В. Кубе политика так называемой «белорусизации» должна была служить, с одной стороны, воспитанию белорусов исключительно в националистическом духе, а с другой – способствовать привлечению местного населения к решению экономических задач гражданской администрации округа. Определенный культурный подъем, который наблюдался в период немецкой оккупации белорусской земли, был связан с именами известных представителей культуры – Л. Гениуш, Н. Арсеньевой, А. Соловья, М. Щеглова – произошел только в узких рамках белорусского коллаборационизма и не затронул широкие народные массы. Пропаганда немецких властей в области культуры в Генеральном округе Белоруссия включала две линии: распространение идеи «возрождения национальной культуры и языка», с одной стороны, и формирование в массовом сознании убежденности в том, что будущее Белоруссии связано исключительно с нацистской Германией и «Новой Европой» – с другой.

Отношение населения к проводимой немцами пропаганде в области культуры, в том числе так называемой «белорусизации» было двояким. Части белорусской интеллигенции поначалу импонировала идея возрождения белорусской культуры и создания некоего подобия представительских учреждений под контролем «освободителей». Основная же масса населения (крестьянство), была слишком далека от проблем возрождения культуры и языка, поскольку ежедневно сталкивалась с целым рядом более насущных вопросов. Население округа испытывало ужас от методов борьбы с партизанами, практиковавшихся силами СС и СД, которые не подчинялись немецкой гражданской администрации. Политика «выжженной земли», т. е. уничтожения целых деревень с их жителями, находившихся в зоне действия партизан, геноцид евреев, принудительные «вербовки» оstarбайтеров, необходимость выполнения все возрастающих норм поставок сельхозпродукции – все эти факторы в совокупности нивелировали усилия немецких пропагандистов. Помимо этого, мощное идеологическое воздействие оказывала партизанская контрпропаганда. Всего за годы Великой Отечественной войны на территории Белоруссии действовало 1255 советских партизанских отрядов. Эти формирования насчитывали более 374 тыс. вооруженных бойцов⁴³.

Контрпропаганда, которую осуществляли партизаны, существенно снижала эффективность массовой немецкой пропаганды. Она

давала представление о реальном положении на советско-германском фронте и вселяла уверенность в Победу над немецко-фашистскими захватчиками.

Примечания

- 1 См.: Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Минск : Беларусь, 1993. 235 с.
- 2 См.: Шлоотц Й. Немецкая пропаганда в Беларусі, 1941–1944 : Конфронтацыя между прапагандай і дзейнасцю : Выставка в Берліне, Мінску і Маскве. Берлін : Свободны ўніверсітэт, 1997. 80 с.
- 3 См.: Новікаў С. Я. Беларусь у гады нацысцкай акупацыі у айчынай і замежнай гістарыяграфіі // Весці НАН Беларусі, сер. гуманіт. навук. 2005. № 1. С. 42–54.
- 4 См.: Литвін А. М. К вопросу о количестве людских потерь Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Беларусь у XX стагоддзі : [Зб. Навук. прац] / навук. рэд. В. П. Андрэеў. Вып. 1. Мінск ; Томск : Водолей, 2002. 191 с.
- 5 См.: Коваленя А. А. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны). Минск : Издательский дом БГУ, 2004. 280 с.
- 6 См.: Беларусь в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. А. А. Коваленя. Минск : Белта, 2005. 544 с.
- 7 См.: Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны. Праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства. Мінск : Беларуская навука, 1999. 251 с.
- 8 Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 411 (Отдел пропаганды при Верховном командовании группы армий «Центр», г. Смоленск). Оп. 1. Д. 1. Л. 30.
- 9 Там же. Ф. 370 (Генеральный Комиссариат Белоруссии (ГКБ), г. Минск). Оп. 1. Д. 1272. Л. 151.
- 10 Туронак Ю. Указ. соч. С. 123.
- 11 См.: НАРБ. Ф. 384 (Центральное управление Белорусской самопомощи). Оп. 1. Д. 4. Л. 8.
- 12 См.: НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1279. Л. 102.
- 13 См.: Там же. Ф. 393 (Минский окружной комиссариат). Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
- 14 См.: Там же. Ф. 370. Оп. 6. Д. 11. Л. 15.
- 15 См.: Там же. Ф. 411. Оп. 1. Д. 6. Л. 40.
- 16 Там же. Ф. 411. Оп. 1. Д. 50. Л. 20.
- 17 Там же. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1314. Л. 5-10.
- 18 См.: Туронак Ю. Указ. соч. С. 78.
- 19 Новікаў С. Я. Нямецкі архіў. Дакументы Трэцяга рэйха аб акупацыі Беларусі 1941–1944 гг. // Бел. Думка, 2003. № 5. С. 54.
- 20 Беларусь в годы Великой Отечественной войны... С. 78.
- 21 Новікаў С. Я. Нямецкі архіў. Дакументы Трэцяга рэйха аб акупацыі Беларусі 1941–1944 гг. С. 46.
- 22 Туронак Ю. Указ. соч. С. 78.
- 23 НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 2390. Л. 103.
- 24 Там же. Ф. 386 (Белорусское научное общество при Белорусской центральной раде, г. Минск). Оп. 1. Д. 1. Л. 1-5.
- 25 См.: Там же. Ф. 555 (Центральное бюро профессио-

- нальных союзов (профсоюзов) Белоруссии, г. Минск). Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
- ²⁶ Там же. Ф. 396 (Минский окружной суд). Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
- ²⁷ Там же. Ф. 384 (Всебелорусский женский комитет). Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
- ²⁸ Там же. Ф. 411. Оп. 1. Д. 21. Л. 26.
- ²⁹ Там же. Ф. 908 (Ермаченко Иван Абрамович). Оп. 1. Д. 7. Л. 6.
- ³⁰ Там же. Ф. 370. Оп. 1. Д. 423. Л. 22.
- ³¹ Там же. Ф. 411. Оп. 1. Д. 6. Л. 96.
- ³² Там же. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1355. Л. 90.
- ³³ Там же. Ф. 908. Оп. 1. Д. 2. Л. 3-4.
- ³⁴ Там же. Ф. 569. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.
- ³⁵ Там же. Ф. 411. Оп. 1. Д. 31. Л. 12.
- ³⁶ Там же. Ф. 4-П (ЦК Коммунистической партии Белоруссии (КПБ), г. Минск). Оп. 33 а. Д. 610. Л. 59-60.
- ³⁷ Там же. Ф. 908. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.
- ³⁸ Там же. Ф. 370. Оп. 1. Д. 419. Л. 38.
- ³⁹ Там же. Ф. 370. Оп. 1. Д. 2395. Л. 62.
- ⁴⁰ См.: Беларусь в годы Великой Отечественной войны... С. 444.
- ⁴¹ См.: Туронак Ю. Указ. соч. С. 141.
- ⁴² Там же. С. 142-143.
- ⁴³ См.: Беларусь партизанская. Иллюстрированная энциклопедия партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны / под общ. ред. А. М. Литвина. Минск : Белорусская Энциклопедия им. Петруся Бровки, 2019. С. 252.

Поступила в редакцию 15.12.2020, после рецензирования 22.12.2020, принята к публикации 28.12.2020
Received 15.12.2020, revised 22.12.2020, accepted 28.12.2020

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 175–187

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 175–187

Научная статья

УДК 94(474)

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-175-187>

Взаимоотношения Ливонского ландмейстерства Тевтонского ордена и рижских архиепископов в условиях Реформации и вопрос о политическом устройстве Ливонии

А. А. Конопленко

Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Саратов, 410012, ул. Московская, д. 164

Конопленко Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической психологии и психологии государственной службы, aakonoplenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-8945>

Аннотация. В статье выявляются характер и особенности взаимоотношений Ливонского ландмейстерства Тевтонского ордена и рижских архиепископов во время Ливонской Реформации в 1521–1558 гг.: рассматривается их отношение к распространению лютеранства, влияние Реформации на политическую жизнь Ливонии; изучаются правовые, политические и идеологические причины и предпосылки исторического выбора, сделанного ливонским ландмейстером Вольтером фон Плеттенбергом. Формулируется вывод об успешном использовании реформационного движения Ливонским ландмейстерством в борьбе против рижского архиепископа, об отрицательном воздействии результатов подобной политики на положение ландмейстерства, об усугублении Реформацией сложной политической ситуации в Ливонии.

Ключевые слова: Ливония, Ливонское ландмейстерство, Тевтонский орден, Рижское архиепископство, Реформация, лютеранство, секуляризация, Вольтер фон Плеттенберг, Рига, Дерпт (Тарту), Ревель (Таллин), Ливонская война

Для цитирования: Конопленко А. А. Взаимоотношения Ливонского ландмейстерства Тевтонского ордена и рижских архиепископов в условиях Реформации и вопрос о политическом устройстве Ливонии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 175–187. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-175-187>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-175-187>

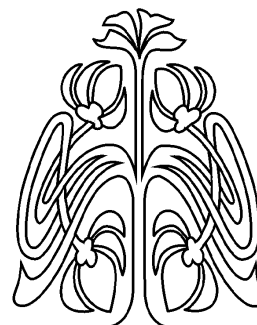
Relations between the Livonian Order and the Archbishops of Riga in the context of the Reformation and the question of the political structure of Livonia

A. A. Konoplenko

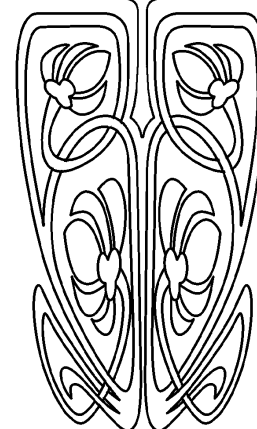
Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Andrey A. Konoplenko, aakonoplenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-8945>

© Конопленко А. А., 2021

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. The article reveals the nature and features of the relationship between the Livonian Order and the Archbishops of Riga during the Livonian Reformation, in 1521–1558, and reveals their attitude towards the spread of Lutheranism, the influence of the reformation processes on the political life of Livonia. It also examines the legal, political and ideological reasons and prerequisites of the Livonian Master Wolter von Plettenberg historical choice. The article concludes about the successful use of the reformation movement by the Livonian Order in the struggle against the Archbishop of Riga, about the negative impact of the results of this policy on the position of the Order, about the worsening of the difficult political situation in Livonia by the Reformation.

Keywords: Livonia, the Livonian Order, the Teutonic Order, Archbishopric of Riga, Reformation, Lutheranism, secularization, Wolter von Plettenberg, Riga, Dorpat (Tartu), Reval (Tallinn), the Livonian War

For citation: Konoplenko A. A. Relations between the Livonian Order and the Archbishops of Riga in the context of the Reformation and the question of the political structure of Livonia. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 175–187 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-175-187>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Одним из основных событий ливонской истории стало противостояние Тевтонского ордена, прежде всего его Ливонского ландмейстерства, и рижских архиепископов в борьбе за политическое верховенство¹. В марте 1330 г. завершилась продолжавшаяся более 30 лет внутрививонская война – первое вооруженное столкновение противоборствующих сторон. Главная опора архиепископа – Рига – капитулировала перед братьями-рыцарями и признала власть Ордена². В войне 1297–1330 гг. решалось, кто будет господствовать в Ливонии: сумеет ли рижский архиепископ, опираясь на авторитет Церкви, поддержку папы и деньги Риги, воплотить свои, унаследованные еще из времен существования корпорации меченосцев, права сюзерена по отношению к ливонскому ландмейстеру, превратив их из юридического казуса и фактического нонсенса в реальность, или же Ордену, воспользовавшись лидирующим положением в балтийской миссии, удастся повторить в Ливонии сценарий³, примененный до того в Пруссии, где братья-рыцари полностью подчинили местных прелатов, инкорпорируя три из четырех прусских епископств в свою организационную структуру⁴. В ходе длительного противостояния, развернувшегося не только на полях сражений, но и на политико-дипломатическом поприще, ни той ни другой стороне достичь поставленных целей в полной мере не удалось. Однако, начиная с 1330 г., явный политический перевес в Ливонии оказывается на стороне Ордена, все более усиливавшего давление на рижского прелата, который, в свою очередь, также не оставлял попыток взять реванш⁵.

Очевидное преобладание братьев-рыцарей завершилось в середине 30-х гг. XV в. в ситуации серьезного поражения Ордена⁶ при его попытке вмешаться в междоусобную войну в Великом княжестве Литовском⁷ на стороне проигравшего ее Свидригайло Ольгердовича⁸. Об этом имеются сведения и в «Русско-ливонских актах»⁹. В связи с неудачными действиями ландмейстерства ливонские земли оказались беззащитны перед возможным литовским вторжением, «вследствие чего Ливония весьма ослабла»¹⁰. Результатом стали фактический отказ орденских рыцарей от политической гегемонии в Ливонии и оформление

конфедерации в составе ландмейстерства, Рижского архиепископства, епископств, ливонских городов и вассалов. Братья-рыцари обязались согласовывать с архиепископом внешнюю политику, был декларирован общий союз всех ливонских ландесгерров¹¹. Однако на деле внутренние распри в Ливонии не прекратились.

Последним крупным проявлением конфликта ландмейстерства и архиепископов перед реформационными событиями в Ливонии стала распря второй половины 1470 – первой половины 1480-х гг. Еще ранее, на ландтаге в Вольмаре в 1451 г., Ордену удалось обозначить принадлежность рижских каноников к своей структуре¹², через папское им предписание носить одеяния, схожие с орденскими¹³. Но вскоре противоречия братьев-рыцарей с архиепископом Сильвестром Штодевешером (1448–1479) серьезно обострились¹⁴. Длительная распря, возникшая из-за сфер влияния в Риге, считавшихся по Кирхгольмскому договору 1452 г.¹⁵ принадлежащими и архиепископу, и Ордену в равной степени¹⁶, привела к открытому столкновению, в котором Орден стремился не только усилить свою власть над Ригой, но и захватить Рижскую архиепархию¹⁷. Рига, обязавшаяся ранее соблюдать нейтралитет в спорах обоих своих сюзеренов¹⁸, отказала архиепископу в поддержке, принеся присягу Ордену, в силу чего прелат наложил на нее в 1477 г. интердикт и попытался заручиться поддержкой Швеции¹⁹, заключив союз со Стеном Стуре²⁰, направившим ему военную помощь. В этой ситуации ландмейстер Бернгард фон дер Борх (1471–1483) обвинил Штодевешера в действиях, направленных во вред Ливонии, в нежелании противодействовать якобы имеющимся у «русских схизматиков» намерениям захватить Рижскую архиепархию и, заручившись поддержкой сословий, решил окончательно разрешить многовековое противоборство в свою пользу. Апогеем конфликта стали разгром архиепископского войска орденским в начале 1479 г., аннексия большей части архиепископских владений²¹, пленение Штодевешера братьями-рыцарями и его кончина в неволе²². Борх надеялся при помощи императора Фридриха III (1452–1493) развить успех, поставив целью полное упразднение архиепископства как отдельного

княжества²³. В очевидно инспирированном ландмейстерством анонимном воззвании фактически обозначены его цели: для того чтобы территория архиепархии «оставалась вне зависимости от русских и сохранялась в христианской вере», ее отныне «находящиеся в светской зависимости от Ордена земли, люди, города, замки и крепости и все, что подлежит светскому управлению» и в будущем оставить под властью ландмейстера «к процветанию и благу, к усилению и приумножению христианства»²⁴.

Успехи ландмейстерства не могли не вызвать опасений у рижан, так как лишали их возможности привычного политического лавирования между двумя властями. К тому времени братья-рыцари потерпели серьезные поражения²⁵ в ходе войны с Псковом и стоявшей за ним Москвой (1480–1481)²⁶, собственно затеянной Борхом с целью повышения престижа ландмейстерства внутри Ливонии и в Европе²⁷ для подкрепления претензий на территорию архиепископства²⁸. На этом фоне рижане изменили свои политические предпочтения: принесли присягу новому назначенному из Рима архиепископу Стефану Грубе (1480–1483) и в столкновении с братьями-рыцарями выступили на его стороне²⁹. Военные действия и здесь шли для уже ослабленного ландмейстерства неудачно, в результате Борх был смещен с должности³⁰; почти одновременно с этим умер архиепископ Стефан. Преемником последнего, благодаря финансовым усилиям в Риме нового ливонского ландмейстера Иоганна Фридриха фон Лоринкгофена (1483–1494), стал бывший личный секретарь умершего Борха – Михаэль Гильдебранд (1484–1509). Рижане этого назначения не признали, оружия не сложили и сумели разбить орденское войско³¹. Война закончилась перемирием, продолжавшимся до 1489 г., когда обмен ударами между рижанами и братьями-рыцарями возобновился.

Накануне событий Реформации архиепископскую кафедру занимал Яспер Линде (1509–1524), старавшийся в своей политике по возможности лавировать между рижским ратом и верхушкой ландмейстерства. Пост же ландмейстера в 1494–1535 гг. занимал Вольтер фон Плеттенберг, талантливый политик и успешный военачальник, сумевший отчасти сплотить Ливонскую конфедерацию в условиях внешней опасности и в ходе в целом успешной³² войны 1501–1503 гг. с Русским государством фактически отодвинуть решающее столкновение с ним, закрепив политический status quo, как оказалось, с учетом возобновления мирных русско-ливонских соглашений на следующее столетие³³.

«В 1522 году, – напишет через полвека ливонский хронист, пастор Бальтазар Руссов (ок. 1540–1600), – начал в ливонских городах проявляться свет Божественного Евангелия»³⁴. Первые известия о распространении в Ливонии нового учения относятся к 1518 г.³⁵ Здесь его идеи

упали на благодатную почву³⁶ и распространились очень быстро, встретив активную поддержку городского населения³⁷, а сами реформационные события протекали довольно остро и бурно.

Главным центром ливонской Реформации стала Рига. Здесь ко времени завершения архиепископского правления Яспера уже три года³⁸ активно проповедовал прибывший из Померании Андреас Кнопкен (ок. 1468–1539), ученик Иоганна Бугенхагена³⁹, одного из видных соратников Лютера. 23 октября 1522 г. – день, когда решением рижского рата и согласия городских гильдий Кнопкена назначили архидиаконом старейшего храма Риги, церкви св. Петра⁴⁰, – можно считать начальной точкой отсчета истории ливонской Реформации. К радикальным действиям⁴¹ рижан призывал другой, еще более решительно настроенный проповедник – уроженец Гамбурга Сильвестр Тегетмейер (ум. 1571), имевший большое влияние на городскую бедноту⁴². Архиепископ Яспер пытался сдерживать рост реформационных настроений, обратившись за помощью к папе и императору. Узнав о его намерениях, большинство рижских бюргеров, представители средних слоев городского населения и часть городской верхушки в марте 1524 г. объявили о принадлежности к протестантской вере, начались преследования католического духовенства. К маю город был в руках сторонников Реформации. Яспер, четко обозначив негативное отношение к ее идеям, практических ходов в этом направлении вследствие скорой смерти предпринять не успел. Преемником Яспера по папской протекции 24 июня 1524 г. стал его коадьютор, дерптский и ревельский епископ Иоганн VII Бланкенфельд (1524–1527), человек высокообразованный и инициативный. Не лишним будет заметить, Бланкенфельд являлся выходцем из Бранденбурга, представителем влиятельного берлинского рода⁴³, когда-то служил местному курфюрсту⁴⁴ и был тесно связан с Гогенцоллернами. Кроме того, Бланкенфельд – доктор права состоял на службе верховного магистрата Тевтонского ордена, представляя его интересы в Риме, пользовался расположением Плеттенберга и в целом считался для Ордена фигурой вполне лояльной. Однако вскоре его отношение к Ордену кардинально поменялось. Заняв архиепископскую кафедру, Бланкенфельд, «подлинный вождь, духовный глава противников Реформации»⁴⁵, решительно выступил против новых веяний⁴⁶, изгнал лютеранских пасторов из подконтрольных ему Кокенгаузена и Лемзала. В ответ в Риге вспыхнуло восстание под лютеранскими лозунгами, начались иконоборческие погромы. 21 августа 1524 г. Рига отказалась от присяги архиепископу и провозгласила своим единственным сюзереном ландмейстера⁴⁷.

Между тем Реформация в Ливонии набирала ход. Выступления лютеранских проповедников способствовали распространению радикальных настроений и в других ливонских городах⁴⁸.

Самым ярким из проповедников новой веры был выходец из Швабии, скорняк Мельхиор Гофман (ок. 1495–1543), обрушивавшийся в 1523–1526 гг. с острой критикой на католицизм и католическое духовенство сначала в Вольмаре, Дерпте⁴⁹, а затем в Ревеле. Особенно эффективной его деятельность оказалась в Дерпте, где уже до того успешно проповедовал рижский клирик Герман Марсов⁵⁰. Попытка арестовать Гофмана, пользовавшегося большой популярностью у низших слоев населения⁵¹, предпринятая по приказу архиепископа Иоганна Бланкенфельда (сохранившего за собой дерптскую епископскую кафедру) его фогтом, привела в январе 1525 г.⁵² к восстанию в Дерпте, и без того находившемуся в весьма сложных отношениях со своим сюзереном⁵³. Восставшие, поддержанные местным ратом, капитулом, вассалами, громили церкви и монастыри, напали на епископский замок⁵⁴.

Бурно реформационные события с сентября 1524 г.⁵⁵ проходили и в Ревеле⁵⁶, где сторонники Реформации, впервые заявив о себе в 1523 г.⁵⁷, вдохновляемые выходцем из Германии Иоганном Ланге и рижанином Захариасом Хассе⁵⁸, в январе 1525 г также взяли верх. Ревель, как и Рига, отказался подчиняться своему епископу (Бланкенфельду), провозгласив единственным сюзереном ландмейстера. Отказал в присяге епископу и Дерпт, пожелав видеть своим господином Плеттенберга⁵⁹. Реформация в ливонских городах явно одерживала верх, о чем известно было и Лютеру: уже в 1523 г. он адресовал «всем христианам в Риге, Дерпте и Ревеле» письмо с толкованием на 127 псалом⁶⁰, что, несомненно, стало серьезной поддержкой для его приверженцев⁶¹.

Из крупных городов реформационное учение стало распространяться в менее значимые⁶². Окончательная победа ливонской Реформации будет официально признана на вольмарском ландтаге 1554 г., а год спустя рижский комтур Георг Зибер фон Вишлинг как представитель Ливонии подпишет Аугсбургский религиозный мир, что закрепит эту победу на европейском уровне⁶³.

Однако вернемся к более ранним событиям. После первых успехов, достигнутых сторонниками Реформации в 1524 – начале 1525 г., опасаясь еще большего обострения ситуации и удовлетворяя просьбы городов, Плеттенберг созвал 2 июля 1525 г. ландтаг в Вольмаре⁶⁴. На нем города выступили в защиту своих интересов и Реформации, обвинили архиепископа в кровопролитии во время реформационных волнений⁶⁵.

Какими именно соображениями руководствовался Плеттенберг, выбирая линию поведения в условиях реформационного конфликта, можно лишь предполагать. Возможно, ландмейстер, обладая, как о том свидетельствует его биография, богатым политическим опытом и способностью верно оценивать объективные реалии, не верил в возможность эффективно противостоять реформационному порыву в ливонских условиях, по

крайней мере, на тот момент. И единственное, что он мог сделать, чтобы попытаться сохранить мир, а если удастся, извлечь из происходящего политические дивиденды, так это отклонить удар, перенаправив его острие в сторону извечного политического соперника – рижского архиепископа. Еще в 1522 г., когда прелаты попытались добиться осуждения едва только проникшего в Ливонию учения Лютера как еретического, ландмейстер их в том не поддержал. Теперь же Плеттенберг провозгласил (21 сентября 1525 г.) свободу вероисповедания, фактически санкционировав успехи лютеранства в Ливонии⁶⁶. В результате архиепископ оказался в политической изоляции, предстал в глазах приверженцев новой веры главным инициатором противодействия ей и виновником преследований ее адептов.

Для закрепления успеха Плеттенберг продолжил политику, направленную на дискредитацию архиепископской власти, обвинив Бланкенфельда в связях с польским королем с целью обеспечить себе поддержку в противодействии лютеранству и что особенно важно – в сношениях с великим князем Московским Василием III и псковскими властями⁶⁷ для получения военной помощи против ландмейстерства и принявших Реформацию городов взамен на уступку части своих владений. Эти обвинения по сути в предательстве общих интересов Ливонской конфедерации окончательно подорвали позиции архиепископа, в декабре 1525 г. взятого его же вассалами при поддержке орденовских властей под домашний арест в замке Роннебург⁶⁸. Одновременно, опасаясь русского вторжения, Плеттенберг принял меры, направленные на увеличение обороноспособности страны⁶⁹.

Как видно, Плеттенберг в борьбе с архиепископом постарался, выдвинув в адрес соперника обвинения в предательстве общеливонских интересов, лишить его союзников и поддержки вассалов, подобно тому, как полвека назад действовал Борх. Плеттенберг при этом позиционирует себя защитника интересов всей Ливонии (опять же, как ранее это пытался делать Борх) и в целом следует программному политическому тезису братьев-рыцарей, ярко выраженному еще столетия назад в «Старшей ливонской Рифмованной хронике» (ок. 1290) – ландмейстерство и его глава несут ответственность за судьбы всей немецкой колонии в Ливонии и единственно они могут ее защитить⁷⁰.

Бланкенфельду ничего не оставалось, как временно смириться с поражением⁷¹. В марте следующего года он был освобожден, а уже в июле, выступив на очередном ландтаге, сумел при милостивом содействии Плеттенберга, вероятно, уже не видевшего перед собой серьезного врага, оправдаться в возведенных на него обвинениях⁷². Решениями ландтага политическая ситуация в Ливонии была на время стабилизирована при очевидном укреплении позиций ландмейстерства. Главные города – Рига, Дерпт и Ревель⁷³ – желали видеть Плеттенберга своим единственным вла-

стителем⁷⁴. 15 июня 1526 г. он был провозглашен защитником (протектором) Ливонии при запрете призывать для участия в ее делах каких-либо иноземных правителей. Епископы признали власть ландмейстера. Не оставалось иного и Бланкенфельду. Был заключен всеобщий мир⁷⁵. Это было сокрушительное политико-идеологическое поражение архиепископа, оправиться от которого он уже не смог⁷⁶.

Однако совсем сдаваться Бланкенфельд не желал и попытался использовать против Плеттенберга ситуацию, сложившуюся в Ордене в связи с обращением в лютеранство Альбрехта Гогенцоллерна и секуляризацией Пруссии. В условиях кризиса власти в духовно-рыцарской корпорации⁷⁷ архиепископ обратился к ней, обвинив Плеттенберга в стремлении выйти из подчинения Ордену и править Ливонией самостоятельно, что с учетом происходящего в ливонских городах могло выглядеть довольно правдоподобно. Кроме того архиепископ пытался найти помощь у папы, предприняв поездку в Италию; затем у императора Карла V (1519–1556)⁷⁸, отправившись к нему в Испанию, чтобы добиться восстановления своих сеньориальных прав в отношении Риги. Однако сделать это не удалось, прелат умер по дороге⁷⁹.

Преемником Бланкенфельда стал не предлагаемый им иноземец Георг Брауншвейг-Люнебургский (позднее, в 1558–1566 гг. – архиепископ Бременский), а поддержанный ландмейстером Томас Шёнинг (1527–1539). Новый архиепископ предпочитал жить подальше от беспокойной Риги, в своем Кокенгаузенском замке, не оставляя, тем не менее, надежд восстановить власть над городом. Шёнингу удалось договориться с рижанами о возобновлении причитающейся ему половины сеньориальной власти над Ригой, взамен на непротивление с его стороны распространению учения Лютера. 14 августа 1530 г. Рига принесла Шёнингу присягу. Одновременно архиепископ отказался от подчинения Плеттенбергу, выказанного его предшественником Бланкенфельдом в 1526 г.⁸⁰

В это время⁸¹ складывается пропрусски настроенное протестантское окружение архиепископа, рассчитывавшее провести секуляризацию в Ливонии при помощи внешних сил⁸². К числу подобных советников принадлежал, прежде всего, рижский синдик Иоганн Ломиллер, который еще в 1525 г. направил ландмаршалу Иоганну Платеру фон дер Брюле (1502–1529) проект реформирования управления Ливонией, сосредоточения всей власти в руках главы ландмейстерства⁸³. Брюле оказался адресатом этого послания, скорее всего, потому, что согласно орденской традиции был наиболее вероятным преемником престарелого Плеттенберга. Но поскольку смены власти в ландмейстерстве не происходило и рассчитывать на проведение им секуляризации приходилось все меньше, влиятельные архиепископские приближенные-протестанты решили, вероятно, сделать ставку на приглашенного представителя инозем-

ного княжеского дома, оказавшись фактически у последнего на службе, способствуя проведению выгодной ему политики⁸⁴. Видимо не без их участия архиепископ поручил отправление своей власти Вильгельму Бранденбургскому, назначив его коадьютором. Напомним, что Вильгельм принадлежал к роду Гогенцоллернов, один из его девяти братьев – Альбрехт (1490–1568), будучи тевтонским верховным магистром, секуляризовал орденские владения в Пруссии, став первым правителем Прусского герцогства, находившегося в зависимости от польской короны. Кроме того Вильгельм находился в родстве с правителями Польши, Дании и Мекленбурга⁸⁵.

Назначение Вильгельма коадьютором вызвало недовольство и протесты со стороны ландмейстера, части архиепископских вассалов-католиков⁸⁶, тех представителей сословий, которые видели за происходящим опасность утраты Ливонией независимости и ее подчинения польской короне⁸⁷. Думается, что экспансионистские планы последней, поддерживаемые прусским герцогом⁸⁸, были современникам вполне очевидны⁸⁹. Вассальная зависимость от Польши, признанная Орденем в 1466 г. по Второму Торнскому миру⁹⁰, на Ливонское ландмейстерство не распространялась⁹¹, однако еще во времена Борха, в 1479 г., верховный магистр Мартин Трухзес фон Вецгаузен (1477–1489) предлагал ему передать Ливонское ландмейстерство под защиту польского короля Казимира IV (1447–1492)⁹². Какие именно планы в отношении Ливонии вынашивал Альбрехт – не ясно. На этот счет высказывались различные мнения, в том числе о его стремлении обезопасить свое герцогство от посягательств со стороны Ливонского ландмейстерства, прекратить его существование. Тому были основания: Плеттенберг не исключал перспективы отвоения прусских земель. Не случайно в 1527 г., в обстановке кризиса верховной власти в Ордене, он добился от императора Карла V своего признания «администратором должности верховного магистра в Пруссии»⁹³.

Или же Альбрехт, содействуя Польше, стремился защитить свои владения от приближения к ним границ Московского государства в случае поглощения последним Ливонии. Согласно другому мнению он ставил конечной целью создание и в прусских, и ливонских секуляризованных землях наследственной монархии Гогенцоллернов. Ясно, однако, что планы эти при всей их неопределенности для историков были и продвигались герцогом в его взаимоотношениях с польской короной⁹⁴. Последняя, впрочем, имела в отношении Ливонии собственные интересы, как покажет время, не предполагавшие расширения влияния Гогенцоллернов, до поры оказавшихся польскому королю полезными в реализации его замыслов.

Но так или иначе, Вильгельму удалось удержаться в коадьюторской должности, в немалой степени благодаря тому, что на ландтаге 1530 г. его

в обмен на обещание соблюдения рыцарских прав и привилегии поддержали ливонские вассалы⁹⁵. В 1539 г. Вильгельм, вопреки предпочтениям рижан, все более с опаской взиравших на его прусские связи, и на внешнюю, даже без принятия священства⁹⁶, приверженность католическому обряду⁹⁷, сменил Шёнинга в должности архиепископа, став последним главой (1539–1563) средневековой Рижской архиепархии. Отношения архиепископа и Риги, не желавшей признавать его не только духовную, но и светскую власть, и возвращать архиепископские имущества, вновь накалились⁹⁸, так что Вильгельм по примеру предшественника перенес резиденцию в один из своих замков, на этот раз таковым стал Роннебург.

Против мятежной Риги Вильгельма поддержал новый ливонский ландмейстер Герман фон Брюнгеней (1535–1549), ранее подтвердивший ей свободу вероисповедания, но затем, уже после отказа Риги принимать Вильгельма, начавший подготовку к войне с бюргерами. Еще раньше, в бытность Вильгельма коадьютором, с ним на сближение пошел Плеттенберг⁹⁹: 1 апреля 1533 г. в Вендене между Вильгельмом, ландмейстером и Ригой был заключен договор о взаимной поддержке и непротиводействии Реформации¹⁰⁰. Это событие вызывало недовольство у верхушки ландмейстерства, сомнения в способности престарелого ландмейстера, вступившего в соглашение, как было сочтено, с изменниками и предателями общеливонских интересов, в дальнейшем исполнять свои обязанности. Не устраивали новые уступки лютеранам и епископов. Тем не менее позже уже и новый ландмейстер Брюнгеней заключает с коадьютором и архиепископом союз против возможных врагов внутри Ливонии и за ее пределами¹⁰¹.

Брюнгеней, похоже, пытался поначалу следовать политическим курсом предшественника, направленным на достижение религиозных компромиссов путем благоприятствования новому вероучению и умиротворения его сторонников. Но отсутствие авторитета и, быть может, неординарных личных качеств и способностей, подобных имеющимся у Плеттенберга, делало подобный курс для нового ландмейстера рискованным и побуждало выбирать более однозначную политическую позицию. В свое время Плеттенберг мог надеяться, что его благодеяния в адрес протестантов, послужив в определенный момент основной политической задаче – сохранению мира, не приведут в итоге к последствиям, негативным для ландмейстерства. Это стало бы возможным в том случае, если бы сторонникам Лютера и приверженцам традиционной формы христианского исповедания удалось найти общий язык на всеобщем уровне (надежды на что существовали и их пытались реализовывать) и если бы церковь вновь стала единой. Преемникам же Плеттенберга такое развитие событий должно было представляться менее вероятным. В этой ситуации Брюнгеней не

мог не видеть опасности для ландмейстерства, проистекающей от все большего укрепления лютеранства, а соответственно, не мог не связывать дальнейшее существование возглавляемой им организации с сохранением и защитой традиционного вероисповедания. И это неизбежно вело ландмейстера к осознанию общности интересов с рижским архиепископом (вне зависимости от готовности последнего отстаивать не собственные блага, а католическую веру). В новых условиях прежние распри извечных политических соперников отступили на задний план.

Так или иначе, заняв пост ландмейстера, Брюнгеней показал себя сторонником католицизма¹⁰². И союз с Вильгельмом не помешал ему обрушиться с жестокими репрессиями на пропрусски настроенную часть коадьюторского окружения практически парализовать его деятельность¹⁰³. В этой ситуации представляется примечательным, что Вильгельм не защитил своих бывших советников. Думается, в условиях конфликта с Ригой, риск остаться без всякой политической поддержки в Ливонии побудил Вильгельма, до того неопределенно балансирующего между не признающими его власти подданными-протестантами, пропрусски настроенными и жаждущими секуляризации советниками, ландмейстером, католической паствой и всеми, оставшимися верными Рижской церкви, сделать выбор, выгодный в плане политического самосохранения. И оказавшись в критической ситуации, Вильгельм, как видно, решает проводить далее по возможности самостоятельную политику, склоняясь вопреки планам прусского герцога и своих действующих в прусских интересах советников, в сторону католицизма, к альянсу с ландмейстерством.

То, что назревающее военное столкновение архиепископа и Брюнгенея с Ригой связывалось с религиозными противоречиями, ясно и из действий рижан, решивших заручиться поддержкой протестантов за пределами ливонских земель и присоединившихся к Шмалькальденской лиге¹⁰⁴. Возможно, это предотвратило назревавшую в Ливонии войну. Однако уже в 1546 г. не без учета общих неудач лиги в Германии Рига пошла на уступки. В 1546 г. был заключен Нейермюленский договор, по которому рижане обещали принести присягу архиепископу и вернуть его имущество¹⁰⁵. Завершилось оформление относительно стабильной политической ситуации в Ливонии принятием решений Вольмарского ландтага 1546 г.¹⁰⁶, согласно которым и архиепископ, и ландмейстер обязывались сохранять свой духовный сан и не могли выбирать в коадьюторы иноземцев. Это соглашение было направлено на консервацию традиционных ливонских политических структур и отношений (еще в 1542 г. со стороны ландмейстера было сделано обращение к римскому королю Фердинанду с просьбой разрешить замещение архиепископской и епископских должностей лишь католикам¹⁰⁷) и, как предпо-

лагалось, должно было исключить проведение секуляризации и иностранное вмешательство в ливонские дела. В январе 1547 г. и архиепископ, и ландмейстер совершили торжественный въезд в Ригу¹⁰⁸ (как напишет позднее папский дипломат Антонио Поссевино, Вильгельм «вступил в Ригу и восстановил среди граждан истинную веру»¹⁰⁹). Власть и того и другого над Ригой стала считаться восстановленной¹¹⁰.

Союз ландмейстера и архиепископа, для последнего продиктованный временной политической необходимостью, оказался недолгим. В 1555 г. Вильгельм вопреки решениям ландтага 1546 г. назначил своим коадьютором Христофа Мекленбургского, брата находившегося в союзнических отношениях с Бранденбургом и Пруссией мекленбургского герцога Иоганна Альбрехта I (1547–1576). Тот приложил значительные дипломатические усилия¹¹¹, чтобы обеспечить Христофу широкую поддержку при европейских дворах¹¹². Когда перед Ливонией вновь замаячила перспектива иноземного вмешательства в ее дела¹¹³, ландмейстер Генрих фон Гален (1551–1557) выступил против избрания Христофа¹¹⁴. Направленному в Венден польско-литовскому посланнику руководство ландмейстерства с Галеном во главе никакого определенного ответа об отношении к Христофу не дало, заявив, что признание или непризнание коадьютора – прерогатива ландтага¹¹⁵. Архиепископ, очевидно, не рассчитывая на положительное решение сословий, попытался его опередить и поставить всех перед свершившимся фактом, спешно устроив избрание Христофа рижским капитулом. Обозначено это действие было как угодное императору (на тот момент римскому королю) Фердинанду I (1556–1564)¹¹⁶ и польскому королю Сигизмунду II Августу (1548–1572) – «защитнику Рижской церкви» (*rex Poloniae ecclesiae Rigensis protector*). Этот титул был формально присвоен почти столетие назад, в 1366 г., польскому королю Казимиру III Великому (1366–1370) и его потомкам императором Карлом IV (1355–1378).

Ландтаг, собравшийся в Вольмаре в марте 1556 г., как и следовало ожидать, польско-прусскую креатуру не поддержал¹¹⁷. Тайное обращение Вильгельма за военной помощью к польскому королю и к герцогу Пруссии, перехваченное братьями-рыцарями, привело в июне – июле 1556 г. к началу ландмейстерством и поддержавшими его рижанами военных действий. Завершилась война осадой архиепископа и его нового коадьютора в замке Кокенгаузен, их последующим пленением Иоганном Вильгельмом фон Фюрстенбергом, ландмейстерским коадьютором (так называемая «война коадьюторов» в 1556–1557 гг.)¹²⁰.

Нет серьезных оснований сомневаться в том, что эти события, запущенные откровенно провокационным шагом Вильгельма, предсказуемо ведущим к обострению ситуации в Ливонии, стали начальным актом политико-дипломатиче-

ской комбинации, задуманной в Кракове, Вильно и Кенигсберге¹²¹. Первые определенные планы подчинения Ливонии оформились в Польше в 1540-х гг.¹²² Интерес польско-литовской унии к ливонским делам в первой половине 1550-х гг. серьезно усилился¹²³; в 1552–1555 гг. складывается план использовать Христофа Мекленбургского, по свидетельству современников изнеженного и избалованного молодого человека, всем очевидной потенциальной политической марионетки, заведомо не устроившей бы братьев-рыцарей¹²⁴. Во второй половине 1550-х гг. ливонское направление, предполагающее установление контроля над ливонскими землями, стало важнейшим во внешней политике Польши¹²⁵.

Причины активизации польской короны и Гогенцоллернов в 1552 г. становятся понятны из относящейся к тому же времени анонимной докладной записки о положении дел в Ливонии, которая гласит, что ландмейстерство не расположено к Пруссии, но оно слабо; его глава – 80-летний старец, который выше всего ценит мир и покой, реальным весом и авторитетом обладают два потенциальных преемника Галена – ландмаршал и комтур Динабурга. Последнее обстоятельство, видимо, должно было подразумевать их готовность схватиться между собой в борьбе за власть и тем самым еще более подорвать силы ландмейстерства. Сообщалось, что ливонские вассалы и Рига настроены враждебно по отношению к ландмейстерству, а оно само традиционно враждует с рижскими архиепископами. Обороноспособность Ливонии, указывалось в записке, низка и в случае серьезной войны с русским соседом она станет для него легкой добычей¹²⁶.

В октябре 1552 г. Альбрехт Прусский писал архиепископу Вильгельму, что ливонцам в опасности «москвитов» не следует надеяться на помощь Империи, занятой конфликтом с Францией и турками, можно полагаться лишь на Польшу и Литву¹²⁷. После этого архиепископ стал внушать соответствующие мысли ландмейстеру Галену, как это видно из письма, датированного декабрем того же года, в котором Вильгельм, указав на силу «москвитов» и их царя, называет выходом для Ливонии помощь, которую может предоставить Польша¹²⁸. После заключения в 1554 г. договора с Русским государством¹²⁹, отсрочившего для ливонцев вероятную войну, но обозначившего возросшее и небезуспешное давление на конфедерацию с русской стороны, время дипломатической подготовки для польской короны и ее союзников закончилось, пришло время решительных действий. Возможно, свою роль сыграли и перемена власти в империи, и поддержка, оказанная Христофу Фердинандом I.

Формально в ответ на события «войны коадьюторов»¹³⁰ к границам Ливонии выступили многочисленные польско-литовские войска¹³¹, из Пруссии на соединение с ними двинулись воины герцога Альбрехта¹³². Прямая угроза иностранной

интервенции заставила Фюрстенберга, к тому времени уже ландмейстера (1557–1559), пойти в сентябре 1557 г. на унижительные для него и вынужденные для Ливонии Позвольские соглашения, освободить архиепископа и коадьютора, восстановить их в правах. Ливонская сторона обязалась вступить по прошествии срока действующего договора с Москвой (если, вероятно подразумевалось, он не будет «москвитами» расторгнут раньше) в направленный против нее союз с польской короной, фактически признав протекцию Кракова¹³³. Настояние польской стороны на этом альянсе, не имеющее никакого отношения к событиям «войны коадьюторов»¹³⁴, послужившей поводом для Сигизмунда вмешаться в ливонские дела, явно показывает его истинные намерения, стремление спровоцировать русское вторжение в Ливонию.

Позвольские соглашения не остались неизвестными в Москве. По русско-ливонскому договору 1554 г. Ливонская конференция обязывалась не заключать союзных договоров с Польшей и Великим княжеством Литовским¹³⁵: «маистру Ливонскому, и арцыбскопу Рискому, и бископу Юрьевскому, и бископом и всей земле Вифленской х королю Полскому и великому князю Литовскому не приставати никоторыми дель»¹³⁶. Позвольские соглашения стали, очевидно, в восприятии русской стороны своего рода сигналом, что ситуация выходит из-под дипломатического контроля и требует силового вмешательства¹³⁷: реакцией Москвы стала направленная ландмейстеру грамота об объявлении войны¹³⁸. Думается, что действия русской стороны не были лишь откликом на формально представившийся или даже искомый повод для войны с целью захвата ливонских земель, а были продиктованы долгосрочными геополитическими приоритетами¹³⁹, предполагавшими мирное включение Ливонии в сферу русского влияния¹⁴⁰ и назревавшей много лет опасной ситуацией, достигшей в 1557 г. своей критической фазы. Угроза установления над Ливонией польской власти, никак не соответствуя геополитическим интересам Русского государства, побудила Ивана Грозного попытаться опередить поляков, что послужило толчком к началу Ливонской войны, в которой при катастрофическом неравенстве сил Ливонское ландмейстерство было быстро разгромлено; значительную часть Ливонии заняли русские войска. Следующим актом стало вступление в войну Польши, принявшей на себя роль защитницы Ливонии и даже Европы от «москвитов». После ряда военных успехов ничто в политико-идеологическом плане не мешало польскому королю аннексировать территорию Ливонии в той степени, в какой этому не воспрепятствовали другие западноевропейские претенденты на ливонское наследство.

Нередко роковой ошибкой Плеттенберга или следствием его нерешительности, медлительности называют отказ принять лютеранство и про-

вести секуляризацию, подобную прусской, превратив немецкую Ливонию в светское государство и не допустив тем самым ее крушения¹⁴¹. Однако оценить позицию ландмейстера можно лишь с учетом исторической перспективы, всего того, что произошло с Ливонией в середине XVI столетия.

Идея поставить Плеттенберга во главе ливонского политического сообщества в качестве светского правителя вполне оформилась у ливонских сословий к началу 1526 г.¹⁴² Однако Плеттенберг такого решения не принял. Думается, одна из основных причин нежелания ландмейстера возложить на себя обязанности политического лидера состояла в опасении, что данный ход приведет к утрате Ливонией независимости, как это случилось с Пруссией. Пока в Ливонии на границе «христианского мира» с сильной, загадочной и в отличие от старых соседей (Новгорода и Пскова) непредсказуемой, а от того еще более страшной «Московией»¹⁴³ существовал католический духовно-рыцарский орден, способный ей противостоять и с середины XV в. позиционировавший себя в обращениях к внешним политическим силам как щит от «неверных русских схизматиков»¹⁴⁴, реализация притязаний на ливонские земли для Польши была, как представляется, невозможной.

Посягательство на интересы и суверенные права отделения духовно-рыцарской корпорации, юридически находившейся в прямом подчинении у папского престола и противодействовавшей на «христианском» фронте угрозе, сопоставляемой (к примеру, на рейхстаге в Аугсбурге в 1550–1551 гг.¹⁴⁵) с османской¹⁴⁶, неизбежно привело бы к дискредитации польской короны в глазах католического или вообще западного мира. В случае же если бы экспансионистские планы Польши вызвали конфронтацию с неким, едва возникшим на территории Ливонии слабым протестантским княжеством, указанного ограничения для польской короны не возникало.

Еще одно обстоятельство, которое могло удерживать Плеттенберга от перехода в лютеранство и секуляризации орденских владений в Ливонии – опасение новой внутрививонской войны, грозившей конфедерации неизбежной гибелью. В Пруссии, где епископства были подконтрольны Ордену, а таким образом и примкнувшему к Реформации верховному магистру Альбрехту, такой войны не случилось. Но в Ливонии она была весьма вероятна в силу существования, помимо ландмейстерства, других обладателей территориально-политической власти – архиепископа и епископов, вокруг которых могла сплотиться в эскалацию своей веры, традиционных прав и привилегий католическая оппозиция. Кроме того, как показывают усилия Плеттенберга по набору новых наемников в Германии, Чехии, Силезии в 1526 г., вполне реальной он считал и военную поддержку архиепископу с русской стороны¹⁴⁷. Наконец, оговоренность в решениях весеннего ландтага 1526 г. запрета использовать помощь

иноземных правителей, при том что он был собран в условиях противостояния с архиепископом Вильгельмом Гогенцоллерном, явно указывает на стремление не допустить в случае разрастания конфликта силового вмешательства со стороны Польши, король которой не преминул бы воспользоваться своим извлеченным на свет древним статусом «защитника Рижской церкви».

Вполне вероятно, что Плеттенберг предполагал сопротивление секуляризации внутри возглавляемого им ландмейстерства и со стороны орденских рыцарей и чинов за пределами Ливонии. Сопротивления, подобного тому, которое имело место в Пруссии, где даже почти через 20 лет после секуляризации – в 1454 г. – был раскрыт масштабный заговор, организованный (не без участия ливонских братьев) с целью свержения герцога Альбрехта и восстановления власти Ордена¹⁴⁸. Как известно, ливонские братья рыцари в большинстве своем происходили из Вестфалии¹⁴⁹, где успехи Реформации на начальных ее этапах были довольно скромными. Есть мнение, что это обстоятельство также не способствовало идее секуляризации в ландмейстерстве¹⁵⁰.

Наконец, не спешил Плеттенберг и расставаться с надеждами на помощь императора и папы, которых был бы полностью лишен протестантский князь. Как показывают действия и переписка ландмейстера после прусских событий 1525 г., он стремился найти поддержку и у первого, и у второго, заверяя их в преданности католической вере, отсутствии намерений провести секуляризацию, аналогичную прусской; указывая на военно-стратегическую важность Ливонии¹⁵¹.

Нужно, пожалуй, принимать во внимание и личностный фактор: ландмейстер стал протектором, когда был уже в солидных годах. Возможно это обстоятельство, а может быть и невозможность основать собственную династию, также повлияли на отказ Плеттенберга от герцогской короны.

Не следует также забывать, что в решающий момент, наиболее удобный для секуляризации Ливонии, когда был политически повержен архиепископ Иоганн Бланкенфельд, по городам победно шла Реформация, а сословия спешили заявить о своей лояльности Плеттенбергу, перед последним стояла альтернатива титулу герцога – освободившая должность верховного магистра, в борьбу за которую ландмейстер включился довольно активно, хотя в итоге и безуспешно¹⁵², добившись, впрочем, от императора, как указывалось выше, статуса администратора должности верховного магистра в Пруссии. А архиепископ Бланкенфельд уже на закате своей политической карьеры озвучил на орденском собрании в Эшенбахе в июне 1527 г. идею перенесения титула верховного магистра на ливонских ландмейстеров¹⁵³.

Представляют интерес изменения в репрезентативной практике глав ливонских братьев-рыцарей. Ландмейстерство, отстояв свою незави-

симость в столкновении с верховным магистром, начиная с 40-х гг. XV в., проводило все более самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику¹⁵⁴. Активно выступавший на дипломатической арене один из предшественников Плеттенберга – Борх, равно как и он сам, с 1526 г.¹⁵⁵ имел статус имперского князя, которым ранее в Ордене обладал только верховный магистр¹⁵⁶.

В 1525 г., в момент наивысшего политического успеха Плеттенберга, чеканятся с явно репрезентативными целями золотые и серебряные монеты с изображением ландмейстера¹⁵⁷. Причем к тому времени подобная практика уже не являлась новой. Изображения ландмейстерского герба на монетах встречаются наиболее часто, начиная с последней трети XV в.¹⁵⁸ А если говорить об изображении именно ландмейстера, а не его геральдического символа, то Плеттенберг распорядился выпустить такую монету в честь победы в Смоленском сражении еще во время русско-ливонской войны 1501–1503 гг.¹⁵⁹

Об усилении веса светской, «княжеской» составляющей в понимании должности ландмейстера говорит и тот факт, что с XV в. ливонские сословия начали приносить присягу не Ордену как коллективному сюзерену, а лично ландмейстеру. В официальной документации со времени Реформации встречается обозначение Плеттенберга одновременно как «князя», «суверена» и «магистра»¹⁶⁰. Последние же ливонские ландмейстеры – Фюрстенберг и Готхард Кетлер (1559–1561) – добавляют к своей титулатуре формулировку «Божьей милостью»¹⁶¹.

Как видно, процесс концентрации образа власти на личности ливонских ландмейстеров начался еще до 1525 г., его не следует считать исключительно порожденным событиями прусской секуляризации и усилением политической обособленности Ливонии, но и то и другое, безусловно, актуализировало обозначенную тенденцию.

Можно констатировать, что в сложных внутренних и внешних политических условиях Плеттенберг выбрал позицию осторожную и компромиссную – осуществлять фактически княжеское правление, формально не претендуя на большее, чем статус протектора, не порывая, несмотря на быстрое распространение в стране лютеранства, с католической верой и не переставая быть главой католической духовно-рыцарской организации. Однако успешно проводить такую политику мог в силу особых личных качеств, как представляется, только Плеттенберг. Преемники же его оказались в состоянии еще большей неопределенности, чем он, но уже не имели того выбора, какой представился их предшественнику.

События ливонской истории, развернувшиеся в период Реформации и во многом ею вызванные, внесли существенные коррективы в многовековое противостояние рижских архиепископов и Тевтонского ордена, его Ливонского ландмейстерства. Вместе с тем само это противоборство в немалой

степени определило ход и характерные черты ливонской Реформации и стало ее существенной частью. Реалии 20–50-х гг. XVI в. обозначили финал длительного соперничества двух главных ливонских политических сил. Ландмейстерство, используя в своих интересах социально-политическую ситуацию начального этапа Реформации, одержало на первых порах весомую победу над давним соперником. Однако победа эта, достигнутая ценой непротиводействия реформационному процессу, даже его поддержки, по сути, если не предопределила, то ускорила конец самого ландмейстерства, лишённого в стране, ставшей протестантской, основ и возможностей существования. Главы ландмейстерства, наиболее сильного актора ливонской политики, в силу неблагоприятных для того внутренних и внешних условий, связанных с постоянной угрозой внешнего вторжения и потери независимости, не могли преобразовать политическую структуру Ливонии, не дестабилизировав опасным образом ее политическую систему. С другой стороны, попытки консервации прежних политических реалий, уже не действующих в условиях победившей Реформации, не могли обеспечить существующим властным институтам ни необходимой эффективности, ни устойчивости. Вынужденные временные попытки объединения усилий ландмейстерства и архиепископской власти для стабилизации внутриполитической обстановки в Ливонии и предотвращения внешней опасности, не имея под собой прочных оснований, не дали практического результата, и вскоре земли Ливонской конфедерации стали объектом экспансии более сильных соседей.

Примечания

- ¹ *Jähnig B.* Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens und seiner Herrschaft in Livland. Berlin : Lit Verlag Dr. W. Hopf, 2011 (Schriften der Baltischen Historischen Kommission. Bd. 16). S. 16.
- ² *Hellmann M.* Der Deutsche Orden und die Stadt Riga // Stadt und Orden. Das Verhältnis des Deutschen Ordens zu den Städten in Livland, Preußen und im Deutschen Reich / hrsg. v. U. Arnold. Marburg : N. G. Evert Verlag Marburg, 1993 (Internationalen Historischen Kommission zur Erforschung des Deutschen Ordens. Bd. 5). S. 21.
- ³ *Jähnig B.* Op. cit. S. 15, 78.
- ⁴ *Tumler M.* Der Deutsche Orden im Werden, Wachsen und Wirken bis 1400 mit einem Abriß der Geschichte des Ordens von 1400 bis zur neuesten Zeit. Wien : Panorama, 1955. S. 305–308.
- ⁵ См.: *Бессуднова М. Б.* Орденское облачение в контексте властных претензий Ливонского ордена конца XV века // Историческая психология государственного управления / под ред. А. А. Конопленко. Саратов : АННИО ЦПЭИ, 2017. Вып. 3. С. 42.
- ⁶ См.: *Полехов С. В.* Известие хроники Германа Корнера о Вилькомирской битве и его исторический контекст // Pabaisko mūšis ir jо epocha / sud. I. Vaškevičiūtė. Vilnius : Lietuvos edukologijos universiteto leidykla, 2017. P. 102–105, 110–111.
- ⁷ См.: *Полехов С. В.* Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М. : Индрик, 2015. С. 396–400, 403.
- ⁸ Liv-, Esth- und Curländischen Urkundenbuch nebst Regesten (далее – LUB). Abt. 1 / hrsg. v. H. Hildebrand. Riga ; Moskau : Verlag v. J. Deubner, 1884. Bd. 8. № 462.
- ⁹ Русско-ливонские акты / сост. К. Е. Напьерский. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1868. № 231.
- ¹⁰ *Russow Baltasar.* Chronica der Prowintz Lifflandt // Scriptores rerum Livonicarum. Riga ; Leipzig : Eduard Frantzen's Verlags-Comptoir, 1848. Bd. 2. S. 29.
- ¹¹ См.: *Арбузов Л. А.* Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии : СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. С. 101.
- ¹² LUB / hrsg. v. Ph. Schwartz. Riga ; Moskau : Kommissions-Verlag v. E. Deubner, 1905. Bd. 11. № 159.
- ¹³ См.: *Арбузов Л. А.* Указ. соч. С. 104.
- ¹⁴ См.: *Mäesalu M.* Historical Memory as the Cause of Conflict in Medieval Livonia // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. : История. 2019. Т. 64, вып. 3. С. 1018–1019.
- ¹⁵ LUB. Bd. 11. № 234 ; AR. Bd. 1. Lief. 5. № 548, 551.
- ¹⁶ *Kröger G.* Erzbischof Silvester Stodewescher und sein Kampf mit dem Orden um die Herrschaft über Riga. Riga : Nikolai Kymmels Buchhandlung In Kommission, 1930 (Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. Bd. 24. H. 3). S. 172–173, 176.
- ¹⁷ См.: *Бессуднова М. Б.* «Поповская война» 1479 года в Ливонии и ее роль в формировании концепта «русская угроза» // Вестник Воронежского университета. Сер. : История. Политология. Социология. 2014. № 3. С. 53.
- ¹⁸ *Fahne A.* Livland und seine Geschlechter. Cöln : In Commission bei J. M. Heberle (H. Lempertz Söhne), 1875. Bd. 1 (Forschungen auf dem Gebiete der Rheinischen und Westphälischen Geschichte. Bd. 4). S. 130–131.
- ¹⁹ *Nyberg T.* Schweden, Riga, Papst 1471–1480 // Prusy – Polska – Europa. Prace ofiarowane Profesorowi Zenonowi Hubertowi Nowakowi. Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1999. S. 112–118.
- ²⁰ Nya Källor till Finlands Medeltidshistoria. Samlade och utgifna af dr. E. Grönblad. Köbenhavn : Bianco Lunos Boktryckeri. F. S. Muhle, 1857. № 34.
- ²¹ *Kröger G.* Op. cit. S. 233–269.
- ²² См.: *Бессуднова М. Б.* «Поповская война»... С. 54.
- ²³ *Jähnig B.* Op. cit. S. 92–93.
- ²⁴ Цит. по: *Бессуднова М. Б.* «Поповская война»... С. 54.
- ²⁵ См.: *Бессуднова М. Б.* Россия и Ливония в конце XV века : Истоки конфликта. М. : Квадрига, 2015. С. 143–145, 147–153 (Забытые войны России).
- ²⁶ См.: *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л. : Наука, 1975. С. 154–155, 158–163.
- ²⁷ См.: *Бессуднова М. Б.* Россия и Ливония... С. 152.
- ²⁸ См.: *Бессуднова М. Б.* Русско-ливонские отношения накануне Нового времени : истоки конфликта : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Липецк, 2015. С. 12.
- ²⁹ См.: *Арбузов Л. А.* Указ. соч. С. 111.

- ³⁰ *Russow Baltasar*. Op. cit. S. 31.
- ³¹ Ibid. S. 32.
- ³² Ibid. S. 33.
- ³³ См.: Конопленко А. А. Из истории русско-ливонских отношений на рубеже XV–XVI вв. : стратегические цели сторон в войне 1501–1503 гг. // Военно-исторические исследования в Поволжье / под ред. А. А. Германа. Саратов : Научная книга, 2006. Вып. 7. С. 13–19.
- ³⁴ *Russow Baltasar*. Op. cit. S. 32.
- ³⁵ См.: Арбузов Л. А. Указ. соч. С. 132.
- ³⁶ Kühles J. Die livländische Reformation unter vergleichenden Aspekten (1. Teil) // *Comparativ*. 1993. Vol. 3, № 1/2. S. 146.
- ³⁷ *Zur Linden F. O.* Melchior Hofmann, ein Prophet der Wiedertäufer. Haarlem : De Erven F. Bohn, 1885. S. 43.
- ³⁸ *Laantee K.* The Beginning of the Reformation in Estonia // *Church History*. 1953. Vol. 22. № 4. P. 272.
- ³⁹ *Helmut G.* Luther in Livland und die lettische Bibel des Ernst Glück // *Jahrbuch für Germanistische Sprachgeschichte* : Sprache, Reformation, Konfessionalisierung. 2018. Bd. 9. H. 1. S. 193.
- ⁴⁰ См.: Арбузов Л. А. Указ. соч. С. 129.
- ⁴¹ *Packull W. O.* Sylvester Tegetmeier, Father of the Livonian Reformation : a Fragment of his Diary // *Journal of Baltic Studies*. 1985. Vol. 16, № 4. P. 373.
- ⁴² *Laantee K.* Op. cit. P. 272.
- ⁴³ *Berendts A.* Johannes Blankenfeld, Erzbischof von Riga, Bischof von Dorpat und Reval. I // *Baltische Monatschrift*. 1902. Jg. 44. Bd. 53. S. 410.
- ⁴⁴ *Jähnig B.* Op. cit. S. 83.
- ⁴⁵ *Berendts A.* Johannes Blankenfeld. S. 409, 414, 415, 422–424.
- ⁴⁶ *Berendts A.* Johannes Blankenfeld, Erzbischof von Riga, Bischof von Dorpat und Reval. II // *Baltische Monatschrift*. 1902. Jg. 44. Bd. 54. S. 52.
- ⁴⁷ См.: Брахман В. Реформация в Ливонии // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края : в 4 т. / сост. Е. В. Чешихин. Рига. : Тип. А. И. Липинского, 1880. Т. 3. С. 15–28.
- ⁴⁸ *Krahn K.* Dutch Anabaptism. Origin, Spread, Life and Thought (1450–1600). Hague : Martinus Nijhoff, 1968. P. 81–82.
- ⁴⁹ *Zur Linden F. O.* Op. cit. S. 45, 47.
- ⁵⁰ *Laantee K.* Op. cit. P. 273, 275.
- ⁵¹ Ibid. P. 272.
- ⁵² *Zur Linden F. O.* Op. cit. S. 48–56.
- ⁵³ *Berendts A.* Johannes Blankenfeld... II. S. 34–35, 40–41.
- ⁵⁴ Ibid. S. 48.
- ⁵⁵ См.: Арбузов Л. А. Указ. соч. С. 130.
- ⁵⁶ *Berendts A.* Johannes Blankenfeld... II. S. 45.
- ⁵⁷ *Vogelsang R.* Reval und der Deutsche Orden : Zwischen städtischer Autonomie und landesherrlicher Gewalt // *Stadt und Orden*. S. 50.
- ⁵⁸ *Laantee K.* Op. cit. P. 272.
- ⁵⁹ См.: Арбузов Л. А. Указ. соч. С. 136.
- ⁶⁰ *Helmut G.* Op. cit. S. 193.
- ⁶¹ *Laantee K.* Op. cit. P. 272–273.
- ⁶² См.: Арбузов Л. А. Указ. соч. С. 131.
- ⁶³ *Laantee K.* Op. cit. P. 277.
- ⁶⁴ *Арбузов Л. А.* Указ. соч. С. 134.
- ⁶⁵ *Zur Linden F. O.* Op. cit. S. 57.
- ⁶⁶ *Akten und Rezesse der livländischen Ständetage* : in 3 Bd. / bearb. v. L. Arbusow (далее – AR). Riga : Verlag v. Jonk & Poliewsky, 1929. Bd. 1. Lief. 5, № 537. Bd. 3, № 212.
- ⁶⁷ См.: *Селарм А.* Иоганн Бланкенфельд и Мисюрь Мунехин. К истории ливонско-русских отношений в 1520-е годы // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2011. № 1 (9). С. 157–165.
- ⁶⁸ *Berendts A.* Johannes Blankenfeld... II. S. 55.
- ⁶⁹ *Shiemann Th.* Plettenberg, Wolter von // *Allgemeine Deutsche Biographie*. Leipzig : Verlag v. Duncker u. Humblot, 1888. Bd. 26. S. 286.
- ⁷⁰ См.: *Delvers M.* Aspects of the Master Figure in the Livonian Rhymed Chronicle : A Study of the Characterization of the Livonian Master of Teutonic Order : Ph. D. Diss. New Brunswick, 1989. S. 150–177.
- ⁷¹ *Stikāne V.* Evaņģēlisko vasaļu grupējums Rīgas arhibīskapijā : Brandenburgas Vilhelmas uzticīgjie 16. gadsimta 20.–30. gados // *Reformācijai 500 : jauno laiku vēsmas Latvijā un Eiropā : Zinātniskās konferences materiāli* (Turaida, 18. okt. 2017) / sast. V. Stikāne. Rīga : Zinātne, 2020. S. 38.
- ⁷² *Berendts A.* Johannes Blankenfeld... II. S. 58.
- ⁷³ См.: Арбузов Л. А. Указ. соч. С. 134.
- ⁷⁴ *Schirren C.* Walter von Plettenberg // *Schirren C.* Charaktere und Menschheitsproblemen. Eine Sammlung öffentliche Vorträge, Kiel : Verlag von Walter G. Muhlau, 1912. S. 125.
- ⁷⁵ AR. Bd. 3. № 239.
- ⁷⁶ *Berendts A.* Johannes Blankenfeld... II. S. 55.
- ⁷⁷ *Kreem J.* Der Deutsche Orden und die Reformation in Livland // *The Military Orders and the Reformation. Choices, State Building and the Weight of Tradition : Papers of the Utrecht Conference* (Utrecht, 30 Sept. 2 Oct. 2004) / eds. J. A. Mol, K. Miltzer, H. J. Nicholson. Hilversum : Verloren, 2006. S. 46.
- ⁷⁸ *Berendts A.* Johannes Blankenfeld... II. S. 59–60.
- ⁷⁹ См.: Арбузов Л. А. Указ. соч. С. 137–139.
- ⁸⁰ См.: *Вебер Д. И.* Немецкий орден в Ливонии от Реформации до секуляризации : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 181.
- ⁸¹ *Arbusow L.* Die Einführung der Reformation in Liv-, Est- und Kurland. Leipzig ; Riga : Vermittlungsverlag R. Haupt und G. Löffler, 1921 (Quellen und Forschungen zur Reformationsgeschichte, Bd. 3). S. 637ff.
- ⁸² См.: *Stikāne V.* Op. cit. S. 39–40.
- ⁸³ См.: *Вебер Д. И.* Указ. соч. С. 129.
- ⁸⁴ *Stikāne V.* Op. cit. S. 40–41.
- ⁸⁵ *Girgensohn J.* Wilhelm, Markgraf von Brandenburg // *Allgemeine Deutsche Biographie*. Leipzig : Verlag v. Duncker u. Humblot, 1898. Bd. 43. S. 178.
- ⁸⁶ *Stikāne V.* Op. cit. S. 42.
- ⁸⁷ *Girgensohn J.* Op. cit. S. 178.
- ⁸⁸ *Olewnik J.* Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant do monarchii jagiellońskiej z lat 1552–1555 i jego pierwsze stadium realizacji // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1979. № 4. S. 395.

- ⁸⁹ *Russow Baltasar*. Op. cit. S. 49.
- ⁹⁰ Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preussen im 15. Jahrhundert : in 3 bd. / hrsg. v. E. Weise. Marburg : N. G. Elwert Verlag Marburg, 1955. Bd. 2. № 403.
- ⁹¹ См.: *Арбузов Л. А.* Указ. соч. С. 107.
- ⁹² См.: *Бессуднова М. Б.* Россия и Ливония... С. 142.
- ⁹³ *Херрманн А.* Вальтер фон Кронберг // Верховные магистры Тевтонского ордена. 1190–2012 / под ред. У. Арнольда. М. : Ладомир, 2015. С. 179.
- ⁹⁴ *Olewnik J.* Op. cit. S. 396, 398, 401.
- ⁹⁵ См.: *Вебер Д. И.* Указ. соч. С. 45–46.
- ⁹⁶ См.: *Маазинг М.* «Русская опасность» в письмах рижского архиепископа Вильгельма // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2010. № 1 (7). С. 189–190.
- ⁹⁷ *Girgensohn J.* Op. cit. S. 179.
- ⁹⁸ См.: *Арбузов Л. А.* Указ. соч. С. 145.
- ⁹⁹ Там же. С. 141–142, 145.
- ¹⁰⁰ *Monumenta Livoniae antiquae. Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und andern schriftlichen Denkmälern und Aufsätzen welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst- u. Kurland's dienen* / hrsg. v. F. G. Bunge. Riga : Eduard Frantzen's Verlags-Comptoir, 1844. Bd. 4 (далее – MLA). № 159.
- ¹⁰¹ *Вебер Д. И.* Указ. соч. С. 150, 187–188.
- ¹⁰² *Арбузов Л. А.* Указ. соч. С. 143.
- ¹⁰³ Там же. С. 143–144.
- ¹⁰⁴ MLA. № 163.
- ¹⁰⁵ Ibid. № 167.
- ¹⁰⁶ Ibid. № 166.
- ¹⁰⁷ См.: *Вебер Д. И.* Указ. соч. С. 154.
- ¹⁰⁸ См.: *Арбузов Л. А.* Указ. соч. С. 145.
- ¹⁰⁹ *Поссевино А.* Ливония // *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.). М. : Издательство Московского университета, 1983. С. 217.
- ¹¹⁰ См.: *Арбузов Л. А.* Указ. соч. С. 145.
- ¹¹¹ *Relation über die Reise Herzogs Christoph z. M. nach Livland 1555/56* // *Schirmacher F. W.* Johann Albrecht I, Herzog von Mecklenburg : in 2 Th. Wismar : Hinstorff'sche Hofbuchhandlung Verlagsconto, 1885. Th. 2. № 127.
- ¹¹² *Olewnik J.* Op. cit. S. 401, 402.
- ¹¹³ См.: *Янушкевич А.* Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск : Медисонт, 2007. С. 23.
- ¹¹⁴ *Olewnik J.* Op. cit. S. 403.
- ¹¹⁵ *Jasnowski J.* Mikołaj Czarny Radziwiłł (1515–1565). Kanclerz i marszałek ziemski Wielkiego Księstwa Litewskiego, wojewoda wileński. Oświęcim : Napoleon V, 2014. S. 108–109.
- ¹¹⁶ *Olewnik J.* Op. cit. S. 404.
- ¹¹⁷ Ibid. S. 405–406.
- ¹¹⁸ См.: *Попов В. Е., Филюшкин А. И.* «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1/2 (5/6). С. 155.
- ¹¹⁹ См.: *Арбузов Л. А.* Указ. соч. С. 150.
- ¹²⁰ *Russow Baltasar*. Op. cit. S. 49.
- ¹²¹ *Olewnik J.* Op. cit. S. 393–408.
- ¹²² См.: *Филюшкин А. И.* Польско-прусский план инкорпорации Ливонии в 1552–1555 гг. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2.* 2011. Вып 4. С. 24.
- ¹²³ *Bodniak S.* Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona. Kórnik : Nakładem Fundacji Zakłady, 1946 (*Pamiętnik Biblioteki Kórnickiej. Z. 3*). S. 43–45.
- ¹²⁴ *Olewnik J.* Op. cit. S. 399.
- ¹²⁵ См.: *Янушкевич А.* Указ. соч. С. 21–23.
- ¹²⁶ *Herzog Albrecht von Preußen und Livland (1551–1557). Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv und den Ostpreußischen Folianten* / bearb. v. St. Hartmann. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 2005 (*Veröffentlichungen aus den Archiven Preußischer Kulturbesitz. Bd 57*). № 1545.
- ¹²⁷ Ibid. № 1566.
- ¹²⁸ Ibid. № 1570.
- ¹²⁹ См.: *Филюшкин А. И.* Указ. соч. С. 26.
- ¹³⁰ *Olewnik J.* Op. cit. S. 399–400.
- ¹³¹ *Russow Baltasar*. Op. cit. S. 49–50.
- ¹³² См.: *Попов В. Е., Филюшкин А. И.* «Война коадьюторов»... С. 157–158.
- ¹³³ Там же. С. 159–163.
- ¹³⁴ Там же. С. 160.
- ¹³⁵ См.: *Шаскольский И. П.* Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // *Международные связи России до XVII в.* / под ред. А. А. Зимина и В. Т. Пашуто. М. : АН СССР, 1961. С. 397.
- ¹³⁶ *Попов В. Е., Филюшкин А. И.* Русско-ливонские договоры 1554 г. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2010. № 1 (7). С. 119.
- ¹³⁷ *Frost R. I.* The Northern Wars : War, State and Northeastern Europe, 1558–1721. Harlow : Longman, 2000 (*Modern Wars in Perspective*). P. 4.
- ¹³⁸ См., например: *Волков В. А.* Были и небыли Ливонской войны 1558–1583 годов. М. : Прометей, 2020. С. 33.
- ¹³⁹ См.: *Попов В. Е., Филюшкин А. И.* Русско-ливонские договоры 1554 г. С. 115.
- ¹⁴⁰ См.: *Шаскольский И. П.* Указ. соч. С. 376–378, 382–383, 385–386, 396–398.
- ¹⁴¹ См., например: *Schirren C.* Op. cit. S. 119, 125–127.
- ¹⁴² *Shiemann Th.* Op. cit. S. 286.
- ¹⁴³ См.: *Бессуднова М. Б.* Россия и Ливония... С. 134.
- ¹⁴⁴ *Бессуднова М. Б.* Религиозная риторика в политической практике ливонских магистров 60–70-х гг. XV века // *Историческая психология государственного управления* / под ред. А. А. Конопленко. Саратов : ЦПЭИ СНЦ РАН ; Амирит, 2015. Вып. 2. С. 21–23, 25–27.
- ¹⁴⁵ См.: *Попов В. Е., Филюшкин А. И.* Русско-ливонские договоры 1554 г. С. 114.
- ¹⁴⁶ См.: *Бессуднова М. Б.* «Русская угроза» в ливонской орденской аргументации 80-х и начала 90-х гг. XV в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2014. № 1. С. 149.
- ¹⁴⁷ *Shiemann Th.* Op. cit. S. 286–287.

- ¹⁴⁸ *Olewnik J.* Op. cit. S. 398.
- ¹⁴⁹ См.: *Бессуднова М. Б.* Рыцарство средневековой Ливонии // *Одиссей. Человек истории.* 2004. Рыцарство : реальность и воображаемое. М. : Наука, 2004. С. 91–92.
- ¹⁵⁰ См.: *Вебер Д. И.* Указ. соч. С. 35, 122–125, 174.
- ¹⁵¹ Там же. С. 191–196.
- ¹⁵² См.: *Херрманн А.* Указ. соч. С. 179.
- ¹⁵³ См.: *Арбузов Л. А.* Указ. соч. С. 138.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 102, 106.
- ¹⁵⁵ *Russow Baltasar.* Op. cit. S. 34.
- ¹⁵⁶ См.: *Арнольд У.* Герман фон Зальца // *Верховные магистры...* С. 30.
- ¹⁵⁷ См.: *Яровая Е.* Редкие серебряные и золотой талеры магистра Ливонского ордена Вальтера фон Плеттенберга в собрании Эрмитажа // *Сообщения Гос. Эрмитажа.* СПб. : Издательство Государственного Эрмитажа, 2018. Вып. 76. С. 40–42.
- ¹⁵⁸ См.: *Вебер Д. И.* Указ. соч. С. 162–164.
- ¹⁵⁹ См.: *Бессуднова М. Б.* Магистр Ливонского ордена Вольтер фон Плеттенберг и проблема преобразования ливонского орденового государства на рубеже XV–XVI вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 14.
- ¹⁶⁰ AR. Bd. 3. № 215, 221, 231, 234ff.
- ¹⁶¹ *Вебер Д. И.* Указ. соч. С. 162.

Поступила в редакцию 06.11.2020, после рецензирования 22.11.2020, принята к публикации 28.12.2020

Received 06.11.2020, revised 22.11.2020, accepted 28.12.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 188–192
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 188–192

Научная статья

УДК 94(44).028

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-188-192>

Маргарита Ангулемская и проблемы ренессансного религиозного инакомыслия

Е. В. Гаврилова

Камышинский технологический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета, 403874, Волгоградская обл., г. Камышин, ул. Ленина, д. 6а

Гаврилова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки и гуманитарные науки», Gavrilova@kti.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3135-2861>

Аннотация. Статья посвящена религиозным исканиям Маргариты Ангулемской. Анализируя творческое наследие герцогини, ее обширную переписку с представителями реформационного движения, автор доказывает, что, несмотря на покровительство движению Реформации во Франции со стороны Маргариты, ей были присущи религиозно-этические искания, характерные для многих представителей ренессансной эпохи, она не порывает окончательно с католической верой, оставаясь в духовном плане фигурой переходной.

Ключевые слова: Реформация во Франции, ренессансное религиозное инакомыслие, Маргарита Ангулемская, покровительство протестантам, религиозное мировоззрение, духовные искания

Для цитирования: Гаврилова Е. В. Маргарита Ангулемская и проблемы ренессансного религиозного инакомыслия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 189–192. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-188-192>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-188-192>

Marguerite of Angouleme and the problems of Renaissance religious dissent

E. V. Gavrilova

Kamyshin Technological Institute (branch) of Volgograd State Technical University, 6a Lenina St., Kamyshin 403874, Volgograd region, Russia

Elena V. Gavrilova, Gavrilova@kti.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3135-2861>

Abstract. The article is devoted to the religious pursuit of Marguerite of Angouleme. Analyzing the creative legacy of the Duchess, her extensive correspondence with representatives of the reformation movement, the author convincingly proves that, despite the fact that Marguerite was the patroness of the reformation movement in France, and she was described as having religious and ethical searches characteristic of many representatives of the Renaissance era, she did not completely break with the Catholic faith, remaining a transitional figure in spiritual terms.

Keywords: Reformation in France, Renaissance religious dissent, Marguerite of Angouleme, patronage of Protestants, religious worldview, spiritual quest

For citation: Gavrilova E. V. Marguerite of Angouleme and the problems of Renaissance religious dissent. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 188–192 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-188-192>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Фигура Маргариты Ангулемской (1492–1549), несмотря на ее богатое литературное и эпистолярное наследие, в современной российской историографии не стала предметом широких научных изысканий. Среди работ, посвященных этой представительнице французского Ренессанса, можно упомянуть биографию Маргариты, опубликованную А. М. Петрункевичем еще в конце XIX в., в которой автор представил герцогиню как покровительницу гуманизма и достойную помощницу

короля Франциска в деле распространения Ренессанса во Франции¹. Как яркую и самобытную новеллистку характеризует ее в своей вступительной статье к «Гептамерону» А. Д. Михайлов². В ряде статей она фигурирует как основательница гуманистического кружка в Нераке и покровительница блестящих умов той эпохи, в частности Клемана Маро – французского поэта³. При дворе Маргариты нашли убежище даже более радикально мыслящие, чем Маро или Руссель, лидеры «духовных

вольнодумцев» мистически окрашенного учения в отдельных моментах близкого к анабаптистам⁴.

На наш взгляд, для понимания проблемы обращения к религиозным поискам элиты французского общества представляется интересным и важным выявить подходы и решения венценосной гуманистки к проблеме религиозного инакомыслия, отражение этих моментов в творчестве королевы Наваррской. Неслучайно к этим поискам обратились женщины из верхов – сама Маргарита, ее дочь Жанна, дочь короля Людовика XII Рената Феррарская, сестра коннетабля Монморанси Луиза (мать Колиньи), сестры Лаваль, считалось, что даже фаворитка Франциска герцогиня д'Этамп и т. д. Но пример Маргариты особенно показателен, поскольку она была единственной из них, кто был связан с художественным литературным творчеством. В качестве источников были привлечены широкое эпистолярное наследие Маргариты: ее переписка с представителями реформаторского движения, в частности с епископом Бриссоне, со знаменитыми деятелями эпохи Ренессанса (имеются в виду письма к ней Эразма Роттердамского и Филиппа Меланхтона), ее литературное наследие (стихи и сборник новелл).

О роли Маргариты Ангулемской в становлении французского гуманизма косвенно может свидетельствовать то, что современные историки ее открыто называют «матерью Ренессанса»⁵. Сестра короля Франциска I, жена короля Наварры, автор стихов и «Гептамерона», написанного в подражание «Декамерону» Джованни Боккаччо, она покровительствовала гуманистам и вольнодумцам. Прекрасно образованная, наделенная незаурядными поэтическими способностями, Маргарита Ангулемская являлась центром притяжения передовых мыслителей XVI в., зачастую преследуемых Церковью⁶.

Движение Реформации, охватившее Германию в первой четверти XVI в., нашло своих последователей и во Франции, поскольку там также сложились благоприятные условия для принятия этих идей. Поводом для развития реформаторского движения во Французском королевстве послужили многочисленные злодеяния, которые чинили представители католической церкви. Распушенность духовенства, торговля индульгенциями и произвольная раздача церковных должностей – таковы реалии того времени. Королевская власть в силу Болонского конкордата, в соответствии с которым французский король мог назначать на церковные должности по своему усмотрению и распорядиться церковными доходами, получила возможность расплачиваться за оказанные услуги, не опустошая государственную казну. Так, например, скульптор Бенвенуто Челлини за свою серебряную статую стоимостью 2 тыс. дукатов получил от короля аббатство. Такое отношение определялось как общеевропейской ситуацией, так и открыто проявлявшейся нравственной деградацией части французского католического

духовенства, возмущавшей даже верующих католиков. Все это усиливало в общественном сознании неудовлетворенность церковью, убеждало в ее отступничестве от выполнения своей духовной миссии, расширяло поле обличительной критики духовенства.

Реформация, заставлявшая каждого верующего составить свое собственное мнение о религиозных таинствах, способствовала воспитанию и упражнению ума, отвергала схоластику, вырабатывала новый метод – метод личной интерпретации Священного Писания. И поскольку Священное Писание становилось единственным, необходимым и достаточным источником верований и моделью поведения, то реформаторы должны были быть уверены в том, что оно не искажено. Отсюда стремление к знанию, овладению древними языками, интерес к первоисточнику.

Большое значение для развития Реформации во Франции имели университеты, особенно следует отметить университет в Бурже, расположенный во владениях Маргариты. Герцогиня лично приглашала выдающихся ученых и профессоров в свой университет. Одним из них был итальянский юрист Альчиати, впервые поставивший вопрос о происхождении, соотношении и духе законов на историческую почву. Среди слушателей его лекций были Жан Кальвин и Теодор де Без. Среди других знаменитых профессоров этого университета необходимо упомянуть Мельхиора Вольмара, которого герцогиня пригласила на кафедру латинского и греческого языков. Он был близко знаком с Лефевром, Русселем, Маро и Рабле. Эта была славная эпоха в истории Буржского университета: здесь начинали свою преподавательскую деятельность и стипендиаты Маргариты – знаменитый переводчик Плутарха, впоследствии воспитатель Карла IX и Генриха III Жак Амио, и Клод Бадюэль, ученик Меланхтона. Сохранилось письмо Меланхтона от 13 июня 1534 г, в котором он обращается к Маргарите с просьбой о покровительстве и оказании материальной помощи своему ученику Клоду Бадюэлю, который по бедности своей не мог закончить учебу, хотя подавал большие надежды. Герцогиня обеспечила ему пенсией, позволив завершить образование, а позднее после открытия университета в Ниме, сделала его ректором⁷.

Симпатии к новому религиозному учению проявлялись не только среди профессоров и студентов Бурже и Нима, но и в высших школах Лиона, Бордо, Орлеана, Тулузы и Парижа. Многие преподаватели открытого королем Коллеж де Франс рекомендованные Бюде, испытывали симпатию к новому учению.

При дворе реформаторское религиозное движение получило серьезную поддержку в лице Маргариты, герцогини Ангулемской. Она лично была знакома с членами реформаторского кружка, возникшего в городе Мо, и с 1521 г. состояла в переписке с епископом Брисонне. Члены кружка занимались переводами текстов Писания

на французский язык, выступали за возвращение к идеалам раннего христианства, прежде всего за нравственное, а не организационное обновление Церкви. Помощь делу Реформации со стороны Маргариты объяснялась ее личными качествами. Брантом пишет о ней: «Она направляла все свои действия, мысли, желания и стремления к великому солнцу – Богу, и поэтому ее подозревали в лютеранстве. То почтение, с каким к ней относились, то высокое мнение о ее уме и сердце, которое сложилось у всех, больше привлекали к Евангелию, чем любой проповедник»⁸. Брантом, убежденный католик, свидетельствовал как о ее религиозных нестандартных воззрениях, так и об обвинениях в лютеранстве, при этом он решительно отметал последние.

Король на первых порах благожелательно относился к исканиям гуманистов-реформаторов и по просьбе сестры не раз брал ученых под свою защиту. По желанию Луизы Савойской – матери короля и Маргариты – были переведены на французский язык некоторые части Писания. Таким образом, обстоятельства, казалось, благоприятствовали реформаторам. Кроме того, Луиза Савойская, король и его сестра не скрывали своего осуждения той порочной и праздной жизни, которую вели католические монахи: «В 1522 году, в декабре, мой сын и я милостью Святого Духа узнали ханжей белых, черных, серых и всех вообще цветов, от которых спаси и сохрани нас, Господь, своею милостью, ибо нет более опасных людей во всем роде человеческого»⁹, – записала Луиза Савойская в своем дневнике. В «Гептамероне» Маргариты есть несколько новелл, высмеивающих монахов-францисканцев. Прежде всего, герцогиню отталкивало в них лицемерие – один из главных, по ее мнению, человеческих пороков, а также их крайнее невежество и бесполезность.

В переписке Маргариты с епископом Брисонне в ноябре 1521 г. встречаем: «Не знаю, должна ли я радоваться тому, что меня причисляют к тем, на кого я очень бы желала походить... Мне кажется, что лучше всего заставить замолчать невежду, ибо король и Мадам [Луиза] твердо решили внушить всем, что Божья истина не ересь». Позже Маргарита сообщает своему корреспонденту: «Отсылаю к Вам мэтра Мишеля, который, уверяю Вас, не терял здесь времени, и учение Господа, через его уста, поразило сердца тех, кто уже склонился к принятию Духа Святого [Франциск и Луиза]... Но, умоляю Вас, среди всех Ваших благочестивых стремлений к реформации церкви, которой король и Мадам симпатизируют больше, чем когда-либо, и среди заботы о спасении несчастных душ – не забывайте одну из них, самую, может быть, несчастную и несовершенную...»¹⁰.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что поначалу король не без влияния своей сестры благосклонно смотрел на движение Реформации, определенно понимая ее как исправление злодеяний церкви, а не основ вероучения и не

препятствовал распространению мыслей первых реформаторов. А герцогиня пыталась влиять на церковную политику Франциска I и была связующим звеном между властью и интеллектуалами, создавшими концепцию обновленной церкви во Франции.

Отношение короля Франциска I к реформатской церкви резко изменилось с началом «дела плакатов». В октябре 1534 г. во всех крупных городах Франции были распространены листовки антикатолического содержания. До этого времени король еще не решался безусловно поддерживать католиков, которые, преследуя еретиков, преследовали в то же время и ученых. Но теперь он усмотрел в этих воззваниях угрозу своей власти и раскола единой веры. На реформаторов обрушились репрессии. Религиозным преследованиям подверглись не только те, кого называли еретиками, но и поэты, и ученые. Многие бежали из Парижа. Руссель поспешил уехать в Наварру, Кальвин бежал в Базель, а Клеман Маро нашел убежище во владениях Ренаты Феррарской¹¹.

При феррарском дворе идеи протестантизма также получили распространение, и вскоре Феррара оказалась прибежищем для всех, кто не мог оставаться во Франции из-за своих взглядов и убеждений. В марте 1536 г. к Ренате приехал Кальвин. Герцогиня с радостью встретила его, подолгу беседовала с ним и вскоре стала его последовательницей.

Маргарита также пыталась по мере сил защищать гонимых, по крайней мере, тех, которые принадлежали к ее дружескому кругу. Она была авторитетом для мыслящих людей Европы. Сохранилось письмо Эразма Роттердамского к Маргарите, в котором он высоко отзывался о ее личных качествах и той роли, которую она играла в общественной жизни Франции¹².

Среди окружения Маргариты было известно о ее симпатии к реформаторскому учению. Немецкий протестантский граф Гогенлоэ в 1527 г. подарил ей переведенное на французский язык собрание сочинений М. Лютера, а известный реформатор, друг Лютера и Цвингли, Капитон посвятил герцогине свои «Комментарии на пророка Оссию» и в приложении к ним особо отметил, что «взоры всех обращены на нее, что она надежда и упование реформатов и что все от души желают видеть ее торжествующей над теми многочисленными и крупными препятствиями, которые возникают перед женщиной, и в особенности перед королевой, как только дело коснется исповедания истины»¹³.

Гуманизм и Реформация во Франции первоначально шли рука об руку, и общение герцогини с гуманистами невольно направляло ее мысль к сомнениям и исканиям. Маргарита со свойственной ей порывистой страстностью увлеклась идеями евангелизма. Ее перу принадлежит дидактическая поэма «Зерцало грешной души», в которой нашла отражение мистическая вера, присущая многим

ранним гуманистам. Эта поэма была осуждена Сорбонной. В ней Маргарита провозглашала один из важных постулатов протестантизма – об оправдании благодатью и верой. Спасение всех и каждого обусловлено не личными добрыми делами, а только милостью Божией, дающей человеку истинную веру, которая и спасает его.

В 1533 г. противостояние Маргариты и Сорбонны достигло своего пика. Во время Великого Поста королева Наваррская в Лувре устроила открытую проповедь евангелического учения. Ежедневные беседы Русселя, объяснявшего Священное Писание по-французски и притом простым языком, привлекали большое количество слушателей. Сорбонна обвинила королеву в потакании ереси. Во владениях самой Маргариты нашелся монах, с церковной кафедры советовавший «защитить королеву в мешок и утопить в Сене». По приказу короля проповедник был схвачен и судим за оскорбление величества; его присудили к тому самому наказанию, которое он придумал для своей королевы. Но Маргарита сжалилась над несчастным: по ее настоянию Франциск смягчил приговор, заменив его ссылкой на галеры. Однако именно в королеве видели оплот протестантизма, поэтому теологи решили сконцентрировать усилия на том, чтобы доказать, что Маргарита – еретичка и ее деятельность губительна для католической церкви и французского государства в целом. Королеву обвиняли в чрезмерной доверчивости, снисходительности и даже в некотором легкомыслии, ее упрекали за то, что «она поддерживает своими средствами, благосклонностью и расположением тех лиц, которые подозреваются одни в нарушении католической религии, другие в совершенном презрении к ней»¹⁴.

Никто из обвинителей не мог понять Маргариту и ее терпимость даже по отношению к тем, чьи воззрения она не разделяла. Она никогда не отрекалась формально от католичества и никогда не присоединялась формально же к протестантизму. Маргарита – переходная фигура в духовном плане. Ее сочинения отражают характерный для нее напряженный религиозно-этический поиск и углубленную сосредоточенность, а подчас и мистицизм.

Герцогиня Ангулемская, королева Наварры, до конца своих дней не отказывалась от роли покровительницы и не переставала активно помогать всем, кто обращался к ней за помощью. Маргарита оставалась верной себе – не случайно ее характеризовали как «пристань и убежище для всех несчастных». Она бесстрашно и открыто оказывала помощь людям, невзирая на их философские и религиозные взгляды, уверенная в том, что в их душе найдется место для безусловной истины, к которой все в итоге стремятся. Представляет интерес в этой связи позиция Генриха Д'Альбре, короля Наварры. Он не препятствовал поощрению религиозного инакомыслия при дворе, более того, не возражал против назначения одного из них даже епископом.

Смерть короля стала страшным потрясением для Маргариты. Ее стихотворение «Размышления, спустя месяц после смерти короля» дает нам представление о глубине ее горя – ее жизнь была кончена:

«Мое несчастье безнадежно
Отчаяние бросает меня на дно колодца
Откуда мне уже не выбраться...»¹⁵.

Смерть, еще недавно казавшаяся ей такой страшной, теперь – желанный конец, конец печали и мукам, радостное воссоединение с тем, без кого она не в силах жить:

«О, Смерть, забравшая брата,
снизойди до сестры,
пронзи ее своим копьём...
давай же, не откладывай, поспеши,
поскольку мой брат в твоих чертогах,
возьми меня, чтобы наши души могли соединиться»¹⁶.

После смерти короля Маргарита поселилась в монастыре в Тусоне, вдали от мирской суеты. Королева снова вернулась к своим литературным занятиям и здесь была написана большая часть ее «Духовных песен», поэма «Корабль», пронизанные тяжелым настроением Маргариты, поглощенной мыслью о смерти. В поэме она любовно и подробно описала последние часы близких и дорогих ей людей, как бы черпая силу и спокойствие в этих грустных воспоминаниях и как бы готовясь также спокойно, как они, покинуть мир, который уже больше не представлял для нее ничего радостного и заманчивого.

О ее душевных метаниях свидетельствуют «Духовные песни» и стихотворения, в которых она ставит проблему индивидуального спасения верой:

«...Лишь на Христа надеюсь я,
Не отступлюсь ни впредь, ни ныне.
Он сила, мощь и власть моя,
Так припаду ль к иной святыне?»¹⁷,

– вопрошает она в «Послании».

В Духовных песнях Маргарита подчеркивает свое личное восприятие Бога и веры:

«У меня больше нет ни отца, ни матери,
Ни сестры, ни брата.
Кроме одного Бога, на которого я уповаю...
... Он мой друг и моя подруга,
Отец, мать, брат и супруг.
Моя надежда познать
мое Бытие, моя сила, моя мощь,
спасший меня своею волей...»¹⁸

В русле идей протестантизма она убеждена в индивидуальном спасении верой:

«...Лишь ты один сумел меня избавить
И оградить от зол, на путь наставить.
Плоть, дух и мысль питаешь только ты.
Яви свою заботу с высоты
И помоги мне жизнь мою исправить,
Спаситель мой»¹⁹.

Это индивидуальное восприятие общения с Богом для Маргариты означало не просто глубоко личные отношения, но и взаимосвязь: с одной

стороны, верит в прямое взаимодействие с Богом, с другой – просит его непосредственного прямого вмешательства без посредничества церкви в ее жизнь и духовные искания.

«...Господь, когда наступит долгожданный день,
Я буду поражена любовью к Тебе,
Что наш союз будет подобен союзу брачному? ...
...утри мои уставшие от долгих сетований глаза,
даруй мне лучший сладкий сон,
потому что слышать твои святые слова –
это совершенное удовлетворение
и верный отдых»²⁰.

И хотя индивидуальное спасение всегда связывалось с учением Лютера, по-видимому, поиск личных отношений с Богом в этот период был широко распространен, что и доказывают религиозные поиски Маргариты Ангулемской.

Поэзия Маргариты носит глубоко личностный характер, она не рассчитана на публику. Это способ самовыражения, поэтому стихам присуща глубокая искренность, а ее статус королевы, покровительницы гуманизма, позволял ей озвучить в поэзии свои размышления и сомнения. Поэмы Маргариты – лирические, т. е. глубоко личные произведения. И здесь Маргарита не просто следует традиции, она пропускает ее сквозь призму индивидуального восприятия.

Несмотря на религиозно-этический поиск, к которому ее направляло само развитие светской ренессансной мысли, Маргарита сохранила приверженность доктринам католической церкви и, тем не менее, до конца своей жизни заботилась и оказывала помощь и покровительство преследуемым протестантам. Это была терпимость в самом благородном и широком смысле. Все достойные люди эпохи – литераторы, ученые, философы Франции и Европы пользовались покровительством и поддержкой Маргариты.

Примечания

¹ См.: Петрункевич А. М. Маргарита Ангулемская и ее время. В стремлении к идеалу. СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1899. С. 52.

² См.: Михайлов А. Д. «Гептамерон» Маргариты Наваррской и французская новелла эпохи Возрождения // *Маргарита Наваррская*. Гептамерон / под ред. А. Д. Михайлова. М. : Республика, 1993. С. 3–12.

³ См.: Гаврилова Е. В. Распространение гуманизма во Франции : кружок Маргариты Наваррской // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 1, ч. 1. С. 59–62.

⁴ См.: Маргарита Наваррская // *Культура Возрождения* : в 2 т. / под ред. О. Ф. Кудрявцева. М. : РОССПЭН, 2011. Т. 2, кн. 1. С. 203–205.

⁵ Cholakian P. F. *Marguerite de Navarre : Mother of the renaissance*. New York : Columbia University Press, 2006. 413 p.

⁶ Михайлов А. Д. Указ. соч. 413 p. С. 4–5.

⁷ Melanchton a la reine de Navarre // *Nouvelles lettres de la reine de Navarre addresses au roi François I, son frère* / par F. Genin. Paris : Chez Jules Renouardet C., 1842. P. 292–294.

⁸ Цит по : Петрункевич А. М. Указ. соч. С. 126.

⁹ Там же. С. 52.

¹⁰ Там же. С. 128

¹¹ См.: Гаврилова Е. В. К вопросу о взаимоотношениях герцогини Маргариты Ангулемской и Клемана Маро // *Город и культура на Западе и в России* : сб. науч. тр. Саратов : ИЦ «Наука», 2014. С. 145.

¹² Erasme a Marguerite. Duchesse d'Alençon // *Nouvelles lettres de la reine de Navarre addresses au roi François I, son frère* / par F. Genin. Paris : Jarnier–Jlammariou, 1964. P. 184–186.

¹³ Петрункевич А. М. Указ. соч. С. 173.

¹⁴ Там же. С. 186.

¹⁵ *Marguerite de Navarre*. Autres pensees faites un mois apres la mort du roi // *Antalogie poetique française*. XVI siècle : 2 vols. Vol. 1. Paris : Garnier-Flammarion, 1964. P. 87–89.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ *Marguerite de Navarre*. Epitre // Ibid. P. 93.

¹⁸ *Marguerite de Navarre*. Cantiques spirituels // Ibid. P. 89–92.

¹⁹ *Marguerite de Navarre*. Rondeau // Ibid. P. 92.

²⁰ *Marguerite de Navarre*. Cantiques spirituals // Ibid. P. 91.

Поступила в редакцию 13.11.2020, после рецензирования 01.12.2020, принята к публикации 28.12.2020

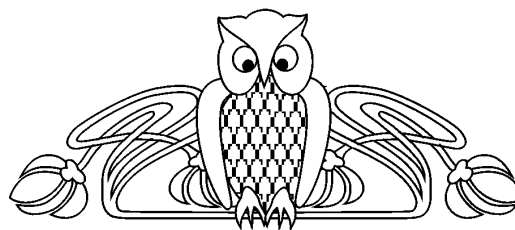
Received 13.11.2020, revised 01.12.2020, accepted 28.12.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 193–199
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 193–199

Научная статья
УДК 94(929).731
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-193-199>

Трансформация образа власти на медалях последних Валуа в период Религиозных войн

Т. Н. Лоцилова

Институт истории и политики, Московский педагогический государственный университет, 119999, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1

Лоцилова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семёнова, tn.loschilova@mpgu.su, <https://orcid.org/0000-0003-0010-3221>

Аннотация. Статья посвящена изучению образов королевской власти, которые использовали последние представители династии Валуа, отражая трансформации, происходившие в связи с попыткой укрепления королевского авторитета путем усиления светской и обретения духовной власти. Изучая французские королевские медали конца XVI столетия, автор выявляет основные тенденции в изменениях образа королевской власти в ходе религиозного конфликта, отмечает возрастание роли определенных христианских символов, которые использовались монархами как для обозначения своей религиозной позиции, так и ее презентации обществу в период государственного кризиса. Анализ медалей времен Карла IX, в частности, в память о Варфоломеевской ночи, и медалей Генриха III показывает изменение представлений о короле и его власти от образа античного короля-героя к восстановлению идеи христианнейшего короля и короля-мировотворца, который наиболее ярко представлен на изображениях Генриха III.

Ключевые слова: Франция, XVI век, династия Валуа, французские королевские медали, Варфоломеевская ночь, образ королевской власти, репрезентация образа

Для цитирования: Лоцилова Т. Н. Трансформация образа власти на медалях последних Валуа в период Религиозных войн // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 193–199. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-193-199>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-193-199>

Transformation of the image of power on the medals of the last Valois during the Religious wars

T. N. Loshchilova

Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, 1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow 119991

Tatiana N. Loshchilova, tn.loschilova@mpgu.su, <https://orcid.org/0000-0003-0010-3221>

Abstract. The article is devoted to the study of images of Royal power that were used by the last Valois dynasty's representatives, reflecting the transformations that occurred in connection with the attempt to strengthen the Royal authority with intensification of secular power and gaining spiritual power. Studying the French Royal medals of the end of the XVI century, it is possible to identify the main trends of changes in the image of the Royal power during the development of religious conflict, demonstrating the increasing role of certain Christian symbols that were used both to indicate their religious position and its presentation to society during the state crisis. The study analyzes the medals of the time of Charles IX, in particular in memory of St. Bartholomew's night, and the medals of Henry III. Analysis of these images allows us to come to the conclusion about the evolution of ideas about the king and his power from the image of the ancient hero king that was formed at the time of the beginning of religious wars, to the restoration of the idea of the most Christian king and peacemaker king, common in the pre-Renaissance era, and which is most clearly shown in the images of Henry III.

Keywords: France, XVI century, Valois dynasty, French Royal medals, St. Bartholomew's night, image of the Royal power, image representation

For citation: Loshchilova T. N. Transformation of the image of power on the medals of the last Valois during the Religious wars. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 193–199 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-193-199>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Сложный и противоречивый период Религиозных войн во Франции (1562–1598), характеризующийся целой серией затяжных конфликтов между католиками и гугенотами, поставивший страну на грань национальной катастрофы и возможности потери суверенитета, приведший к смене династии на королевском престоле, наложил существенный отпечаток на самовосприятие королевской власти и на презентацию ее образу обществу.

В данном исследовании рассматривается образ власти в период правления последних представителей династии Валуа и его трансформация в связи с изменяющейся политической ситуацией во Франции. Изучение этой проблемы предпринимается через призму анализа королевских медалей, созданных в данный период, что позволяет охарактеризовать идеи, идущие непосредственно от короля как основного заказчика изделия.

Как в зарубежной¹, так и отечественной историографии, до середины XX в. медальерное искусство редко становилось предметом научного интереса. Лишь обращение к вопросам потестарной имагологии повлекло за собой появление значительного количества работ, посвященных образам власти, их символичности и репрезентации². Данные вопросы стали предметом обсуждения на международных конференциях и круглых столах³. Однако исследований, посвященных анализу средневековых образов власти, отраженных на медалях⁴ и монетах⁵, крайне мало.

Медали, несущие на себе провозглашенные в образе политические доктрины и идеалы, можно считать уникальным историческим источником, позволяющим сделать некий срез общественного сознания изучаемого времени, являющиеся важными памятными знаками для власти и общества. Существование медалей, относящихся к какому-либо событию, подчеркивает его значимость для королевской власти и ближайшего окружения, поскольку они создаются в основном по королевскому указу, и изображение диктуется заказчиком. На медали, как правило, есть не только некая аллегория события (его трактовка очень интересна в свете анализа репрезентации власти), но и девиз, который дает дополнительную информацию и уточняет значение изображения; часто медали датированы.

Будучи разбросанными по многочисленным музеям и частным коллекциям, медали редко удастся увидеть в едином аналитическом пространстве. В этом смысле коллекция эстампов с медалями французских королей XV–XVII вв., выполненная в середине XVII столетия по велению Людовика XIV (1643–1715) придворным художником и гравером Себастьяном Леклерком, представляет определенный интерес для изучения. Она помогает увидеть созданные в разное время медали и монеты в едином образном пространстве, позволяя проследить их эволюцию. Коллекция эстампов хранится в настоящее время в муниципальной библиотеке г. Лиона и доступна для просмотра в

оцифрованном виде, каждый оттиск имеет свой инвентарный номер и краткое описание⁶.

Себастьян Леклерк выполнил более 150 оттисков со 127 медалей и 23 монет, в том числе 45 полных (включающих аверс и реверс) изображений с хранящихся на момент середины XVII столетия в королевской сокровищнице. Прекрасно сохранившаяся коллекция эстампов позволяет в полной мере изучить изображения медалей, некоторые из которых дошли до настоящего времени в достаточно плохом состоянии⁷.

Можно сказать, что медальерное искусство, пришедшее во Францию с конца XV в. и получившее широкое распространение в последующем столетии, выполняло роль элитарной пропаганды идей власти в придворной среде. Если образ короля, явленный на монете, был доступен широкому слою обывателей, то медаль, выпущенная исключительно в честь какого-либо важного события правления монарха (коронация, бракосочетание, рождение наследников) или жизни государства (победа, заключение мира, в честь выдающегося государственного деятеля), была доступна узкому кругу лиц из ближайшего окружения короля и являлась символом, который король демонстрировал ему, объясняя или актуализируя позицию власти в данный момент.

Медали, анализируемые в работе, были созданы в эпоху Религиозных войн, сложнейшего периода в позднесредневековой истории Франции, одной из составляющих которого было стремление королевской династии не только противостоят аристократической олигархии, но и значительно укрепить свою власть. Правление последних Валуа, насыщенное драматическими событиями как политического, так и личного характера, открывающее новую страницу в истории Франции, актуализирующее специфику ее общественного, экономического, социального и культурного развития, занимает видное место в историографии. Отражение происходящих событий запечатлено и на медалях эпохи.

Рассматривая коллекцию С. Леклерка, можно выделить 18 медалей интересующего нас периода. Это, прежде всего, коронационные медали Франциска II (1558–1559), Карла IX (1561–1574), Генриха III (1574–1589), а также медали в честь их бракосочетаний. Отдельного внимания заслуживают медали, касающиеся конкретных событий Религиозных войн: их 4, две из которых принадлежат времени Карла IX и две – Генриха III.

Одним из ярчайших образов, символизирующих величие власти короля, является ритуал его въезда в город, в христианской традиции ассоциирующийся со вступлением Иисуса Христа в Иерусалим, а в ренессансной – сочетающийся с триумфальным шествием победителя. Иконография этих образов достаточно единообразна, она всегда отражает въезжающего на колеснице или коне правителя в окружении ликующей и приветствующей его толпы⁸.

Введение ренессансных шествий по итальянскому образцу становится достаточно распространенным явлением еще со времен правления Генриха II⁹. Оно помогало представить достоинства короля в наиболее выгодном свете празднества и торжества, формировать положительный имидж сильной королевской власти. Само художественное воплощение праздника, отсылка к античным сюжетам, сооружение триумфальной арки способствовали этому, подчеркивая политический подтекст мероприятия¹⁰. Если же опираться на средневековую традицию праздника по поводу вступления сеньора в город, можно говорить о выраженной в данном действе традиции «обручения с городом», заключения союза верности¹¹.

Данный сюжет используется на медали, датированной 1571 г. и посвященной торжествам в честь бракосочетания короля Карла IX с Елизаветой Австрийской, которая олицетворяет их торжественный въезд в Париж. На медали отображен образ справедливого правителя, приветствуемого своим народом (рис. 1). Священный, сакральный характер его власти подчеркивается поддерживаемым над конным королем балдахин, который несут сопровождающие лица, навстречу из-за колонн выходит женщина в античных одеждах, протягивающая ключи от города в виде символического дара королю и признания его власти. Данная аллегория, родившаяся в период становления самостоятельного правления Карла IX, стремится подчеркнуть силу правящей династии, всеобщее и несомненное признание его власти, как будто не замечая уже разразившейся Религиозной войны. Провозглашается идея единения короля и страны.

Уже через год произойдет одно из самых трагичных событий в череде Религиозных войн – Варфоломеевская ночь 24 августа 1572 г. Видимое примирение, выразившееся в брачном союзе лидера гугенотов Генриха Наваррского и принцессы крови Маргариты де Валуа, вылилось в страшную резню гугенотов в Париже, а впоследствии – католиков и гугенотов по всей стране и осталось навсегда в памяти французов. Несомненно, что происходящее не могло не отразиться на медалях того времени, помогая выразить позицию королевской власти к произошедшему в те дни. На медалях, посвященных событиям религиозного противостояния этого времени, демонстрируется воинственная, направленная на уничтожение инакомыслия или врагов, позиция королевской власти.

В связи с событиями Варфоломеевской ночи были созданы две медали, несущие два совершенно разных образа, но объединенных одной идеей. Первая медаль презентует образ короля в виде Геракла, борющегося с Ларнейской гидрой (впоследствии неоднократно ассоциирующейся с гугенотской ересью в целом) (рис. 2), демонстрируя сложившуюся к этому времени во французском медальерном искусстве традицию изображения короля в образе античного героя. Вторая пред-

ставляет христианнейшего короля во всем его величии, сидящим на троне, установленном поверх поверженных тел врагов, в короне и мантии, с мечом и дланью правосудия в руках. Дата 24 августа 1572 г. на реверсе медали под гербом короля недвусмысленно объясняет, к какому событию привязана данная аллегория (рис. 3).

Одновременное сосуществование античного и христианского образа короля, с одной стороны, демонстрирует сохраняющуюся модную ренессансную аллегорическую традицию¹² (образ Геракла применительно к династии Валуа использовался очень широко со времен Генриха II и его женитьбы на Екатерине Медичи) и отражает происходивший переход из античного символического поля к традиционному христианскому в ходе разразившегося религиозного конфликта, разрешить который может лишь король-христианин.

Особо примечательным и отходящим от прежней традиции изображения французских королей на второй медали является отсутствие в руках короля скипетра, который заменен на редко пока используемую в то время длань правосудия. Появление как символа королевской власти во Франции длани правосудия обычно связывают с Людовиком IX¹³, а частое использование – с именами Людовика XIII и Наполеона Бонапарта. Присутствие длани еще раз актуализирует роль короля не только как правителя, но и, прежде всего, справедливого судьи.

Двойной клинок (традиционный и пламенеющий) в правой руке вводит в образ короля символ духовного лидерства. Теперь он позиционируется как защитник истинной христианской веры, а трон, стоящий на поверженных врагах, означает готовность обращаться к самым жестоким мерам подавления инакомыслия и сопротивления. Обретение роли духовного лидера, принявшего на себя ответственность за жесточайшие меры, направленные против гугенотов, демонстрирует стремление власти укрепить в глазах общества свои позиции как католического короля. Столь агрессивное и воинственное изображение, появившееся на медалях, передает уверенность в силе королевской власти. Король открыто заявляет о нетерпимости по отношению как к гугенотам, так и противникам усиливающейся королевской власти в лице противоборствующей аристократии.

Дальнейшие события Религиозных войн заставляют Валуа пересмотреть свою позицию и существенно изменить используемые ими образы. В связи с этим становится характерным обращение к христианскому символу, актуализированное усложнявшейся в стране реформационной ситуацией. Образ христианнейшего короля, сидящего на троне в королевской мантии, со скипетром и мечом в руках часто встречается на медалях Карла VII, Карла VIII и Людовика XII, со времени правления Франсиска I он заменяется изображением короля в образе античного героя или триумфатора. И если монеты дают

неизменный на протяжении второй половины XVI в. античный образ короля в лавровом венке, то на медалях вновь утверждается образ христианнейшего короля. В этот период происходит и возрождение использующегося прежде титула «Rex Christianniss» – «христианнейший король», его можно встретить на медалях как последних Валуа, так и первых Бурбонов.

В ходе разворачивающегося и углубляющегося религиозного конфликта власть переходит от изображения короля-героя и борца к образу правителя-мироотворца, объединяющего под своей дланью разные народы. Особо ярко эта идея прослеживается на медалях Генриха III. Его образ созвучен роли справедливого короля-судьи, мироотворца, пытающегося объединить общество. Главной идеей становится возвращенный образ христианнейшего короля на троне с традиционными атрибутами власти: трон, мантия, корона, и главное изменение – скипетр и книга вместо обнаженного клинка. Вкупе с «In tevere Christus» – пасхальным приветствием и девизом, окружающим образ короля, провозглашается незыблемость королевской власти и католической религии. Льющийся с небес свет и голубь, парящий над изображением короля, поддерживают идею богоизбранности и божественного покровительства совершаемым действиям. Медаль, содержащая эту аллегорическую сцену, датирована 1579 г., временем небольшого затишья в преддверии 7-й войны и усиления католической партии в ходе Религиозных войн, и посвящена созданию Ордена Святого Духа (рис. 4). Она еще раз делает акцент на про-

возглашаемом Валуа принципе о столь желанном союзе короны и ее поданных, о неразрывной связи между ними, выраженной не только на медалях, но и в художественном воплощении в произведениях придворных живописцев¹⁴.

Аллегории мира и согласия неотступно присутствуют на медалях времен Генриха III, они дополняют и конкретизируют образ короля-мироотворца. Это – образ богини Победы, держащей и возносящей две короны к небесам (французскую и польскую короны Генриха III), поднимающейся к небу на руках муз и подписью «Felicitas» (рис. 5), а также два небесных светила (солнца с лицами ангелов), испускающие свои лучи на земной шар (рис. 6).

Неким итогом в этой галерее образов является медаль, датированная 1588 г. (рис. 7), временем трагических событий в истории Франции, когда расколовшееся общество выступило против собственного короля на баррикадах в Париже в мае 1588 г. Сложно однозначно сказать, что именно передает аллегория, изображающая два зеркально отображенных народа, воюющих, а затем вступивших в перемирие и осыпанных дарами неба. Было ли это символом заключенного Эдикта единства в июле 1588 г., укреплявшего позиции Католической лиги в противовес партии гугенотов, или же она отображала состоявшийся союз с Генрихом Бурбоном, королем Наварры и лидером протестантов? Каким бы ни был ответ на данный вопрос, мироотворческая идея явно обозначена на данной медали как единственно возможная в политике короля, направленной на завершение

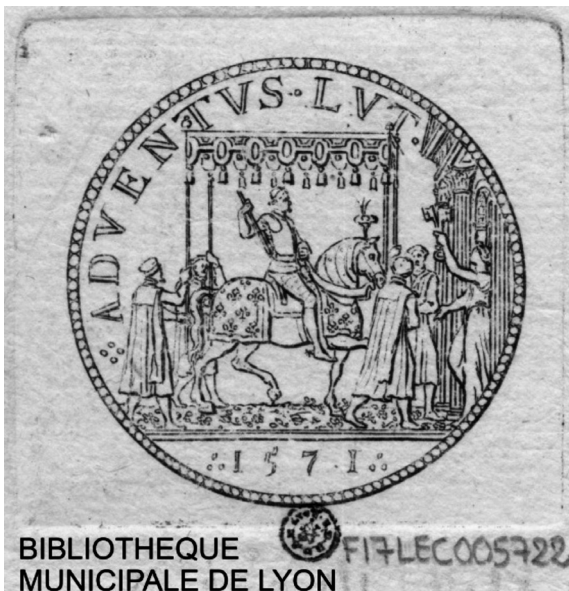

Рис. 1. С. Леклерк. Эстамп с медали Карла IX. Муниципальная библиотека г. Лион, Франция, F17LECO05722 // Bibliothèque numérique de Lyon. URL: https://numelyo.bm-lyon.fr/f_view/BML:BML_02EST01000F17LECO05722 (дата обращения: 25.10.2020)

Рис. 2. С. Леклерк. Эстамп с медали Карла IX. Муниципальная библиотека г. Лион, Франция, F17LECO05727 // Bibliothèque numérique de Lyon. URL: https://numelyo.bm-lyon.fr/f_view/BML:BML_02EST01000F17LECO05727 (дата обращения: 25.10.2020)

Рис. 3. С. Леклерк. Эстамп с медали Карла IX в честь Варфоломеевской ночи. Муниципальная библиотека г. Лион, Франция, F17LEC005725 // Bibliothèque numérique de Lyon. URL: https://numelyo.bm-lyon.fr/f_view/BML:BML_02EST01000F17LEC005725 (дата обращения: 25.10.2020)

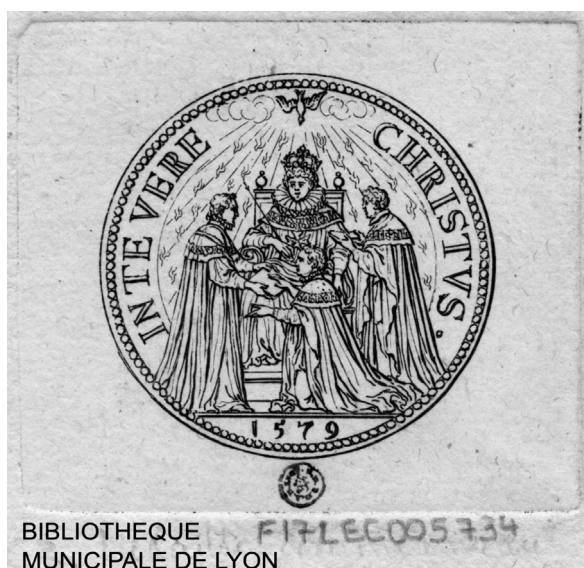

Рис. 4. С. Леклерк. Эстамп с медали Генриха III. Муниципальная библиотека г. Лион, Франция, F17LEC005734 // Bibliothèque numérique de Lyon. URL: https://numelyo.bm-lyon.fr/f_view/BML:BML_02EST01000F17LEC005734 (дата обращения: 25.10.2020)

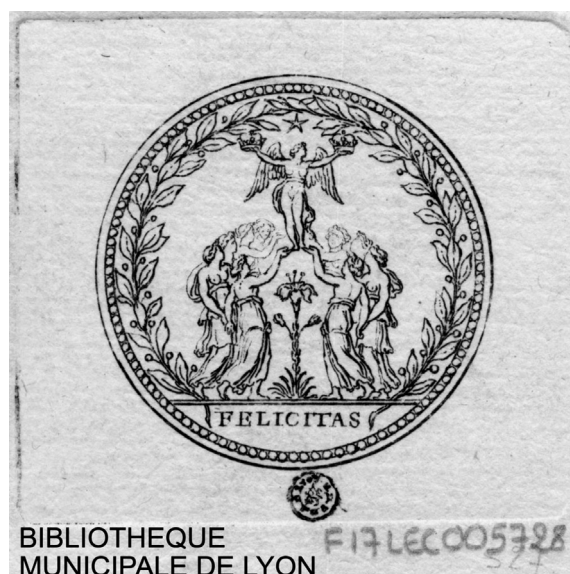

Рис. 5. С. Леклерк. Эстамп с медали Генриха III. Муниципальная библиотека г. Лион, Франция, F17LEC005728 // Bibliothèque numérique de Lyon. [Электронный ресурс] URL: https://numelyo.bm-lyon.fr/f_view/BML:BML_02EST01000F17LEC005728 (дата обращения 25.10.2020)

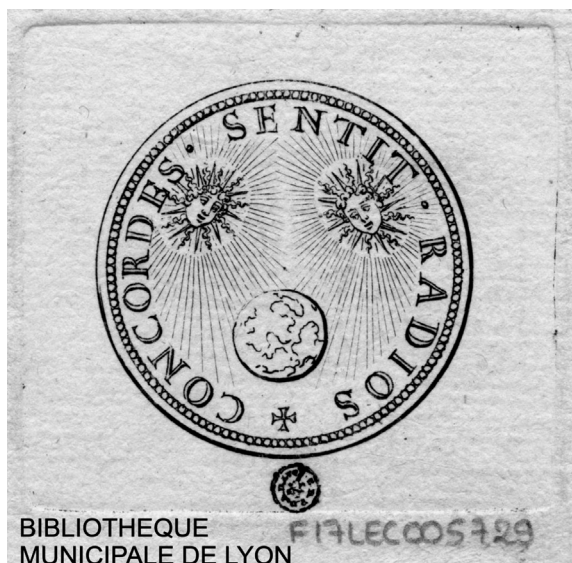

Рис. 6. С. Леклерк. Эстамп с медали Генриха III. Муниципальная библиотека г. Лион, Франция, F17LECC005729 // Bibliothèque numérique de Lyon. URL: https://numelyo.bm-lyon.fr/f_view/BML:BML_02EST01000F17LECC005729 (дата обращения: 25.10.2020)

Рис. 7. С. Леклерк. Эстамп с медали Карла IX. Муниципальная библиотека г. Лион, Франция, F17LECC005736 // Bibliothèque numérique de Lyon. URL: https://numelyo.bm-lyon.fr/f_view/BML:BML_02EST01000F17LECC005736 (дата обращения: 25.10.2020)

войн и восстановление мирного существования французского общества.

Таким образом, можно констатировать осуществившийся переход не только в политике последних Валуа, но и в отражении презентуемых ими образов. Попытки последних королей династии Валуа обрести мир в стране не привели к явному успеху, но подготовили почву для усмирения общества и обретения религиозной терпимости при новой династии Бурбонов, всецело наследовавшей и использовавшей образы королевской власти, выработанные во второй половине XVI в.¹⁵

Примечания

- ¹ См., например: Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенной преимущественно во Франции и Англии. М. : Языки русской культуры, 1998. 712 с.
- ² См.: Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / отв. ред. М. А. Бойцов и Ф. Б. Успенский. СПб. : Алетейя, 2010. 384 с.
- ³ См.: Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / отв. ред. Н. А. Хачатурян. М. : Наука, 2006. 484 с.

- ⁴ Pastoureau M. La naissance de la medaille : le probleme emblematicque // *Revue Numismatique*. 1982. № 24. P. 206–221.
- ⁵ См.: Керсновский Р. Монеты в культуре средневековья. М. : Исторический музей, 2018. 600 с.
- ⁶ Bibliothèque numérique de Lyon. URL: [https://numelyo.bm-lyon.fr/list.php?cat=quick_filter&search_keys\[0\]=%22Monnaies%2Bet%2Bm%C3%A9dailles%2Brelatives%2B%C3%A0%2B1%27histoire%2Bde%2BFrance%2Bde%2BCharles%2BVII%2B%C3%A0%2BLouis%2BXIII%22&search_keys\[BML_42\]=%22Monnaies+et+m%C3%A9dailles+relatives+%C3%A0+1%27histoire+de+France+de+Charles+VII+%C3%A0+Louis+XIII%22&order_by=Relevance&rows=5&pager_row=0](https://numelyo.bm-lyon.fr/list.php?cat=quick_filter&search_keys[0]=%22Monnaies%2Bet%2Bm%C3%A9dailles%2Brelatives%2B%C3%A0%2B1%27histoire%2Bde%2BFrance%2Bde%2BCharles%2BVII%2B%C3%A0%2BLouis%2BXIII%22&search_keys[BML_42]=%22Monnaies+et+m%C3%A9dailles+relatives+%C3%A0+1%27histoire+de+France+de+Charles+VII+%C3%A0+Louis+XIII%22&order_by=Relevance&rows=5&pager_row=0) (дата обращения: 25.10.2020).
- ⁷ См.: Лоцилова Т. Н. Эстампы Себастьяна Леклерка с медалей Генриха IV как исторический источник // *Genesis : исторические исследования*. 2019. № 3. С. 1–12. DOI: 10.25136/2409-868X.2019.3.29372.
- ⁸ Wintroub M. 'Civilizing the Savage and Making a King : the Royal Entry Festival of Henri II (Rouen, 1550) // *Sixteenth Century Journal*. 1998. № 29. P. 467–496.
- ⁹ См.: Эльфонд И. Я. Образ власти : pro et contra. Политическая мифология, пропаганда и культура во Франции XVI в. Саратов : Саратовский государственный социально-экономический университет, 2011. С. 201.
- ¹⁰ См.: Демидова М. А. Церемония вхождения Генриха II в Париж (1549). К вопросу о принципах формирования ренессансного образа // *Вестник ПСТГУ. Сер. V. Вопросы истории и теории христианского искусства*. 2016. Вып. 1 (21). С. 9–28.
- ¹¹ См.: Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М. : РОССПЭН, 2009. 552 с.
- ¹² См.: Пивень М. Г. Античные образы в декоративной живописи кватроченто. М. : Буксмарк, 2018. С. 177–186.
- ¹³ См.: Польская С. А. Христианнейший король : образы власти в репрезентативных стратегиях французской монархии (IX–XV вв.). М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 494 с.
- ¹⁴ См.: Эльфонд И. Я. Указ. соч. С. 200.
- ¹⁵ См.: Лоцилова Т. Н., Носова Е. С. «Добрый король Анри» : к истории одного мифа // *Genesis : исторические исследования*. 2019. № 4. С. 1–23. DOI: 10.25136/2409-868X.2019.4.29389.

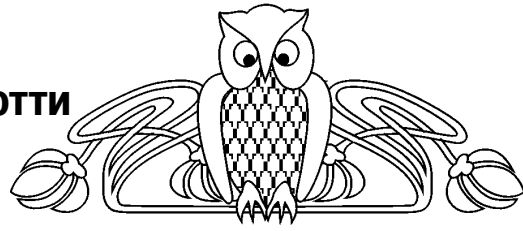
Поступила в редакцию 18.11.2020, после рецензирования 25.11.2020, принята к публикации 28.12.2020
Received 18.11.2020, revised 25.11.2020, accepted 28.12.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 200–205
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 200–205

Научная статья
УДК 94(930.85)
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-200-205>

Взгляды кардинала Габриэле Палеотти на религиозное искусство

Е. С. Носова

Институт истории и политики, Московский педагогический государственный университет, Москва, 119999, ул. Малая Пироговская, д. 1

Носова Екатерина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семёнова, knosova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8333-4708>

Аннотация. На материале книги «Наставления о религиозных и светских изображениях» (1582 г.) в статье рассматриваются взгляды кардинала Габриэле Палеотти на сакральное искусство. Затрагивается проблема восприятия живописи как богоугодного искусства; выявляется идеологический аспект сакральной живописи; раскрывается сложная доказательная база кардинала в отношении необходимости существования религиозных образов в храмах и их значения в жизни каждого человека. Формулируется вывод о том, что произведения искусства должны восприниматься не только как художественный комментарий к тексту Священного Писания, но и как молебельный образ, играющий связующую роль в диалоге с Богом.

Ключевые слова: сакральная живопись, кардинал Габриэле Палеотти, Священное Писание, Тридентский собор, Контрреформация

Для цитирования: Носова Е. С. Взгляды кардинала Габриэле Палеотти на религиозное искусство // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 200–205. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-200-205>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-200-205>

Religious views of Cardinal Gabriele Paleotti on sacred art

E. S. Nosova

Moscow Pedagogical State University, 1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow 119991, Russia

Ekaterina S. Nosova, <https://orcid.org/0000-0001-8333-4708>, knosova@yandex.ru

Abstract. Being founded upon the book «Instructions on religious and secular images» (1582), the article examines cardinal Gabriele Paleotti's views on sacred art. The author explores the issue of perception of painting as a God-pleasing art, exposes the ideological aspect of sacred painting and reveals the cardinal's complex evidence base on the need for the existence of religious images in churches and their significance in the life of every person. It is concluded that objects of art should be perceived not only as an artistic commentary on the text of Holy Scripture, but also as a prayer image that plays a cohesive role in interlocution with God.

Keywords: sacred painting, cardinal Gabriele Paleotti, Holy Scripture, Council of Trent, Counter-Reformation

For citation: Nosova E. S. Religious views of Cardinal Gabriele Paleotti on sacred art. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 200–205 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-200-205>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Реформация в Германии стала масштабным социально-политическим и идеологическим движением XVI в., которое приняло форму борьбы против католической церкви и католической догматики. Обнародовав 31 октября 1517 г. 95 тезисов в Виттенберге, Мартин Лютер призвал к реформе церкви. Реформистские идеи затрагивали не только вопросы теологии, но и искусства, находившиеся на службе католической церкви.

Постепенно в протестантской среде начинает формироваться уникальная художественная культура, отражающая новые религиозные и повседневные идеалы лютеровской доктрины. Лукас Кранах Старший и Альбрехт Дюрер пошли по пути разрушения существовавших канонов католической иконографии в религиозной живописи, ссылаясь на слова Мартина Лютера о том, что «Образы – ничто: Бог в них не нуждается. Лучше дать бедному

человеку гульден, чем жертвовать Богу золотой образ»¹. Ведь Иисус Христос учил посредством слова. Слово обладает большей силой убеждения и наставления, нежели изображения в храме. Витражи, скульптуры, фрески служат соблазном для людей алчных, поэтому образы в храме – это духовно вредоносное начало, искажающее правильное представление о Боге и Его действиях. В связи с этим родилось иконоборческое движение, сопровождавшееся массовым уничтожением картин и статуй, которые объявлялись идолами, уводящими Церковь в язычество.

Ответной реакцией сторонников католического вероучения стал созыв Тридентского собора (1545–1563). По итогам его IV сессии 8 апреля 1546 г. были приняты следующие постановления:

1. Собор с равным благочестием, любовью и почтением принимает и почитает все книги Ветхого и Нового Заветов, ибо оба Завета исходят от одного и того же Бога².

2. Древнее и общепринятое издание, которое за долгие века использования одобрено самой Церковью, считается достоверным при публичных чтениях, дискуссиях, проповедях и изъяснениях, и чтобы никто не дерзал отвергать его под каким-либо предлогом³.

3. Дабы подавить врожденное своеволие, Собор предписал, чтобы в вопросах веры и нравов, относящихся к построению христианского вероучения, никто, основываясь на собственном разумении, не перетолковывал Священные Писания по-своему, вопреки тому смыслу, которого держалась и держится святая мать Церковь, коей принадлежит право судить об истинном смысле и истолкования Священных Писаний⁴.

Данные положения касались не только книг, но и религиозного искусства. Декреты определяли строгие нормы, касающиеся содержания картин, границу между христианскими и языческими изображениями.

В 1563 г. на заключительной сессии Тридентского собора вновь подтверждается положение о важности влияния образов на духовную жизнь человека и подчеркивается, что главная задача образов – наставлять, предлагая пастве изображения различных религиозных сюжетов из Священного Писания как модель образцового поведения. Далее предписывалось всем епископам контролировать процесс создания живописных полотен в своих епархиях. Однако никаких конкретных требований предъявлено не было. Для выполнения данного предписания необходимо было разработать соответствующие директивы, и за этот труд взялся архиепископ Болоньи, участник Тридентского собора Габриэле Палеотти.

Габриэле Палеотти (1522–1597) вплоть до 1570 г. не интересовался искусством и, по словам кардинала Чарльза Борромео, архиепископа Милана, «как человек, чувствующий большую ответственность, он рьяно взялся за написание этого труда»⁵.

В процессе подготовки директивы о религиозном искусстве Габриэле Палеотти консультировался со многими известными художниками той эпохи: Просперо Фонтана, Доменико Гибальди, Пирро Лигорио. Также сохранилась его переписка с кардиналом Чарльзом Борромео, племянником римского понтифика Пия IV, который в этот период времени проводил реформу монашеских орденов с целью повышения их авторитета в обществе. Кардинал Борромео активно поддерживал инициативу Габриэле Палеотти, помогая ему в толковании различных нюансов по теологическим и юридическим вопросам.

В 1582 г. публикуется первая книга труда «Discorso intorno alle imagini sacre et profane»⁶ на итальянском языке. Она была разделена на три части. В первой рассматривались образ и его значение в церковном искусстве, затрагивался вопрос о различии между церковным и светским искусством. Во второй части раскрывалось значение светского искусства. В третьей доказывалась необходимость религиозного искусства и изучения его истоков с момента зарождения христианского вероучения. Вскоре была опубликована вторая книга, посвященная различным вопросам художественных жанров и их соответствия содержанию Священного Писания. Здесь же раскрываются основные злоупотребления, которыми зачастую грешили художники. Третья, четвертая и пятая книги не были опубликованы, но сохранились их проекты в черновом варианте. Сохранившиеся заметки позволяют сделать вывод, согласно которому Габриэле Палеотти планировал уже на конкретных примерах показать, какие картины можно отнести к «благочестивым», какие – к «нечестивым», а также доказать тезис о положительном влиянии образов на душу человека.

Можно предположить, что кардинал хотел выстроить свое повествование как контраргументы по отношению к зародившемуся иконоборческому движению. Наиболее ярко свое отношение к образам высказал Жан Кальвин: «Так как Бог непредставим, бестелесен и невидим ... мы не должны изображать Его на иконе или в статуе и почитать идола, как будто бы он имеет сходство с Богом... Величие Бога, которое значительно превышает нашу способность видеть, не должно быть искажено посредством непристойных образов»⁷. В пятой книге планировалось прописать рекомендации по размещению картин с религиозными сюжетами в различных пространствах: храмах, домах, академиях, дворцах, залах для аудиенций и т. д.

В 1594 г. данный труд был опубликован на латинском языке – «De Imaginibus Sacris et Profanis Illustriss et Reverendiss. D. D. Gabrielis Palaeoti Cardinalis libri quinque», что обуславливалось необходимостью более широкого охвата читающей аудитории из числа духовенства.

Весь труд Габриэле Палеотти базируется на трех принципах:

1. Искусство должно наставлять.
2. Искусство должно быть универсальным.
3. Искусство должно быть исторически достоверным.

Обратимся теперь к взглядам кардинала Габриэле Палеотти на религиозное искусство. Он начинает свое повествование с доказательства необходимости существования образа. «Еретики отрицают эффективность изображений. Запретить их означало бы совершить серьезную несправедливость по отношению к безграничному количеству людей, потому что это означает лишить их чувственного восприятия образа, которое рождает знание. Знание о важных моментах из жизни христианина... необходимо для здоровья души. Лишить их образов, это все равно, что лишить знания бесконечное количество несчастных неграмотных»⁸. В данном тезисе Габриэле Палеотти апеллировал к труду Фомы Аквинского «Сумма Теологии», где речь идет о сложной теологии образов. Фома Аквинский писал, что чувственное познание материального мира – единственный источник интеллектуального познания, пользующегося «самоочевидными основаниями». Человек не может познать мир при отсутствии образов. Кардинал Палеотти продолжает развивать идею Фомы Аквинского, говоря о том, что «можно ли вызвать знания, смотря в темноту, не видя образов? Слова рождаются, когда есть образ, который несет в себе универсальное знание доступное всем: мужчинам и женщинам, молодым и старым, ученым и невежественным»⁹. Образы должны поучать, ибо они есть книга для неграмотных, потому что «они рождаются из божественного света»¹⁰. Они также напоминают верующим о Священной истории, обращая мысли их к примерам праведной жизни Иисуса Христа, Девы Марии и святых. При условии надлежащего использования образов они способны придать чувствам направление, необходимое для познания и созерцания деяний Господа. «Образы должны быть поучительными, запоминающимися»¹¹, в связи с этим они должны быть «универсальными»¹².

Под универсальностью образа кардинал подразумевал доступность его понимания, которое могло быть выражено в простоте изображения. Чувственности образа можно было достичь за счет использования простых и ярких цветов, игры света и тени, четкости границ в изображаемых предметах, реальности расположения предметов и человеческого тела в пространстве. По мнению Паоло Проди, в труде «Disco...» присутствует манифест против маньеризма. Автор стремится использовать аристотелевскую эстетику восприятия человеком образов с точки зрения использования живописи как одного из инструментов воспитания¹³. В связи с этим появляется учение об универсальности образа, выраженного в «натуралистичном историческом реализме»¹⁴, который воплотился в тезисе «чем ближе картины отражают реальность, тем больше чувственного

рационального познания они несут»¹⁵.

Арнольд Хаузер во многом соглашается с идеями П. Проди, считая, что на взгляды Габриэле Палеотти повлиял труд Чарльза Борромео «Instructionum...»¹⁶, где достаточно четко прописывается идея, согласно которой искусство должно вести прихожанина к размышлению над жизнью Христа и святых с обязательным доказательством исторической действительности изображения в живописи. В связи с этим в «Disco...» формулируется идея «воинствующей Контрреформации», направленная против стиля маньеризм¹⁷.

Маньеризм вызывал негодование со стороны представителей католического вероучения, так как для него была характерна перегруженность композиции, выраженная в наличии деформированных фигур в форме серпентина (змеевидные), яркой цветовой палитры. В сакральной живописи преобладал спиритуализм. Поэтому Габриэле Палеотти призывал к очищению живописи от многочисленных наслоений. В качестве примера можно привести фреску Аньоло Бронизино «Мученичество Святого Лаврентия» (рисунки). Согласно книге о Житие Святого Лаврентия, он был приговорен к сожжению заживо на железной решетке, под которую положили горячие угли, а слуги рогатиной прижимали к решетке тело мученика. Святой Лаврентий, взглянув на правителя, сказал: «Вот, вы испекли одну сторону моего тела, поверните на другую и ешьте мое тело!»¹⁸

По идее вся композиция сюжета должна иллюстрировать вызов смерти, вызов страданию и победу духовной жизни над смертью физической. Что же мы видим на фреске Аньоло Бронизино? Святого очень трудно найти из-за большого количества размещенных в пространстве фигур на фоне изобилующего архитектурного орнамента. Человеческие фигуры расположены в неестественных формах, цветовой фон настолько размыт, что невозможно разглядеть эмоции на лицах. Сюжет на картине противоречит тексту Жития. Данная картина не соответствует тезису Габриэле Палеотти «жизнь и правда», она, скорее, отворачивает нас от «чувственного рационального познания», и зрителю не удастся в полной мере достичь «духовного познания»¹⁹. Такое сознательное искажение образа несет в себе негативное воздействие на зрителя. Цель искусства заключается в возбуждении у людей положительных эмоций. Искаженные образы по сути своей становятся «безличными»²⁰. В таком случае художник теряет свой труд, заказчик – свои деньги, а зритель – истинное знание. В связи с этим, чтобы не было таких отрицательных опытов, основная цель епископа – проконтролировать заказчика и художника, дабы не сотворил он полотно с «пагубным сюжетом». Ведь неграмотная паства от незнания своего не может извлечь знания из книг, для них единственное доступное знание – это образы, размещенные в храмах и церквях. Молящийся

Аньоло Бронзино «Мученичество Святого Лаврентия» / Bronzino A. Martirio of St. Lawrence. URL: <https://gallerix.ru/storeroom/1857473792/N/189642073/> (дата обращения: 16.09.2020)

должен поклоняться первообразу, стоящему за материальным изображением или иконой. Вновь апеллируя к словам Фомы Аквинского, «отдавая должное образу, человек соприкасается с прототипом», Габриэле Палеотти задается вопросом: «Как избежать живописцу путаницы между рукотворным образом и прототипом? Как избежать

живописцу злоупотребления и не ввести благочестивого зрителя в заблуждение?»²¹ Ответы на эти вопросы Габриэле Палеотти дает во второй книге своих наставлений. В ней кардинал не делает акцент на изучении отдельных жанров живописи, а, наоборот, развивает идею о соответствии текста Священного писания с изображениями на

картинах, фресках. Во многих главах он обращает внимание на расхождения между канонической иконографией и существующими образами, расположенными в храмах, соборах и церквях. Наиболее ярким примером несоответствия текста и сюжета может служить сохранившийся протокол Святой инквизиции от 18 июля 1573 г. в отношении картины Паоло Веронезе «Пир в доме Левия»²². Данное полотно должно было располагаться в трапезной доминиканского монастыря Святых Джованни и Паоло.

Согласно протоколу Паоло Веронезе достаточно вольно отнесся к тексту Нового Завета и Тайную вечерю изобразил согласно собственным представлениям об эпохе Иисуса Христа. На картине он представил ренессансную архитектуру виллы с большим количеством гостей, одетых по последней моде XVI в. и воинов с алебардами, присутствуют дети и слуги с подносами и кувшинами.

Исказив сюжет Тайной Вечери, Паоло Веронезе ввел в заблуждение человека молящегося. Согласно учению Святого Августина молящийся проходил три этапа познания: телесное (физическое), духовное и интеллектуальное. Предаваясь молитве и сосредоточению, благочестивый человек мог выйти за пределы мира, воспринимаемого физическим зрением, и увидеть то, что доступно только духовному взгляду. Это позволяло ему соприкоснуться с божественным миром на интеллектуальном уровне. Таким образом, молящийся созерцал нечто, находящееся за пределами священного изображения. Габриэле Палеотти вторит словам Святого Августина, указывая на размывание границ между миром «земным» и «небесным» в процессе созерцания образа. Образ содержит божественную истину и искусство, запечатлевающее божественную истину, становится ее хранилищем. «Живописец должен изображать не то, что он видит, но то, что будет увидено»²³. В связи с этим основная его задача – облегчить процесс познания посредством выстраивания трехчастной иерархической структуры изображения. В этом месте рассуждения образуется брешь: кардинал не дает объяснения подобного положения, он просто констатирует необходимость изображения трехуровневой иерархии. Возможно, ответ на данное утверждение можно найти в труде Шарля Луазо «Трактат о Сословиях и Простых Званиях»²⁴.

Шарль Луазо дает определение социальному порядку, который базируется на трехчастной иерархии общества. Троичность мира создает гармонию «Ибо совершеннейшее деление есть деление на три вида»²⁵. Данная троичность общества, по мнению Жоржа Дюби, «отражает устройство общества более совершенного»²⁶, т. е. небесного. В принцип троичной структуры включены не только социальные отношения средневекового общества, но и структура всей вселенной, видимой и невидимой²⁷.

Идея о троичности небесной иерархии имела хождение на территории западноевропейского региона в эпоху Средневековья и, по-видимому, согласно этой концепции Габриэле Палеотти утверждает о необходимости трехуровневой иерархии в живописных полотнах.

В пятой и шестой главах второй книги прописывается иерархия художественного образа в соответствии со статусом персонажей. Небеса, т. е. верхняя часть картины (небеса) отводятся Господу и сыну его Иисусу Христу. В центре должны изображаться святые и Дева Мария. Внизу располагается портрет заказчика и второстепенные персонажи²⁸. Паоло Бароки обращает внимание на то, что кардинал сознательно не затрагивает проблему стилистики изображения. Он дистанцируется от обсуждения вопросов «материи и формы» изображаемого, оставляя этот выбор за художником, но предъявляет достаточно строгие требования к изображению сакрального образа: спокойная цветовая гамма, и если используются яркие тона, тогда они не должны быть кричащими; естественность поз и правдоподобие изображаемых событий. Фактически все его требования сводятся к появлению «универсального образа», который заменил бы неграмотным книги²⁹. Сандро Бенедети считает, что Габриэле Палеотти, доказывая необходимость универсального образа в религиозном искусстве, выступает не столько против маньеризма, сколько пытается вновь вернуться к традициям раннехристианского искусства. Это было обусловлено тем, что границы между религиозной и светской живописью были размыты. В связи с этим возвращение к истокам и возможность использовать христианскую символику облегчило процесс создания «универсального» образа, т. е. образа, доступного для всех³⁰.

Последний аспект, на который необходимо обратить внимание – это историческая достоверность изображаемых событий. К сожалению, данный тезис не получил должного раскрытия, так как преимущественно сохранился в проекте неопубликованной части книги, хотя есть упоминания о данной проблематике в первой и второй книгах.

Автор, используя труд кардинала Чарльза Борромео, дает рекомендации о необходимости использования исторических документов и различных реликвий, которые хранятся в храмах, базиликах и т. д. По мнению П. Бароки, возникновение данного тезиса было обусловлено стремлением опровергнуть обвинения протестантов в том, что церковная история сплошные легенды³¹. Стремясь к воплощению исторической правды на религиозных полотнах, кардинал рекомендует использовать сохранившиеся документы и реликвии, хранящиеся в храмах, базиликах и т. д.

В 1597 г. кардинал Болоньи Габриэле Палеотти скоропостижно скончался, так и не успев закончить свой труд «Discorso...», основная цель которого заключалась в формулировании критериев «универсального образа» в религиозном искусстве, доступного в своей простоте, потому

что он не только включает в себе декоративную функцию, украшая стены храма, но и дает возможность соприкоснуться в процессе созерцания с миром божественным, ощутить себя сопричастным с вечностью, а для малограмотного населения это было единственное доступное знание.

Примечания

- ¹ Лютер М. Проповедь о Второй книге Моисея, 1525 г. // *Бельтинг Х.* Образ и культ. М. : Прогресс-Традиция, 2002. С. 612–613.
- ² См.: Тридентский собор. Каноны и декреты / пер. с лат. Е. М. Розенблюма, И. И. Аникьева. СПб. : Католическая высшая духовная семинария «Мария – Царица Апостолов», 2019. С. 30.
- ³ Там же. С. 31.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Bianchi I.* La politica delle immagini nell' età della Controriforma. Gabriele Paleotti teorico e committente. Biblioteca dell' satoria dell' arte. Bologna : Editrice compositori, 2008. P. 19.
- ⁶ Discoro intorno alle immagini sacre et profane. URL: http://www.memofonte.it/home/files/pdf/scritti_paleotti.pdf (дата обращения: 16.09.2020).
- ⁷ *Кальвин Ж.* Наставление в христианской вере : в 4 кн. Кн. 1, гл. 11. URL: <http://www.jeancalvin.ru/institution/1/11/> (дата обращения: 16.09.2020).
- ⁸ Discoro intorno alle immagini sacre et profane. Book 1, ch. 24. URL: http://www.memofonte.it/home/files/pdf/scritti_paleotti.pdf (дата обращения: 16.09.2020).
- ⁹ Ibid. Book 1. Ch. 23.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Ibid. Chapter 22.
- ¹³ *Prodi P.* Ricerche sulla teorica delle arti figurative nella Riforma Cattolica, Roma : Nuova Alfa, 1962. P. 527–562.
- ¹⁴ Ibid. P. 161.
- ¹⁵ Discoro intorno alle immagini sacre et profane. Book 1, ch. 22. URL: http://www.memofonte.it/home/files/pdf/scritti_paleotti.pdf (дата обращения: 16.09.2020).
- ¹⁶ *Borrimeo C.* Instructionum fabricae et supellectilis ecclesiasticae libri duo. Pacificum Pontium, Milano 1577. URL: <https://archive.org/details/charlesborromeos00voel/page/n6/mode/thumb> (дата обращения: 16.09.2020).
- ¹⁷ *Hauser A.* Il Manierismo. La crisi del Rinascimento e l'origine dell' arte moderna. Torino : Giulio Einaudi, 1965. P. 69–71.
- ¹⁸ Житие святого Лаврентия. URL: <http://days.pravoslavie.ru/Life/life4414.htm> (дата обращения: 16.09.2020).
- ¹⁹ Discoro intorno alle immagini sacre et profane. Book 1, ch. 33. URL: http://www.memofonte.it/home/files/pdf/scritti_paleotti.pdf (дата обращения: 16.09.2020).
- ²⁰ Discoro intorno alle immagini sacre et profane. Book 2, ch. 6. URL: http://www.memofonte.it/home/files/pdf/scritti_paleotti.pdf (дата обращения: 16.09.2020).
- ²¹ Ibid.
- ²² См.: Мастера искусства об искусстве : в 7 т. / ред. А. А. Губер. М. : Искусство, 1965. Т. 2. С. 246–249.
- ²³ Discoro intorno alle immagini sacre et profane. Book 2, ch. 6. URL: http://www.memofonte.it/home/files/pdf/scritti_paleotti.pdf (дата обращения: 16.09.2020).
- ²⁴ *Loyseau Ch.* Traite des ordres et simples dignitez. URL: https://books.google.ru/books?id=RYJfAAAAcAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 16.09.2020).
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ *Дюби Ж.* Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о самом себе. М. : Языки славянской культуры, 2000. С. 14.
- ²⁷ Там же. С. 15.
- ²⁸ Discoro intorno alle immagini sacre et profane. Book 2, ch. 5, 6. URL: http://www.memofonte.it/home/files/pdf/scritti_paleotti.pdf (дата обращения: 16.09.2020).
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ *Benedetti S.* Fuori dal Classicismo. Sintetismo, Tipologia, Ragoione nell'architettura del Cinquecento. Roma : Bonsignori, 1993. P. 20.
- ³¹ *Barocchi P.* Trattati d'arte del Cinquecento fra Manierismo e Controriforma. II. Bari : G. Laterza, 1961. P. 541.

Поступила в редакцию 28.11.2020, после рецензирования 15.12.2020, принята к публикации 28.12.2020
Received 28.11.2020, revised 15.12.2020, accepted 28.12.2020

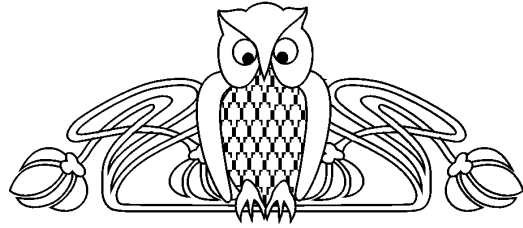

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 206–214
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 206–214

Научная статья
УДК 94(410)«1603/1714»
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-206-214>

Религиозный фактор в жизни и творчестве Александра Поупа

В. В. Кирюшкина

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Кирюшкина Виктория Викторовна, доктор культурологии, профессор кафедры истории и культурологии, cyr72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4923-2481>

Аннотация. На материале биографии Александра Поупа, его сочинений и переписки выясняется значение религиозного фактора в судьбе поэта. Антикатолическая политика Англии рассматривается как исторический контекст, повлиявший на жизнь и личность Поупа. Александр Поуп предстает человеком, сумевшим использовать свою, казалось бы, крайне невыгодную конфессиональную принадлежность при формировании карьеры профессионального литератора. Исследуются роль католицизма, сочетание деизма, концепций естественной религии и христианских идей в просветительском мировоззрении Поупа.

Ключевые слова: Александр Поуп, Реставрация, просветители, литературные клубы, антикатолическая политика, католицизм, религиозные взгляды, «Опыт о человеке», «Всеобщая молитва», деизм, свобода воли

Для цитирования: Кирюшкина В. В. Религиозный фактор в жизни и творчестве Александра Поупа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 206–214. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-206-214>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-206-214>

Religious factor in the life and work of Alexander Pope

V. V. Kiryushkina

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov, 410054 Russia

Viktoria V. Kiryushkina, cyr72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4923-2481>

Abstract. The article examines the importance of the religious factor in the life of the poet. The anti-Catholic politics of England is seen as the historical context that influenced Pope's life and personality. Alexander Pope appears as a man who was able to use his extremely unprofitable religious affiliation in forming a career as a professional writer. The author examines the function of Catholicism, the combination of deism, concepts of natural religion, and Christian ideas in Pope's enlightenment consciousness.

Keywords: Alexander Pope, Restoration, Enlightenment, literary clubs, anti-Catholic politics, Catholicism, religious views, «Essay on Man», «Universal Prayer», deism, free will

For citation: Kiryushkina V. V. Religious factor in the life and work of Alexander Pope. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 206–214 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-206-214>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Александр Поуп – фигура, безусловно, знаковая для английского Просвещения, законодатель просветительского классицизма, популяризатор просветительской идеологии и, пожалуй, единственный католик среди английских просветителей. Этот парадокс заставляет внимательнее отнестись к значению религиозного фактора в жизни и творчестве Поупа, хочется понять, как католицизм увязывался с просветительским мировоззрением и ценностями в сознании поэта. Тем

более, что частный случай Поупа дает нам возможность лишний раз отойти от клишированного восприятия эпохи Просвещения, где скептицизм и критичность просветительской мысли интерпретируются исключительно в духе антирелигиозном и материалистическом и в результате этой модернизации религиозные проявления трактуются как пережитки прошлого, а вспышка религиозной активности протестантских сект – как результат страха английской буржуазии перед «враждеб-

ным ей антибуржуазным характером материалистического учения»¹. На самом деле религия была органичной частью жизни и культуры этой эпохи. Приспосабливаясь, укладываясь в новые их формы, она продолжала оставаться важным инструментом социальной, политической, экономической деятельности, идеологическим обоснованием борьбы партий внутри страны и международных конфликтов и договоров.

Жизнь Александра Поупа (1688–1744) постоянно привлекала внимание исследователей. Первые его биографии появились еще в XVIII в. Самая известная из них принадлежит С. Джонсону². XIX век представлен сочинением Л. Стефен³, классической биографией Поупа стала работа М. Мэка⁴. В современном поуповедении выделяется фигура американского исследователя П. Роджерса, написавшего очерки о Поупе⁵ и уделившего специальное внимание его политической биографии⁶. Неоднократно обращалась к личности Поупа и Х. Дойч⁷.

Творчеству Александра Поупа посвящено неизмеримо больше трудов, потому здесь упомянем работы отечественных авторов – Л. В. Сидорченко, обратившейся к проблеме поиска Поупом художественного идеала⁸ и к вопросу о его месте и роли в литературной жизни Англии первой четверти XVIII в.⁹, Т. Н. Васильевой¹⁰. К религиозным взглядам Поупа обращались Р. Каррутерс¹¹ и Г. Найт¹², Р. Роджерс¹³, в связи с мировоззрением и творчеством поэта – Л. В. Сидорченко.

Александр Поуп нередко изображался врагами как выскочка, проникший в высший свет и умудрившийся нажить состояние своим литературным творчеством¹⁴ (рис. 1). На самом деле, перед нами фигура удивительной жизненной стойкости, человек, достигший своего статуса не благодаря, а вопреки обстоятельствам своей биографии. Из этих обстоятельств, которые, казалось бы, должны были препятствовать успеху, биографами Поупа чаще всего упоминаются его болезненность (туберкулез позвоночника, который превратил его в горбуна ростом в 4 фута и 6 дюймов и доставлял ему физические и моральные мучения на протяжении всей жизни, которую он же сам метко назвал «затянувшейся болезнью») и принадлежность к католической церкви. На последнем факторе мы и остановимся.

Александр Поуп (рис. 2) родился в Лондоне на Ломбард-Стрит, где находился дом с торговой лавкой его отца. Отец Поупа – обеспеченный торговец льном и новообращенный католик. Дед Поупа по отцовской линии был англиканским священником в Хэмпшире, а вот отец, вероятно, под влиянием коммерческих интересов в Португалии принял католичество¹⁵. Жизнь Александра Поупа пришлось на эпоху, когда политические метаморфозы в Англии обязательно вызывали эхо религиозного противостояния в обществе. Но, если так можно выразиться, политика все чаще подчиняла себе религию. Родившись в последние

месяцы правления Якова II – последнего католика на английском престоле, болезненный Поуп переживет иностранца Вильгельма, англичанку Анну Стюарт, не говорящего по-английски немца Георга I и умрет в правление его сына, засвидетельствовав утверждение Ганноверского дома в Великобритании всерьез и надолго.

Реставрация Стюартов в 1660 г. одновременно означала и возвращение государственного статуса Высокой Церкви. С этого времени в Англии только принадлежность к англиканству давала человеку всю полноту политических и гражданских прав. Принятый в 1661 г. «Акт о проверке и корпорациях» допускал на государственную службу только лиц, принесших присягу в англиканском храме, сделав невозможной государственную карьеру для членов иных конфессий, если только они не были готовы наступить на горло собственной религиозной совести или рискнуть нарушением закона. О том, что такое случалось в английской политической жизни, говорят регулярно издававшиеся с 1727 г. «Акты об освобождении от ответственности за неисполнение законов» 1661, 1673 гг. При этом сами эти законы сохраняли силу до 20-х гг. XIX в.¹⁶ В 1662 г. в соответствии с «Актом о единообразии» священники, «неприсягнувшие» англиканской церкви, лишались права на официальную церковную деятельность. «Декларация о веротерпимости», принятая Карлом II в 1672 г., провозглашала право короля не применять репрессивных мер против католиков и протестантов-диссентеров, позволяла священникам-нонконформистам проповедовать при условии признания верховной власти короля. Однако парламент отказывался принять этот акт и уже в следующем году снова утвердил необходимость англиканской присяги для занимающих государственную должность. Борьба Карла II с парламентом выглядела как битва прокатолических и англиканских сил общества. Профранцузская политика, втайне от парламента проводимая Карлом, в глазах англичан становится подтверждением связи между католицизмом и предательством английских национальных интересов.

Памятником этого крайне подозрительного отношения к католикам в Англии как на государственном, так и на общественном, уровне стала надпись на колонне, увековечившей лондонский пожар 1666 г., обвинявшая в поджоге католиков. Текст надписи объявлял пожар делом рук католиков, осуществленным «с целью реализации их страшного заговора по ниспровержению протестантской религии и введению папизма и рабства»¹⁷. А если вспомнить, каких жертв стоил этот пожар лондонцам – за 4 дня было разрушено более 13000 домов, а также церкви и общественные здания, стоимость утраченного имущества оценивалась от 7 до 10 млн фунтов стерлингов¹⁸ – то можно себе представить ту подпитку, которую получил миф о католиках-вредителях в обще-

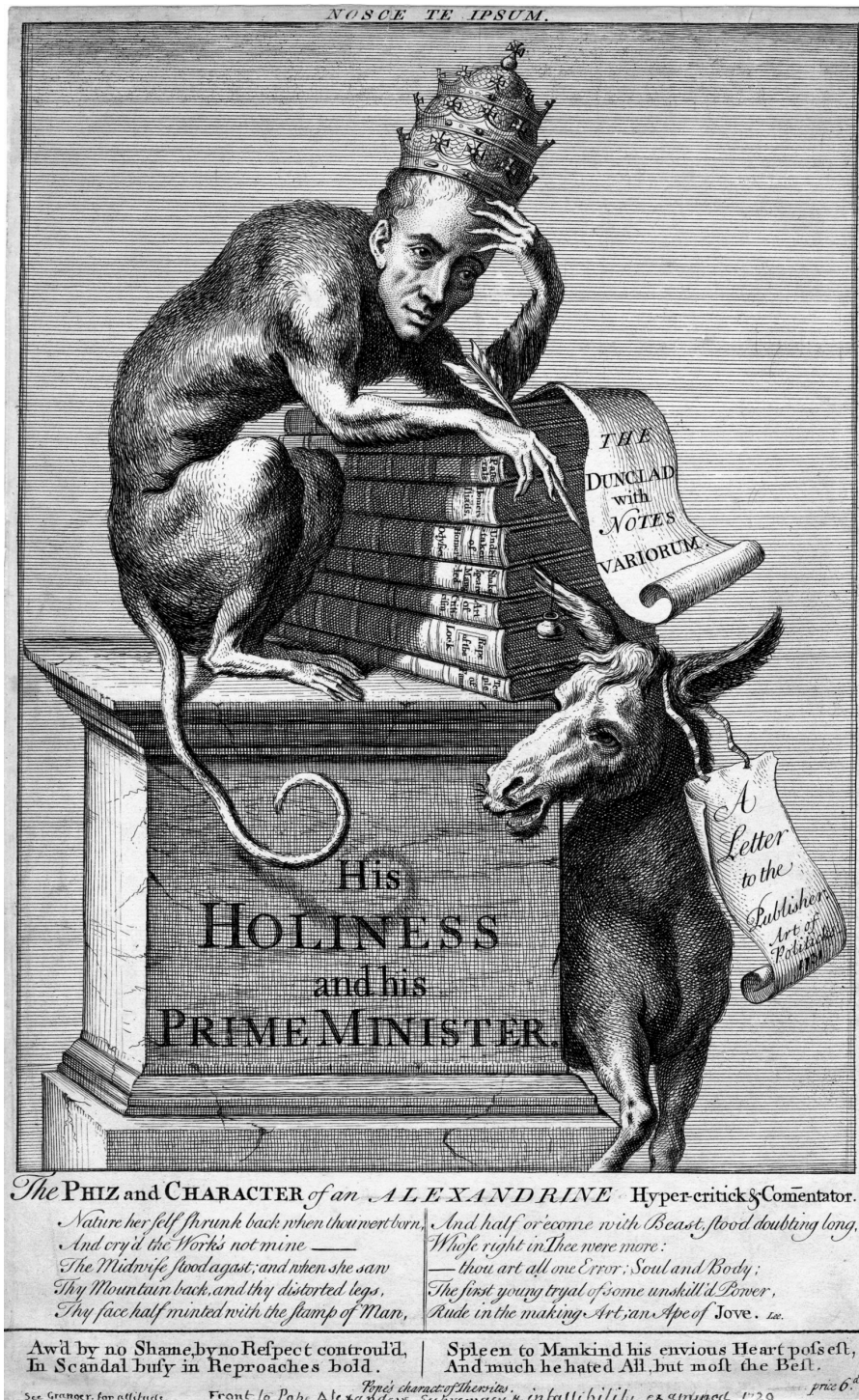

Рис. 1. Карикатура на Александра Поупа 1729 г., изображающая его в папской тиаре. Коллекция Британского Музея. Инвентарный номер 1868,0808.3529. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-3529 (дата обращения: 12.10.2020)

ственном сознании. И этот миф не могли разрушить ни оправдательный приговор, вынесенный безумному французу, который утверждал, что это он поджог город, ни выводы парламентской комиссии, обнаружившей лишь естественные причины возникновения пожара¹⁹.

При таких законах католики не могли занимать государственные посты, заседать в парла-

менте, посещать публичные школы, колледжи, университеты, вести торговлю и другие дела в Лондоне. После краткого, но разрушительного для и без того слабого союза между короной и парламентом периода правления католика Якова II тори и виги, напуганные его прокатолической политикой, скрытой под маской веротерпимости («Акты» 1687, 1688 гг., отменявшие

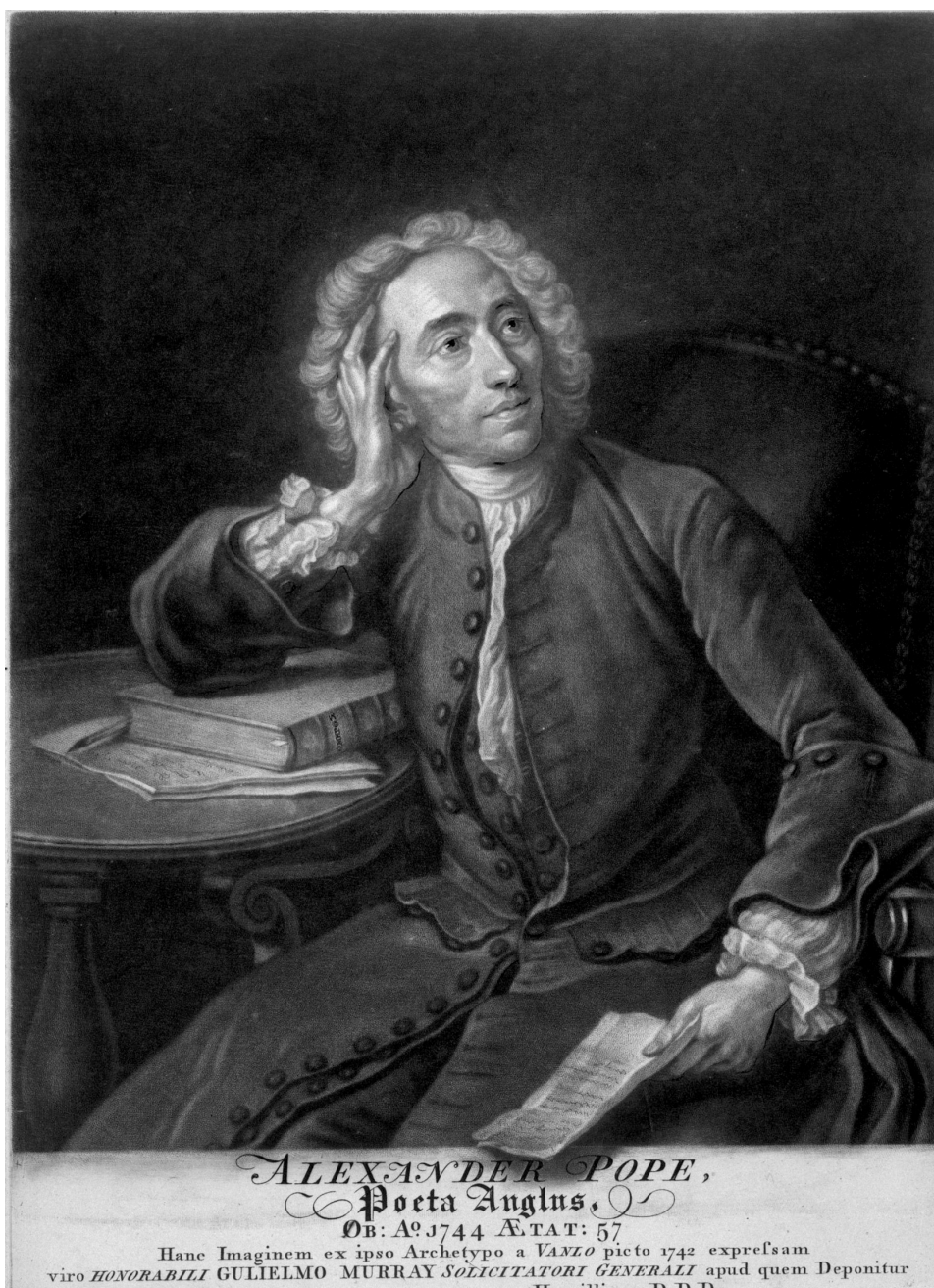

Рис. 2. Портрет Александра Поупа работы Жана Баптиста ван Лоо, ок. 1742 г. Печать в технике меццо-тино выполнена Джоном Фабером Младшим после 1744 г. Коллекция Британского Музея. Инвентарный номер 1902,1011.1819. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1902-1011-1819 (дата обращения: 12.10.2020)

все, принятые с 60-х гг. ограничительные законы против представителей неангликанских конфессий), объединились ради государственного переворота.

Открывший правление Вильгельма Оранского «Акт о веротерпимости» 1689 г. облегчал положение протестантских диссентеров, хотя и не возвращал им гражданских и политических прав. Новый закон ничего не давал католикам, так как

обязательная по акту присяга содержала отказ от одной из основных католических догм – от идеи пресуществления. Для католиков утверждалась черта оседлости – не ближе 10 миль от Лондона. Испанский посол мог доложить, что на самом деле революция улучшила участь католиков, положила конец безрассудным провокациям Якова, вызывавшим раздражение общества против католиков. Практика исполнения закона стала более снисхо-

дательной, и «католики, хотя и были фактически отстранены от государственных должностей и от военно-морских и военных профессий, почувствовали себя спокойнее»²⁰. По выражению британского историка Дж Кларка, «политика, принятая нацией после многих бедствий в 1689 г. это политика, позволившая религиозной ненависти перерасти в национальное единство XVIII века»²¹.

Тем не менее в общественном и политическом сознании Великобритании «протестантизм прочно ассоциировался со свободой (считавшейся производной от свободы чтения библейского текста) и процветанием, католицизм – с деспотическим правлением и экономическим застоєм»²². Это в полной мере отражали основополагающие законы нового правления – уже упомянутый «Акт о веротерпимости» и «Акт об устройении», переключивший путь к трону претенденту-католику или женатому на католичке. За всеми внутривнутриполитическими конфликтами и внешнеполитическими противостояниями англичане продолжали видеть религиозную подоплеку. Вскоре после начала войны за испанское наследство в 1702 г. палата лордов декларировала, что война с Францией ведется с целью защиты религии, свободы и собственности.

В этих условиях прошло детство Александра Поупа, и общая судьба английских католиков стала судьбой его семьи и в определенной степени должна была определять его собственную судьбу. Отец Поупа под действием антикатолических законов, выдворявших католиков из Лондона, вынужден был отойти от дел и поселиться в Кенсингтоне, затем (в 1698–1700 гг.) семья Поупа переехала в Бинфилд, где образовалась сильная католическая община.

Первые препятствия, с которыми столкнулся маленький «папист», касались образования. Как католик Александр не мог учиться в обычной школе, а законом 1700 г. католикам, среди прочего, запрещалось держать школы и другие заведения для молодежи²³. Домашнее образование, несколько месяцев католической семинарии в Твайфорде (откуда был вроде бы изгнан за пасквиль), недолгое обучение в лондонской школе Томаса Дина, где оказался незаконно, видимо, благодаря оппозиционным взглядам последнего (в 1689 г. Томас Дин отказался принести присягу Вильгельму III и Марии, а в 1691 – даже стоял у позорного столба за антиправительственный памфлет) – все это не могло дать ему того объема знаний, который был предусмотрен системой классического образования. Поуп не совершал в отличие от своих аристократических современников *Grand tour*. Недостаток знаний в течение всей своей жизни он старался восполнить самообразованием. Соответственно, Вольтер имел повод иронизировать над французским Поупом, а его познания в греческом не удовлетворяли Бентли²⁴. Однако несмотря на все это, Александр Поуп стал автором одного из самых влиятельных переводов гомеровских эпосов в английской литературе.

Католицизм Поупа действительно определил его судьбу – но, скорее, как препятствие, преодоление которого и сделало его одним из великих английских поэтов. Ограничительные законы против католиков в сочетании с таким обстоятельством жизни Поупа, как слабое здоровье, закрыли для него сферу политической деятельности. Невозможность активной социально-политической деятельности, которая играла важную роль в жизни других современных ему литераторов английского Просвещения, побудила его целиком сосредоточиться на литературе.

С другой стороны, было бы неверно утверждать, что католицизм Поупа работал только против него. Английские католики представляли собой своеобразное братство, поддерживали друг друга, и, если бы не их положение изгоев, вряд ли юный сын лавочника был бы вхож в аристократические дома. А он бывал в качестве гостя Блаунтов в их прекрасном замке елизаветинской постройки в Мейплдерхеме, том самом, который в годы гражданской войны защищался от штурма парламентаристов, и дружил с дочерьми мистера Листера Блаунта Терезой и Мартой. Юный «папист» водил знакомство и с Джоном Кэриллом – племянником того Джона Керилла, который был поэтом, дипломатом при дворе Якова II и отправился с ним в изгнание. Сэр Уильям Трамбал – государственный деятель, близкий приятель Кристофера Рена и Джона Драйдена. В отставке проживал с 1697 г. в своем поместье в Истемпстед и тоже оказался среди высородных «соседей» семейства Поуп. Он стал одним из первых серьезных читателей ранней поэзии Поупа, увидел и поощрял в молодом человеке талантливого поэта. Возможно, он привил Поупу глубокое почтение к Джону Драйдену, советовал заняться переводами из Гомера.

Другим ранним покровителем Поупа был Уильям Уолш, вустерширский богатый джентльмен, который снисходил до поэзии, но получил известность как критик благодаря высокой похвале Драйдена. Среди юношеских приятелей Александра Поупа выделялась фигура Генри Кромвеля, с которым он познакомился еще в одном аристократическом католическом семействе – у Энгфилдов, которые состояли в родстве с Блаунтами. Генри Кромвель, называвший себя другом Драйдена, имевший много знакомых в мире литераторов, можно сказать, ввел молодого Поупа в этот мир²⁵. И, опять же, в доме Энгфиллов Поуп знакомится с литератором, чья слава уже угасала, но его имя в литературных кругах могло помочь молодому поэту протекцией – с Уильямом Уичерли, известным своими комедиями, популярными в 1670-х гг.

Характерно, что, общаясь с католиками-аристократами, вытесненными из политической жизни Англии, Поуп не проникся якобитским и католическим ужасом перед вигами и вольнодумцами, но сумел извлечь максимальную пользу из своих связей, найдя в этом кругу и первых на-

ставников в поэзии, и первых критиков, и первых покровителей в литературном мире.

Но теперь Поупу предстояло перебраться из мира «бывших» политических и литературных звезд в общество новых героев Англии. В 1710 г. начинается новый период в его жизни. Он разрывает отношения с Кромвелем и Уичерли и ищет более авторитетных друзей в «литературной республике» обновленной Англии. В 1711 г. издан его «Опыт о критике». Поуп лично сделал рассылку поэмы известным английским критикам. И не прогадал – его имя становится известным в литературных кругах как благодаря похвале Дж. Аддисона, так и благодаря критическому «разносу» Дж. Денниса. Литературный кружок Аддисона и Стиля был рад видеть молодого перспективного поэта в своих рядах.

Сотрудничество Поупа с провинским «малым сенатом» Аддисона не получилось долгим. Мешали взаимные подозрения политического и религиозного свойства. «Поупу был чужд религиозный настрой вигов и их политическая программа, а виги подозревали Поупа в якобитских симпатиях как католика»²⁶. Тем временем развивалась дружба Поупа с Джонатаном Свифтом и переход поэта в лагерь тори в 1714 г. оформился его участием в клубе Мартина Склиблеруса и прославлением в поэме «Виндзорский лес» Утрехтского мира, заключенного под давлением тори и критикуемого вигами.

После смерти бездетной королевы Анны начался новый виток антикатолической политики в Великобритании, спровоцированный мятежом якобитов, не желавших видеть на престоле немца и протестанта Георга Ганноверского. Протест был подавлен, некоторые католические друзья и соседи Поупа по Бинфилду арестованы. По закону 1715 г. «паписты» были лишены права передавать и принимать по наследству земельные владения, католикам вменялось в обязанность особым образом регистрировать свои имения, на основании чего в 1716 г. был введен для них повышенный налог.

Новые законы коснулись и семьи Поупа. Из переписки Александра Поупа известно, что его волновал юридический статус их поместья в Бинфилде, которое, вероятнее всего, было оформлено незаконно, так как уже на тот момент существовал запрет на покупку земельных владений католиками, высказывал он и опасение по поводу того, что увеличение налогов с владений католиков лишит его большей части дохода²⁷. Поупы продают свое имение в Бинфилде и переезжают в Чизвик, где снимают дом. Здесь Александр Поуп начинает перевод Илиады и пишет значительный кусок «Элоизы к Абеляру». Здесь умирает его отец, и забота о благополучии семьи, которая уже ранее легла на его плечи, теперь – только его забота. Вскоре, в 1718 г., Поуп снимает на условиях аренды дом в Твикенхеме (рис. 3), где и проживет до конца жизни.

По сочинениям Поупа рассыпаны жалобы на несправедливость британских властей по отношению к лояльным, законопослушным католикам, к которым поэт явно относил себя и своего отца. В «Подражаниях Горацию» он пишет о «несправедливых законах», которые лишают «благочестивых папистов должностей, прибыли и доверия» и с гордостью говорит о своем отце – «он придерживался бедности со спокойной душой», и о себе – «а мне помогают Музы пройти через все это; папист – он, а я – поэт»²⁸. В одной из сатир Поуп замечает: «Фортуна не может похвалиться, что сильно меня унижает; при двойном налогообложении, как мало я потерял!»²⁹

Неизбежно возникает вопрос: что мешало Александру Поупу перейти в англиканскую церковь и обеспечить себе спокойную и более обеспеченную жизнь? Ведь его семья – не потомственные католики, и его отец совершил переход из англиканства в католицизм в условиях Реставрации, когда принадлежность к католической церкви в Англии могла обернуться для человека как потерями, так и дивидендами. Переход из одной церкви в другую в ту эпоху нередко совершался из деловых соображений. На первых порах католическое братство еще могло быть полезно начинающему поэту, но потом, в пору усиления антикатолических законов, положение католика влекло за собой только потери. Конечно, исполнительные антикатолические законы в Англии не были столь суровым, как, например, в Ирландии и для Поупа оборачивалось только дополнительными финансовыми трудностями, поскольку он не имел политических амбиций, не вступал в заговоры, не был связан с церковью своей профессиональной деятельностью.

С другой стороны, поведение Поупа в повседневной жизни, в профессиональной деятельности – это поведение буржуа – умение заводить и поддерживать полезные связи, редчайшее для того времени умение отстаивать свои финансовые интересы в отношениях с издателями, бережливость (в частности, высмеиваемая многими современниками его манера писать на обратной стороне уже использованной бумаги). При таких чертах верность Поупа католицизму трудно понять. Был ли он по своему мировоззрению последовательный, убежденный католик? Изучение сочинений Поупа не позволяет нам положительно ответить на этот вопрос.

Британский исследователь Г. Фрезер справедливо и точно характеризует католицизм нашего героя: «Поуп с большой лояльностью относился к религиозности своего отца, но его собственный католицизм был либерального, гуманистического, эразмианского толка»³⁰. Г. Уилсон Найт замечает, что если «мир чувств Поупа явно основывается на католицизме», то сам Поуп «не был ни христианином, ни противником христианства в каком-либо ограниченном смысле»³¹. Наконец, большинство исследователей обнаруживают христианские

Рис. 3. Вид на виллу Александра Поупа в Твикенхеме. Офорт с акварели, выполненной вскоре после его смерти. Художник неизвестен. Печать выполнена Джеймсом Халеттом после 1750 г. Коллекция Британского Музея. Инвентарный номер 1875,1211.42. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1875-1211-42 (дата обращения: 12.10.2020)

черты его мировоззрения, подчеркивают, что невозможно отнести его к деистам-вольнодумцам, подобным его другу и покровителю Г. Сент-Джон Болингброку³².

При этом очевидно, что одна из доминант просветительской идеологии – неприемлемость фанатизма в любых его проявлениях – ярко представлена в сознании Поупа. Не делает он исключения и для католицизма, когда в «Опыте о критике» критикует Средневековье – время господства католической церкви как время, когда античные знания были разрушены варварами и монахами, «было много веры, но мало понимания»³³. «Я верю, – пишет он Дж. Кэрилу, – ... нам следует полагаться на то Высшее существо, которое есть наш постоянный хранитель и благодетель»³⁴. Ему глубоко чужды отрицание католиками возможности спасения для представителей других конфессий³⁵, но и «социнианства мерзкая напасть» (перевод А. Субботина)³⁶, т. е. учение, абсолютизирующее рациональную трактовку Библии, на основании которой отрицаются догматы о Святой Троице и божественной природе Христа.

«Деист» в то время – слово ругательное, основное значение – «атеист», «вольнодумец», но деистический Бог, трактуемый как разумная первооснова Мира, очень близок Поупу, дополняется в его мировоззрении христианскими кон-

цепциями бессмертия души, свободы воли, проведения, загробного воздаяния³⁷. Во «Всеобщей молитве» Поуп называет религию источником морали. Но в письме леди Монтегю замечает, что человек может быть «невежественным или ... сомневаться в достоинствах разных религий и правительств, но быть уверенным в личной добродетели»³⁸.

В своих сочинениях и письмах Поуп не обращается к таким важным для католического богословия темам, как первородный грех или искупление. В своем понимании свободы воли Поуп не ортодоксален. К этой теме он обращался многократно – в «Элегии на память одной несчастной леди», в послании «Элоиза к Абельяру» и, конечно, во «Всеобщей молитве». Свобода воли понимается поэтом как внутренняя свобода человека, противопоставленная обстоятельствам, формируемым действиями других людей. Элоиза в поэме Поупа думает о самоубийстве, и автор пишет об этом с сочувствием, а может – с определенным уважением перед свободой выбора героини, что бесконечно далеко от католических взглядов³⁹. Определенные сомнения в христианском догмате о греховности человеческой любви и недопустимости самоубийства выражены поэтом и в «Элегии на память одной несчастной леди»⁴⁰.

В «Опыте о человеке» Поуп представляет полную картину своего мира. Будучи уже прославленным поэтом, он публикует поэму анонимно в виде фрагментов с 1731 по 1734 г. и только в 1735 г. признается в своем авторстве, включив поэму в издание своих сочинений. В ответ он получает критику со стороны ортодоксальных теологов, обвинивших поэта в деизме. В 1736 г. публикуется дидактическая поэма Р. Бриджеса «Божественная мудрость и проведение: опыт, вызванный “Опытом о человеке”», где автор сомневается, что Поуп верит в свободу воли человека. Благодаря своей популярности поэма была очень быстро переведена на французский язык и оказалась в библиотеках европейцев. Это расширило и круг оппонентов Поупа. Швейцарский кальвинист Ж. П. Круза публикует два своих труда (в 1737 и 1738 гг.), в которых призывает Поупа к ответу за «дейстическое покушение на религию», утверждает, что тождество Бога и природы, которое проповедует поэт, ведет к пантеизму⁴¹.

Важно отметить, что Поуп был обеспокоен такими обвинениями, видимо, больше, чем литературной критикой своих сочинений. Чтобы не оказаться под прицелом церковной критики он привлекает У. Уорбертона, как раз сменившего стезю адвоката на церковную карьеру. В 1738–1739 гг. в журнале «История трудов ученых» опубликованы 5 его писем в защиту «Опыта о человеке», он же по просьбе Поупа помогал писать комментарии к поэме⁴². В своих комментариях к «Всеобщей молитве» Уорбертон пишет, что эту поэму Поуп публикует, чтобы показать, что «его система (взглядов – К. В.) основана на концепции “свободы воли” и пребывает в благочестии»⁴³ и что данная поэма «продолжает “Опыт о человеке”, несправедливо обвиненный в тяготении к фатализму и натурализму»⁴⁴. Но мы знаем, что над этой поэмой Поуп работал с 1716 г. Британский исследователь Р. Роджерс обнаружил 4 варианта «Всеобщей молитвы» и, проанализировав их, нашел следы тех исправлений, которые поэт сделал под влиянием теологической критики. Таким образом, стало возможно выявить наиболее важные для Поупа убеждения, так как они остаются неизменными во всех редакциях: все версии обращены к Богу, которому может поклоняться всякая разумная душа, в каждой редакции присутствует сдержанный намек на человеческую порочность, везде упоминается концепция благодати («grace»). Работая над поэмой, Поуп усиливает ее лирический характер, может быть, пытаясь таким образом увести текст из-под критики богословия, в то же время стараясь сделать свою позицию по вопросу свободы воли более ясной, а представления об отношениях человека с Богом соответствующими христианской доктрине⁴⁵. Во «Всеобщей молитве» Поуп обращается к Богу, который оставляет волю человека свободной,

но предвидит пути применения этой свободы и потому – предопределяет его судьбу. Но самопознание, разумная воля направляет человека к Богу. Эта идея очень важна для Поупа, и ее мы найдем в ранних его сочинениях – «Опыт о критике» и «Опыт о человеке».

Можно говорить о христианском мировоззрении Поупа, включавшем в себя идеи естественной религии, укорененные в гуманистической мысли и рациональной философии XVII в., объединенные образом Великой цепи бытия, понятием Универсума с его едиными законами. Высказывания поэта не позволяют отнести его к ортодоксальным католикам, а значит – не здесь кроются причины верности Поупа католической церкви.

А может быть, все намного проще и одновременно сложнее? Многие биографы замечают трепетное отношение Александра Поупа к отцу. Возможно, эта любовь, а также глубокое почтение перед еще одним новообращенным католиком – Джоном Драйденом – поэтом, драматургом эпохи Реставрации, восхищение перед личностью и творчеством которого Поуп пронес через всю жизнь (Драйдена без особого преувеличения можно назвать кумиром Поупа), не позволили ему отказаться от католицизма. Восхищение Драйденом выражено во многих его сочинениях, а в предисловии к своему переводу «Илиады» Поуп замечает, что не взялся бы за этот труд, если бы Драйден перевел «Илиаду» полностью⁴⁶. В межпартийной борьбе Драйден был на стороне тори, а при Якове II принял католичество. И, возможно, эти важные для Поупа личностные примеры стали своеобразным якорем, удерживающим его среди католиков, конечно, в сочетании с другими обстоятельствами жизни и чертами личности поэта. Поуп очень гордился своей независимостью, подчеркивал свою отстраненность от партийной борьбы. Литературный талант делал его желанным как в компании вигов, так и в обществе тори, а католицизм позволял оставаться «в стороне от схватки», когда ему это было выгодно. Кроме того, как понял Поуп еще в молодости, его слабое здоровье было несовместимо с какой-либо социально-политической деятельностью и католицизм как препятствие в этом отношении им уже не рассматривался.

Итак, принадлежность к католической церкви стала важным фактором в биографии Александра Поупа, сыграв в его судьбе роль «вызова», закалившего характер и направившего его на путь профессиональной литературной деятельности. Что касается значения религии для внутреннего мира Поупа, то замечательно об этом написал Джордж Фрезер: «Как поэт, он прислушивался к голосу тайны, но впечатлялся Ньютоном»⁴⁷, поэтому читаем в поуповской эпитафии сэру Исааку: «Nature and nature's laws lay hid in night: God said, Let Newton be! And all was light»⁴⁸. То есть Ньютон преобразовал систему воззрений, но устроено то все Богом!

Примечания

- ¹ *Мееровский Б. В.* Английский материализм XVIII века // Английские материалисты XVIII в. : в 3 т. М. : Мысль, 1967. Т. 1. С. 10.
- ² *Johnson S.* The Life of Pope // *Johnson S.* Lives of the English Poets : in 3 vols. Oxford : Clarendon Press, 1905. Vol. 1. P. 82–271.
- ³ *Stephen L.* Alexander Pope. English Men of Letters Series. London : Macmillan and Co, 1880. 209 p.
- ⁴ *Mack M.* Alexander Pope : A Life. New York [etc.] : Yale University Press, 1985. 975 p.
- ⁵ *Rogers P.* Essays on Pope. Cambridge [etc.] : Cambridge University Press, 1993. 273 p.
- ⁶ *Rogers P.* A Political Biography of Alexander Pope. London [etc.] : Routledge, 2010. 272 p.
- ⁷ *Deutsch H.* Resemblance and Disgrace : Alexander Pope and the Deformation of Culture. Cambridge [etc.] : Harvard University Press, 1996. 288 p.
- ⁸ *Сидорченко Л. В.* Поуп : в поисках идеала. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. 188 с.
- ⁹ См.: *Сидорченко Л. В.* Александр Поуп и художественные искания в английской литературе первой четверти XVIII века. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 1992. 146 с.
- ¹⁰ См.: *Васильева Т. Н.* Александр Поп и его политические сатиры (поэмы 20–40-х гг. XVIII в.) / отв. ред. Д. К. Царик. Кишинев : Штиинца, 1979. 112 с.
- ¹¹ *Carruthers R.* The life of Alexander Pope : Including Extracts from his Correspondence. London : Bohn, 1857. 473 p.
- ¹² *Knight G.* Laureate of Peace : On Genius of Alexander Pope. London : Routledge & Kegan Paul, 1954. 187 p.
- ¹³ *Rogers R. W.* Alexander Pope's Universal Prayer // Essential Articles for the Study of Alexander Pope / ed. by M. Mack. Hamden, Conn. : Archon Books, 1964. P. 375–391.
- ¹⁴ *Guerinot J. V.* Pamphlet Attacks on Alexander Pope, 1711–1744. New York : New York University Press, 1969. P. XLII.
- ¹⁵ *Fraser G. S.* Alexander Pope. London : Routledge and Kegan Paul, 1978. P. 1.
- ¹⁶ См.: *Стецкевич М. С.* Религия и политика в Англии конца 1820-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2004. Вып. 4. С. 45.
- ¹⁷ *Стецкевич М. С.* Протестантизм, антикатолицизм и британское национальное самосознание Нового времени // Христианская культура на пороге третьего тысячелетия : материалы научной конференции (Санкт-Петербург, 12–14 июня 2000 г.) / сост. и науч. ред. М. М. Шахнович. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. Вып. 5. С. 35–41.
- ¹⁸ *Clark G. N.* The Later Stuarts. 1660–1714. Oxford : Clarendon Press, 1934. P. 64.
- ¹⁹ *Ibid.*
- ²⁰ *Ibid.* P. 148.
- ²¹ *Ibid.* P. 75.
- ²² *Стецкевич М. С.* Протестантизм, антикатолицизм и британское национальное самосознание Нового времени. С. 36.
- ²³ *Rogers P.* Essays on Pope. P. 131.
- ²⁴ *Stephen L.* Op. cit. P. 6, 63–64.
- ²⁵ *Ibid.* P. 11–13.
- ²⁶ *Сидорченко Л. В.* Поуп : в поисках идеала. С. 58.
- ²⁷ *Rogers P.* Essays on Pope. P. 131.
- ²⁸ The Poems of Alexander Pope : in 3 vols. Chiswick : from the Press of C. Whittingham, College House, 1822. Vol. 3. P. 52.
- ²⁹ *Ibid.* P. 15.
- ³⁰ *Fraser G. S.* Op. cit. P. 1.
- ³¹ *Knight G.* Op. cit. P. 7.
- ³² *Carruthers R.* Op. cit. P. 356.
- ³³ The Complete Poetical Works of Alexander Pope. Boston [etc.] : Mifflin and Company, 1903. P. 76.
- ³⁴ The Correspondence of Alexander Pope : in 3 vols. Oxford : Clarendon Press, 1956. Vol. 1. P. 499.
- ³⁵ *Ibid.* P. 126.
- ³⁶ The Complete Poetical Works of Alexander Pope. P. 74.
- ³⁷ The Correspondence of Alexander Pope. Oxford : Clarendon Press, 1956. Vol. II. P. 337, 376 ; Vol. III. P. 144, 155.
- ³⁸ Цит. по: *Сидорченко Л. В.* Поуп : в поисках идеала. С. 107.
- ³⁹ Там же. С. 91–98.
- ⁴⁰ Там же. С. 98.
- ⁴¹ Там же. С. 40–41.
- ⁴² Там же. С. 41.
- ⁴³ *Rogers R. W.* Alexander Pope's Universal Prayer. P. 375.
- ⁴⁴ *Ibid.*
- ⁴⁵ *Ibid.* P. 386–388.
- ⁴⁶ The Iliad of Homer, Translated by Mr. Pope : in 6 vols. London : W. Bowyer for Bernard Lintott, 1715–1720. Vol. 1. P. 32. URL: <https://tspace.library.utoronto.ca/html/1807/4350/displayprosead99.html?prosenum=15> (дата обращения: 25.10.2020).
- ⁴⁷ *Fraser G. S.* Op. cit. P. 1.
- ⁴⁸ The Complete Poetical Works of Alexander Pope. P. 135.

Поступила в редакцию 08.11.2020, после рецензирования 19.11.2020, принята к публикации 28.12.2020
Received 08.11.2020, revised 19.11.2020, accepted 28.12.2020

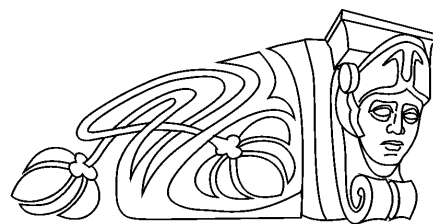

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 215–224
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 215–224

Научная статья
УДК 94(44).04
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-215-224>

Католическая церковь и колониальная политика Франции в период революции конца XVIII века

Г. В. Дик

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Республика Крым, 295007, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, д. 4

Дик Георгий Валериевич, аспирант кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Таврической академии, georg.dick@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0958-7293>

Аннотация. В статье на материале Парламентских архивов, мемуаров современников и обширного комплекса научной литературы рассматривается проблема идеологического и политического влияния церкви на колониальную политику и установление равноправия граждан в период революции 1789 г. Констатируется, что в первые годы после революции ни церковь, ни государство не стремились обеспечить жителям колоний равные права с населением республики, что вызывало недовольство, ставившее под угрозу успех осуществления дальнейших революционных преобразований. Формулируется вывод о том, что колониальная политика не реализовала революционную идею естественной свободы человека, а католическая церковь не выступила за отмену рабства. Лишь некоторые ее представители, такие как аббат Грегуар, член «Общества друзей черных» и активный аболиционист, пытались найти способ вхождения колоний и их населения в новую республику.

Ключевые слова: французские колонии, католическая церковь, рабство, работорговля, аболиционисты, Французская революция, колонисты, аббат Грегуар

Для цитирования: Дик Г. В. Католическая церковь и колониальная политика Франции в период революции конца XVIII века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 215–224. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-215-224>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-215-224>

The Catholic Church and the colonial policy of France during the Revolutionary period of the late XVIII Century

G. V. Dik

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Academician Vernadsky Avenue, Simferopol 295007, Republic of Crimea, Russia

George V. Dik, georg.dick@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0958-7293>

Abstract. The article examines the problem of the ideological and policy influence of the Church on colonial politics and the establishment of equality during the 1789 Revolution, based on the material of the Parliamentary Archives, memoirs of contemporaries and an extensive body of scientific literature. The author shows that in the first years after the Revolution neither the Church nor the State sought to provide the inhabitants of the colonies with equal rights with the population of the republic, which caused discontent that threatened the success of further revolutionary transformations. It is concluded that the colonial policy did not implement the revolutionary idea of human natural freedom, and the Catholic Church did not advocate the abolition of slavery. Only a few of its representatives, such as Abbot Gregoire, a member of the Society of Friends of Black and an active abolitionist, tried to find a way to enter the colonies and their populations into the new republic.

Keywords: French colonies, Catholic Church, slavery, slave trade, abolitionists, French Revolution, colonists, Abbot Gregoire

For citation: Dik G. V. Catholic Church and the colonial policy of France during the Revolutionary period of the late XVIII century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 215–224 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-215-224>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В первой статье «Декларации прав человека и гражданина», одного из основополагающих документов Французской революции, говорится: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе»¹. Такое заявление означало отмену старых подходов в отношении к личности гражданина новой республики. Однако на практике правительство столкнулось со многими вопросами. Одним из них стал вопрос необходимости предоставления жителям французских колоний равных с местным населением страны гражданских прав.

Не могла оставить это без внимания католическая церковь, которая на протяжении многих веков своего существования во Франции являлась влиятельным социально-политическим институтом. Церковь контролировала многие составляющие жизни общества и страны, начиная от коронации монарха и заканчивая регистрацией актовых записей о рождении, браке и смерти подданных короля. Таким образом, церковь была неразрывно связана с государством и обществом. Не обошла она своим вниманием и идеологические основы рабства вместе с колониальной политикой страны.

Необходимо отметить, что данный вопрос как в зарубежной, так и в отечественной историографии, недостаточно изучен. Одни исследователи в основном уделяли внимание непосредственно колониальной политике Франции (D. Geggus², V. Quinney³, D. Resnick⁴, M. Dorigny⁵ и др.) или же отношению католической церкви к рабству (L. Mecham⁶, I. Congar⁷, K. Stampf⁸, J. Maxwell⁹, И. Р. Григулевич¹⁰ и др.). Других привлекали отдельные религиозные и политические деятели, в частности аббат Грегюар (J. Briere¹¹, P. Tavares¹², A. Dieng¹³, M. Dorigny¹⁴ и др.). Вопросу роли церкви в системе управления французскими колониями в Карибском бассейне (XVII–XVIII вв.) посвящена статья Н. Н. Марчук, Б. В. Сангаджиева, М. В. Яшиной¹⁵. Большое внимание положению католической церкви в годы Французской революции уделили зарубежные (Т. Карлейль¹⁶, Л. Блан¹⁷, А. Олар¹⁸, А. Матъез¹⁹, А. Собуль²⁰ и др.) и отечественные (Я. М. Захер (Михайлов)²¹, А. З. Манфред²², М. Я. Домнич²³, В. Г. Ревуненков²⁴ и др.) историки. В настоящее время интерес к этой теме проявляют С. Ф. Блуменау²⁵, А. В. Чудинов²⁶, Д. Ю. Бовыкин²⁷. Однако проблема идеологического и политического влияния церкви на колониальную политику и установление равноправия граждан во Франции периода революции 1789 г. независимо от их места проживания и цвета кожи по сей день остается слабо изученной.

Еще в начале XVII в. католическая церковь предпринимала попытки отделить так называемое «справедливое рабство» от «несправедливого». Для этого было введено утверждение, что только Бог может иметь абсолютную власть над рабом, включая его душу, тело и саму жизнь. Хозяева же имели право на определение вида работы для

своих рабов, а также на все, что они производят, в том числе потомство рабынь. При этом хозяин не имел прав на жизнь своих рабов, их физическое или духовное благополучие. Такое рабство было «справедливым». В «несправедливом» же хозяин имел полные права на раба как свою личную собственность, а не только право пользования трудом своего раба для собственной выгоды²⁸.

С одной стороны, такое различие было полезно на практике, поскольку подчеркивало, что христианские рабовладельцы обязаны уважать жизнь, брак и личное имущество рабов. С другой стороны, по закону, когда хозяин покупал или продавал раба, он не просто покупал или продавал право распоряжаться трудом раба, но и сам покупал или продавал человека. Закон признавал, что человек действительно может быть передан против своей воли другому хозяину за определенную сумму денег²⁹.

Такая идеология укрепляла колониальную политику страны и формировала соответствующие общественные представления о тех, кто был другого цвета кожи. Церковь не заявила о себе как о борце за изменение отношения французского общества к рабству.

Бесчеловечность рабства задолго до начала революции 1789 г. была осуждена видными философами-просветителями Монтескье, Вольтером, Руссо и др. Монтескье не считал рабство каким-то естественным благом. По его мнению, оно не приносило пользы рабу, потому что он ничего не делал по добродетели; оно не приносило пользы и господину, потому что он не учился у своих рабов ничему хорошему. Руссо, когда писал о рабстве, утверждал, что продажа себя в рабство недействительна, потому что это означает отказ от ответственности и обязанности человечества. Контракт, который дает хозяину неограниченные полномочия и требует от раба безусловного повиновения, недействителен, потому что это нечестный обмен; у мастера есть все права, у подчиненного – нет³⁰.

Среди европейских рабовладельческих государств Франция вместе с Великобританией и Португалией занимала доминирующее положение. Расширение французской внешней торговли в XVIII в. было более стремительным, чем у Великобритании. Такой рост обеспечивался в основном благодаря обладанию карибскими колониями – Мартиникой, Гваделупой и особенно Сан-Доминго (Гаити). К концу 1780-х гг. они давали около половины сахара и кофе в западном мире, и три четверти этой продукции было реэкспортировано из Франции³¹.

Колонии не могли производить промышленные товары, не могли покупать товары у какой-либо страны или продавать какие-либо колониальные продукты любой другой стране, кроме Франции³².

В феврале 1788 г. во Франции было основано так называемое «Общество друзей черных»

(Societe des Amis des Noirs), которое призывало к прекращению работорговли и постепенной отмене рабства³³. Это была первая французская организация аболиционистов. Членами общества, насчитывавшего 141 чел., были Бриссо, Мирабо, Петион, аббат Грегуар и др. Их озабоченность неестественным состоянием раба выросла из желания восстановить состояние естественной свободы человека³⁴. Однако французские аболиционисты строили свою критику рабства на моральной основе и уклонялись от анализа экономической ситуации. Моральная критика была необходима, но недостаточна. Члены «Общества друзей черных» не сумели за 5 лет своей деятельности заручиться поддержкой правительства для прекращения работорговли и отмены рабства³⁵.

Главная причина этого – слабые экономические аргументы. Торговля, колонии и рабство, как утверждал депутат Национального собрания Барнав в Комитете по колониям, были одновременно обоснованием и опорой для французской островной империи, существование которой основывалось на взаимозависимых отношениях. Таким образом, любая критика рабовладения или работорговли должна была аргументироваться не только с моральной, но и экономической точки зрения³⁶.

Общество с самого начала пользовалось среди колониистов и сторонников рабства репутацией «антифранцузской» организации. Однако некоторые исследователи считают, что доктрина общества ни в коем случае не была антиколониальной. Предлагая немедленную отмену работорговли с последующей постепенной отменой рабства, она включала в себя план, который, по мнению членов общества, должен был спасти существующие колонии от неизбежного погружения в кризис, а также открыть новые горизонты колониальной деятельности Франции, главным образом в Африке и на Мадагаскаре. Эти новые колонии должны быть основаны на принципах, совершенно отличных от тех, которые существовали в течение столетий³⁷.

Кардинальные изменения, начавшиеся летом 1789 г. во Франции, не могли не отразиться на ее заморских владениях. В августе 1789 г. богатые белые плантаторы в Париже образовали общество французских колониистов (Club de Massiac). Они пытались предотвращать обсуждение колониальных вопросов в Национальном собрании и, соответственно, распространение революционной пропаганды в колониях³⁸.

Некоторые члены «Общества друзей черных» получали от колониистов анонимные письма с угрозами расправы, если те не распустят организацию. Для дискредитации аболиционистов в глазах общества публиковался рекламный листок, в котором утверждалось, что члены «Друзей черных» были лицемерными филантропами, которые под предлогом любви для всего человечества пытались ниспровергнуть общественный порядок³⁹.

В марте 1790 г. был учрежден специальный Комитет по колониям, который оказывал влияние на соответствующие решения Национального собрания.

С предложением о создании такого Комитета выступил депутат Национального собрания, один из основателей Клуба Массиака, члены которого выступали за сохранение работорговли, Александр Ламет: «Проблемы в провинции заставили нас почувствовать необходимость безотлагательно разобраться с феодальными правами... Мне кажется, что можно было бы примирить интересы торговли, интересы колоний и интересы всей Франции; и для этого я предлагаю назначить комитет, которому будут переданы все документы, относящиеся к Сан-Доминго и Мартинике... Этот комитет представит вам через несколько дней план работы»⁴⁰.

Комитет в большинстве своем состоял из людей, заинтересованных в сохранении колоний, которые сочувствовали колониальным интересам только тогда, когда они не противоречили интересам французских купцов. В колониальную торговлю и работорговлю вкладывались значительные инвестиции. Страна сильно зависела от колониальной продукции⁴¹.

Помимо рабства и работорговли следующим вопросом, обсуждения которого стремилось избежать правительство, был вопрос о расовом равенстве. Так называемая группа свободного цветного населения колоний была практически неизвестна во Франции, несмотря на то, что в Карибском бассейне она насчитывала около 40 тыс. чел.⁴² Кроме этого, в колониях действовало правило: если от белого и местной чернокожей рождались дети, то при условии их воспитания в католической вере они обретали статус и все права французов, в том числе право наследования, составления завещания и дарения⁴³.

Еще за два десятилетия до Революции чиновники начали осторожно обсуждать улучшение положения в колониях тех, кто был наиболее богатым и наиболее далеким от своих чернокожих предков («цветные люди»). В первые годы Революции французская общественность все еще иногда путала рабов и свободных цветных⁴⁴. Национальному собранию часто подавалась заведомо неточная информация о количестве цветных людей в колониях с целью показать, что те являются там незначительным меньшинством. 12 мая 1791 г. на очередном заседании Национального собрания по вопросам колоний один из членов собрания утверждал, что «в колониях проживает от пяти до шести тысяч цветных мужчин... если Собрание захочет получить информацию в колониальном управлении, оно увидит, что только в Сан-Доминго численность цветного населения составляет 30 тысяч человек, и это население, по крайней мере, равно населению белых, если не превышает его»⁴⁵.

15 мая 1791 г. был принят компромиссный указ. Он предусматривал, что «каждый мужчи-

на, рожденный от свободного отца и свободной матери», может голосовать. Однако немногие подпали под эти условия. Менее одной тыс. из 30 тыс. получили полное гражданство. И все же важно то, что был установлен принцип, согласно которому цвет кожи не являлся препятствием для гражданских прав⁴⁶.

Несмотря на указ, к тому времени разочарованные свободные цветные в Сан-Доминго уже взяли в руки оружие и вынудили плантаторов принять их требования. В августе 1791 г. вспыхнуло восстание рабов, заставившее французских законодателей признать полное расовое равенство (1792 г.) и в конечном итоге освободить рабов (1794 г.)⁴⁷.

Британский политический деятель, публицист, родоначальник идеологии консерватизма Эдмунд Берк (1729–1797) в своих «Размышлениях о революции во Франции» отметил следующее: «Колонии утвердили свою независимую конституцию и свободу торговли. Сразу потребовались войска, чтобы призвать их к порядку. Если колонисты восстанут против вас, негры восстанут против колонистов. Снова войска – массовые убийства, пытки, повешенные. Таковы ваши права человека! Таковы плоды деклараций, необдуманно сделанных и позорно взятых обратно!»⁴⁸.

На протяжении всего периода политических дебатов о статусе колоний и чернокожих людей периода Революции католическая церковь Франции сохраняла нейтралитет. К сожалению, она не смогла использовать революционный период для борьбы за равноправие граждан новой республики независимо от места их проживания и цвета кожи. Можно определить следующие причины этого бездействия: родственные связи высшего духовенства с влиятельными дворянскими фамилиями; взгляд на колонии и их автохтонное население как на новые территории для христианской миссии и расширения церковного пространства; экономическая заинтересованность; зависимость от Рима. На высшие церковные должности назначались исключительно дворяне, обычно младшие сыновья из знатных семей. Существовало даже постановление, по которому все церковные места – от самого скромного приорства до самых богатых аббатств – должны были предоставляться исключительно дворянству. Действительно, создавалось впечатление, что Франция стала похожей на большую конюшню, где только породистым лошадям выдавалась двойная или тройная порция⁴⁹. В 1780-х гг. четверть всех французских епископов принадлежала к 30 аристократическим фамилиям. Именно эти князья церкви и распоряжались принадлежавшими ей богатствами. Напротив, низший клир, пополнявшийся преимущественно представителями третьего сословия, вел обычно довольно скромное существование на средства от церковной десятины⁵⁰.

Следует подчеркнуть, что для осуществления церковной миссии задолго до Революции, в

1658 г., по благословению римского папы было создано Парижское общество заграничных миссий. Свою деятельность оно начало с Сиам. Иностранные миссии очень хорошо финансировались: в дополнение к различным пожертвованиям и фондам они получали выплаты в размере 15 тыс. фунтов стерлингов ежегодно из Королевского казначейства и имели множество льгот. В марте 1663 г. при Парижском обществе заграничных миссий была создана семинария для подготовки священников-миссионеров, признанная правительством и королем Людовиком XIV. Общество заграничных миссий получало определенные распоряжения от римского папы, и таким образом члены миссий становились апостольскими викариями одной из этих далеких епархий с задачей основать на месте семинарию, способную набрать подходящих кандидатов для подготовки местного духовенства. Парижская семинария вмещала около 30 семинаристов⁵¹.

В этой связи следует отметить, что на протяжении веков католическая церковь запрещала неграм и мулатам вступать в ряды духовенства, в монашеские ордена. Еще до Революции, в 1739 г., папа Климент XII мотивировал этот запрет тем, что чернокожих, метисов и мулатов общество в целом не приемлет и считает их недостойными занимать общественные должности и руководить духовной жизнью других людей⁵².

Во время революции 1789 г. французское правительство закрыло все миссионерские проекты, а затем и Парижское общество заграничных миссий. В 1790 г. руководство семинарии пыталось избежать национализации собственности. Все доводы о том, что семинария принимала только священнослужителей, которые, окончив курс обучения, оставались в ней на год или два, чтобы проверить свое призвание, а затем их отправляли в одну из миссий в Китае, Сиаме и других странах под духовную юрисдикцию одного из епископов, не принесли результатов. В свою очередь ни один миссионер, присутствовавший в семинарии, не присягнул новой гражданской конституции духовенства. Одного из руководителей семинарии и вовсе арестовали, посадили в тюрьму и казнили после 10 августа 1792 г. Эмигрировавшие миссионеры организовали переписку между своими братьями, благодаря чему общество возродилось в Лондоне в 1796 г.⁵³

В колониях католические миссионеры делали все возможное, чтобы обратить местное население в христианство. Для этого в каждом селении находились два или три священнослужителя, обеспечивалось создание местных приходов и строительство церкви для совершения богослужений. Любая другая религия была на официальном уровне под запретом⁵⁴.

Стоит отметить, что были периоды, когда рабы совсем не допускались в церковь, как, например, в Сан-Доминго в XVIII в. В это время среди рабов, которых тогда были сотни тысяч,

росло сопротивление порабощенным. Для своей безопасности власти колонии приняли решение не допускать рабов и даже свободных черных и мулатов в церкви. Считалось, что невольники могут использовать церковные службы для подготовки заговоров. Местное духовенство со своей стороны не проявляло интереса к рабам. Кроме того, в числе священников Сан-Доминго находились сосланные в колонию за какие-то проступки в метрополии или бежавшие оттуда из-за опасения судебного преследования. Но даже если бы они и хотели облегчить участь рабов, они не смогли бы ничего сделать из-за сопротивления властей и рабовладельцев⁵⁵.

Однако при всем этом церковь внесла значительный вклад в становление системы народного образования. В те времена на ней лежала тяжелая задача благотворительности, заботы о сирых и убогих. Отсюда понятно стремление французских властей поощрять в колониях деятельность религиозных организаций⁵⁶.

В годы Революции французская католическая церковь не призывала свою паству к борьбе с рабством и работорговлей. Этим молчанием она замедлила окончательную отмену рабства. Дело в том, что католическое учение предполагало социальный, экономический и правовой институт рабства морально законным при условиях, что право собственности хозяина является действительным, за рабом должным образом ухаживают и заботятся как материально, так и духовно. Этот институт подлинного рабства, при котором один человек по закону принадлежит другому и вынужден работать исключительно на благо своего владельца в обмен на еду, одежду и жилье и может быть куплен, продан, подарен или обменен, обычно одобрялся католической церковью⁵⁷.

Французское общество в XVIII в. в сущности не знало рабства. Те, кто непосредственно занимался работорговлей, были ограничены портами, а те немногие чернокожие во Франции – часто служители плантаторов, временно проживающие в метрополии, – были скорее диковинкой, чем источником всеобщего беспокойства⁵⁸.

В сознании церковных лидеров периода XVIII в. не было сомнений в очевидности того, что рабство не противоречит божественному закону. Религиозные тексты, которые чаще всего цитировались как источники, демонстрировали моральную законность института рабства и работорговли. Кроме того, существовало богословское мнение о том, что моральная легитимность «законного рабства», т. е. рабовладения в соответствии с одним из титулов римского гражданского права, не может быть отвергнута без ущерба для католической веры. Церковные деятели обычно ограничивались доказательством, что институт рабства не противоречит естественному закону, не противоречит божественному закону и не противоречит церковному праву⁵⁹.

Такие взгляды только укрепляли позиции нового правительства, которое осознавало, что рабство и работорговля являются важными аспектами французской торговли. Во Франции колониальная торговля составляла до двух третей стоимости всей торговли страны, и резкое прекращение колониальной торговли могло привести к катастрофическим последствиям. Поэтому в начале Революции было решено сохранить рабство и работорговлю. Однако революционеры не решались лишать людей гражданских и политических прав из-за цвета кожи. В конце февраля 1790 г. депутаты Национального собрания столкнулись с мятежами в колониях и необходимостью принимать какие-то решения по урегулированию ситуации. Правительство опасалось, что его заставят открыто заявить о торговле людьми⁶⁰. Некоторые беспокоились, что внезапная отмена рабства вызовет хаос в колониях, разрушение колониальной торговли и движения против Революции⁶¹.

Для урегулирования работорговли католическая церковь опубликовала рекомендации для католиков, которые занимались торговлей рабами-неграми. Согласно им торговцы-католики должны различать негров, которые были справедливо порабощены, и негров, порабощенных несправедливо. Захват силой или мошенничеством и последующая торговля безобидными и ни в чем не повинными неграми и другими лицами объявлялись морально незаконными. Торговцы, удерживающие таких несправедливо порабощенных людей, обязаны были освободить их и выплатить им компенсацию за нанесенные травмы. Если покупатели подозревали, что некоторые из выставленных на продажу несправедливо порабощены, они обязаны были спросить о правдивости их рабского статуса⁶².

Безусловно, в годы Революции такой взгляд на человека должен был измениться. Причиной задержки с исправлением общепринятого католического учения о рабстве явилось отсутствие в церкви институциональных механизмов для пересмотра канонического права и оценки папами и епископами общего нравственного учения. Не существовало ни одного учреждения по рассмотрению данной темы⁶³.

Необходимо отметить и экономическую заинтересованность католической церкви Франции в сохранении колониальной системы страны. В силу того, что главным средством производства в колониях являлась земля, церковь тоже создавала плантации экспортных культур, становясь крупным землевладельцем. Доминиканцы, например, имели на Мартинике сахароварню и 500 рабов; на Гваделупе – два селения; в Сан-Доминго – сахароварню и более 200 рабов; кармелиты – два селения на Гваделупе; на Мартинике не имели земель, но зато обладали большим числом рабочих и рабочего скота, чью рабочую силу они и продавали; иезуиты имели на Мартинике сахароварню, а от продажи своих владений на Гваделупе (за

600 тыс. ливров), Доминике (за 800 тыс. ливров) и в Сан-Доминго (за 800 тыс. ливров) получили хорошую сумму, не считая продажи сотни негров и множества скота. Кроме того, иезуиты владели приличными зданиями в городе Кап-Франсэ, которые заняло правительство. В Кайенне и Гвиане у них имелись две сахароварни, крупная плантация какао, просторный зверинец. В этих различных владениях насчитывалось, по крайней мере, 900 чернокожих рабов. Иными словами, земельные владения церкви и монашеских орденов, если и не поглотили все земельные ресурсы колоний, все же выступали серьезными конкурентами экономической элиты колониального общества. По этой причине королевская власть Франции всячески стремилась ограничить возможности церковников наращивать земельные владения в колониях⁶⁴.

Несмотря на то, что католическая церковь так и не выступила с предложением отменить рабство и работорговлю, отдельные ее представители все же не оставались в стороне и не боялись высказать свое мнение. Например, аббат Рейналь в 1770 г. отредактировал многотомный труд о деятельности европейцев в Индии. В разделе о рабстве, автором которого, скорее всего, аббат не являлся, подверглось нападкам общее католическое учение о господстве над рабами, высмеивался тезис о неполноценности негров. Аббат Сийес писал, что каждый человек является единственным владельцем своей личности, он может заключить соглашение об использовании своих услуг или своего времени, но он не может продавать себя⁶⁵.

Наибольшую известность приобрел священник, избранный в качестве депутата в Генеральные штаты от духовенства округа Нанси, аббат Анри-Батист Грегуар (1750–1831). Он был активным участником политических дебатов о статусе колоний и их населения, членом «Общества друзей черных» и автором нескольких социально-политических работ о чернокожих и способах их интеграции во французское общество. Священник стал борцом с угнетением любого гражданина. Особую роль аббат сыграл в создании независимой от Рима конституционной церкви Франции, приняв одним из первых Гражданскую конституцию духовенства.

Изначально Грегуар не занимался специально вопросом рабства, пока не прибыл в Париж в 1789 г. Ничто, конечно, не позволяет безоговорочно утверждать, что эта тема была ему неизвестна до вступления в активную политическую жизнь. В Париже Грегуар сразу же активно включился в рассмотрение различных вопросов государственной важности, но он не принимал участия в дебатах 8 июня 1789 г., в ходе которых впервые был затронут вопрос о колониях. Инициаторами выступили представители колонистов Сан-Доминго. Цель – получить право иметь своих депутатов в Генеральных штатах.

3 декабря 1789 г. Грегуар впервые вмешался в колониальные дела, чтобы поддержать требо-

вания колонистов Сан-Доминго. С этого момента он начинает сближаться с «Обществом друзей черных». 4 декабря 1789 г. Грегуар стал его «почетным членом»⁶⁶.

В следующий раз Грегуар обсуждал вопрос о колониях в марте 1790 г., когда был создан Колониальный комитет для разработки колониального законодательства. Однако по его инициативе дальнейшее обсуждение вопроса колоний было перенесено на следующие заседания. 28 марта Грегуар потребовал, чтобы свободные мулаты были включены в число граждан колоний, но правительство отклонило это предложение. Теперь, если в Париже всем было очевидно, что слово «гражданин» означает всех тех, кто выполнил условия, требуемые законом, без какого-либо учета цвета, то в колониях получалось все иначе. Грегуар был глубоко потрясен тем, что он считал предательством принципов со стороны власти имущих. Он говорил об уничтожении Декларации прав человека, о превращении одного класса людей в рабство путем его угнетения другими. Грегуар считал, что спасение колоний зависит от справедливости, которой они требуют⁶⁷.

Грегуар был одним из наиболее активных среди тех, кто защищал мулатов. Он выступал на каждой из сессий, на которых обсуждался колониальный вопрос, с 11 по 15 мая 1791 г. Так, на одной из сессий Грегуар прямо потребовал предоставить права мулатам: «Колонисты говорят вам, что, организовав внутренний режим колоний, они приложат все усилия, чтобы изменить бедственное положение цветных людей, предоставить им их права. При этом я предлагаю им определиться: вы дадите их им или не дадите. Если вы не намерены предоставлять их им, вы хотите увековечить угнетение; если вы хотите отдать их им, отдайте их им сегодня»⁶⁸.

Став с апреля 1791 г. конституционным епископом Блуа, Грегуар на некоторое время отошел от колониальных дел и посвятил все свое время церковному служению. В его посланиях нет упоминания и о восстании негров Сан-Доминго. В этот период он не опубликовал ни работы, ни брошюры о колониальных дебатах, восстание в Сан-Доминго никогда не осуждал, но и старался не оправдывать его⁶⁹.

Вновь Грегуар затронул вопрос колоний и работорговли 4 июня 1793 г. и 27 июля 1793 г. «До каких пор, граждане, вы позволите эту позорную торговлю? До каких пор вы будете предоставлять стимулы для торговли людьми, которая оскорбляет человеческую расу? Покажите себя достойным того, кем вы всегда были. Я прошу вас немедленно объявить, что рабским кораблям больше не будет предоставлено поощрение»⁷⁰, – говорил Грегуар.

Грегуар был участником споров 4 и 5 февраля 1794 г., во время которых рабство было отменено во всех французских колониях. Его вмешательство в прения было кратким, но неоспоримо решающим. Он говорил: «Слово «рабство» должно

быть включено; в противном случае вы все равно сделаете вид, что хотите сказать что-то еще». Совершенно очевидно, что Грегуар настаивал на этой точной формулировке, чтобы избежать недоразумения, которое преобладало в ходе дебатов 28 марта 1791 г. в отношении Инструкции, предназначенной для определения сферы действия указа 8 марта предыдущего года: он просил, чтобы права граждан свободных цветных людей были прямо прописаны в указе. Ему было отказано⁷¹.

Убежденный аболиционист, Грегуар знал, как взять на себя ответственность в решающий момент, даже если обстоятельства к этому не всегда располагали. В 1795 г. Он был членом комиссии, которая занималась расследованием проблем в Сан-Доминго, и присутствовал на 70 сессиях из 126 во время дебатов между обвинителями и обвиняемыми по делу о колониях⁷².

Свои первоначальные познания о рабстве и колониях Грегуар черпал из работ Монтескье и, прежде всего, отца Райналя. Большую известность Грегуару принесла его работа «Из литературы негров» (*De la litterature des Negres*). Она была переведена на несколько языков (английский, немецкий) и стала предметом многочисленных комментариев и статей в прессе и аболиционистских кругах, что свидетельствует о том, что это сочинение имело гораздо больший резонанс за рубежом, чем во Франции⁷³. Данная работа явилась одним из немногих французских сочинений, затрагивавших вопрос о правах чернокожих и против аристократии цвета. Отец Грегуар обращает внимание на достижения черной расы и приводит в пример несколько образованных чернокожих, адвокатов, проповедников и учителей, которые в Лиссабоне, Рио-де-Жанейро и в других владениях Португалии выделялись своими талантами. В различных портах Персидского залива можно было встретить чернокожих во главе крупных торговых организаций. Грегуар пишет и об их моральных качествах, талантах к искусству и ремеслу. Книга Грегуара «*De la litterature des Negres*» оказала большое влияние на интеллектуалов и политиков черной диаспоры и черной Африки, которые должны были бороться с рабством и колонизацией⁷⁴.

Деятельность аббата Грегуара в колониальных вопросах не прекращалась и после отмены рабства. Она стала развиваться в новом, совершенно ином контексте. Аббат поставил перед собой другие цели: закрепить «общую свободу», формировать общественный дух, а также превратить бывших рабов в граждан нового государства. В этой области он рассчитывал прежде всего на распространение христианства в колониях, освобожденных от рабства, с помощью черного духовенства⁷⁵.

Безусловно, как церковный чиновник, аббат Грегуар видел в колониях территории, способствующие расширению его галликанской церкви, которая с трудом обосновалась на материковой части Франции. Поэтому делу по объединению

Сан-Доминго с конституционной церковью Франции он придавал особое значение. В ноябре 1796 г. из колонии пришло обращение выделить достаточное количество священнослужителей, верных религии и республике. Грегуар ответил на это проектом, преследовавшим цель распространить власть конституционной церкви Франции на Сан-Доминго, которая в отсутствие епископств находилась под прямой властью Рима, а не церкви Франции. Кроме того, аббат был заинтересован в создании местного чернокожего духовенства в колонии. Для этого нужны были епископы, которые согласились бы обучать этих священников и рукополагать их. Таким образом, на заседании национального совета в Париже в 1797 г. было избрано четыре конституционных епископа. Один из них – Гийом Мовьель – был посвящен в сан епископа Сан-Доминго в соборе Парижской Богородицы в Париже в августе 1800 г.⁷⁶

Грегуар являлся активным участником сессий «Общества друзей черных». Именно перед членами этого общества он прочитал первые главы своей самой известной работы, опубликованной только в 1808 г. – «*De la litterature des Negres*». В ней Грегуар утверждает «единство первобытного типа черной расы» и перенимает тезис, согласно которому египтяне времен фараонов были черными. Таким образом, он реабилитировал чернокожих, поскольку они оказались в самом центре европейской культуры. Тезис о древнем черном Египте развивался со времен египетской экспедиции и вызвал множество различных сообщений и дискуссий⁷⁷. С помощью ужасающих рассказов и псевдонаучных теорий работоторговцы создали мир расовых предрассудков, который Грегуар своими работами хотел уничтожить, чтобы реабилитировать чернокожих и, таким образом, открыть им возможность получения новых прав. Он мудро раскрывает неизвестные, забытые или намеренно скрытые факты, например, факт существования чернокожих, которые отличались в науках, литературе, религии и т. д.⁷⁸ Целью Грегуара становится исследование об истории работоторговли и усилиях, предпринятых в разных европейских странах в пользу свободы рабов. Именно в этот период аббат вступил в переписку с американскими кругами аболиционистов, особенно из Филадельфии⁷⁹.

Другой формой активности Грегуара в колониальных делах была его косвенная роль в создании в сентябре 1797 г. Национального института колоний. Это была школа, предназначенная для того, чтобы принять в Париже и за счет Республики самых одаренных детей колоний для формирования будущей правящей элиты. Цель этого учебного заведения состояла в том, чтобы «смешать расы», подготовить административный персонал для колоний (нынешних и будущих) хорошего уровня, совершенно чуждых расовым предрассудкам, которые всегда были характерны для старой колониальной администрации. Среди первых учеников – сын Анри Кристофа,

будущего короля северной части Гаити. Наряду с этими детьми из бывших рабских колоний были допущены белые дети и сироты. К сожалению, в июле 1802 г. новое правительство увидело в этом институте опасность для французской молодежи. Восстановление рабства в мае 1802 г. фактически сделало невозможным существование заведения, основанного на всеобщей свободе и исчезновении расовой сегрегации в колониях⁸⁰.

В революционные годы Грегуар постоянно боролся за единство человеческого рода. Он был одним из самых решительных сторонников свободы цвета кожи. Конечно, как и «Общество друзей черных», он видел в свободных будущую элиту, которая могла поэтапно перемещать рабов к полной свободе; но в его борьбе за равенство мулатов он никогда не отказывался от конца рабства как цели, которую нужно достичь. Кроме того, нельзя отрицать, что он не обеспечил открытую поддержку восстания в Сан-Доминго. Кроме того, убежденный, что христианская религия является основой нравственного прогресса, Грегуар был глубоко обеспокоен моральным и духовным состоянием бывших рабов. Он боялся, что дефицит священников и отсутствие активной христианской миссии приведут к возвращению чернокожего населения к африканскому язычеству⁸¹.

Таким образом, Грегуар основывал свою деятельность за права человека, расовое равенство и борьбу с черным рабством, во-первых, на своих религиозных взглядах; во-вторых – на республиканских убеждениях, базирующихся на принципах свободы, равенства и братства. Он был твердо убежден в необходимости разрушить миф о нецивилизованных и низших в расовом отношении чернокожих. Эти утверждения уже были направлены на уничтожение идеологических основ, на которых колониальные державы того времени намеревались построить колониальную систему⁸².

Подведем итоги. Католическая церковь во Франции накануне революции 1789 г. оказывала существенное влияние на общественно-политическую жизнь страны. В первые годы Революции церковь смогла сохранить свой авторитет. При этом она не воспользовалась им для осуществления свободы и равенства в гражданских правах всех людей республики, включая жителей французских колоний и рабов. Франция осталась рабовладельческим государством. Религиозная идеология оправдывала рабство, разграничивая его на «справедливое» и «несправедливое». Такая позиция способствовала процветанию торговли колониальными товарами и рабами.

Причиной бездействия церкви была ее экономическая заинтересованность в колониях, а также родственные связи высшего духовенства с аристократическими семьями королевства. В колониальную торговлю и работорговлю были вложены значительные инвестиции. В силу того, что главным средством производства в колониях

являлась земля, церковь создавали плантации экспортных культур, становясь крупным землевладельцем. Доходило до того, что земельные владения церкви и монашеских орденов выступали серьезными конкурентами экономической элиты колониального общества.

Однако такое положение дел устраивало не всех. Противники рабства и работорговли создали «Общество друзей черных», которое пыталось заставить французских законодателей признать полное расовое равенство и освободить рабов. Это была первая французская организация аболиционистов. В ее рядах состоял известный церковный и политический деятель аббат Грегуар. Он стал членом «Общества» и вмешивался в вопросы о колониях. Грегуар потребовал, чтобы свободные мулаты были включены в число граждан колоний, но правительство отклонило это предложение. Грегуар был глубоко потрясен тем, что если в Париже всем было очевидно, что слово «гражданин» означает всех тех, кто выполнил условия, требуемые законом, без какого-либо учета цвета, то в колониях получалось все иначе. Он говорил об уничтожении декларации прав человека, о превращении одного класса людей в рабство, путем его угнетения другими. Грегуар был одним из наиболее активных среди тех, кто защищал мулатов. Аббат участвовал в дебатах 4 и 5 февраля 1794 г., во время которых рабство было отменено во всех французских колониях. В 1795 г. Грегуар был членом комиссии, которая занималась расследованием проблем в Сан-Доминго. Он присутствовал на 70 сессиях из 126 во время дебатов между обвинителями и обвиняемыми по делу о колонии. Деятельность аббата Грегуара в колониальных вопросах не прекращалась и после отмены рабства. Она стала развиваться в новом, совершенно ином контексте. Аббат поставил перед собой другие цели: закрепить «общую свободу», формировать общественный дух, а также превратить бывших рабов в граждан нового государства. В этой области Грегуар рассчитывал, прежде всего, на распространение христианства в колониях, освобожденных от рабства, с помощью черного духовенства.

Примечания

- ¹ Декларация прав человека и гражданина, 26 августа 1789 г. // Документы истории Великой французской революции : в 2 т. / сост. : А. В. Адо, Н. Н. Наумова, Л. А. Пименова, Е. И. Федосова, Г. С. Черткова. М. : Издательство Московского университета, 1990. Т. 1. С. 112–113.
- ² Geggus D. Racial Equality, Slavery, and Colonial Secession during the Constituent Assembly // The American Historical Review. 1989. Vol. 94, № 5. P. 1290–1308.
- ³ Quinney V. Decisions on Slavery, the Slave-Trade and Civil Rights for Negroes in the Early French Revolution // The Journal of Negro History. 1970. Vol. 55, № 2. P. 117–130.

- ⁴ Resnick D. The Societe des Amis des Noirs and the Abolition of Slavery // French Historical Studies. 1972. Vol. 7, № 4. P. 558–569.
- ⁵ Dorigny M. La Societe des Amis des Noirs et les projets de colonisation en Afrique // Annales historiques de la Revolution française. 1993. № 293–294. P. 421–429.
- ⁶ Mecham L. Church and State in Latin America. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1966. 488 p.
- ⁷ Congar I. The Catholic Church and the race question. Paris : UNESCO, 1966. 62 p.
- ⁸ Stamp K. The Peculiar Institution : Slavery in the Ante-Bellum South. New York : Alfred A. Knopf, 1956. 435 p.
- ⁹ Maxwell J. F. Slavery and the Catholic Church : The History of Catholic Teaching concerning the Moral Legitimacy of the Institution of Slavery. London : Barry Rose Publishers, 1975. 142 p.
- ¹⁰ См.: Григулевич И. П. Крест и меч : католическая церковь в Испанской Америке, XVI–XVIII вв. М. : Наука, 1977. 295 с.
- ¹¹ Briere J. F. Abbe Gregoire and Haitian Independence // Research in African Literatures. 2004. Vol. 35, № 2. P. 34–43.
- ¹² Tavares P. F. Hegel et l'abbe Gregoire : question noire et revolution française // Annales historiques de la Revolution française. 1993. № 293–294. P. 491–509.
- ¹³ Dieng A. L'abbe Gregoire et l'Afrique noire aujourd'hui // Revue française d'histoire d'outre-mer. 2000. T. 87, № 328–329. P. 75–88.
- ¹⁴ Dorigny M. Gregoire et le combat contre le clivage pendant la Revolution. Prehistorique // Revue française d'histoire d'outre-mer. 2000. T. 87, № 328–329. P. 51–68.
- ¹⁵ См.: Марчук Н. Н., Сангаджиев Б. В., Яшина М. В. Роль церкви в системе управления французскими колониями в Карибском бассейне (XVII–XVIII вв.) // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. 2011. № 4. С. 54–64.
- ¹⁶ См.: Карлейль Т. Французская революция. История. СПб. : Изд. В. И. Яковенко, 1907. 615 с.
- ¹⁷ См.: Блан Л. История Французской революции // Собр. соч. : в 12 т. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1907. Т. 2. 384 с.
- ¹⁸ См.: Олар А. Церковь и государство в эпоху Великой французской революции. Харьков : Гос. изд-во Украины, 1925. 102 с.
- ¹⁹ См.: Матъез А. Французская революция. Ростов-н/Д : Феникс, 1995. 576 с.
- ²⁰ См.: Собуль А. Первая республика (1792–1804 гг.). М. : Прогресс, 1974. 393 с.
- ²¹ См.: Захер Я. М. (Михайлов). Анаксагор Шометт, анти-религиозник XVIII века. М. : Безбожник, 1930. 122 с.
- ²² См.: Манфред А. Великая французская революция. М. : Наука, 1983. 432 с.
- ²³ См.: Домнич М. Я. Великая французская буржуазная революция и католическая церковь. М. : Издательство Академии наук СССР, 1960. 196 с.
- ²⁴ См.: Ревуненков В. Г. История Французской революции. СПб. : СЗАГС ; Образование–Культура, 2003. 776 с.
- ²⁵ См.: Блуменау С. Ф. Французская революция и гражданское устройство духовенства // Всеобщая история : современные исследования : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. С. Ф. Блуменау. Брянск : Брянский государственный университет, 2002. Вып. 11. С. 19–32.
- ²⁶ См.: Чудинов А. В. Французская революция и Церковь // Историк. 2017. № 3. С. 36–37.
- ²⁷ См.: Бовыкин Д. Ю. Религия и церковь в политических проектах Людовика XVIII и его окружения (1795–1799) // Французский ежегодник. 2004 / гл. ред. А. В. Чудинов. М. : Едиториал УРСС, 2004. С. 207–229.
- ²⁸ Maxwell J. F. Op. cit. P. 86.
- ²⁹ Ibid. P. 87.
- ³⁰ Ibid. P. 97–98.
- ³¹ Geggus D. Op. cit. P. 1291.
- ³² Quinney V. Decisions on Slavery, the Slave-Trade and Civil Rights for Negroes in the Early French Revolution. P. 118.
- ³³ Geggus D. Op. cit. P. 1292.
- ³⁴ Resnick D. Op. cit. P. 560.
- ³⁵ Ibid. P. 567.
- ³⁶ Ibid. P. 563.
- ³⁷ Dorigny M. La Societe des Amis des Noirs et les projets de colonisation en Afrique. P. 421.
- ³⁸ Quinney V. Decisions on Slavery, the Slave-Trade and Civil Rights for Negroes in the Early French Revolution. P. 121.
- ³⁹ Ibid. P. 122.
- ⁴⁰ Motion de M. Alexandre de Lameth pour la nomination d'un comite des colonies, lors de la seance du 2 mars 1790 // Archives Parlementaires de 1787 a 1860 : in 126 t. Premiere serie (1787–1799). T. XII. Paris : Librairie Administrative P. Dupont, 1881. P. 4.
- ⁴¹ Quinney V. The Problem of Civil Rights for Free Men of Color in the Early French Revolution // French Historical Studies. 1972. Vol. 7, № 4. P. 545–546.
- ⁴² Geggus D. Op. cit. P. 1296.
- ⁴³ См.: Марчук Н. Н., Сангаджиев Б. В., Яшина М. В. Указ. соч. С. 55.
- ⁴⁴ Geggus D. Op. cit. P. 1297.
- ⁴⁵ Lettre de M. Raymond, un des cinq commissaires des citoyens de couleur, lors de la séance du 12 mai 1791 // Archives Parlementaires de 1787 a 1860 : in 126 t. Premiere serie (1787–1799). T. XXVI. Paris : Librairie Administrative P. Dupont, 1887. P. 4.
- ⁴⁶ Forster R. Who Is a Citizen? The Boundaries of «La Patrie» : The French Revolution and the People of Color, 1789–91 // French Politics and Society. 1989. Vol. 7, № 3. P. 61.
- ⁴⁷ Geggus D. Op. cit. P. 1303.
- ⁴⁸ Берк Э. Размышления о революции во Франции. М. : Рудомино, 1993. 142 с. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/berk_razm.php (дата обращения: 10.10.2020).
- ⁴⁹ См.: Тэн И. Происхождение современной Франции. Старый режим // Собр. соч. : в 5 т. СПб. : Паровая Типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1906. Т. 1. С. 85–86.
- ⁵⁰ См.: Чудинов А. В. Старый порядок во Франции и его крушение. М. : Российский гуманитарный научный фонд, 2013. С. 14–15.
- ⁵¹ Compere M. Missions et rangers. Les colleges français 16e-18e siecle Repertoire 3. Paris : Institut national de recherché pedagogique, 2002. P. 431–432.

- ⁵² См.: Григулевич И. П. Указ. соч.
- ⁵³ *Compere M.* Missions etrangeres. Les colleges français 16e-18e siecle Repertoire 3. P. 432–433.
- ⁵⁴ См.: Марчук Н. Н., Сангаджиев Б. В., Яшина М. В. Указ. соч. С. 56.
- ⁵⁵ См.: Григулевич И. П. Указ. соч.
- ⁵⁶ См.: Марчук Н. Н., Сангаджиев Б. В., Яшина М. В. Указ. соч. С. 60.
- ⁵⁷ *Maxwell J. F.* Op. cit. P. 10.
- ⁵⁸ *Forster R.* Op. cit. P. 50.
- ⁵⁹ *Maxwell J. F.* Op. cit. P. 84–85.
- ⁶⁰ *Quinney V.* The Problem of Civil Rights for Free Men of Color in the Early French Revolution. P. 544.
- ⁶¹ Ibid. P. 549.
- ⁶² *Maxwell J. F.* Op. cit. P. 78.
- ⁶³ Ibid. P. 21.
- ⁶⁴ См.: Марчук Н. Н., Сангаджиев Б. В., Яшина М. В. Указ. соч. С. 60–61.
- ⁶⁵ Цит. по: *Maxwell J. F.* Op. cit. P. 98–99.
- ⁶⁶ Цит. по: *Dorigny M.* Gregoire et le combat contre l'esclavage pendant la Revolution. *Precishistorique // Revue française d'histoire d'outre-mer.* 2000. Т. 87, № 328–329. P. 52–53.
- ⁶⁷ Ibid. P. 56.
- ⁶⁸ Suite de la discussion sur les colonies, lors de la seance du 12 mai 1791 // *Archives Parlementaires de 1787 a 1860 : in 126 t. Premiere serie (1787-1799).* Т. XXVI. Paris : Librairie Administrative P. Dupont, 1887. P. 13.
- ⁶⁹ *Dorigny M.* Op. cit. P. 58–59.
- ⁷⁰ Цит. по: Ibid. P. 60.
- ⁷¹ Цит. по: Ibid. P. 61.
- ⁷² Цит. по: Ibid. P. 63.
- ⁷³ *Dieng A.* L'abbe Gregoire et l'Afrique noire aujourd'hui // *Revue française d'histoire d'outre-mer.* Т. 87, № 328–329. P. 78.
- ⁷⁴ Ibid. P. 79–80.
- ⁷⁵ *Dorigny M.* Op. cit. P. 63.
- ⁷⁶ *Briere J. F.* Abbe Gregoire and Haitian Independence // *Research in African Literatures.* 2004. Vol. 35, № 2. P. 37.
- ⁷⁷ *Dieng A.* Op. cit. P. 82.
- ⁷⁸ Цит. по: *Tavares P. F.* Hegel et l'abbe Gregoire : question noire et revolution française // *Annales historiques de la Revolution française.* 1993. № 293–294. P. 496.
- ⁷⁹ *Dorigny M.* Op. cit. P. 64.
- ⁸⁰ Ibid. P. 65–66.
- ⁸¹ *Briere J. F.* Op. cit. P. 39.
- ⁸² *Dieng A.* Op. cit. P. 84.

Поступила в редакцию 18.11.2020, после рецензирования 05.12.2020, принята к публикации 28.12.2020
Received 18.11.2020, revised 05.12.2020, accepted 28.12.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 225–230
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 225–230

Научная статья
УДК 327.82
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-225-230>

Взаимодействие США со странами СТСЭП в рамках торговой политики администрации Дж. Буша-младшего

В. В. Шамардин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шамардин Виктор Валентинович, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, vikt.shamardin@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7054-6787>

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей формирования внешнеторгового курса США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Особое внимание уделено факторам в двусторонних отношениях со странами СТСЭП (Соглашение о транстихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве), оказавших ключевое влияние на решение администрации Дж. Буша-младшего о присоединении к партнерству. Формулируется вывод, согласно которому неудачи в ходе реализации многостороннего формата региональной либерализации торговли способствовали тому, что США вступили в переговорный процесс по СТСЭП.

Ключевые слова: либерализация, Азиатско-Тихоокеанский регион, администрация Дж. Буша-младшего, соглашение о зоне свободной торговли, транстихоокеанское партнерство, торговый блок, АТЭС, США

Для цитирования: Шамардин В. В. Взаимодействие США со странами СТСЭП в рамках торговой политики администрации Дж. Буша-младшего // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 225–230. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-225-230>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-225-230>

US interaction with the TPSEP countries within the trade policy of the George W. Bush administration

V. V. Shamardin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Viktor V. Shamardin, vikt.shamardin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7054-6787>

Abstract. The article is devoted to the study of the formation of the US foreign trade course in the Asia-Pacific region. Special attention is paid to the factors in bilateral relations with the TPSEP countries, which had a key influence on the decision of the George W. Bush administration to join the partnership. The author comes to the conclusion that failures in the implementation of the multilateral format of regional trade liberalization contributed to the fact that the United States entered the negotiation process on the TPSEP.

Keywords: liberalization, Asia-Pacific region, George W. Bush administration, free trade zone agreement, Trans-Pacific partnership, trade bloc, APEC, USA

For citation: Shamardin V. V. US interaction with the TPSEP countries within the trade policy of the George W. Bush administration. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 225–230 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-225-230>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Как известно, в 1980-е и 1990-е гг. развернулся процесс постепенной экономической институционализации Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). США, которые являлись на тот период безусловным экономическим лидером региона, встали во главе данного многостороннего процесса, в том числе активно используя

инструментарий форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Однако период с конца 1990-х гг. был ознаменован запуском региональной либерализации в АТР посредством заключения двусторонних и субрегиональных соглашений о свободной торговле. В связи с этим произошли изменения

в подходе США по осуществлению их торговой политики в АТР.

Администрация президента Дж. Буша-младшего, как и ее предшественники, рассматривала в качестве приоритетного направления либерализацию в многостороннем формате, а именно посредством АТЭС и Всемирной торговой организации (ВТО). Однако в то же время ее внимание было привлечено к двусторонним сделкам и субрегиональным торговым проектам, одним из которых являлось Соглашение о транстихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве (СТСЭП). Так как Соединенные Штаты не являются одной из стран-соучредителей СТСЭП, то для того чтобы понять отношение их к данной организации, необходимо рассмотреть сотрудничество Штатов с каждой из стран по отдельности в сфере торговли и региональной интеграции.

Первоначально именно США и Сингапур стали инициаторами заключения соглашения о свободной торговле, которое получило неофициальное название «тихоокеанская пятерка» («П-5»). Данное предложение было выдвинуто на встрече лидеров стран АТЭС, а потенциальными участниками должны были стать Чили, Новая Зеландия и Австралия¹. Однако данный проект не дошел до стадии официальных переговоров, поскольку у президента Б. Клинтона не было полномочий на их проведение, а также по причине того, что Австралия высказала сдержанную позицию из-за того, что среди участников потенциального соглашения не было Южной Кореи.

После провала инициативы «П-5» США не прекратили развивать торговое сотрудничество с ее участниками, сфокусировав свое внимание на двусторонних соглашениях о свободной торговле. Однако администрация Клинтона не успела завершить переговоры с Сингапуром и Чили, начало которым было положено в ноябре 2000 г., вследствие чего работу по ним продолжила уже новая администрация Буша-мл.² Необходимо отметить, что с приходом в 2001 г. республиканской администрации двухсторонние соглашения о свободной торговле стали ядром американской торговой стратегии в отличие от предыдущего десятилетия, в течение которого США заключили только три подобные сделки.

Томми Ко, главный представитель со стороны Сингапура в переговорном процессе с США, заявил, что, подписав соглашение о свободной торговле с Сингапуром, Америка придаст импульс более активным действиям по снижению барьеров для бизнеса, включая предлагаемую зону свободной торговли «П-5», связывающую Австралию, Чили, Новую Зеландия, Сингапур и США³. Он также выразил надежду, что совместная декларация, опубликованная по итогам второго раунда переговоров, станет связующим звеном между уходящей администрацией, которая в ноябре согласилась запустить переговоры с Сингапуром и новой администрацией Буша-мл. В заключение

он добавил, что Сингапур уверен в том, что новая администрация согласится назначить скорейшую дату возобновления переговоров⁴.

Успешному завершению переговорного процесса способствовало то, что летом 2002 г. Конгресс одобрил законопроект о предоставлении особых торговых полномочий, согласно которым президент США имел право вносить на рассмотрение законодательного органа торговые соглашения без права внесения в них поправок. Таким образом, финальный раунд переговоров состоялся уже 11–17 ноября 2002 г. в Сингапуре, а работа над итоговым текстом соглашения была завершена в январе следующего года⁵. Аналогичным образом развивалась ситуация с соглашением с Чили, текст которого был подготовлен к декабрю 2002 г.⁶ Церемония подписания торговых сделок с Сингапуром и Чили состоялась 6 мая 2003 г. в Вашингтоне с участием президента Буша-мл. и послов указанных стран⁷. Соглашения были ратифицированы соответствующими парламентами в течение 2003 г. и вступили в действие с 1 января 2004 г.

В связи с тем, что США являлись самым крупным рынком в АТР, остальные страны формата «П-5», а именно Новая Зеландия и Австралия, также активно продвигали идею развития свободной торговли с США. Однако после событий 11 сентября 2001 г. важным фактором при заключении сделок, касающихся вопросов свободной торговли, стал внешнеполитический аспект, а именно поддержка действий американского руководства в области вопросов обеспечения национальных интересов и безопасности. В своем выступлении, которое состоялось в Институте мировой экономики в Вашингтоне в мае 2003 г., Р. Зеллик, главный торговый представитель США, предупредил: «[Соглашение о свободной торговле] это не та вещь, на которую каждый имеет право. Это привилегия». Он отметил, что взамен администрации Буша-мл. ожидает «сотрудничества... по вопросам внешней политики и безопасности»⁸.

Операция по вторжению в Ирак, которую США начали осуществлять в марте 2003 г., негативно отразилась и на реализации соглашения с правительством Чили, отказавшимся поддержать американское руководство в Совете безопасности ООН, что в свою очередь поставило под угрозу срыва почти уже полностью согласованную торговую сделку. При этом Р. Зеллик заявил, что «точная дата подписания соглашения не определена, и мы очень тесно работали с нашими чилийскими партнерами и ожидали с их стороны поддержку в момент, который мы посчитали важным»⁹. Однако из-за того, что оставалось только подписать и ратифицировать соглашение, президент Буш-мл. заявил, что осуществление сделки будет продолжено¹⁰.

Внешиполитический подход, которым США руководствовались в этот период при заключении соглашений о свободной торговле, наглядно был

продемонстрирован на примере переговоров с Австралией и Новой Зеландией. Экономике данных двух данных стран тесно интегрированы, и поэтому Новая Зеландия рассчитывала присоединиться к переговорам, которые велись между США и Австралией о свободной торговле, или заключить отдельную двустороннюю сделку. С этой же целью в январе 2003 г. 50 членов палаты представителей США, а в марте 19 сенаторов обратились с письмом к президенту с инициативой подключить Новую Зеландию к переговорам с Австралией.

Однако между США и Новой Зеландией существовал целый ряд противоречий в вопросах безопасности, в частности нежелание последней поддержать действия Вашингтона в Ираке, а также отказ допуска в ее порты кораблей с ядерным оружием или с ядерными силовыми установками. В связи с этим соглашение с Австралией, инициированное президентом Бушем-мл. в 2001 г., было подписано и ратифицировано в течение 2004 г. и вступило в действие с начала следующего года без участия в нем Новой Зеландии. Стоит отметить, что сделка с Австралией легко получила одобрение в Конгрессе из-за участия ее военных сил в операции, проводимой в Ираке¹¹.

Таким образом, на момент, когда только начинались переговоры по созданию СТСЭП, США уже имели двухсторонние соглашения о свободной торговле с рядом его участников, а именно Сингапуром и Чили, а также с Австралией, не являющейся членом этой организации, но входившей в первоначальный формат «П-5». Что касается оставшихся двух членов, Новой Зеландии и Брунея, то первая, как уже ранее было указано, не подходила под условия соглашения из-за занятой ей внешнеполитической позиции, а второй в силу своего небольшого размера не представлял весомого экономического интереса, который позволял бы говорить о его значимости для американской экономики.

В свою очередь, это означало, что США добились для себя приемлемых результатов, обеспечив максимально выгодные условия свободной торговли с каждой из стран по отдельности, не связав себя универсальными правилами СТСЭП. Кроме того, присоединение Вашингтона к СТСЭП на этапе переговорного процесса было бы практически невозможным ввиду того, что среди его участников была Новая Зеландия. Однако правила этой организации, предусматривающие перспективу вступления в ее состав других стран, предоставляли для США возможность присоединиться к ней в дальнейшем, так как все страны-участницы являлись сторонниками идеи торговой либерализации, продвигаемой американским руководством. Кроме того, достигнутый высокий уровень отношений в области торговли и инвестиционного сотрудничества с Сингапуром и Чили, отсутствие препятствий для этого процесса в отношении Брунея и Новой Зеландии (за исключением внешнеполитического фактора)

только способствовали потенциальному вступлению США в СТСЭП.

Администрация Буша-мл. в рамках стратегии «конкурентной либерализации» стремилась продвигать более свободные торговые отношения через двусторонние и региональные соглашения для того, чтобы оказывать давление на страны и побуждать их к либерализации в многостороннем формате¹². Основной инициативой в АТР стала идея Зоны свободной торговли в Северной и Южной Америке, которая в свою очередь не затрагивала страны Юго-Восточной Азии. Данная инициатива была направлена на то, чтобы создать многостороннюю структуру, которая будет способствовать экономической интеграции в регионе, и которая была запущена еще при администрации Клинтон в 1998 г. Так как переговоры по соглашению не завершились в установленный срок до января 2005 г. из-за разногласий с Бразилией, необходимо было найти новую платформу для запуска региональной интеграции.

Также была запущена серия двусторонних сделок со странами Ближнего Востока в целях поддержки стран, оказавших помощь США в борьбе с терроризмом. Примером таких сделок стали соглашения с Оманом, Бахрейном и Марокко, которые вступили в действие с января 2006 г. (Оман с 2009 г.). Однако создание Ближневосточной зоны свободной торговли посредством объединения всех стран региона, с которыми США заключили подобные соглашения, столкнулось с проблемой включения в нее Израиля.

Игнорирование потенциально выгодных для США соглашений с Новой Зеландией, Китайской Республикой (Тайвань) и выбор таких партнеров по торговым соглашениям, как Бахрейн, Оман и Марокко, на основе внешнеполитического фактора шло в ущерб экономическим интересам американского бизнеса и вызвало обеспокоенность у Конгресса и деловых кругов относительно тех стран, с которыми в дальнейшем будут заключаться подобные сделки, что, в свою очередь, частично привело к преодолению препятствия в виде разногласий администрации Буша-мл. с Новой Зеландией, необходимому для присоединения к СТСЭП¹³. Ситуацию усугубил тот факт, что Дохийский раунд переговоров, запущенный в рамках ВТО еще в 2001 г., провалился к 2007–2008 гг., и страны-участницы данной организации не смогли прийти к единому соглашению относительно дальнейшей либерализации. Таким образом, ВТО не смогла успешно справиться с ролью проводника стратегии «конкурентной либерализации».

Другая инициатива администрации Буша-мл., которая должна была, наконец, продемонстрировать важную роль, отведенную АТР во внешнеэкономическом курсе США, представляла собой соглашение о свободной торговле с Южной Кореей (КОРЮСФТА). Оно было подписано в июне 2007 г., однако так и не было ратифицировано в течение президентского срока Буша-мл. из-за

окончания срока действия особых торговых полномочий, ранее делегированных администрации президента, и утраты республиканской партии, придерживающейся в основном фритредерской позиции большинства в Конгрессе США¹⁴.

Доминирование демократической партии в Конгрессе после выборов в 2006 г. предполагало, что получить на новый срок особые торговые полномочия текущей администрации будет практически невозможно. Также крайне маловероятно было проведение через Конгресс подобной торговой сделки, учитывая внимательное отношение демократов к вопросам трудовых и экологических стандартов при заключении соглашений о свободной торговле. Из этого следовало, что администрация Буша-мл. потеряла возможность сформировать региональный торговый блок, заключив соглашение с Южной Кореей, и в дальнейшем расширить его за счет других стран АТР, в частности Японии.

Таким образом, в конце своего срока президент Буш потенциально мог только инициировать новый торговый проект, но его дальнейшая реализация зависела бы уже от действий новоизбранной администрации. Такая инициатива была бы своего рода рекомендацией или директивой для преемника Буша-мл., свидетельствующей о важности развития экономического сотрудничества со странами АТР на принципах свободной торговли.

Идеальной площадкой для продвижения подобного проекта являлась АТЭС. Так, на его форуме, который состоялся в ноябре 2006 г. в Ханое, по инициативе США была выдвинута задача сформировать Азиатско-Тихоокеанскую зону свободной торговли (ФТААП), которая отвечала бы Богорским задачам, провозглашенным еще в 1994 г.¹⁵ Концепция ФТААП была выдвинута ранее Консультативным советом АТЭС в 2004 г.¹⁶ Однако такой проект, как ФТААП, был слишком масштабным и мог быть реализован лишь в долгосрочной перспективе. Сам проект не предусматривал закрепление четких обязательств стран по осуществлению торговой и инвестиционной либерализации, необходимой для заключения данной многосторонней сделки, однако предполагал, что ее создание возможно осуществить посредством реализации других многосторонних региональных соглашений, которые в свою очередь постепенно распространятся на весь АТР.

Соответственно, США необходимо было найти стартовую площадку, для того чтобы в дальнейшем на ее основе запустить процесс региональной интеграции. СТСЭП представляло собой уже существующую организацию и практически во всех отношениях подходило для целей, которые ставила перед собой администрация Дж. Буша-мл. Присоединение к партнерству также означало, что США предпринимают меры по поддержке ФТААП, а это, в свою очередь, являлось демонстрацией поддержки АТЭС.

Возникновение СТСЭП во многом связано с инициативой «П-5», выдвинутой в 1999 г. На саммите АТЭС в 2000 г. состоялись неформальные дискуссии между Австралией, Новой Зеландией, Чили и Сингапуром о возможном создании организации на основе формулы «П-5». Однако предшественником СТСЭП стало Всестороннее соглашение о тесном экономическом сотрудничестве между Новой Зеландией и Сингапуром (англоязычное название СЕР), вступившее в силу 1 января 2001 г. Положительный эффект от данного соглашения позволил запустить переговорный процесс по созданию новой организации между Новой Зеландией, Сингапуром и Чили («тихоокеанской тройки», «П-3»). 18 июля 2005 г. было подписано соглашение о Транстихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве (СТСЭП), а с присоединением к нему Брунея оно получило неофициальное название «тихоокеанская четверка» («П-4»). СТСЭП включает в себя нормы по регулированию различных областей торговли, в частности ликвидацию таможенных пошлин во взаимной торговле, правила происхождения товаров, унификацию санитарных и фитосанитарных норм, общую политику в сфере защиты прав интеллектуальной собственности и др.

Стоит отметить, что в СТСЭП не были завершены переговоры относительно двух направлений: финансовые услуги и инвестиции. Страны-участницы договорились, что начнут переговоры по ним в течение двух лет с момента вступления в силу соглашения. В итоге переговоры стартовали в феврале 2008 г.¹⁷ Тогда же торговый представитель США Сьюзен Шваб публично объявила о желании ее страны участвовать в переговорном процессе СТСЭП, заявив о том, что в ближайшие месяцы администрация президента проведет консультации по этому предложению с Конгрессом и с широким кругом заинтересованных сторон.

Странам СТСЭП было выгодно расширение состава участников, тем более вхождение такого экономически мощного, как США, вследствие чего они с одобрением встретили предложение американского руководства, которое автоматически влекло за собой дальнейшее расширение торговой организации. Министр торговли Новой Зеландии Ф. Гофф приветствовал заявление С. Шваб, сообщив, что присоединение США к СТСЭП внесет вклад в достижение давней цели Новой Зеландии по либерализации торговли между двумя странами. «П-4 был разработан для того, чтобы позволить другим странам принять в нем участие. Участие США заложит мощную основу для него и будет стимулировать других к участию в нем»¹⁸.

В сентябре 2008 г. последовало заявление торгового представительства США о том, что они официально вступают в переговорный процесс, первый раунд которого состоится в начале следующего года. Ранее с их участием

уже было проведено три раунда переговоров, в ходе которых был достигнут существенный прогресс по рассматриваемым главам соглашения, касающихся финансовых услуг и инвестиций. В заявлении также указывалось, что «партнерство демонстрирует намерение США продолжить свое активное участие в АТР. Это соглашение с заложенными в нем высокими стандартами потенциально может послужить в качестве средства продвижения либерализации торговли и инвестиций, интеграции в транстихоокеанском регионе и, возможно, за его пределами. В конечном счете, цель заключается в том, чтобы расширить членство в соглашении за счет других стран, которые разделяют наше видение свободной и справедливой торговли»¹⁹.

Стоит упомянуть о том, что в августе 2006 г. Чили уже приглашало Перу вступить в СТСЭП. Сингапур также направлял Канаде приглашение с целью рассмотрения ею возможного членства в организации²⁰. Однако намерения начать консультации относительно своего участия в переговорах такие страны, как Австралия, Перу и Вьетнам, выразили только после официального заявления торгового представительства США об их вступлении в переговоры по СТСЭП²¹. Это произошло в ноябре 2008 г. на саммите АТЭС, проходящем в г. Лима (Перу). Австралия и Перу к этому моменту уже были связаны соглашениями о свободной торговле с США, но, несмотря на это, обе страны посчитали важным поддержать инициативу американской администрации и присоединиться к ней на этапе переговорного процесса, чтобы максимально отразить в тексте будущего соглашения собственные экономические интересы.

Таким образом, присоединение США к переговорам по СТСЭП было обусловлено стремительным экономическим развитием стран АТР и их возросшей ролью в региональной торговле. Провал в реализации такого проекта, как свободная зона торговли Северной и Южной Америки, продвигаемого администрацией Дж. Буша-мл., неудачное окончание Дохийского раунда переговоров, задержка в ратификации КОРЮСФТА, привели к тому, что внимание администрации было переключено на проект СТСЭП. Присоединение США к партнерству продемонстрировало их намерение сохранить за собой лидирующие позиции в АТР и находиться во главе процесса региональной интеграции и торговой либерализации в долгосрочной перспективе.

Примечания

- ¹ Scollay R., Gilbert J. P. *New Regional Trading Arrangements in the Asia Pacific?* Institute for International Economics. Washington : Institute for International Economics, 2001. P. 2.
- ² Douglas A. Irwin. *Free Trade under Fire*. Princeton : Princeton University Press, 2009. P. 266.
- ³ Richardson M. *Trade Talks Under Bush : Less Focus on Labor and Environment* // The New York Times. 2000. Dec 24. URL: <https://www.nytimes.com/2000/12/14/business/worldbusiness/IHT-trade-talks-under-bushless-focus-on-labor-and.html?searchResultPosition=9> (дата обращения: 21.08.2020).
- ⁴ Richardson M. *Asia-Pacific Sees a Chance for Freer Trade* // The New York Times. 2001. Jan 19. URL: <https://www.nytimes.com/2001/01/19/business/worldbusiness/IHT-asiapacific-sees-a-chance-for-freer-trade.html?searchResultPosition=6> (дата обращения: 22.08.2020).
- ⁵ Quick Facts : U.S.-Singapore Free Trade Agreement // Office of the United States Trade Representative. 2003. Jun 5. URL: https://web.archive.org/web/20060917072549/http://ustr.gov/Document_Library/Fact_Sheets/2003/Quick_Facts_US-Singapore_Free_Trade_Agreement.html (дата обращения: 23.08.2020).
- ⁶ Becker E., Rohter L. *U.S. and Chile Reach Free Trade Accord* // The New York Times. 2002. Dec 12. URL: <https://www.nytimes.com/2002/12/12/business/us-and-chile-reach-free-trade-accord.html> (дата обращения: 23.08.2020).
- ⁷ President Bush Signs Chile, Singapore Free Trade Agreement Bills // The White House. 2003. Sep 3. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/09/20030903-3.html> (дата обращения: 26.08.2020).
- ⁸ Цит. по: Peterson L. *Bush will trade only with friends* // New Statesman. 2003. Jun 23. URL: <https://www.newstatesman.com/node/157884> (дата обращения: 26.08.2020).
- ⁹ Цит. по: Rojas F. A., Fuentes C. *Chile-United States : From an Elusive Friendship to a Cooperative Relationship // Contemporary Inter-American Relations : Cooperation or Conflict in the 21st Century?* Jorge Dominguez and Rafael Fernández de Castro (eds.). New York : Routledge, 2010. P. 142.
- ¹⁰ The President's News Conference With President Jose Maria Aznar of Spain // Weekly Compilation of Presidential Documents. 2003. Vol. 39. P. 558.
- ¹¹ Brooke J. *Free Trade Debate in Australia* // The New York Times. 2004. Aug 5. URL: <https://www.nytimes.com/2004/08/05/business/free-trade-debate-in-australia.html?searchResultPosition=18> (дата обращения: 28.08.2020).
- ¹² Fergusson I., Sek L. *Trade Negotiations in the 108th Congress* // Congressional Research Service Report for Congress. 2004. March 26. P. 3
- ¹³ U. S. Trade Policy and Changing Domestic and Foreign Priorities : A Historical Overview // CRS Report. 2003. Nov. 3. URL: <https://www.everycrsreport.com/reports/RS21657.html> (дата обращения: 28.08.2020).
- ¹⁴ См.: Сидоров А. А. *Американо-корейское соглашение о свободной торговле : предпосылки, проблемы, перспективы* // Вестник Московского университета. Серия 25 : Международные отношения и мировая политика. 2011. № 1. С. 62.
- ¹⁵ См.: Костюнина Г. М. *Транстихоокеанское стратегическое партнерство : расстановка сил и роль в формировании региональной зоны свободной торговли в*

- АТР // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4 (25). С. 95.
- ¹⁶ См.: *Костюнина Г. М.* Современные концепции формирования зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. № 6. С. 38.
- ¹⁷ *Searight A.* The United States and Asian economic regionalism : the politics of reactive leadership // V. K. Aggarwal and S. Lee (eds). Trade policy in the Asia-Pacific : the role of ideas, interests, and domestic institutions. New York : Springer, 2011. P. 115.
- ¹⁸ NZ welcomes US entering P4 trade talks // Bilaterals.org. 2008. Feb. 5. URL: <https://www.bilaterals.org/?nz-welcomes-us-entering-p4-trade&lang=en> (дата обращения: 29.08.2020).
- ¹⁹ United States to Negotiate Participation in Trans-Pacific Strategic Economic Partnership // Office of the United States Trade Representative. September 2008. URL: https://ustr.gov/archive/assets/World_Regions/Southeast_Asia_Pacific/Trans-Pacific_Partnership_Agreement/Fact_Sheets/asset_upload_file602_15133.pdf (дата обращения: 29.08.2020).
- ²⁰ *Manfred Wilhelmy.* Beyond P4 // New Zealand International Review. March–April 2007. P. 8.
- ²¹ *Elms D.* The Origins and Evolution of the Trans-Pacific Partnership Trade Negotiations // Asian Survey. Vol. 56, № 6 (November–December 2016). P. 1018.

Поступила в редакцию 06.11.2020, после рецензирования 27.12.2020, принята к публикации 28.12.2020
Received 06.11.2020, revised 27.12.2020, accepted 28.12.2020

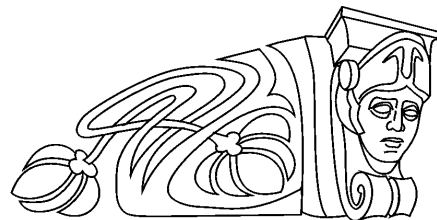

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 231–234
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 231–234

Научная статья
УДК 94(44+4)|2005|
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-231-234>

Французское общество и референдум по «конституции Европы» в 2005 году

К. В. Каргашина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Каргашина Кристина Владимировна, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, kristina.kargasina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1178-9441>

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса подготовки, хода и результатов референдума по «конституции для Европы» во Франции. Особое внимание уделяется анализу изменения отношения французского электората к идее «референдума» и «конституции» с момента заявления президента о намерении провести плебисцит, а также выявлению результатов, которые привели к отказу от поддержки документа. Рассматриваются внутренние причины, способствовавшие негативному исходу референдума.

Ключевые слова: Франция, «конституция для Европы», французский референдум, Европейский союз, президент Ж. Ширак

Для цитирования: Каргашина К. В. Французское общество и референдум по «конституции Европы» в 2005 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 231–234. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-231-234>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-231-234>

The French society and the referendum of the «constitution of Europe» in 2005

K. V. Kargashina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Kristina V. Kargashina, kristina.kargasina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1178-9441>

Abstract. This article is focused on studying the preparation and conduct of the referendum of «the Constitution for Europe» in France. Particular attention is paid to analysis of the evolution of the attitude of the French electorate toward the idea of a “referendum” and a “Constitution for Europe” from the moment the president’s announcement about his intention to hold a referendum, and its results that led to the rejection of «the Constitution». Besides, the internal factors that contributed to the negative outcome of the referendum are discussed.

Keywords: France, the Constitution for Europe, French referendum, European Union, president J. Chirac

For citation: Kargashina K. V. The French society and the referendum of the «constitution of Europe» in 2005. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 231–234 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-231-234>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Пройдя долгий путь от Объединения угля и стали до Европейского союза, Старый свет предстал самым стабильным и успешным регионом мира. Данное межгосударственное объединение стало эталоном интеграционного строительства. Однако на современном этапе это европейское интеграционное строительство заморожено. Более того, можно наблюдать некоторые признаки кризиса самого Европейского союза (ЕС): угроза дефолта Греции летом 2014 г., миграционный кризис, Брекзит.

Сегодня тенденция ухода от сотрудничества к закрытости присуща не только ЕС. Находясь в

стадии кризиса, современная система международных отношений так или иначе подталкивает всех участников к протекционизму, односторонним отношениям. Правда, необходимо учитывать, что кризис интеграционного строительства в ЕС начался еще до мирового экономического кризиса, главным показателем которого явился отказ от «конституции ЕС» на референдумах 2005 г. во Франции и Нидерландах.

Принятие конституции должно было стать большим шагом по пути интеграции: она упрощала структуру ЕС, усиливала его институты и

приближала данное интеграционное объединение к политическому союзу. После подписания конституционного договора главами государств 29 октября 2004 г. предстояла его ратификация всеми странами. Для этого существовало два способа: путем голосования в парламенте или путем проведения референдума. Десять правительств ЕС заявили о том, что они будут проводить референдумы по конституционному договору. Другие 15 правительств должны были ратифицировать этот документ посредством голосования в парламентах. Отказ даже одной страны от ратификации означал непринятие конституции¹.

Франция в лице президента Жака Ширака заявила о своем намерении провести референдум по конституции во время традиционной речи 14 июля 2004 г. по случаю дня взятия Бастилии. Затем в новомодном обращении по телевидению президент республики заявил о том, что референдум будет проведен до лета. Он также призвал избирателей не отклонять конституцию из опасения возможного вступления Турции в ЕС, заявив, что эти два вопроса абсолютно не взаимосвязаны. Он также предупредил политиков страны о том, что референдум не должен стать ареной для внутриполитической борьбы. «Я слишком хорошо знаю, что есть соблазн использовать референдум для внутривнутриполитической борьбы. Ставки, связанные с европейской конституцией, являются национальными и европейскими», – сказал Ж. Ширак. 4 марта 2005 г. президентом была назначена дата проведения французского референдума по конституции – 29 мая.

Еще до назначения даты проведения референдума политическая элита Франции разделилась на два лагеря. За конституцию выступали четыре партии: Зеленые, Социалистическая партия, Союз за французскую демократию и Союз за народное движение. Против – девять. В их числе Коммунистическая партия, три ультралевых объединения – Рабочая борьба, Революционный коммунистический союз и Рабочая партия, две крайне правые партии – Национальный фронт и Народно-республиканское движение, а также две «суверенные» партии – Движение за Францию и Объединение французского народа. Таким образом, электоральный баланс власти был очень благоприятным для сторонников принятия документа, т. е. для стороны «да»².

Однако в рядах Социалистической партии произошел раскол. Так, 1 декабря 2004 г., проведя решающий внутренний референдум по конституции, Социалистическая партия оказалась разделенной. Лагерь «да» получил 58 % голосов, а лагерь «нет» – 42 %. Сторона «да», возглавлялась лидером партии Франсуа Олландом и утверждала, что высказывание «нет» в отношении конституции дестабилизирует Европу, а также саму Социалистическую партию, и позволит правому центру восторжествовать на следующих президентских выборах. Сторона «нет», возглавляемая замести-

телем лидера Лораном Фабиусом, утверждала, что текст может и должен быть улучшен и поэтому в его нынешнем виде должен быть отклонен.

Что касается эволюции взглядов на конституцию, то сравнение между различными исследованиями показывает, что разрыв между голосованием «да» и «нет» сокращался в течение всего года обсуждения. В сентябре 2004 г. 64 % населения проголосовало бы за конституцию. Результаты опроса, проведенного в январе 2005 г., показали, что 48 % выступали в это время в пользу «да» и 17 % – в пользу «нет»³. Однако в феврале 2005 г. согласно опросу, проведенному журналом Eurobarometer, 46 % все еще не определились с тем, как они будут голосовать. Только 25 % объявили, что они проголосуют, а 20 % заявили, что будут голосовать «против». Более половины опрошенных граждан Франции выразили мнение, что они «не заинтересованы» в обсуждении конституции⁴.

Весной 2005 г. различные опросы также показали постепенную эрозию поддержки договора. Отчасти это было связано с тем, что данный вопрос стал связываться с другими проблемами, начиная от членства Турции в ЕС и до непопулярности правого правительства Жана-Пьера Раффарина. Старший аналитик Филипп Моро де Фардж из Парижского французского института международных отношений в связи с этим отметил: «Существует путаница, сравнение между ЕС и экономической глобализацией, учитывая, что экономическая и социальная ситуация во Франции в настоящее время плоха. В конечном итоге, Европа рассматривается как средство для этой глобализации»⁵.

Согласно опросу компании TNS Sofres, опубликованному LeMonde 17 марта 2005 г., общественная поддержка европейской конституции сократилась до 56 %. Голос «нет» был самым сильным на левом фланге, причем 71 % членов коммунистической партии и 47 % сторонников социалистической партии выступали против конституции. На правом фланге 70 % сторонников Союза за народное движение заявили, что будут голосовать за конституцию. Опрос от 22 марта 2005 г. показал, что 69 % фермеров были против конституции⁶.

29 мая 2005 г. Франция убедительным большинством (54,87 %⁷) отвергла европейскую конституцию. Реагируя на результат, президент Жак Ширак назвал это «суверенным решением» французского народа. Он добавил также, что «решение Франции неизбежно создает сложный контекст для защиты наших интересов в Европе»⁸.

Исследование журнала Eurobarometer под названием «Европейская конституция: обзор после референдума во Франции», опубликованное в июне 2005 г., показало, что основные причины отказа от договора заключались в следующем:

– конституция была слишком экономически либеральной (34 %);

- опасение, что это окажет негативное влияние на занятость (31 %);
- плохая экономическая ситуация во Франции (26 %);
- проблема расширения ЕС (3 %);
- членство Турции (6 %).

Отвечая на вопрос о последствиях своего голосования, 62 % французов считали, что «нет» голосования означает, что конституция будет пересмотрена как более социальная⁹.

Решающее влияние на исход референдума оказал раскол внутри Социалистической партии. Согласно опросу, проведенному журналом Ipsos, 56 % избирателей, которые позиционировали себя приверженцами Социалистической партии, проголосовали «нет». Кроме того, около 60 % «зеленых» избирателей также проголосовали против принятия проекта конституции. Таким образом, победа лагеря «нет» стала следствием сдвига фракции большинства электората левых, что было вызвано во многом несогласием лидеров-социалистов, в первую очередь Лорана Фабиуса. Последний стал по сути политическим лидером, ответственным за появление французского «нет» под европейским договором¹⁰.

Отклонение конституции именно во Франции явилось серьезным ударом для всей европейской структуры. Именно Франция была страной-инициатором и «локомотивом» ее создания. В течение последних пяти десятилетий строительства новой Европы такие лидеры, как Р. Шуман, Ж. Монне, Ш. де Голль, В. Жискара д'Эстен, Ф. Миттеран были во главе процесса создания ЕС. Французский кризис конституции ЕС продемонстрировал упадок авторитета французских элит в европейском проекте. «Французские граждане обнаруживают, к их большому разочарованию, что единственное, что осталось от их элит – это высокомерие. Эти элиты не могут достоверно ответить на какой бы то ни было вопрос о будущем. Нет никакого видения вообще. И в такой стране, как Франция, которая всегда требовала, чтобы общий проект чувствовал себя живым и единым, мы видим эту слабость, которую никакая правящая элита не может себе позволить показать»¹¹.

Кроме того, исследователи указывают на существовавшую тенденцию к конфликту между правящей элитой и народом. Это противоречие стало проявляться за пару месяцев до референдума, когда люди начали понимать, что их нынешние политические лидеры не могут ответить на их законные вопросы о конституции и о ЕС, потому что они просто ничего не понимают в данном вопросе. Это чувство набирало обороты, что и было отражено в проводимых опросах.

В связи с этим голосование против конституции во Франции 29 мая не рассматривалось как оппозиция к ЕС, напротив, большинство аналитиков указывают на то, что отказ от принятия проекта конституции не был связан для французов с нежеланием дальнейшего интеграционного

строительства: «Да союзу; нет конституции». В своем решении они видели лучшее будущее для Франции, лучшую Европу, действительно лучший мир¹². Только 14 % избирателей, которые вообще не голосовали, отметили, что они выступают против Европейского союза или европейского строительства¹³.

Именно убежденность французского народа в том, что политический класс предал и их доверие, и ценности, которые Франции пришлось продвигать в европейском проекте, спровоцировало людей голосовать против конституции. Однако это не было обращением к прошлому в попытках снова стать «великой нацией». Об этом свидетельствует негативная реакция на телевизионное обращение президента Ж. Ширака после референдума, когда он заявил, что «Франция не пошла на компромиссы с конституцией». Такое заявление послужило окончательным доказательством того, что руководство страны не в курсе как французских, так и европейских реалий¹⁴.

Президент, принимая решение провести принятие конституции через референдум, недооценил все последствия болезненности реформ пенсионной системы, медицинского обслуживания, образования и других социальных программ, которые были проведены кабинетом премьер-министра Жан-Пьера Раффарена. Все это в 2005 г. настроило избирателей против властей.

Как следствие, правящая коалиция проиграла с разгромным счетом региональные выборы, выборы в Европарламент и промежуточные выборы в сенат, а рейтинг премьера упал до рекордно низкого уровня (его деятельность одобрили всего 24 % опрошенных)¹⁵. Все это не могло не отразиться и на голосовании по конституции: более четверти избирателей (27 %) из тех, кто вообще не проголосовал, пояснили свое решение желанием наказать правительство или президента республики¹⁶.

Кроме того, стоит отметить, что в конце 2004 г. у Франции увеличился дефицит бюджета до 3,7 % ВВП¹⁷. Одной из его главных причин явился структурный дисбаланс экономики, в частности высокий уровень безработицы (до 10 % трудоспособного населения). Президент и правительство полагали, что выйти из этой ситуации можно лишь через европейский уровень, поскольку данная тенденция была характерна для всех развитых стран – старейших членов ЕС. Так, Франция и Германия на тот момент были подвержены общим проблемам: превышение трехпроцентного барьера финансового дефицита при вялом экономическом росте (во Франции в 2004 г. он составил 1,8 %, а прогнозы на 2005 г. – самое большее 2,18 % против заложенной в бюджет цифры в 2,5 %) и кризисе занятости, к которым одинаково чувствительны и правящие элиты, и общество во Франции и ФРГ. Поэтому конституция должна была не только углубить интеграцию, но и приспособить старожилов ЕС к его стремительному расширению на Восток¹⁸.

Таким образом, результаты референдума по договору о конституции ЕС выявили прежде всего те проблемы, которые существовали на данный момент внутри Франции. Новый договор мог быть ратифицирован обычным путем голосования в национальных парламентах, но действующие лидеры Франции, приняв решение о референдуме, очередной раз продемонстрировали свою удаленность от простого народа и непонимание экономических реалий. Именно неэффективностью правящей элиты было вызвано недовольство масс, что послужило одной из причин отклонения этого документа.

Поражение договора заставило сторонников конституции более реалистично взглянуть на собственные амбиции. Хотя первой жертвой этих амбиций стал сам договор, серьезно пострадали и национальные политические лидеры. Доверие к президенту Ж. Шираку резко упало до рекордных минимумов, возросло недовольство правительством Раффарина, который после референдума подал в отставку. Кроме того, поражение привело к тому, что Ширак не смог провести на пост президента своего предполагаемого преемника Доминика де Вильпена, а политическая конъюнктура среди правых вынудила его 11 марта 2007 г. публично поддержать кандидатуру Николя Саркози.

Примечания

- ¹ Keobane D. A. French lesson for Europe? A guide to the referenda on the EU Constitutional Treaty // Centre for European Reform. 2005. 18 Apr. URL: http://www.proyectos.cchs.csic.es/euroconstitution/library/working%20papers/Keohane_Apr_2005.pdf (дата обращения: 21.02.2018).
- ² Hughes K. A French 'no' : looming crisis for Europe? // EPIN Commentary. 2005. May. URL: http://www.proyectos.cchs.csic.es/euroconstitution/library/working%20papers/Hughes_may05.pdf (дата обращения: 21.02.2018).
- ³ The Future Constitutional Treaty First results // Eurobarometer report. 2005. Jan. URL: <http://www.proyectos.cchs.csic.es/euroconstitution/library/working%20papers/eurobarometer,%20on%20constitution.pdf> (дата обращения: 2018. Feb. 20.)
- ⁴ First results // Eurobarometer report. 07.2005. URL: <http://www.proyectos.cchs.csic.es/euroconstitution/library/working%20papers/eurobarometer,%20July%202005.pdf> (дата обращения: 20.02.2018).
- ⁵ The Future of Europe – Results for France // Special Eurobarometer. 2006. Mar. 15. URL: http://www.proyectos.cchs.csic.es/euroconstitution/library/working%20papers/eurobarometer%2004_2006/Factsheets%20per%20member%20state/FR.pdf (дата обращения: 21.02.2018).
- ⁶ Le «non» à la Constitution européenne pour la première fois majoritaire dans un sondage en France // Le Monde. 2005. Mar. 18. URL: http://www.lemonde.fr/societe/article/2005/03/18/le-non-a-la-constitution-europeenne-pour-la-premiere-fois-majoritaire_627891_3224.html (дата обращения: 25.02.2018).
- ⁷ Official results from the Ministry of the Interior. URL: [https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Referendums/elecresult_referendum_2005/\(path\)/referendum_2005/000/000.html](https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Referendums/elecresult_referendum_2005/(path)/referendum_2005/000/000.html) (дата обращения: 28.12.2017).
- ⁸ La France rejette nettement le traité constitutionnel // Le Monde. 2005. May 29. URL: http://www.lemonde.fr/constitution-europeenne/article_interactif/2005/05/29/la-france-rejette-nettement-le-traite-constitutionnel_655407_631760.html (дата обращения: 21.02.2018).
- ⁹ The Future of Europe – Results for France // Special Eurobarometer. 2006. Mar. 15. URL: http://www.proyectos.cchs.csic.es/euroconstitution/library/working%20papers/eurobarometer%2004_2006/Factsheets%20per%20member%20state/FR.pdf (дата обращения: 21.02.2018).
- ¹⁰ EU Constitution Newsletter // The Federal Trust. 2005. May. URL: http://www.proyectos.cchs.csic.es/euroconstitution/library/working%20papers/The%20Federal%20trust%20News_May_05.pdf (дата обращения: 23.02.2018).
- ¹¹ EU Constitution Newsletter // The Federal Trust. 2005. Jun. URL: http://www.proyectos.cchs.csic.es/euroconstitution/library/working%20papers/The%20Federal%20trust%20News_June_05.pdf (дата обращения: 22.02.2018).
- ¹² Milner H. «YES» to the Europe I want ; «NO» to this one. Some Reflection on France's Rejection of EU Constitution // SUNY – Plattsburg. 04.2006. P. 257–260.
- ¹³ The European Constitution : post-referendum survey in France // Eurobarometer. 2005. Jun. URL: <http://www.proyectos.cchs.csic.es/euroconstitution/library/working%20papers/eurobarometer,%20referendum,%20France.pdf> (дата обращения: 23.02.2018).
- ¹⁴ EU Constitution Newsletter // The Federal Trust. 2005. May. URL: http://www.proyectos.cchs.csic.es/euroconstitution/library/working%20papers/The%20Federal%20trust%20News_May_05.pdf (дата обращения: 23.02.2018)
- ¹⁵ См.: Кризис ЕС : последствия и перспективы // Итог обсуждения проблем ЕС в Институте Европы РАН. 2005. Jun. URL: www.ieras-library.ru/documenti/soveurope/2005/krisic.doc (дата обращения: 21.02.2018).
- ¹⁶ The European Constitution : post-referendum survey in France // Eurobarometer. 2005. Jun. URL: <http://www.proyectos.cchs.csic.es/euroconstitution/library/working%20papers/eurobarometer,%20referendum,%20France.pdf> (дата обращения: 23.02.2018).
- ¹⁷ См.: Франция. Дефицит бюджета в 2004 г. составил 3,6% ВВП // Pro Finance. URL: http://www.forexpf.ru/_newses/_newsid.php?news=284303 (дата обращения: 05.01.2018).
- ¹⁸ См.: Обичкина Е. О. Франция : политический пейзаж на фоне Европы // Год планеты. Политика. Экономика. Бизнес. Банки. Образование. М. : ЗАО «Издательство Экономика», 2005. С. 371–377. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/32b/32bec93f3d96757c018187c88133caba.pdf> (дата обращения: 05.01.2018).

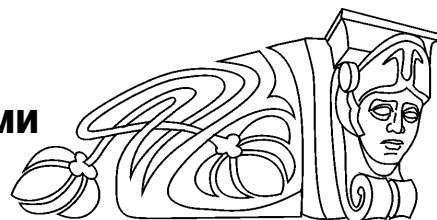
Поступила в редакцию 27.11.2020, после рецензирования 13.12.2020, принята к публикации 28.12.2020
Received 27.11.2020, revised 13.12.2020, accepted 28.12.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 235–243
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 235–243

Научная статья
УДК 314.7
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-235-243>

Управление миграционными процессами на примере Испании и Марокко

Д. В. Алексеев

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), 117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 23

Алексеев Дмитрий Владиславович, младший научный сотрудник, dmitry-vl-alekseev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1371-9172>

Аннотация. В статье рассматриваются противоречия между странами приема и странами-донорами миграции, определяются направления сотрудничества между ними для регулирования миграционных процессов. В историческом контексте исследуются эволюция миграционного законодательства Испании и Марокко и формирование совместной модели управления миграцией. Приводятся данные об интенсивности миграционных потоков, подчеркивается их преимущественно трудовой характер и оценивается зависимость от экономической ситуации в стране приема. Анализируется влияние пандемии коронавируса на миграционные процессы, намечаются перспективы сотрудничества в условиях ограничений на перемещения.

Ключевые слова: иммиграция, Марокко, Испания, миграционная политика, нелегальная миграция, пандемия коронавируса

Для цитирования: Алексеев Д. В. Управление миграционными процессами на примере Испании и Марокко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 235–243. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-235-243>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-235-243>

Migration management case study: Spain and Morocco

D. V. Alekseev

Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN), 23 Profsoyuznaya St., Moscow 117997, Russia

Dmitry V. Alekseev, dmitry-vl-alekseev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1371-9172>

Abstract. The article analyzes the contradictions between the country of destination and origin of immigrants and defines the directions of cooperation between them to regulate migration processes. It considers the evolution of Spanish and Morocco immigration laws and the development of the bilateral relations to consolidate joint model to manage migration. It includes data of the intensity of the migration flows, their predominantly labor character and the dependence on the economic situation in the receiving country. It analyzes the impact of the coronavirus pandemic on migration processes and outlines prospects for cooperation in the context of the transfer restrictions.

Keywords: immigration, Morocco, Spain, migration policy, illegal migration, coronavirus pandemic

For citation: Alekseev D. V. Migration management case study: Spain and Morocco. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 235–243 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-235-243>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Глобализационные процессы развития современного мира сопровождались усилением взаимозависимости и взаимосвязи государств, ростом экономического и социально-политического неравенства, служащих основными причинами все возрастающей миграции населения. По данным Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, за последние 20 лет число международных мигрантов выросло на 56,4 % и превысило в 2019 г. 271 млн чел.¹

Одной из характерных черт современной международной миграции является преимущественно трудовой ее характер², доля беженцев, стремящихся покинуть зоны военных конфликтов или избежать угрозы преследования по различным мотивам, по данным 2019 г., не превышает 9,5 % от общего объема миграции³, хотя за период с 2005 по 2017 г., когда наблюдался ускоренный рост миграционных потоков, число беженцев удвоилось.

Многогранность миграционных процессов, затрагивающих как принимающие страны, так и страны-источники, требует наличия инструментов регулирования и контроля, сложность разработки которых обусловлена наличием противоречий на всех уровнях принятия решений от международного и регионального до национального⁴, связанных с необходимостью одновременного решения экономико-демографических проблем, обеспечения национальной безопасности и суверенитета принимающих стран и соблюдения прав человека для иммигрантов.

Цель настоящей работы – анализ миграционной политики и сотрудничества в этой области Испании и Марокко – двух стран, выступающих в качестве основных пунктов на пути африканской иммиграции в Европу, определение факторов, действующих на эффективность регулирования миграции в Средиземноморье, и оценка перспектив и направления дальнейшего развития миграционных процессов в регионе.

Проблемы международной миграции

Международная миграция влияет как на страны происхождения мигрантов, так и на принимающие страны, являясь необходимой составляющей их развития и позволяя решать демографические, экономические и социально-политические проблемы. И принимающие, и отправляющие страны заинтересованы в управлении миграционными процессами и их упорядочении, но для каждого из участников характерно превалирование собственных целей и интересов, которые могут не совпадать или противоречить интересам других сторон.

В настоящее время практически нет стран, которые играли бы в миграционном процессе единственную роль, каждая может быть одновременно и отправляющей, и транзитной, и принимающей, хотя в каждом конкретном случае миграционные потоки отличаются по объемам и мотивам перемещения. Многообразие типов миграции и неоднозначность роли страны в миграционном процессе приводят к необходимости реализовывать в рамках единой национальной миграционной политики различные по целям и методам функции, затрагивающие разные группы населения и зачастую вступающие в противоречие с интересами друг друга. Так, увеличение трудовой миграции, способствующее заполнению рынка труда, приводит к росту недовольства со стороны коренных жителей, опасаящихся за сохранение национальной идентичности, собственную безопасность и уровень социальных выплат.

Для принимающих стран наиболее важной функцией регулирования миграции становится отбор, за счет которого в страну привлекаются кандидаты, обладающие необходимой квалификацией или готовые занять рабочие места, не востребованные местным населением, и ограни-

чивается въезд лиц, чей вклад в экономику страны и налоговые отчисления в бюджет не покрывают издержек на пособия и льготы. В странах, в структуре миграции которых преобладают трудовые мигранты, финансовые и экономические последствия иммиграция более позитивны, чем в странах, где иммигрантское население состоит из беженцев и просителей убежища из-за их медленной интеграции на рынке труда⁵. Поэтому в миграционных законах можно проследить тенденцию ужесточения требований при получении статуса беженца и расширение возможностей депортации нелегально находящихся на территории страны иностранцев. С другой стороны, церковь, многочисленные правозащитные и благотворительные организации поддерживают и финансируют проекты по защите прав беженцев и их интеграции в общество⁶.

Кризис беженства в Европе 2015 г. наглядно показал отсутствие сбалансированной политики в рамках Евросоюза из-за разногласий между отдельными его членами по поводу распределения квот на прием беженцев и ограничения трудовой миграции. Страны на южной границе ЕС не имеют достаточных средств в одностороннем порядке противостоять наплыву мигрантов и выполнять сдерживающие функции, поэтому необходимы совместные усилия всех стран ЕС, которые восприняли бы миграцию как общую проблему общества.

Страны-доноры, решающие с помощью экспорта трудовых ресурсов проблемы с безработицей и повышенной демографической нагрузкой, обеспечивают возвратные финансовые потоки в виде денежных переводов мигрантов, составивших в 2019 г. 706 млрд долл. США⁷, которые служат не только для поддержки семей на родине, но и позволяют улучшить экономические показатели страны и выступают в виде инвестиций для развития бизнеса. Отправляющие страны также заинтересованы в регулировании миграционных потоков и могут брать на себя не только функции приема депортированных граждан, но и решать задачи профессиональной подготовки и помощи в трудоустройстве мигрантов и их реинтеграцию по возвращении, создавать условия, препятствующие оттоку высококвалифицированных кадров или способствующие их возвращению, поддерживать студенческую иммиграцию. Без значительных инвестиций, направленных на развитие экономики, страны-поставщики дешевой низкоквалифицированной рабочей силы не способны создать в стране условия, препятствующие оттоку молодого трудоспособного населения, составляющего основную массу мигрантов.

Принимающие страны стремятся рассматривать мигрантов в качестве временной рабочей силы, поток которой можно регулировать и перенаправлять в зависимости от экономической ситуации в стране. Однако мигранты, обладающие низкой квалификацией и прибывающие из эконо-

мически слаборазвитых стран, не рассматривают иммиграцию в качестве временной меры и стремятся легализоваться и остаться в принимающей стране (90 % марокканских мигрантов в Испании имеют долгосрочный вид на жительство)⁸.

Даже в кризисные периоды мигранты, несмотря на вероятную потерю работы, остаются в стране приема, надеясь на поддержку со стороны государства, получение пособий и быстрый выход экономически развитых стран из кризиса. Миграционные потоки со временем начинают поддерживать сами себя даже в случае исчезновения вызвавших их причин, и важную роль в этом процессе играют созданные иммигрантами сети и ассоциации⁹. Попытки со стороны государства сократить потоки мигрантов за счет ужесточения миграционной политики приводят к росту нелегальной миграции. Депортация мигрантов в реальности оказывается трудно выполнимым и достаточно затратным мероприятием, которое невозможно осуществить без заключения двусторонних договоров со странами-поставщиками мигрантов.

Еще одна проблема, связанная с мигрантами, затрагивает соблюдение прав человека. С одной стороны, мигранты, особенно нелегальные, являются самой незащищенной, эксплуатируемой и уязвимой группой населения, права которой нарушаются не только на рынке труда, но и в социальной и юридической сферах. С другой стороны, мигранты, потеряв работу или не сумев интегрироваться в принимающее общество, криминализируются, способствуя росту преступности и вызывая неприязненное отношение со стороны коренного населения вплоть до ксенофобии и отторжения¹⁰.

Сложность и многообразие проблем, связанных с регулированием миграции, приводит к необходимости совместных усилий и координированных действий обеих сторон, участвующих в миграционном процессе.

Эволюция миграционного законодательства Испании в период 1999–2019 гг.

Усиление миграционных потоков из Африки в Европу с конца 1990-х гг. привело к тому, что в настоящее время регион Средиземноморья занимает одно из лидирующих мест в мире по объему миграции, причем не только по оси Юг–Север из Северной Африки на Пиренейский полуостров, но и Юг–Юг внутри африканского континента¹¹. По данным Международной организации по миграции на 2019 г. объем миграционных потоков из Африки превысил 39 млн чел. Несмотря на то, что более 50 % африканских мигрантов остаются в пределах континента, тем не менее около 10 млн из них направляются в Южную Европу, а затем во Францию и Германию¹². И одними из основных пунктов как легального, так и нелегального

проникновения, на этом маршруте становятся Марокко и Испания.

90-е гг. прошлого века характеризуются практически отсутствием каналов легальной иммиграции из Марокко в Испанию из-за жесткого ограничительного характера закона об иностранцах¹³, принятого в 1985 г. правительством, возглавляемым Испанской социалистической рабочей партией (ИСРП). Отсутствие контроля на испанских морских границах и надзора над нелегальным трудом иммигрантов привело к тому, что спрос на рабочую силу удовлетворялся в основном преступными структурами, обеспечивавшими нелегальный въезд и трудоустройство марокканцев. Лишь в 2000 г., когда общее число иностранцев в Испании превысило миллион человек, был принят закон¹⁴ о правах и свободах иностранцев в Испании, гарантировавший легальным мигрантам такие же права, как и гражданам страны, за исключением избирательного права, а также предоставившим нелегальным мигрантам, имевшим контракт на работу, возможность легализовать свое пребывание в стране. По данным муниципального реестра, в 2000 г. в Испании проживало около 170 тыс. иммигрантов из Марокко, к 2009 г. их число превысило 760 тыс. чел. и практически все они получили легальный статус пребывания в стране. В 2019 г. число мигрантов из Марокко составило около 800 тыс. чел. и представляет самую крупную национальную диаспору в Испании¹⁵.

В 2000 г. правительством Испании, сформированным победившей на выборах Народной партией, закон об иностранцах был ужесточен и ограничены права нелегальных иммигрантов¹⁶. Сократить их поток предполагалось с помощью крупных штрафов для владельцев компаний, использующих труд нелегальных мигрантов, а также за счет усложнения правил въезда в страну и расширения практики депортации. Однако рестрикционные меры привели лишь к увеличению доли нелегальных мигрантов до 40–50 % от общего объема и вынудили правительство в очередной раз реформировать свою миграционную политику.

По закону об иностранцах от 2003 г.¹⁷ стало возможным получать краткосрочные визы с правом на работу, позволявшие регулировать сезонный поток мигрантов. Наряду с этим нововведением усложнился порядок легализации по оседлости, закрывающий большинству нелегальных мигрантов возможность урегулировать свое пребывание в стране.

Победившая на выборах 2004 г. ИСРП, отличавшаяся более либеральным подходом к миграционной политике, приняла в 2005 г. новую редакцию закона об иностранцах, предусматривавшую массовую легализацию нелегальных иммигрантов. В ходе регуляризации более 500 тыс. нелегальных мигрантов были амнистированы по всей стране¹⁸.

В начале 2000-х гг. Испания переживала экономический подъем и была заинтересована в

притоке дешевой рабочей силы, поддерживающей низкорентабельную деятельность предприятий¹⁹. В этот период около половины марокканских мигрантов были трудоустроены легально²⁰, большинство из них работали по найму (в основном в сфере услуг, строительном секторе и промышленности), занимая места, не требующие высокой квалификации (87 %) ²¹.

В 2009 г. из-за начавшегося экономического кризиса в Испании наметился отток сезонных и временных работников из Марокко, коренные жители Испании стали возвращаться на невостребованные ими ранее рабочие места, вытесняя иммигрантов. В 2009 г. вышла очередная редакция Закона об иностранцах²², предусматривавшая сокращение затрат на социальную интеграцию иммигрантов и ужесточение порядка получения разрешения на работу и пребывание в стране.

В последней модификации закона об иностранцах 2011 г.²³ прослеживается тенденция на гуманизацию отношения к иностранным мигрантам, в частности женщины, жертвы домашнего насилия, могут обратиться за получением временной резиденции по «исключительным обстоятельствам».

В 2015 г. для привлечения в страну высококвалифицированных специалистов в Закон 14/23 «О поддержке предпринимателей и их интернационализации» вносятся изменения, упрощающие оформление вида на жительство с правом на работу для граждан с высшим образованием и квалификацией по специальностям, востребованным в Испании²⁴. Хотя этот закон скорее относится к иммигрантам из Европы, тем не менее он позволяет выходцам из Африки, получившим образование и опыт работы в высокопроизводительных отраслях экономики, занимать достойные места на рынке труда Испании.

В целом можно сказать, что иммиграция сыграла положительную роль в экономике Испании. Массовая занятость в строительном секторе способствовала его бурному развитию и повлекла за собой стимулирование рынка вторичного жилья и аренды. Иммигранты обеспечили необходимый приток дешевой рабочей силы и способствовали росту потребления в стране²⁵. За счет иммиграции в Испании удавалось поддерживать, а в периоды экономического роста даже увеличивать народонаселение, компенсируя его естественную убыль, вызванную низким уровнем рождаемости.

Миграционная политика Испании циклически проходила этапы либерализации и ужесточения, направленные на решение, с одной стороны, экономико-демографических проблем и соблюдения прав человека, а с другой – обеспечение безопасности страны и ее граждан. Вместе с тем попытки ограничения въезда приводили к росту нелегальной миграции, борьба с которой невозможна без совместных усилий всех стран, затрагиваемых миграционными процессами. И важным этапом становится развитие двусторонних связей

между Испанией и Марокко, направленных на регулирование и контроль над миграционными процессами.

Формирование совместной модели управления миграцией между Испанией и Марокко: проблемы и перспективы

Отношения между Испанией и Марокко отличаются сложностью и переменчивостью, характеризуются циклически повторяющимися конфликтами, обусловленными как территориальными спорами, так и взаимным непониманием, вызванным экономическими, политическими, социальными и культурными различиями.

В то же время соглашения с Марокко были многочисленными и выгодными для обеих сторон. Вступление Испании в ЕЭС в 1986 г. и экономический подъем в стране повысил ее привлекательность для сотрудничества в экономической сфере, а в дальнейшем – и в области безопасности, что нашло отражение в «Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве», подписанном между двумя странами²⁶.

Хотя в начале 1990-х гг. еще не было массовой иммиграции из Марокко в Испанию, тем не менее странами предпринимались первые взаимные попытки контроля миграционных потоков, оформленные в 1992 г. в виде «Соглашения между Королевством Испании и Королевством Марокко о перемещении лиц, транзите и реадмиссии незаконно прибывших иностранцев».

По мере роста числа и объема нелегальных проникновений в начале 2000-х гг. Испанией осуществлялись первые масштабные меры по регулированию нелегальной иммиграции. С помощью интегрированной системы внешнего наблюдения стало возможным обнаруживать практически все суда, перевозившие иммигрантов, а соглашение о реадмиссии, заключенное между Марокко и Испанией в 1992 г., позволяло возвращать нелегальных иммигрантов в Марокко. В результате этих действий удалось добиться существенного сокращения потока нелегальных иммигрантов. Так, до 2015 г. число мигрантов, воспользовавшихся морским путем, не превышало 6–7 тыс. чел. в год²⁷.

В 2003 г. была создана постоянная международная группа по испано-марокканской миграции, в задачи которой входили анализ текущей динамики миграционного давления и пути укрепления сотрудничества между обеими странами.

Марокко, являясь одновременно страной транзита и поставщиком мигрантов, столкнулось с проблемой нахождения на своей территории как «внешних», так и «собственных» мигрантов, желавших покинуть страну. В этой связи Марокко начинает разрабатывать ранее отсутствовавшую иммиграционную политику и политику предоставления убежища, а также уделять больше вни-

мания соблюдению прав человека по отношению к иммигрантам. Правительство Испании предложило Марокко сотрудничество в разработке иммиграционной реформы, и в иммиграционной политике Марокко частично повторились меры, предпринятые Испанией для регулирования миграционных потоков.

В рамках новой миграционной политики король Мухаммед VI принял решение начать в 2013 г. две кампании массовой регуляризации мигрантов, а также разработать новые законы, направленные на их интеграцию. В результате процесса легализации иммигрантов, осуществленного в 2014 г., Марокко выдало около 18 000 видов на жительство нелегальным иммигрантам, большинство из которых были выходцами из стран Африки южнее Сахары (АЮС)²⁸.

Миграционная политика Марокко предусматривает обеспечение государством социальной безопасности все более плюралистического и разнообразного гражданского общества²⁹. Тем не менее внедрение гуманистических практик при реализации миграционной политики продолжает сочетаться с полицейскими методами, сопровождающимися систематическим нарушением прав человека по отношению к мигрантам.

Несмотря на предпринимаемые меры, в последние годы число нелегальных мигрантов, перемещавшихся в Западном Средиземноморье по морю между Испанией и Марокко, продолжало расти, и в 2018 г. количество попыток нелегального проникновения достигло рекордного уровня – 57 034 чел.³⁰

Марокко, столкнувшись с массовыми нарушениями границы в августе 2018 г. в г. Сеута, начинает, подобно Испании, применять практику реадмиссии мигрантов из третьих стран со своей территории, для чего планирует заключать соответствующие двусторонние соглашения со странами АЮС.

В двухсторонних отношениях в области реализации миграционной политики Испания во многом зависит от доброй воли и хороших отношений с правительством и силами безопасности Марокко. Без марокканского сотрудничества в области контроля над нелегальной миграцией, препятствующего выходцам из стран АЮС переплывать на лодках и плотках к побережью Сеуты и Мелильи и преодолевать их заграждения, или без проведения периодических операций по выселению мигрантов из лагерей вблизи Сеуты и Мелильи число проникновений на территорию Испании было бы значительно больше. Наконец, принятие Марокко практики так называемых «возвратов по горячим следам» нелегальных мигрантов, пытающихся преодолеть заграждения вокруг анклавов, чрезвычайно важно для нынешней испанской политики контроля за нелегальной иммиграцией.

Эффективность сотрудничества во многом зависит от Марокко и является в его руках инстру-

ментом влияния. Слабость основ этого сотрудничества была ярко продемонстрирована в августе 2014 г., когда более 1000 иммигрантов из стран АЮС проникли на территорию Испании за 2 дня, воспользовавшись пассивностью марокканских сил, проявленной в ответ на инцидент с попыткой проверки патрулем гражданской гвардии яхты, на борту которой находился король Мохаммед VI.

Еще одним слабым местом политики сдерживания миграционных потоков является проблема с несопровождаемыми несовершеннолетними иммигрантами. Это особенно характерно для Сеуты и Мелильи, куда могут свободно въезжать марокканские несовершеннолетние из близлежащих провинций, как и все население этих районов (при условии, что они покинут территорию до 12 ночи). В соответствии с испанским законодательством о защите детей любой несовершеннолетний, находящийся на территории Испании без сопровождения взрослых, будет считаться пребывающим в состоянии беспомощности, и это автоматически означает, что государство берет его под свою защиту до тех пор, пока не будет найдена его семья или до достижения им совершеннолетия. Трудность розыска семей наряду с гарантиями, предоставляемыми испанским законодательством в этом отношении, приводили к интенсификации потока таких иммигрантов.

Предыдущее соглашение о репатриации не включало этот тип иммиграции и противоречило законодательству Испании о защите детей. В 2007 г. между Королевством Марокко и Королевством Испании было подписано «Соглашение о репатриации детей», в котором подробно описывались особенности подобной иммиграции³¹. Однако его реализация сопровождалась трудностями. В частности, как было отмечено в докладе Human Rights Watch, отсутствие независимого юридического представительства во время процедуры репатриации лишает несовершеннолетних возможности обжалования приговоров, что может повлиять на их жизнь и подвергнуть риску при возвращении³².

За десятилетие, прошедшее со времени подписания договора о репатриации несовершеннолетних, ситуация не изменилась в лучшую сторону. Правовой статус таких иммигрантов четко не учитывается в национальном законодательстве, поэтому несовершеннолетние часто попадают в тяжелые жизненные ситуации и зачастую не имеют возможности защитить свои права. В силу возраста они более уязвимы в отношении злоупотреблений, таких как принудительный детский труд, сексуальная эксплуатация и торговля людьми.

Очередной точкой несовпадения интересов является невыполнение марокканским правительством обязательств по реадмиссии выходцев из стран АЮС, прибывших в Испанию через Марокко, несмотря на ратификацию в октябре 2012 г. соглашения 1992 г., которое предусматривало

подобные меры. После возвращения Марокко в состав Африканского союза в 2017 г. страна пытается проводить более активную внешнюю политику и играть роль регионального лидера среди ближайших стран АЮС, поэтому старается отмежеваться от партнерства со странами ЕС в этой области.

Несмотря на заинтересованность в улучшении пограничного контроля, в настоящее время Марокко не располагает физическими средствами или достаточными экономическими и техническими ресурсами для реализации действий по сдерживанию и фильтрации миграционных потоков из стран АЮС. Вместе с тем марокканское правительство, спекулируя слабостью своего миграционного контроля, оказывает давление на Испанию и ЕС на политическом уровне, стремясь получить экономические выгоды. Подобная политика не является исключительной прерогативой Марокко, и распространена среди всех стран-доноров миграции, что делает миграционные вопросы неотъемлемым элементом в двусторонних и международных переговорах.

Невзирая на разногласия и противоречия, Марокко является привилегированным и незаменимым партнером Испании в построении совместной модели управления иммиграцией, модели, основанной на принципах ответственности и солидарности. Испания и Марокко разделяют точку зрения, согласно которой к этому явлению следует подходить с гуманитарной, прагматической и интеграционной точек зрения, с тем, чтобы расширить возможности миграции и ограничить риски. Иммиграция должна рассматриваться как потенциально позитивное явление, поэтому необходимо продолжать работу над моделями программ легальной миграции и интеграции³³.

Миграционные процессы в период коронавируса

Пандемия коронавируса SARS-CoV-2 2020 г. значительно изменила миграционную картину и активизировала развитие тенденций деглобализации. Закрытие границ и ввод ограничений на перемещения между странами практически парализовали легальные миграционные потоки, и, как следствие, резко возросло число попыток нелегального проникновения. В период с января по ноябрь 2020 г. число нелегальных проникновений по морю в Испанию составило 33 795 чел.³⁴ Небывалый наплыв нелегальных иммигрантов испытывают Канарские острова, куда направляются беженцы из Сенегала, Мавритании и Марокко. Подобного притока не наблюдалось с 2006 г., когда на Канарские острова прибыло около 30 тыс. мигрантов. После подписания Испанией двусторонних соглашений с основными странами происхождения о реадмиссии и инвестировании в местную инфраструктуру поток мигрантов не превышал 1500–2000 чел. ежегодно, тогда как к ноя-

брю 2020 г. число беженцев достигло 17 тыс. чел. Правительство Испании готовит комплексный план действий, предусматривающий расширенное военно-морское патрулирование вокруг Канарских островов для перехвата лодок с мигрантами и создание дополнительных центров приема и размещения, для чего запросило помощи у ЕС в размере 43 млн евро. Поскольку в соответствии с европейскими законами нелегально прибывшие мигранты не имеют права на убежище, Испанией при посредничестве ЕС предпринимаются попытки дипломатического урегулирования их репатриации с правительствами Сенегала и Марокко³⁵.

Правительство Испании, обеспокоенное миграционным кризисом на Канарских островах, настаивает на необходимости срочного согласования общих рамок миграционной политики в ЕС и заключения «Европейского миграционного пакта», обеспечивающего справедливое и обязательное распределение мигрантов между всеми европейскими странами³⁶.

Испания как одна из наиболее пострадавших от пандемии стран ввела жесткие условия на въезд нерезидентов, а резкое сокращение транспортного сообщения не позволило мигрантам возвращаться в свои страны. Так, весной 2020 г. сотни марокканских мигрантов, пытавшихся вернуться на родину, вынуждены были платить до 5 тыс. евро контрабандистам за переправку по морю³⁷, поскольку Марокко также закрыло свои границы.

Вместе с тем в соответствии с законом-декретом от 7 апреля 2020 г.³⁸ безработным легальным мигрантам, получающим пособие, и иностранным сезонным рабочим, чьи контракты завершились, предоставлялись временные разрешения при условии работы в сельскохозяйственном секторе³⁹. Молодым иммигрантам в возрасте от 18 до 21 года, которые несовершеннолетними въехали в страну и получили вид на жительство, но не смогли трудоустроиться, предоставлялся двухлетний рабочий контракт с возможностью продления его еще на 2 года. Предоставление двухлетнего разрешения на работу позволит молодым людям войти на рынок труда, получив свою первую работу, что будет способствовать интеграции молодых иммигрантов в испанское общество⁴⁰.

Хотя кризис, вызванный пандемией коронавируса, негативно сказался на экономике Марокко и Испании (ВВП Испании во втором квартале 2020 г. снизился на 22,1 %, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года)⁴¹, обе страны продолжили поддерживать и развивать многоплановые партнерские отношения. Несмотря на существующие ограничения на передвижения, не остановлены программы студенческой мобильности. Запущенный в 2019 г. проект «Generación de Jóvenes como agentes del cambio» («Молодое поколение как движущаяся сила перемен») помогает молодым марокканским выпускникам школ

легально въехать в Испанию для продолжения обучения в университетах, а затем вернуться на родину, чтобы использовать полученные знания для развития экономики страны⁴².

Пока трудно прогнозировать длительность и последствия пандемии, но очевидно, что со временем границы будут открываться, а ограничения смягчаться и сниматься. Однако в генерации иммиграционных потоков главенствующее положение занимает экономическая составляющая, поэтому намечающийся затяжной кризис в Испании даже при открытых границах не будет способствовать притоку легальных мигрантов из-за надвигающегося кризиса на рынке труда, как это уже было в 2009–2014 гг.

Долгосрочное воздействие пандемии на миграцию будет зависеть от глубины и продолжительности экономического кризиса. В сценарии быстрого восстановления, скорее всего, произойдет возврат к исходной точке. Чем дольше длится восстановление и чем большее влияние оно оказывает на государственный бюджет, рост безработицы и бедности в развитых странах, тем более вероятно возникновение протекционистской волны против иммиграции в сочетании с выделением меньших ресурсов развивающимся странам, выступающим в роли источников миграции.

***

Государства при регулировании миграционных процессов вынуждены балансировать между решением задач достижения экономического эффекта от миграции и обеспечением национальной безопасности и политической стабильности, ставя третью составляющую миграции – соблюдение прав человека – на последнее место⁴³. Каждая из стран-участниц миграционного процесса стремится использовать его в собственных интересах, зачастую противоречащих интересам других сторон. Урегулировать подобные противоречия и повысить эффективность контроля над миграционными процессами на межрегиональном, региональном и глобальном уровнях возможно лишь выработав общую точку зрения всех участников миграционного процесса, и такой точкой, по мнению Международной организации труда, является «человеческий подход» к миграции, обеспечивающий соблюдение прав человека и защиту работников, дающий им возможность реализовать свой потенциал без дискриминации или эксплуатации⁴⁴.

Попыткой реализации подобного подхода стал Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции 2018 г. Однако в условиях нарастания изоляционистских настроений из-за пандемии коронавируса, запроса населения на ужесточение миграционной политики из-за падения производства, сокращения доходов, роста безработицы, увеличения преступности и террористических угроз, а также наличия существен-

ных противоречий между интересами государств в области миграции регулирование миграционных процессов продолжит реализовываться на национальном уровне с учетом специфики и интересов конкретных стран.

Примечания

- 1 International Migration Wallchart 2019. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. New York, 2019. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/wallchart/docs/MigrationStock2019_Wallchart.pdf (дата обращения: 16.11.2020).
- 2 См.: *Алешковский И. А., Ионцев В. А.* Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире // *Век глобализации*. 2008. № 2. С. 77–87.
- 3 World Bank Database. Refugee population by country or territory of asylum. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.REFG> (дата обращения: 16.11.2020).
- 4 См.: *Алешковский И. А., Ионцев В. А.* Управление международной миграцией в условиях глобализации // *Век глобализации*. 2015. № 1. С. 75–87.
- 5 *Hennessey G., Hagen-Zanker J.* The fiscal impact of immigration. A review of the evidence // ODI. April 2020. Working paper № 573. P. 3–52. URL: https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/resource-documents/fiscal_space_paper_final_3.pdf (дата обращения: 14.12.2020).
- 6 См.: *Малахов В. С.* Глобальное управление в сфере миграции : теория, институты, политика // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63, № 10. С. 89–96.
- 7 Данные Всемирного банка. Migration and Remittances. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/labormarkets/brief/migration-and-remittances> (дата обращения: 30.11.2020).
- 8 Данные Института статистики Испании, Министерства занятости и социального обеспечения. URL: http://extranjeros.empleo.gob.es/es/estadisticas/operaciones/con-certificado/Antes_2008/Extranjeros31Diciembre2003/index.html (дата обращения: 30.11.2020).
- 9 *Moreno Torres I., López I., Casanovas G.* Los determinantes de la inmigración internacional en España // *Investigaciones regionales*. 2006. № 9. P. 23–46. URL: <https://www.redalyc.org/pdf/289/28900902.pdf> (дата обращения: 30.11.2020).
- 10 *Iglesias Machado S.* La inmigración el reto del siglo XXI. Dykinson Editorial, 2010. 332 p.
- 11 International Migration Report 2019. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. New York, 2019. P. 3. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/InternationalMigration2019_Report.pdf (дата обращения: 02.12.2020).
- 12 World Migration Report 2020. IOM, 2020. P. 55. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (дата обращения: 10.11.2020).
- 13 Ley Orgánica 7/1985, de 1 de julio, sobre derechos y libertades de los extranjeros en España. URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Derogadas/r0-lo7-1985.html (дата обращения: 30.11.2020).

- 14 Ley Orgánica 4/2000, de 11 de enero, sobre derechos y libertades de los extranjeros en España y su integración social. URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/lo4-2000.html (дата обращения: 30.11.2020).
- 15 Данные Института статистики Испании. Población residente por fecha, sexo, grupo de edad y país de nacimiento. URL: <https://www.ine.es/jaxiT3/Tabla.htm?t=9675&L=0> (дата обращения: 02.12.2020).
- 16 Ley Orgánica 8/2000, de 22 de diciembre, de reforma de la Ley Orgánica 4/2000, de 11 de enero, sobre derechos y libertades de los extranjeros en España y su integración social. URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2000-23660> (дата обращения: 02.12.2020).
- 17 Ley Orgánica 11/2003. URL: <https://www.boe.es/boe/dias/2003/09/30/pdfs/A35398-35404.pdf>; Ley Orgánica 14/2003. URL: <https://www.boe.es/boe/dias/2003/11/21/pdfs/A41193-41204.pdf> (дата обращения: 30.11.2020).
- 18 Sabater A., Domingo A. A New Immigration Regularization Policy : The Settlement Program in Spain // IMR. 2012. № 46 (1). P. 191–220.
- 19 González Enriquez C. Inmigración : Propuestas para un nuevo período // Informes Elcano. Diciembre 2009. № 12. URL: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal> (дата обращения: 03.12.2020).
- 20 Anuario de Estadísticas 2005. Contratos registrados de trabajadores extranjeros, según comunidad autónoma, por país de nacionalidad. URL: http://www.mitramiss.gob.es/estadisticas/ANUARIO2005/TEX/tex20a_top_EXCEL.htm (дата обращения: 03.12.2020).
- 21 Ortega Masagué A. C. La situación laboral de los inmigrantes en España : un análisis descriptivo. Madrid : Fundación de Estudios de Economía Aplicada, 2005. P. 19–21.
- 22 Ley Orgánica 2/2009, de 11 de diciembre, de reforma de la Ley Orgánica 4/2000, de 11 de enero, sobre derechos y libertades de los extranjeros en España y su integración social. URL: <http://www.boe.es/boe/dias/2009/12/12/pdfs/BOE-A-2009-19949.pdf> (дата обращения: 30.11.2020).
- 23 Ley Orgánica 10/2011, de 27 de julio, de modificación de los artículos 31 bis y 59 bis de la Ley Orgánica 4/2000, de 11 de enero, sobre derechos y libertades de los extranjeros en España y su integración social. URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2011-12962> (дата обращения: 30.11.2020).
- 24 Ley 14/2013, de 27 de septiembre, de apoyo a los emprendedores y su internacionalización. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2013-10074&p=20150729&tn=2> (дата обращения: 30.11.2020).
- 25 См.: Алексеев Д. В. Экономические последствия африканской миграции в Испанию // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 499–502. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-499-502>
- 26 Tratado de Amistad, Buena Vecindad y Cooperación entre el Reino de España y el Reino de Marruecos 1991. URL: <http://www.judicatura.com/Legislacion/1157.pdf> (дата обращения: 02.12.2020).
- 27 Данные Фронтекс. URL: <https://frontex.europa.eu/along-eu-borders/migratory-map/> (дата обращения: 04.12.2020).
- 28 Relaciones España – Marruecos. Informe 19 Octubre 2015 / Coordinador : Haizam Amirah Fernández. Real Instituto Elcano, Madrid, 2015. P. 43. URL: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/88904c804aafc38788f08e207bacc4c/Informe-Elcano-19-Relaciones-Espana-Marruecos.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=88904c804aafc38788f08e207bacc4c> (дата обращения: 30.11.2020).
- 29 Mesa Garcna B. La nueva política migratoria de Marruecos : papeles sin integración. Documento publicado por la Fundaciyn Alternativas. 8 de Enero de 2019. URL: <https://atalayar.com/content/la-nueva-pol%C3%ADtica-migratoria-de-marruecos-papeles-sin-integraci%C3%B3n> (дата обращения: 30.11.2020).
- 30 Migratory Routes. Western Mediterranean route // Frontex. 2019. URL: <https://frontex.europa.eu/along-eu-borders/migratory-routes/western-mediterranean-route/> (дата обращения: 03.12.2020).
- 31 Acuerdo entre el Reino de España y el Reino de Marruecos sobre la cooperación en el ámbito de la prevención de la emigración ilegal de menores no acompañados, su protección y su retorno concertado, hecho en Rabat el 6 de marzo de 2007. URL: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2013-3140 (дата обращения: 30.11.2020).
- 32 Retornos a cualquier precio. España insiste en la repatriación de menores extranjeros no acompañados sin garantías // Human rights watch. 2008. Octubre 17. URL: <https://www.hrw.org/es/news/2008/10/17/espana-proporcionar-asistencia-letrada-menores-extranjeros-no-acompanados> (дата обращения: 30.11.2020).
- 33 España y Marruecos intensifican las relaciones bilaterales para consolidar un modelo conjunto de gestión de las migraciones. Ministerio del Interior, Esauira (Marruecos), 14/09/2018. URL: http://www.interior.gob.es/prensa/noticias/-/asset_publisher/GHU8Ap6ztgsg/content/id/9299964 (дата обращения: 30.11.2020).
- 34 Данные УВКБ ООН. Mediterranean situation. Spain. URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/mediterranean/location/5226> (дата обращения: 30.11.2020).
- 35 Sanderson S. Protests erupt in Gran Canaria, as migrant arrivals soar // Infomigrants. 2020.16.11. URL: <https://www.infomigrants.net/en/post/28553/protests-erupt-in-gran-canaria-as-migrant-arrivals-soar#:~:text=Gran%20Canaria%3A%20a%20new%20destination,the%20annual%20arrivals%20last%20year> (дата обращения: 30.11.2020).
- 36 Val N. La UE sale al rescate de España para repatriar a los inmigrantes llegados a Canarias // EDeconomíaDigital. 25 de noviembre de 2020. URL: https://www.economiadigital.es/politica-y-sociedad/la-ue-interviene-con-marruecos-para-repatriar-a-los-migrantes-irregulares-llegados-a-canarias_20108581_102.html (дата обращения: 30.11.2020).
- 37 Más de 5.000 euros por escapar de España en patera // El País. 24 de abril de 2020. URL: <https://elpais.com/espana/2020-04-23/mas-de-5000-euros-por-escapar-de-espana-en-patera.html> (дата обращения: 02.12.2020).
- 38 Real Decreto-ley 13/2020, de 7 de abril, por el que se adoptan determinadas medidas urgentes en materia de empleo agrario. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2020-4332> (дата обращения: 30.11.2020).
- 39 Lafraya C. El Gobierno permitirá incorporar inmigrantes y parados al campo, pero no afectados por Erte a raíz del

- coronavirus//La Vanguardia. 2020.07.04. URL: <https://www.lavanguardia.com/economia/20200407/48376751995/campo-inmigrantes-parados-erte-empleo-trabajar-trabajo.html> (дата обращения: 30.11.2020).
- ⁴⁰ *Martín M.* El Gobierno concederá un permiso de trabajo de dos años a los jóvenes inmigrantes que se han incorporado al campo // El País. 2020. 26 May. URL: <https://elpais.com/espana/2020-05-26/el-gobierno-concede-un-permiso-de-residencia-y-trabajo-de-dos-anos-a-los-jovenes-inmigrantes-que-se-han-incorporado-al-campo.html> (дата обращения: 03.12.2020).
- ⁴¹ Eurostat News release euro indicators. 125/2020 – 14 August 2020. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/10545332/2-14082020-AP-EN.pdf/7f30c3cf-b2c9-98ad-3451-17fed0230b57> (дата обращения: 30.11.2020).
- ⁴² Proyecto migratorio destinado a estudiantes marroquíes en España logra superar los desafíos planteados por la pandemia de COVID-19 // OIM. 2020.26.06. URL: <https://www.iom.int/es/news/proyecto-migratorio-destinado-estudiantes-marroquies-en-espana-logra-superar-los-desafios> (дата обращения: 30.11.2020).
- ⁴³ См.: *Ивахнюк И. В.* Управление трудовой миграцией : противоречивые уроки глобального кризиса // Евразийская экономическая интеграция. 2012. № 2(15). С. 6–24.
- ⁴⁴ World Migration Report 2020. IOM. 2020. 498 p. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (дата обращения: 30.11.2020).

Поступила в редакцию 15.12.2020, после рецензирования 25.12.2020, принята к публикации 28.12.2020
Received 15.12.2020, revised 25.12.2020, accepted 28.12.2020

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 244–255

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 244–255

Научная статья

УДК 94(470+571+470.44–25)|16|+929Болтин

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-244-255>

Воевода Саратова Аверкий Федорович Болтин (1644–1646)

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>

Аннотация. В статье впервые представлена подробная биография воеводы Саратова Аверкия Федоровича Болтина. Этот служилый человек по отечеству из Арзамаса стал стольником патриарха Филарета, а затем московским дворянином. После службы в Саратове он был воеводой в Томске, оборонял Киев от изменника-гетмана Ивана Выговского, служил в Старом Быкове.

Ключевые слова: Воевода, Записная книга, боярские списки, Крестовоздвиженский монастырь, Саратов, Малороссийские города, Б. М. Пудалов

Для цитирования: Рабинович Я. Н. Воевода Саратова Аверкий Федорович Болтин (1644–1646) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 244–255. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-244-255>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-244-255>

Saratov governor Averky Fedorovich Boltin (1644–1646)

Y. N. Rabinovich

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

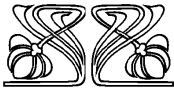
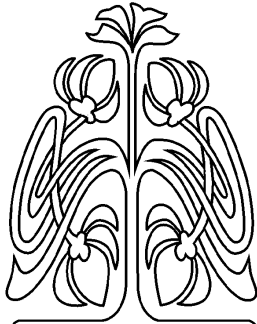
Yakov N. Rabinovich, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>

Abstract. The article for the first time presents a detailed biography of the governor of Saratov, Averky Fedorovich Boltin. This serving man from Arzamas became the steward of Patriarch Filaret, and then a Moscow nobleman. After serving in Saratov, he was a voivode in Tomsk, defended Kiev from the traitor-hetman Ivan Vyhovsky, served in Old Bykhov.

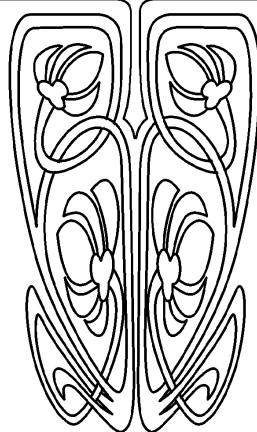
Keywords: governor, Notebook, boyar lists, Holy Cross Monastery, Saratov, Little Russian cities, B. M. Pudalov

For citation: Rabinovich Ya. N. Saratov governor Averky Fedorovich Boltin (1644–1646). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 244–255 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-244-255>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

История левобережного Саратова (1616–1674) и биографии начальных людей (воевод) города к настоящему времени изучены крайне недостаточно. Менее всего мы знаем о воеводах Саратова 1640-х гг. Биографии этих людей еще не стали объектом исследований, прежде всего из-за отсутствия опубликованных источников. Неизвестно, кто был воеводой в Саратове в 1642 и 1643 гг., имена других воевод нуждаются в уточнении, так же, как и время пребывания их в Саратове. К примеру, исследователи вслед за А. А. Гераклитовым¹ приводят имя воеводы Саратова Ивана Юрьевича Тургенева («около 1648 г.»), который почти одновременно с Саратовом оказывается воеводой в далекой Тюмени (1647–1649), в том же 1649 г. он еще успел проводить иерусалимского патриарха Паисия из Москвы в Путивль. При этом А. А. Гераклитов как на источник информации указывает на родословный сборник В. В. Руммеля².

Еще один воевода Саратова князь Федор Борятинский (1649–1650) отмечен только в одном источнике, введенном в научный оборот А. А. Голомбиевским, отчество воеводы не указано³. А ведь в те годы было довольно много князей Борятинских, носящих имя Федор. А. А. Гераклитов, сомневаясь в отчестве воеводы, указал с вопросительным знаком, что это мог быть князь Федор Никитич Борятинский, и далее привел информацию о том, что в 1656 г. этот кн. Ф. Н. Борятинский «в Смоленске был товарищем воеводы»⁴. Естественно, что биографию таких воевод писать очень сложно, особенно, когда выясняется, что упомянутый кн. Ф. Н. Борятинский никогда не был воеводой Саратова, как и И. Ю. Тургенев.

Что же касается героя этого очерка – Аверкия Федоровича Болтина, то ему в данном случае повезло. Во-первых, в источнике приведено точное время его назначения воеводой в Саратов с указанием отчества; во-вторых, он был близким родственником (младшим братом) известного государственного деятеля первой половины XVII в. и писателя, автора «Карамзинского хронографа» Баима Федоровича Болтина, биография которого благодаря труду С. Ф. Платонова хорошо изучена⁵. Многие представители этого знатного рода, в том числе – известный историк И. Н. Болтин (правнучатый племянник Аверкия и Баима Болтиных), жили в XVIII–XIX вв. Они, естественно, интересовались историей своего рода, собирали сведения о знаменитых предках, что нашло отражение во многих родословных сборниках и росписях, хотя и здесь есть «подводные камни». Во второй половине XVII в. жил еще один представитель рода Болтиных, носящий такое же имя. Это стряпчий Аверкий Иванович Болтин, впервые указанный в боярской книге 1670/71 г.⁶, дед которого Иван Петрович Болтин был пятиюродным братом нашего героя. В книгах Печатного приказа десятки раз упоминается просто Аверкий Болтин (без отчества) и по несколько раз – Аверкий Федорович и Аверкий Иванович Болтины, причем примерно в

одно и то же время. А если учесть, что земельные владения обоих Аверкиев Болтиных разбросаны по многим уездам страны, то разделить этих двух людей, если не указаны их отчества и чины, применительно к событиям 1670-х гг. довольно трудно.

Первые списки воевод Саратова (весьма неполные) были составлены местными краеведами А. И. Шахматовым⁷, Ф. Ф. Чекалиным⁸, составителями Саратовской летописи Ф. В. Духовниковым и Н. Ф. Хованским⁹ еще в начале 1890-х гг. В этих списках имя Аверкия Болтина отсутствует. К примеру, у Ф. Ф. Чекалина после воеводы Г. И. Феофилаьева (указан в 1635 и 1636 гг.) сразу идет в 1650 г. князь Ф. Борятинский¹⁰.

Выдающийся археограф, член СУАК А. А. Голомбиевский ограничил свое исследование периодом 1650–1675 гг., поэтому про Аверкия Болтина ничего не писал, хотя составил самый полный список воевод за указанный период (служба Аверкия Болтина в Саратове не входила в хронологические рамки исследования, поэтому его имя там отсутствует)¹¹.

Впервые о пребывании Аверкия Болтина в Саратове сообщалось в справочнике А. П. Барсукова, вышедшем в 1902 г. В отличие от предыдущих публикаций здесь указаны новые воеводы Саратова после Г. И. Феофилаьева. Это были кн. И. Ф. Шаховской (Большой) в 1638 г., Г. Н. Орлов (вторично) в 1639–1640 гг. и затем Аверкий Болтин (1644, февраль – 1646-47). Эти сведения были взяты из Записной книги Московского стола 1646/47 г., опубликованной в одном из томов РИБ (к данному источнику мы еще вернемся). Потом в списке А. П. Барсукова идет уже известный нам князь Федор Борятинский (1649). А. П. Барсуков также привел сведения о том, что А. Ф. Болтин после Саратова был воеводой в Томске (1652–1656) и в Корсуни (1658)¹².

Вскоре после выхода труда А. П. Барсукова в третьем томе Русского биографического словаря (РБС) под редакцией А. А. Половцова (в 1908 г.) была опубликована статья неизвестного автора. В ней приведены многие подробности биографии А. Ф. Болтина, в том числе его первые служебные назначения, затем – воеводство в Саратове и награждение за эту службу, а также дальнейшая служба в Москве, Сибири (в Томске), на Украине и в Белоруссии (в Старом Быхове). Несмотря на ряд неточностей (о чем будет сказано далее), данная статья к настоящему времени является наиболее полной подборкой сведений об Аверкии Болтине¹³.

К сожалению, данный том РБС, как и ряд других томов этого самого лучшего биографического издания, не утратившего своего научного значения и в настоящее время, не были известны саратовским краеведам, в том числе членам СУАК. Многие тома этого издания поступили в библиотеку СУАК лет через 5–10 после их выхода. Ничего не было известно о данной статье А. А. Геракли-

тову, который предпринял свое исследование о воеводах Саратова в 1913 г., через 5 лет после выхода этого тома РБС. А. А. Гераклитов, не будучи знаком с данной статьей, в своем списке воевод Саратова не указал отдельные этапы биографии А. Ф. Болтина, содержащиеся в РБС, однако привел новые сведения, касающиеся неблагоприятных действий этого воеводы в Старом Быхове, а также уточнил его годы жизни¹⁴.

В родословном сборнике П. В. Долгорукова указаны родственные связи А. Ф. Болтина со многими другими представителями известного рода Болтиных, однако подробных биографических сведений здесь мы не найдем. Князь П. В. Долгоруков указал лишь, что А. Ф. Болтин «был воеводою в Томске в 1652 году и в Корсуни в 1658 году»¹⁵. Некоторая информация содержится в родословных записях Л. М. Савелова¹⁶.

Особо следует выделить небольшую статью современного исследователя из Нижнего Новгорода Б. М. Пудалова, который ввел в научный оборот ряд новых источников, в том числе – две родословные сказки Болтиных. Они позволяют дополнить имеющиеся сведения как о нашем герое, так и о многих других представителях этого рода, живших в XVI–XVII вв. Эти родословные сказки были составлены в третьей четверти XVII в. Б. М. Пудалов обнаружил их в нижегородском архиве¹⁷.

Прежде всего, в родословных сказках уточняется время выезда на Русь родоначальника рода Болтиных. Ранее считалось, что татарский царевич Кутлубек, один из трех царевичей, разбитых литовским князем Ольгердом в Подолии у Синих вод, приехал в Москву на службу к Ивану Калите или Семену Гордому, крестился под именем Георгия, женился на русской и от этого брака имел сына Михаила по прозвищу Болт. Следует отметить, что указанное сражение с победой Ольгерда, по мнению специалистов, произошло около 1362 г., после чего Подолия была присоединена к Литве. Поэтому, «царевич» Кутлубек мог выехать только к Дмитрию Донскому в 1360-е гг., а не к Семену Гордому и тем более – не к Ивану Калите.

В первой родословной сказке Болтиных эта дата выезда указана еще в более позднее время: «Выехал из Болшия Орды мурза Кутлугога (вероятно, Кутлуг-ага. – Я. Р.) к Великому князю Василью Васильевичю; имя ему во крещении Егорей, прозвища Юрья»¹⁸. Следовательно, выезд этого мурзы на Русь произошел во второй четверти XV в. при Василии II Темном. Сын этого мурзы Михаил имел прозвище Болт. Вторая родословная ничего не говорит о татарском происхождении Болтиных. Возможно, что предки Аверкия Болтина в XV в. были новгородцами (служили по Великим Лукам), псковичами или торопецкими служилыми людьми.

Правнуком Михаила Болта был Григорий Иванович Болтин, сын Ивана Большого Матвеевича Болтина. У него было четыре сына, старший

из которых – Андрей Григорьевич – был прадедом нашего героя. В то время (середина XVI в.) многие Болтины, в том числе и дети Григория Ивановича, служили по Пскову и прилегающим уездам (Торопец, Великие Луки). Они рано начали включаться в состав Государева двора. В «Дворовой тетради» написаны младшие дети Григория Болтина, братья Андрея Григорьевича, дворяне 2-й статьи по Великим Лукам Федор и Никита¹⁹, а в родословной сказке к ним добавлен еще один сын Григория – «лучанин» Дмитрий. Про старшего сына Григория – Андрея Болтина – ничего не сказано²⁰. В других источниках при упоминании о службах Болтиных про А. Г. Болтина также ничего не говорится, видимо, он рано умер. Какой-то Андрей Болтин по прозвищу Алай был убит во время Казанского похода 1548 г., его имя, как отмечал кн. П. В. Долгоруков, вписано в синодик Московского Успенского собора на вечное поминовение²¹. Новейшая более полная публикация этого синодика А. В. Антоновым подтверждает версию кн. П. В. Долгорукова о гибели Андрея Алая Болтина²². Нельзя точно утверждать, что здесь речь идет об А. Г. Болтине – прадеде Аверкия Болтина.

Дед воеводы Саратова – Михаил Андреевич Болтин – в родословной сказке в 1557/1558 г. указан воеводой в Лаишеве. М. А. Болтин имел пятерых сыновей (Федор, Василий, Кузьма, Иван и «Иван же пятой») ²³.

Нас будет больше всего интересовать самый старший из этих «Михайловичей» – Федор Михайлов сын Болтин – отец Аверкия Болтина. Федор Болтин, как и его братья, был испомещен в 1570-е – начале 1580-х гг. в Арзамасском уезде. Из Арзамасских поместных актов следует, что еще до 1584/85 г. Федор вместе с братом Василием получили поместье в деревне Кобылино Тешского стана, а в 1586 г. от их земли было отделено поместье их младшему брату Ивану и еще одному дальнему родственнику и произведено межевание земли²⁴. Позже Ф. М. Болтин «з братьею» построил в этой деревне Кобылино церковь во имя архангела Михаила, так что эта деревня стала селом.

В последние годы царствования Бориса Годунова Ф. М. Болтин пошел на повышение, в 1604 г. он стал дьяком в Москве, четвечиком Галицкой чети с окладом 50 руб. В Кормленной книге Галицкой чети 7112 г. отмечено, что 10 июня 1604 г. дьяку Федору Болтину было впервые дано жалование «оклад ему сполна 50 рублей». В этой записи обращает на себя внимание слово «впервые», а также то, что жалование дано за три месяца до окончания года (в июне), но полностью за весь 7112 (1603/1604) г.²⁵ Назначение Ф. М. Болтина дьяком связано с попытками царя Бориса Годунова обновить приказной аппарат, чтобы сформировать новый круг доверенных лиц из мелких и средних провинциальных землевладельцев.

Федор Болтин упоминается в ряде других источников, в том числе в Росписи русского войска

1604 г., как дьяк, который выставил двух конных воинов для борьбы против самозванца²⁶. Д. В. Лисейцев отмечает, что он встречал английского посла 3 октября 1604 г., а также приводит другие сведения о его службе²⁷.

С приходом к власти Лжедмитрия I последовала отставка Ф. М. Болтина, он уже не упоминается среди столичных дьяков. При Василии Шуйском Ф. М. Болтин участвует в подавлении восстания Болотникова, в боярском списке 1607 г. указан в качестве выборного сына боярского по Арзамасу, голова у татар в Санчурске²⁸. Далее его следы надолго теряются. В первые годы царствования Михаила Романова известен некий дьяк Федор Михайлов, который служил сначала в Твери, потом в Казани, и снова в Твери (1613–1622)²⁹. По мнению Б. М. Пудалова, это, вполне возможно, Ф. М. Болтин³⁰.

У Ф. М. Болтина было пятеро сыновей, старший из которых – Баим Федорович – родился в начале 1590-х гг. (впервые он упоминается в начале 1613 г. в возрасте примерно 20 лет). После рождения Баима Болтина с разницей в 2–3 года появились на свет Иван, Иванис, Самсон. Второй сын – Иван Федорович Болтин – впервые упоминается в 1615–1616 гг. В августе 1616 г., уже находясь на службе, он привез в Арзамас грамоту о дозоре поместья старшего брата Баима³¹. Однако в сентябре 1615 г. он еще не был верстан («*Иван Федоров сын Болтин. Окладчики сказали: не верстан*»), что косвенно может свидетельствовать о том, что ему еще не было 16–17 лет, следовательно, он родился около 1600 г.³²

Последний, пятый сын Ф. М. Болтина – Аверкий Федорович, будущий воевода Саратова – родился примерно в 1604–1607 гг. Первые сведения о нем приведены в Писцовой книге Арзамасского уезда 1621–1623 гг. В это время ему принадлежало поместье отца в селе Кобылино Тешского стана (250 четей) «и в полянках – всего 336 четей с третником»³³. В этом селе к тому времени уже была построена церковь Михаила Архангела, о которой упоминалось ранее. Молодому помещику было тогда около 20 лет. Его старшие братья (Баим, Иван, Иванис, Самсон) уже отличились во многих сражениях завершающего периода Смуты, в том числе Иванис, как служилый из Свяжска – в обороне Москвы в 1618 г.³⁴ В дальнейшем мы видим Иваниса, как и Самсона, четвертником Костромской чети с окладами 9 и 8 руб. В 1622 г. они указаны как жильцы³⁵. Аверкий к тому времени еще был молод, жильцом он стал позже.

Автор статьи в РБС приводит сведения о том, что Аверкий Болтин «с 1624 г. упоминается в жильцах»³⁶. В Кормленной книге Костромской чети отмечено: «*Жилец Оверкей Федоров сын Болтин – 133 году мая в 3 день (3 мая 1625 г. – Я. Р.), по памяти из Разряду за приписью дьяка Федора Степанова, написан ему денежной оклад из Чети вновь 7 рублей*»³⁷. В этом источнике он упоминается в жильцах с мая 1625 г.

Возможно, что эти даты (1624–1625 гг.) каким-то образом связаны с последним упоминанием о дьяке Федоре Михайлове. Скорее всего, после смерти отца Аверкий Болтин был зачислен в нижние чины Государева двора, стал жильцом. Через 5 лет 25 марта 1629 г. он был пожалован из жильцов в патриаршие стольники³⁸.

Патриаршим стольником Аверкий Болтин служил около 5 лет. Можно предположить, что он участвовал в Смоленской войне, как и его старший брат Баим. После смерти патриарха Филарета многие патриаршие стольники стали московскими дворянами, в том числе и А. Ф. Болтин. Это произошло уже в самом конце 1633 г. В это время Аверкий Болтин указан и в Смотренных списках и в Разборной десятне стольников патриарха Филарета как московский дворянин³⁹.

В источниках за 1634–1638 гг. сведений о нем пока обнаружить не удалось, видимо, он исполнял обычные придворные обязанности.

Вновь его имя встречается только в феврале 1639 г. Автор статьи в РБС отмечает, что «в 1638 г. он (Аверкий Болтин. – Я. Р.) получил приказ встретить за Яузой по Владимирской дороге посла персидского шаха, который шел через Москву к голштинскому князю; в этот раз Болтин именуется дворянином»⁴⁰.

Эта фраза нуждается в пояснении, ибо она не совсем точно передает суть дела. Судя по данной фразе, Аверкий Болтин был назначен ответственным за встречу персидского посла. Он как бы стал новым приставом, который должен был принять у прежнего пристава знатного гостя и сопровождать его при въезде в столицу. Так обычно происходило при встрече послов, причем по местническому счету тот, кто встречал гостя позже, был выше прежнего встречающего. Выше всех был тот, кто встречал гостя у царского дворца (так сказать, последняя встреча).

На самом деле Аверкий Болтин был всего лишь одним из 470 дворян в числе нескольких тысяч москвичей, толпы которых встречали персидского посла при въезде в Москву. Все они «получили приказ» о встрече с указанием, в какой форме одежды быть на этой встрече. Подробности этой встречи приведены в Дворцовых разрядах и Записных книгах Московского стола.

Торжественная встреча в Москве персидского посла Имам Кули бека, который сопровождал голштинское посольство (об этом персидском после подробно сказано у Адама Олеария), была «147 году февраля в 5 день», т. е. 5 февраля 1639 г., но никак не в 1638 г., как сказано в РБС. Встреча действительно происходила «за Яузой рекою по Владимирской дороге за земляным городом». На этой встрече было 114 стряпчих, 471 дворянин московский «с середних и с менших статей» и много других людей. Встреча была торжественная, но скромная, все люди были «в однорядках в смиренных» (т. е. не в цветном праздничном платье, как обычно), без ружья. В это время в Москве был

объявлен траур по умершему накануне царевичу Ивану Михайловичу. «Уряжал встречу» (т. е. был ответственным) разрядный дьяк Григорий Ларионов, а приставом у персидского посла был Павел Салманов⁴¹.

Общий список встречающих стряпчих, дворян и прочих людей приведен в Дворцовых разрядах. Аверкий Болтин записан здесь в самом конце списка московских дворян (в начале четвертой сотни людей) между Григорием Малыгиным и Андреем Зезевитовым⁴². В боярской книге 1639 г. он также указан среди московских дворян⁴³.

Дальнейшие страницы биографии Аверкия Болтина связаны с Саратовским периодом его службы. В «подлинном» боярском списке 1643/44 г. имеется интересная запись: «Оверкей Федоров сын Болтин. Н [ет]. Е [сть]. На Саратове»⁴⁴. Эта запись означает, что в начале 7152 г. (в сентябре 1643 г.) он отсутствовал в Москве, потом, в январе 1644 г., находился при дворе, а затем был отправлен в Саратов. Известно, что отъезд из Москвы состоялся в феврале 1644 г. Кто был воеводой в Саратове в 1642 и 1643 гг., к настоящему времени так и не установлено.

Помощь в этом смогут оказать документы посольских дел, тех посольств (русских и иностранных), которые проплывали мимо Саратова и останавливались в этом городе в 1642–1644 гг. Это русские послы, отправлявшиеся в Персию – дворянин Семен Васильевич Щепин-Вольнский и дьяк Сергей Матвеев, персидские гонцы в Москву купчина Бежам бек от шаха Сефи и Аджи Магмет ага от нового шаха Аббаса II, а также хивинский и балхинский послы Эминь Богатырь и Ходжа Ибрахим. Сохранилось в архиве (РГАДА) немало отписок воевод поволжских городов (в том числе Саратова) о встрече таких посольств. Сами русские послы в своих отчетах (статейных списках) постоянно писали, кто из воевод и когда их встречал и провожал. Возможно, что мы сможем выяснить имя этого воеводы Саратова благодаря документам Печатного приказа, как это сумел сделать применительно к Саратову 1650–1675 гг. А. А. Гоздаво-Голомбиевский. О некоторых воеводах Саратова этого времени мы имеем сведения только из данных выписок Голомбиевского.

В настоящее время в альманахе «Российская генеалогия» продолжается публикация боярских списков конца 1630 – начала 1640-х гг.⁴⁵ Возможно, что в боярском списке 1642/43 г. мы найдем имя этого неизвестного воеводы Саратова (если только он был стольником, стряпчим или дворянином московским).

Будем надеяться, что все эти документы помогут установить, кого сменил Аверкий Болтин в Саратове. Встает вопрос, а происходила ли официальная смена Аверкием Болтиным прежнего воеводы с передачей дел и имущества? А может быть, прежний воевода умер на воеводском посту в Саратове осенью 1643 г.? В таком случае, как только сведения об этом гонцы из Саратова привезли

в Москву, то сразу же были приняты экстренные меры по назначению нового воеводы. Очень уж непривычная запись для воевод Понизовых городов, относящаяся к Аверкию Болтину: «Послан в 152 году, в феврале»⁴⁶. Такая срочность отправки нового воеводы в Саратов в неурочное время, когда сухопутная прямая дорога использовалась очень редко, в основном – гонцами, может быть связана, кроме гибели прежнего воеводы, с калмыцкими и ногайскими делами, с организацией объединенного похода воевод Самары, Саратова, Уфы, Астрахани против калмыков и действовавших в союзе с ними в это время ногайских мурз.

Обратим внимание на тот факт, что в боярском списке 1643/44 г., который сохранился полностью, указан только один воевода Саратова в это время – Аверкий Болтин. А ведь этот список начал составляться еще осенью 1643 г. и пометы в него вносились вплоть до конца августа 1644 г. Встает вопрос: почему при составлении этого боярского списка дьяки не указали прежнего воеводу Саратова, который должен был находиться там осенью 1643 г.? Ответы на этот вопрос могут быть следующие: либо в момент составления списка в Москве уже было известно, что воевода умер (в таком случае его следует искать среди тех лиц, против чьих фамилий стоит помета «умре»), либо это был выборный дворянин, жилец или городской дворянин (а эти категории не включали в боярский список), хотя для Саратова назначение таких людей было большой редкостью (казанец Константин Шушерин, возможно, что новгородец Ефим Мышецкий, а в первоначальном Саратове еще муромец Григорий Елизаров).

В записной книге Московского стола 7155 (1646/1647) г. отмечено: «На Саратове Оверкей Федоров сын Болтин, послан в 152 году, в феврале»⁴⁷. В данной записи констатируется факт пребывания по-прежнему Аверкия Болтина в Саратове в 1646/47 г. и указано время его назначения в этот город (февраль 1644 г.). Этот источник был известен А. А. Гераклитову, который сослался на него в своей публикации о воеводах Саратова⁴⁸.

А. Ф. Болтин в марте 1644 г. прибыл в Казань, а в апреле с первым караваном – в Саратов. Возможен вариант, что он добирался до Саратова по зимнему санному пути в связи с «калмыцкими делами», а не дожидаясь в Казани весеннего каравана. В таком случае он ехал в Саратов напрямую из Москвы или из Нижнего Новгорода, и в конце марта 1644 г. уже прибыл в Саратов. В это же время (в феврале 1644 г.) из Нижнего Новгорода к Самаре напрямую степью по зимнему санному пути двинулся отряд служилых людей под командованием Льва Афанасьевича Плещеева для участия в походе против калмыков. По пути к отряду присоединялись служилые люди из Курмыша, Алатыря и других городов. Этот поход завершился полной победой русских воевод⁴⁹.

Приведем текст родословной сказки Болтиных, опубликованной Б. М. Пудаловым. Две

родословные записи сходны между собой. Различия приведены в квадратных скобках: «*А Оверкей [Аверкей] во 152-м и третьем [третьем] годах был на Саратове [Соратове] воеводою [воеводою] и татар [татар] побил, и за ту службу прислана государева грамота к нему с похвалою [пахвалою], и пожалован государским [государским] жалованьем – помесною и денежною [денежным] придачею*»⁵⁰.

Вполне возможно, что все это звенья одной цепи – операция Льва и Андрея Плещеевых из Самары и Уфы против калмыков и поход Аверкия Болтина из Саратова против татар, учитывая, что калмыки в то время присоединили ногайцев к себе и все набеги они совершали вместе.

Этот сюжет о победе саратовцев под руководством воеводы А. Ф. Болтина над калмыками и татарами не был известен саратовским краеведам, которые тщательно фиксировали все бои с татарами (вспомним воевод Григория Орлова, который «татар побил», и Григория Феофила-тьева, сражавшегося вместе с сыном Василием на речке Нойло)⁵¹. Ничего об этих событиях не знал А. А. Гераклитов, когда составлял список саратовских и царичинских воевод, иначе он бы обязательно упомянул об этом. Однако следует отметить, что за 5 лет до публикации списка саратовских воевод А. А. Гераклитовым об этих событиях общал неизвестный автор статьи об Аверкий Болтине в РБС: «*В 1644 г. он был послан в Саратов воеводою, где избиением буйных татарских отрядов успокоил южное Заволжье; за что получил прибавку к окладу*»⁵².

Видим, что эта запись имеет ряд совпадений с родословной сказкой. Возможно, что автору статьи в РБС была известна эта родословная сказка. Он пишет о награде за этот поход в виде прибавки к окладу, и в источнике также говорится о поместной и денежной придаче к окладу.

Следует уточнить, сколько времени продолжалась служба Аверкия Болтина в Саратове, кто его сменил на воеводским посту и когда эта смена могла произойти.

Обычно воеводы в Саратове находились не менее двух лет, как и многие другие воеводы отдаленных от столицы городов. Следовательно, Аверкий Болтин, посланный в феврале 1644 г., вполне мог находиться в Саратове до 1646 г.

Судя по записи в Записной книге, в начале 1715 г., т. е. осенью 1646 г., Аверкий Болтин продолжал оставаться в Саратове воеводой. Хотя в родословной Болтиных указано, что он был воеводой в Саратове только в 1712 и 1713 гг. Судя по этой родословной в 1714 (1645/1646 г.) в Саратове был уже другой воевода.

Предположим, что запись в Записной книге под 1715 г. о воеводе Аверкия Болтине приведена по состоянию за прошлый 1714 г. (такие записи в разрядах были довольно частыми). Небольшая, но очень информативная запись в одном из источников позволяет считать, что весной или в на-

чале лета 1646 г. в Саратове уже произошла смена воевод. Совершенно случайно удалось выяснить, что этим новым воеводой был Василий Чоглоков, которому 22 июня 1646 г. (1715 г.) была отправлена из Москвы царская грамота с указанием – удовлетворить просьбу монахинь саратовского Воздвиженского женского монастыря.

Когда был построен этот женский монастырь в Саратове – можно лишь предполагать. Во всяком случае к 22 июня 1646 г. он уже существовал, видимо, был основан незадолго до этого. Судя по челобитной старицы Воздвиженского монастыря Соломонида с сестрами, свой поп этого монастыря появился недавно, первое время все службы в монастыре совершали другие священнослужители из соседней церкви или мужского Спасо-Преображенского монастыря. Воздвиженский монастырь был основан в праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, который отмечался в те годы 14 сентября (в настоящее время – 27 сентября). Скорее всего, основание монастыря произошло в сентябре предыдущего 1645 г. при воеводе А. Ф. Болтине. Первыми его насельницами, видимо, стали вдовы погибших служилых людей Саратова. Победа А. Ф. Болтина над татарами в 1644 г., когда он «татар побил» и «успокоил южное Заволжье», не была легкой, имелись потери среди саратовского гарнизона.

Грамота об удовлетворении просьбы стариц Воздвиженского монастыря была отправлена не Аверкию Болтину, а Василию Чоглокову, следовательно, в Москве к 22 июня 1646 г. знали, что в Саратове находится новый воевода Василий Чоглоков. Здесь наблюдается некоторое противоречие с Записной книгой, а с другой стороны – сходство с родословной сказкой.

Эту уникальную запись о воеводе Василии Чоглокове обнаружил А. А. Гераклитов, работая в московском архиве с документами Печатного приказа. В своей книге об истории Саратовского края этот исследователь, выясняя время основания женского Воздвиженского монастыря в Саратове, писал (в сноске): «*В Книгах Печатного приказа я нашел запись о запечатании 22 июня 1646 г. грамоты на Саратов к стольнику и воеводе Василью Чоглокову по челобитью с Саратова Воздвиженского девичья монастыря старицы Соломонида с сестрами – велено попу Воздвиженского монастыря государево жалованье денежное и хлебное ругу давать. (Беспошл. кн. 20. Л. 365)*»⁵³.

Стольник Василий Чоглоков в качестве воеводы Саратова по другим источникам неизвестен. В те годы известен только один стольник Василий Александрович Чоглоков, а также дворянин московский Василий Федорович Чоглоков. Скорее всего, Аверкия Болтина сменил Василий Александрович Чоглоков, который к тому времени уже вернулся из Сибири, где был до 1643 г. воеводой на Таре. До этого он в разных источниках 1620–1630-х гг. упоминается в чине стольника. В дальнейшем В. А. Чоглоков станет окольным.

Изучение биографии этого человека – тема отдельного исследования.

Что касается Аверкия Болтина, то он по приезде в Москву выполнял обычные придворные обязанности. 25 августа 1649 г. при встрече посланца польского короля Яна-Казимира («Дебеслав Чеклинский, каштелян Чеховский с товарищи») А. Ф. Болтин был записан одним из 11 голов у дворянских сотен. Стоит отметить, что приставом при этом польском после был старший брат А. Ф. Болтина Баим Болтин⁵⁴.

В том же 1649 г. Аверкий Болтин указан в качестве одного из объезжих голов в Москве. Объезжие головы следили за порядком в столице, в том числе за противопожарным состоянием, в своих зонах ответственности. Участок Аверкия Болтина находился в Белом городе от Никитской улицы на Тверскую⁵⁵. Видимо, в этом районе располагался и его двор.

Аверкий Болтин был грамотным человеком. Известно, что он одним из первых купил печатный экземпляр Соборного уложения 1649 г. Эта покупка была осуществлена 20 июня 1649 г. В это время он, естественно, находился в Москве, заплатил за книгу 1 руб.⁵⁶

28 апреля 1650 г. во время царского похода по монастырям в свите царицы Марии Ильиничны среди дворян указан Аверкий Федорович Болтин. 22 мая 1650 г. во время очередного царского похода в Троицу он снова упоминается в свите царицы⁵⁷.

9 апреля 1651 г. Аверкий Болтин присутствовал при встрече литовских посланцев Станислава Витовского, каштеляна Сендомирского головой у жильцов. Он записан среди других шести дворян, которых назначили головами у жильцов. 14 мая 1651 г. Аверкий Болтин вновь указан в свите царицы в походе в Троицу⁵⁸.

После этого сведения об участии Аверкия Болтина в дворцовых церемониях надолго пропадают, он несколько лет отсутствовал в Москве. Вместе со старшим братом Баимом ему предстояла служба в Сибири. Обычно в Дворцовых разрядах указывалось, когда новые воеводы отправлялись в Сибирь. Они были на отдыхе у царя все вместе, воеводы 10–15 сибирских городов. Видимо, и в самом начале 1652 г. происходила аналогичная отправка воевод в сибирские города. В Разрядах указаны в 1652 г. воеводами в Тобольске стольник кн. В. И. Хилков и Баим Федоров сын Болтин, а в Томске – «Никифор Осипов сын Нащокин да Аверкей Болтин да дьяк...»⁵⁹. Имя томского дьяка не указано, но из другого источника известно, что им был Петр Михайлов. В Сибирских летописях подробно говорится о смене воевод во всех городах, в том числе и в Томске: «В Томском городе стольник и воеводы Никифор Осипович Нащокин да Аверкей Федоров сын Болтин, да дьяк Петр Михайлов». Здесь видим отчество первого воеводы с «вичем» и фамилию у дьяка⁶⁰.

В Родословной росписи говорится, что Аверкий Болтин «во 160-м году послан в Сибирь в Табол-

ской воеводаю [воеводою]»⁶¹. 7160 г. заканчивается в августе 1652 г. Видимо до Тобольска братья Баим и Аверкий добирались вместе, а далее Аверкий направился к своему месту службы в Томск. В любом случае новые воеводы Томска приступили к своим обязанностям и приняли дела у прежних воевод не позднее осени 1652 г. Подтверждением этому служат несколько сохранившихся документов того времени. В одном из них говорится о разгроме осенью 1652 г. Алтын-ханом киргизских князей, поданных Москвы. Об этом в начале декабря 1652 г. узнали воеводы в Томске. Приведем две цитаты из письма воеводы Томска Никифора Нащокина: «В нынешнем во 161 году декабря в 9 день (9.12.1652 г.) в Томском в съезжей избе, а передо мною и перед товарищи моими перед Оверкеем Болтиным да перед диоком перед Петром Михайловым, в роспросе сказал улусной человек Чокур Дего... Да декабря в 14 день пришел в Томской томской сын боярской Василей Старков, а мне и товарищем моим Оверкею Болтину да диаку Петру Михайлову в съезжей избе сказал ...»⁶². В те годы воеводам Томска (Томский разряд) подчинялись воеводы Енисейска, Кузнецка, Нарыма, Кетского острога, Красноярска, Якутского острога и острожка на Ленском волоку. Гарнизон Томска насчитывал 42 чел. детей боярских, 4 подъячих, голову пеших стрельцов, казачьего атамана, 261 чел. конных казаков, 410 пеших казаков и стрельцов, 7 пушкарей и затинщиков, 4 толмача, 4 сторожей и воротников, 80 юртовских служилых татар. Всего – 814 чел.⁶³

Аналогичную запись о воеводах в Томске читаем и в разрядных записях за следующие 7161 (1652/53 г.) и 7162 (1653/54 г.): «...Стольник Никифор Осипов сын Нащокин да Аверкей Федоров сын Болтин да дьяк»⁶⁴.

Автор биографии Аверкия Болтина, опубликованной в РБС, не совсем точно передает назначение его в Сибирь: «С 1653 по 1656 г. он был воеводою в Томске, имея уже сан стольника». Аверкий Болтин был товарищем (вторым воеводой), помощником стольника Н. О. Нащокина в Томске уже в 1652 г., а не в 1653 г. К тому же он имел прежний чин московского дворянина, а не стольника. Стольником был его начальник, первый воевода Н. О. Нащокин. После завершения службы в Томске в боярской книге 1658 г. А. Ф. Болтин по-прежнему указан в списке московских дворян, он стольником не был⁶⁵. Завершение службы в Томске действительно произошло в 1656 г.

17 февраля 1656 г. царь послал воевод в Сибирь на перемену прежним воеводам. В Томск были отправлены кн. Иван Наумов Приимков Ростовский и Алексей Кириллов сын Коковинский. А. К. Коковинский сменил Аверкия Болтина, а кн. И. Н. Приимков Ростовский – Никифора Осиповича Нащокина⁶⁶. Смена воевод произошла летом 1656 г. и к началу 1657 г. Аверкий Болтин был уже в Москве.

Около полутора лет, вплоть до весны 1658 г., Аверкий Болтин находился попеременно в столи-

це, выполняя обычные придворные обязанности, и в своих имениях. Об участии его в русско-шведской войне 1656–1658 гг. сведений не обнаружено. В боярской книге 1658 г. он записан в списке московских дворян, против его фамилии никаких помет нет, оклад его не указан. В этой книге мы не видим никаких приращий Аверкию Болтину за службу, хотя многие дворяне, записанные перед ним и после него, были награждены за черкасскую службу, за Конотопский бой, за Литовскую службу или за «Сопегин бой»⁶⁷.

Создается впечатление, что начавшаяся на Украине после смерти Богдана Хмельницкого многолетняя кровопролитная «Руина», не коснулась нашего героя. Однако это не так.

Весной 1658 г. Аверкий Болтин был отправлен на Украину воеводой в г. Корсунь. А. А. Гераклитов отмечал, что он в 1658 г. был воеводой в Корсунь, не указав, где находится этот город. Благодаря труду А. П. Барсукова мы узнаем, что это всем известный современный украинский город Корсунь-Шевченковский, а не новая крепость на Симбирской засечной черте с таким же названием. Об этом назначении имеется запись в родословной росписи: «А во 166-м году послан в Черкасской город в Карсун [Корсун] воеводаю [воеводою]». Однако А. А. Гераклитов и А. П. Барсуков подошли формально к записи в Дворцовых разрядах, где написано: «Того же месяца Апреля в 21 день послал Государь в Черкасские города воевод: в Чернигов столник и воевода Андрей Яковлев сын Дашков; в Корсунь воевода Аверкей Федоров сын Болтин, ... на Платаву воевода столник Алексей Пантелеев сын Чириков»⁶⁸. Отправка воеводы в какой-нибудь город еще не гарантирует пребывания его в этом городе.

На самом деле Аверкий Болтин никогда в Корсунь не был, он так и не добрался до этого города, куда был назначен воеводой. Более точные сведения об этом назначении мы находим в биографической статье в РБС: «18 июля 1658 г. он был назначен корсунским воеводой и отправился на место своего назначения, но в силу разгоревшихся в Малороссии казацких междоусобий задержался в Киеве. От 28 августа того же года существует указ, по которому Аверкий Болтин вызывался из Киева обратно на Москву, но еще в октябре он был в Киеве, так как во время нападения на Киев Данилы Выговского Болтин принимал участие в обороне города»⁶⁹. Здесь все верно, за исключением первой даты. Назначение воеводой в Корсунь состоялось не 18 июля 1658 г., а 21 апреля, а предварительное решение об отправке воевод в Корсунь и Белую Церковь было принято еще 3 апреля. При этом Аверкий Болтин должен был взять с собой из Киева 300 солдат «на время»⁷⁰. Планировалось, что служба этих солдат в Корсунь будет с заменой из Киева уже в июле – августе, каждому солдату было указано выдать для такой службы по 2 руб. Сохранился черновой наказ воеводе

Полтавы А. П. Чирикову, «как ему исполнять свои обязанности»⁷¹. Аналогичный наказ был дан и воеводе Корсунь, в том числе – о распределении обязанностей с местным корсунским полковником.

Перед отправкой А. Ф. Болтин, как и другие воеводы в черкасские города (А. Я. Дашков, А. П. Чириков, С. Б. Бутиков, М. А. Поленов), получил согласно царскому указу от 22 апреля «государево жалование по 40 соболей человеку, ценою по 50 рублей сорок». В другом месте уточняется размер жалования: «Денег по 50 рублей да по 40 соболей по 50 рублей»⁷².

Согласно наказу Аверкий Болтин после прибытия в Корсунь должен был действовать совместно с местным полковником Тимофеем Аникеенко, сторонником Москвы. Однако, прибыв 30 мая 1658 г. в Киев, он узнал, что власть в Корсунь захватил изменник гетман Иван Выговский, который приказал казнить Тимофея Аникеенко⁷³. Поэтому, как докладывал в Москву новый киевский воевода Василий Борисович Шереметев, Аверкий Болтин остался в Киеве и вместе с ним стал готовиться к отражению нападения на город сторонников Выговского, ожидая царского указа⁷⁴. 15 июля 1658 г. сведения об этих событиях уже были получены в Москве⁷⁵.

Будучи в Киеве, Аверкий Болтин, как и другие воеводы, не сумев попасть в свои города, писали царю об указе, просили отпустить их в Москву. 30 августа 1658 г., рассмотрев их челобитные, царь велел отпустить их в Москву⁷⁶. Но Киев в то время был уже окружен сторонниками Выговского, поэтому нашему герою пришлось участвовать в боях под Киевом.

В это же время в августе 1658 г. Аверкий Болтин, находясь в Киеве, сражался с изменником Данилой Выговским, который с некоторыми казацкими полковниками (Белоцерковским, Киевским, Паволоцким, Брацлавским, Поднестрским) и крымскими татарами пытался захватить Киев. Эти бои под Киевом 16–24 августа 1658 г. завершились победой русских войск. В сентябре 1658 г. второй киевский воевода кн. Ю. Н. Борятинский совершил успешный рейд в Мотовиловку и Васильков. Затем были тяжелые бои под Киевом 24 октября 1658 г. с Данилой Выговским и 30 октября с самим гетманом Иваном Выговским⁷⁷. Воеводы Киева сумели отразить все штурмы, несмотря на значительное численное превосходство врага. Во всех этих боях Аверкий Болтин принимал самое активное участие, командовал отрядом трубчевских солдат, численностью 500 чел. Киевский воевода В. Б. Шереметев в донесении царю писал о нем следующее: «А на земном валу у Аверкея Балтина было трубчевских салдат 500 человек, а стояли по валу на дву сажнях по 3 человеки. А как, государь, новой вал делали, и у валового дела и в трубчевском полку велел я холоп твой Васка ведать Аверкею Болтину»⁷⁸.

Видимо, после этих октябрьских боев 1658 г., после того как гетман Выговский начал переговоры с воеводой Шереметевым (пытаясь выиграть время до прибытия помощи из Польши), Аверкий Болтин в соответствии с царским указом уехал в Москву. Очередной штурм Киева союзников Выговского поляков Якуба Потоцкого и Шенберка 6 января 1659 г. был отражен уже без участия Аверкия Болтина.

В 1660–1661 гг. А. Ф. Болтин находился в Москве. В феврале 1661 г. он как грамотный человек был привлечен к «инвентаризации» царского имущества. В соответствии с царским указом недавно назначенный дьяк Конюшенного приказа Михаил Чириков потребовал прислать из Разряда «дьяка добра», который должен был оказать помощь специально назначенному для этого дела дворянину Аверкию Болтину в переписи государевой седельной казны. В боярской книге против фамилии А. Ф. Болтина стоит помета «В Конюшенном»⁷⁹.

В 1662 г. его направили воеводой в Старый Быхов. Этот город в Белоруссии долгое время оставался оплотом гетмана Выговского и только в начале декабря 1659 г. был освобожден от войск изменника Ивана Нечая⁸⁰. Прибыв в Старый Быхов и приняв все дела у прежнего воеводы, А. Ф. Болтин обнаружил, что хлебных запасов в городе мало, только на 2 месяца, а «*впредь никоими мерами хлеб и соль взять негде*». 5 января 1663 г. эта просьба о пополнении хлебных запасов была получена в Смоленске и отправлена в Москву. Уже 14 января царь приказал смоленскому воеводе кн. П. А. Долгорукову направить в Старый Быхов обоз с продовольствием в сопровождении рейтар для охраны, «*чтоб те хлебные запасы до Быхова довести ццеле*»⁸¹.

Из других источников мы узнаем, что хлебные запасы в Быхов были привезены 1 марта 1663 г. Именно в этот день у местных женщин на рынке были украдены деньги и вещи. Три женщины из Старого Быхова – вдова-мещанка «породы еврейской» дочь Богдана Мардахаева, другая вдова Катюшка Станислава дочь и вдова-мещанка Марьица Борисова дочь жаловались на солдат роты (шкvadроны) майора Матвея Чуровского, «Калину Дементьева с товарищи», которые их обокрали в марте 1663 г. Эти женщины, видимо, грамотные и юридически «подкованные», написали челобитную на царское имя, просили учинить указ в соответствии с царским указом и Соборным уложением, наказать воров и вернуть украденные вещи. 20 мая 1663 г. воры были приведены в Приказную избу, им устроили допрос. На них жаловались воеводе А. Ф. Болтину и служилые люди, в том числе пушкарь Мишка Андреев.

Из этого дела известно, что в Старый Быхов 1 марта 1663 г. прибыли хлебные запасы из Смоленска (обоз с продовольствием привез генерал-поручик Вилим Дромант), в состав гарнизона города входили роты майора Матвея Чуровского, Ивана Берлера (Бернара), Трофима Ковацкого и

Алферьева. Воры признались в некоторых украденных вещах, при этом говорили, что продали их самому командиру, майору Матвею Чуровскому. О некоторых вещах они сказали Матвею Чуровскому, что взяли их с воза с продовольствием, а про другие украденные вещи их вообще «покупатель» не спрашивал. Однако кражу вещей и денег у старобыховских мещанок эти воры отрицали (зная, что может за это последовать суровое наказание) несмотря на то, что их пытали (им было дано по 30 ударов). После пытки 25 мая 1663 г. по приказу воеводы Аверкия Болтина их освободили из-под караула и отправили служить далее. Стоит добавить, что название документа, в котором говорится об этих событиях, приведено публикаторами не совсем верное («Дело о покраденных у Стародубских мещанок деньгах и вещах»). Мещанки были не стародубские а старобыховские, к Стародубу данный документ не имеет никакого отношения⁸².

Неизвестный автор биографической статьи про Аверкия Болтина в РБС писал: «*В 1662 г. он был воеводой в Старом Быхове, где отбил нападение поляков и литовцев, за что получил царскую благодарность*»⁸³.

Опубликованные документы позволяют уточнить этот сюжет. Нападение поляков на Быхов произошло 3 августа 1663 г. Уже 12 августа в Москве узнали об успешном отражении вражеского приступа к Быхову: «*Ратные люди тех Польских и Литовских людей многих на приступе побили, а достальных от города отбили*». Царь пожаловал Аверкия Болтина и всех государевых ратных людей, которые в Быхове, за их службу. Ратным людям велено дать жалование по 2 руб. человеку, всего 1566 руб. Воеводе Аверкию Болтину, полковникам и всяким начальным и всем ратным людям специально отправленный с деньгами жилец Юрий Митусов должен был сказать, что царь «*жалует ево Оверкия и их полковников и всяких начальных и всех ратных людей, велел их спросить о здоровье, и жалует великий государь, службу их милостиво похваляет*»⁸⁴.

Однако со службой Аверкия Болтина в Быхове связано не только это царское милостивое слово «*по случаю отбития польских и литовских людей от Быхова*». А. А. Гераклитов при изучении описания документов МАМЮ обратил внимание на неблагоприятные дела воеводы Быхова⁸⁵. Оказывается, в 1663–1664 гг. в Разряде производилось дело о злоупотреблениях А. Ф. Болтина в должности воеводы в Старом Быхове. Обвинения были предъявлены следующие: «*Невыдача жалования служилым людям, непразднование царских дней, стяжание, разврат, сношения с польскими людьми, отпуск полоняников, сдача г. Быхова*». На Аверкия Болтина написал донос («извет») майор солдатского строя Адриан Бутримов. Это дело большое, на 205 листах⁸⁶. Подробности этого извета майора «Андреяна Бутримова» (у Гераклитова – Бутрикова), пока еще не изучены, последствия его для Аверкия Болтина неизвестны.

После возвращения в Москву московский дворянин Аверкий Болтин выполнял различные поручения, которые отражены в пометах в боярских списках – «за государынею», «у счетного дела в Устюжской чети», или «у переписки и у счету в Устюжской чети», «велено быть в сыску»⁸⁷.

По словам А. А. Гераклитова, Болтин скончался в глубокой старости после 1678 г. Это можно уточнить. В РГАДА в фонде № 233 в одном из именных указателей (№ 155–1. С. 29) имеется запись, относящаяся к 1682/1683 г., где сказано, что Аверкий Федорович Болтин получил пустошь Зимовину в Звенигородском уезде.

В другом именованном указателе этого фонда (№ 156. С. 48) говорится, что именно в 1682/1683 г. Аверкий Федорович Болтин получил грамоту не только на эту пустошь Зимовинку, но и на село Сатино в Алексинском уезде и на неоднократно упоминавшееся село Кобылино в Арзамасском уезде. Во многих других книгах этого фонда, судя по именованному указателям, упоминается Аверкий Федорович и Аверкий Иванович Болтины и просто Аверкий Болтин без отчества.

Сведений о семейном положении А. Ф. Болтина и о детях пока не обнаружены.

В заключение хотелось подчеркнуть, что перед нами проходит интересная судьба служилого человека XVII в., где переплелись походы и службы. Спокойной мирной жизни таких людей вокруг домашнего очага, в окружении жены и детей вплоть до преклонного возраста мы не увидим. Их земельные владения, вотчины и поместья были предназначены, прежде всего, для полного снаряжения конного воина, для готовности его к дальним походам. Становится понятно, почему у многих служилых людей не было детей. Убедительно об этом написал в свое время кн. А. М. Курбский в первом послании царю Ивану Грозному, указав, что он своей «жены не познавах», постоянно находясь в походах и боях, претерпевая нужду и лишения.

Приведенные данные о жизненном пути одного из малоизвестных воевод Саратова, несмотря на их неполноту, позволяют в какой-то мере представить облик этого служилого человека. Будем надеяться, что в архивах будут найдены новые сведения об этом воеводе и о левобережном Саратове в середине 40-х гг. XVII в.

Примечания

- ¹ См.: *Гераклитов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 66.
- ² См.: *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий : в 2 т. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1887. Т. 2 (М–Я). С. 540.
- ³ См.: *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* Материалы для истории г. Саратова : записи книг Печатного приказа (1650–1675 гг.). М., 1892. С. 9.

- ⁴ *Гераклитов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод... С. 66.
- ⁵ См.: *Платонов С. Ф.* Столяров хронограф и его автор // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 18–28.
- ⁶ См.: Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства Юстиции с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях / сост. статский советник Иванов. М. : В типографии С. Селивановского, 1853. С. 37.
- ⁷ См.: *Шахматов А. И.* Исторические очерки города Саратова. Саратов, 1891. 236 с.
- ⁸ См.: *Чекалин Ф. Ф.* Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. Саратов, 1892. 84 с.
- ⁹ См.: *Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф.* Саратовская летопись // Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 19–104.
- ¹⁰ См.: *Чекалин Ф. Ф.* Указ. соч. С. 80.
- ¹¹ См.: *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* Указ. соч. С. 1–2.
- ¹² См.: *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 202, 441.
- ¹³ См.: Болтин, Аверкий Федорович // Русский биографический словарь (РБС) / изд. А. А. Половцева. Т. 3 : Бетанкур–Бякстер. СПб., 1908 (репринт – М., 1995). С. 184–185.
- ¹⁴ См.: *Гераклитов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод... С. 66.
- ¹⁵ *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым : в 4 ч. Ч. 4. СПб., 1858. С. 303.
- ¹⁶ См.: *Савелов Л. М.* Родословные записи : в 3 вып. Вып. 1 : А–Б. М. : Ист.-родослов. о.-во, 1906. С. 239.
- ¹⁷ См.: *Пудалов Б. М.* Родословные сказки Болтиных // Историография. Источниковедение. Историческое краеведение : сборник статей к юбилею доктора исторических наук В. В. Митрофанова. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017. С. 92–111.
- ¹⁸ Там же. С. 102.
- ¹⁹ См.: Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 1550-х гг. XVI в. / подг. к печати А. А. Зимин. М. ; Л. : АН СССР, 1950. С. 103.
- ²⁰ См.: *Пудалов Б. М.* Указ. соч. С. 102–109.
- ²¹ См.: *Долгоруков П. В.* Указ. соч. Ч. 4. С. 303.
- ²² См.: Государственные поминальные записи конца XIV – начала XVII века : Выдержка из синодика Успенского Кремлевского собора // Памятники истории русского служилого сословия / сост. А. В. Антонов. М. : Древнехранилище, 2011. С. 178.
- ²³ См.: *Пудалов Б. М.* Указ. соч. С. 103.
- ²⁴ См.: Отдельные и межевые книги поместья Болтиных. 1586–1594 гг. : Арзамасские поместные акты (1578–1618) / собр. и ред. С. Б. Веселовский // ЧОИДР. 1916. Кн. 1, № 28. С. 27–31.

- 25 См.: Кормленая книга Галицкой Четверти 7112 г. : Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. / пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 6.
- 26 См.: Роспись русского войска, посланного против самозванца в 1604 году // *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М. : РГГУ, 2004. С. 392.
- 27 См.: *Лисейцев Д. В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула : Гриф и КО, 2009. С. 269, 335, 459, 461 и др.
- 28 См.: Боярский список 1606–1607 гг. с указанием об участии в боевых действиях против восставших // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608 : сборник документов / отв. ред. Н. М. Рогожин. М. : Наука, 2003. № 39. С. 143.
- 29 См.: Книги разрядные по официальным оных спискам : в 2 т. СПб., 1853. Т. 1 (1614–1627). Стб. 76, 179, 392, 544, 717, 763, 867.
- 30 См.: *Пудалов Б. М.* Указ. соч. С. 98.
- 31 См.: Грамота из Нижегородской чети к воеводе и дьяку о дозоре поместья Баима Болтина. 1616, августа 6 : Арзамасские поместные акты... № 403. С. 568.
- 32 См.: Десятина раздачи денежного жалования арзамасским дворянам и детям боярским. 1615, сентября 10 : Арзамасские поместные акты (1578–1618) / собр. и ред. С. Б. Веселовский // ЧОИДР. 1916. Кн. 1 (256), № 396. С. 533.
- 33 Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов : Писцовая книга Арзамасского уезда (1621–1623 гг.) (Станы Тешский, Ичаловский, Иржимский и Подлесный) / под ред. А. К. Кабанова. Н. Новгород, 1915. С. 86–87.
- 34 См.: Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы : в 9 т. Т. 8 / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М. : Древнехранилище ; Варшава, 2009. С. 73.
- 35 См.: Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 годов / публ. А. Н. Зерцалов // РИБ : в 39 т. СПб., 1894. Т. 15. С. 157, 170.
- 36 Болтин, Аверкий Федорович // РБС. Т. 3. С. 184.
- 37 См.: Кормленая книга Костромской чети... // РИБ. Т. 15. С. 184–185.
- 38 См.: «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов : сборник документов / сост. Е. Н. Горбатов. М. : Древнехранилище, 2015. С. 278, 350, 459.
- 39 См.: Документы разбора стольников патриарха Филарета (1633–1634) / публ., вступ. ст. и коммент. Е. Н. Горбатова // Российская генеалогия : научный альманах. Выпуск второй. М. : Старая Басманная, 2017. С. 37, 52.
- 40 Болтин, Аверкий Федорович // РБС. Т. 3. С. 184.
- 41 См.: Записная книга Московского стола 7147 года // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 150.
- 42 См.: Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии : в 4 т. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 947, 959.
- 43 См.: Боярская книга 1639 г. / подг. текста В. А. Кадика, М. П. Лукичева, Н. М. Рогожина ; вступ. статья М. П. Лукичева ; предисл. Н. М. Рогожина. М. : Издательский центр Института российской истории РАН, 1999. Л. 372 об.
- 44 *Жаринов Г. В.* Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года // Архив русской истории. Вып. 8. М. : Древнехранилище, 2007. С. 430.
- 45 См.: Российская генеалогия : научный альманах. Вып. 1–7 / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2017–2020.
- 46 Записная книга Московского стола 7155 года // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 311.
- 47 Там же.
- 48 См.: *Герасимов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод... С. 66.
- 49 *Рабинович Я. Н.* Калмыки и левобережный Саратов во второй – третьей четверти XVII века : от вооруженных конфликтов к мирным торговым связям // Военно-исторические исследования в Поволжье : сборник научных трудов. Саратов : Техно-Декор, 2019. Вып. 12–13. С. 126–134.
- 50 *Пудалов Б. М.* Указ. соч. С. 104, 108.
- 51 См.: *Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф.* Саратовская летопись. С. 25, 26.
- 52 Болтин, Аверкий Федорович // РБС. Т. 3. С. 184.
- 53 *Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 235.
- 54 См.: Записная книга Московского стола 7157 года // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 472.
- 55 Там же. С. 486.
- 56 См.: *Латкин В.* Материалы для истории Земских соборов XVII столетия (1619–20, 1648–49 и 1651 годов). СПб., 1884. С. 203.
- 57 См.: Дворцовые разряды... СПб., 1852. Т. 3. Стб. 161, 174.
- 58 Там же. Стб. 235, 259.
- 59 Там же. Стб. 328.
- 60 См.: Сибирские летописи // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) : в 43 т. М. : Наука, 1987. Т. 36. С. 158.
- 61 *Пудалов Б. М.* Указ. соч. С. 104, 108.
- 62 Отписка томского воеводы Н. О. Нащокина кузнецкому воеводе Ф. Е. Баскакову, о приезде посла от киргизских князей просить помощи ввиду ожидаемого нападения на них Алтын-хана и о готовности гарнизона Кузнецкого острога в случае нападения. 1652, декабря 14 // Материалы по истории русско-монгольских отношений : Русско-монгольские отношения 1636–1654. Сборник документов / сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук ; отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М. : Главная редакция восточной литературы, 1974. № 128. С. 379–380.
- 63 См.: *Водарский Я. Е.* «Сметный список» военных сил России 1651 года // Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII вв. М. : Институт истории АН СССР, 1989. С. 31–32.
- 64 Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 364, 446.
- 65 См.: Боярская книга 1658 года / отв. ред. Н. М. Рогожин ; подг. текста В. А. Кадик. М. : ИРИ РАН, 2004. С. 161.
- 66 Дополнения к 3-му тому Дворцовых разрядов, издаваемых по высочайшему повелению 2-м отделением собственной ЕИВ канцелярии. СПб., 1854. Стб. 26.
- 67 Боярская книга 1658 года. С. 160–161.

- ⁶⁸ См.: Дополнения к 3-му тому Дворцовых разрядов. Стб. 128.
- ⁶⁹ Болтин, Аверкий Федорович // РБС. Т. 3. С. 184.
- ⁷⁰ Акты, относящиеся до посылки в Малороссийские города государевых воевод : время воеводства в Киеве окольного Андрея Васильевич Бутурлина с товарищами : Отрывки черного доклада по поводу указов от 3 и 4 апреля 1658 года о назначении в Малороссийские города государевых воевод с ратными людьми. 1658, апрель // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АЮЗР) : в 15 т. СПб., 1892. Т. 15 (1658–1659), № 3-V. Стб. 149.
- ⁷¹ Акты, относящиеся до посылки в Малороссийские города государевых воевод : Наказ стольнику Алексею Пантелеевичу Чирикову, посланному 26 апреля 1658 г. воеводой в Полтаву о том, как ему исполнять свои обязанности и другие разнообразные бумаги, относящиеся до посылки вообще воевод в Малороссийские города. 1658, апрель – июнь // АЮЗР. Т. 15, № 3-VI. Стб. 151, 162, 163, 169, 170.
- ⁷² Там же. Стб. 161.
- ⁷³ См.: Отписка царю киевского воеводы Василия Шереметева, о получении письма окольного Богдана Хитрово, для передачи Киевскому митрополиту Дианисию, о приезде в Киев Аверкия Болтина, назначенного воеводой в Корсунь, и о расстрелянии гетманом Выговским полковника Тимофея Аникеенка. 1658, июля 3 // АЮЗР. СПб., 1872. Т. 7 (1657–1663, 1668–1669), № 82. Стб. 248–249.
- ⁷⁴ См.: Акты, относящиеся до посылки в Малороссийские города государевых воевод : Отписки, полученные в Москве 18 июня 1658 г. от киевского воеводы Андрея Васильевича Бутурлина о том, что Григория Софонова и Андрея (?) Болтина, назначенных воеводами, первого в Белую Церковь, а второго в Корсунь, нельзя отпустить туда по причине казацких междоусобий. 1658, июнь // АЮЗР. Т. 15, № 3-IV. Стб. 141, 146.
- ⁷⁵ См.: Отписка боярина Василия Борисовича Шереметева с товарищи : прибытие их в Киев, подробный отчет о приеме города, всяких военных снарядов и денежной казны от прежних воевод, о воинских людях ; известия о междоусобиях в Малороссии, с приложением разных бумаг. 1658, июнь – август. // АЮЗР. Т. 15, № 5. Стб. 208, 210.
- ⁷⁶ См.: Акты, относящиеся до назначения воеводами в Киев боярина Василия Борисовича Шереметева с товарищи и похода их туда с ратными людьми ; возвращение обратно в Москву воевод, назначенных прежде в малороссийские города : Бумаги, относящиеся до воевод посланных в черкасские города : возвращение их в Москву... 1658, апрель – август // АЮЗР. Т. 15, № 4-II. Стб. 182.
- ⁷⁷ См.: Статейный список дьяка Василия Михайлова Кикина, посланного из Москвы к гетману Ивану Выговскому и всему войску запорожскому с выговором за соединение с Татарами, собрание казацкого войска и неприязненные действия против Московского правительства. 1658, августа – сентября 10 // АЮЗР. СПб., 1863. Т. 4 (1657–1659). № 79. Стб. 159.
- ⁷⁸ Отписки боярина Василия Борисовича Шереметева с товарищи о нападении на Киев Данила Выговского вместе с другими полковниками, Ивана Выговского и полковников Потоцкого и Шенберка, о сношениях его с Иваном Выговским и о других действиях и намерениях восставших казаков. 1658, август – 1659, январь. // АЮЗР. Т. 15, № 6. Стб. 249–306 (цитата – Стб. 284–285).
- ⁷⁹ Память из Конюшенного приказа о присылке из Разряда дьяка для переписи государственной седельной казны. 1661, февраля 26 // Акты Московского государства, изданные Академией наук / под ред. Д. Я. Самоковсова. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1901. Т. 3 (1660–1664), № 349. С. 324.
- ⁸⁰ См.: Дополнения к 3-му тому Дворцовых разрядов. Стб. 206–207.
- ⁸¹ Записная книга Московского стола 7171 года // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 507.
- ⁸² См.: Дело о покраденных у Стародубских (?) мешанок деньгах и вещах, с распросными речами солдат о краже. 1663, мая 20/25 // АМГ. Т. 3, № 627. С. 523–524.
- ⁸³ Болтин, Аверкий Федорович // РБС. Т. 3. С. 184.
- ⁸⁴ Записная книга Московского стола 7171 года // РИБ. Т. 10. С. 564–566.
- ⁸⁵ См.: *Герасимов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод... С. 66.
- ⁸⁶ См.: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции : в 21 кн. Кн. 15. М., 1908. С. 267 (стлб. 236).
- ⁸⁷ *Белоусов М. Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник : в 2 т. Т. 2. Казань : Ин-т истории АНРТ, 2009. С. 35.

Поступила в редакцию 17.11.2020, после рецензирования 20.12.2020, принята к публикации 28.12.2020
Received 17.11.2020, revised 20.12.2020, accepted 28.12.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 256–263
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 256–263

Научная статья
УДК 94(470.44)073+908(470.44)(09)
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-256-263>

Основные тенденции социально-экономического развития новообразованных уездов Прихоперья в конце XVIII – первой трети XIX века

А. А. Дружкин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дружкин Александр Анатольевич, аспирант кафедры истории России и археологии, al.druzhkin-409@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9736-7746>

Аннотация. В статье рассматривается динамика численности населения и экономическое развитие региона в конце XVIII – первой трети XIX в. Выявляются основные тенденции, определившие направление социальных и экономических процессов, определивших дальнейшее развитие региона. Исследование показало, что в указанный период времени наметился экономический подъем уездов Прихоперья, чему способствовали постоянный рост населения, увеличение объемов сельскохозяйственного производства, укрепление и расширение межрегиональных торговых связей, зарождение перерабатывающей промышленности в регионе.

Ключевые слова: Прихоперье, уезд, колонизация, экономика, земледелие, торговля, промышленность

Для цитирования: Дружкин А. А. Основные тенденции социально-экономического развития новообразованных уездов Прихоперья в конце XVIII – первой трети XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 256–263. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-256-263>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-256-263>

The main trends of socio-economic development of the newly formed uyezds in the Koper River Region (Prikhoperye) in the late XVIII and the first third of the XIX centuries

A. A. Druzhkin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexandr A. Druzhkin, al.druzhkin-409@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9736-7746>

Abstract. The article examines the dynamics of the population and economic development of the region in the late XVIII and the first third of the XIX century. The author identifies the main trends that determined the direction of social and economic processes that took place during that period and determined the further development of the region. The study showed that in that period there had been economic growth of the uyezds in the Koper River Region (Prikhoperye) helped by the continuous population growth, the increase in agricultural production as well as strengthening and expanding interregional trade, the emergence of the processing industry in the region.

Keywords: Koper River Region (Prikhoperye), uyezd, colonization, economy, agriculture, trade, industry

For citation: Druzhkin A. A. The main trends of socio-economic development of the newly formed uyezds in the Koper River Region (Prikhoperye) in the late XVIII and the first third of the XIX centuries. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 256–263 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-256-263>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Исторические процессы конца XVIII – первой половины XIX в. продолжают быть объектом самого тщательного научного изучения, так как в этот период происходили глубокие социально-экономические трансформации и становление рыночных отношений в крепостнической Рос-

сии¹. Характер происходивших в стране изменений во многом зависел от глубины перемен не только в столичных городах и прилегающих к ним территориях, но и на периферии – в провинциальных городах и уездах обширной Российской империи.

Одной из важных и слабо разработанных научных тем является история социально-экономического развития уездов, образованных на заселяемых территориях юго-востока европейской России в конце XVIII – первой половине XIX в.

Проблематика местной истории становится актуальной в исторической науке уже в конце XVIII – начале XIX в. Выходят первые экономико-статистические справочники как по губерниям и областям, так и по отдельным уездам. Эти описания появлялись, как правило, в результате деятельности представителей местной бюрократии. Основанные на законодательном материале и экономической статистике, они были необходимы для более эффективного административного управления новыми территориями. В большинстве своем при освещении событий XVIII – начала XIX в. первые труды отличались неполнотой и неточностями и носили в основном описательный характер: «Описание Воронежского наместничества» 1785 г. С. И. Линицкого²; «Описание Саратовского наместничества» 1790 г. И. И. Поливанова³; «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» 1800 г. Е. А. Болховитинова⁴.

Со второй половины XIX в. начинается активное историческое, естественно-географическое и экономико-статистическое исследование юго-востока Европейской России, в том числе и Прихоперья, территориально находившегося в Саратовской, Тамбовской, Воронежской губерниях и Области Войска Донского. Эта работа продолжалась и в первые десятилетия XX в. В научной литературе тема хозяйственного освоения и социально-экономического развития отдельных регионов страны стала рассматриваться в двух направлениях: обобщающие работы по социальной и экономической истории страны (В. И. Семевский⁵, М. К. Любавский⁶, А. А. Кауфман⁷, В. Э. Ден⁸) и в региональном аспекте (Г. М. Веселовский, Н. В. Воскресенский⁹, Л. Б. Вейнберг¹⁰, И. И. Дубасов¹¹, А. А. Гераклитов¹², Л. Н. Юровский¹³).

Во второй половине XX в. в условиях некоторой либерализации социально-политической жизни в стране возрастает интерес к истории родного края. Стали издаваться отдельные работы местных исследователей-краеведов, посвященные историческому развитию отдельных населенных пунктов и местностей (Н. П. Бульин, С. М. Махалкин¹⁴, Е. А. Печурин, А. А. Танонин¹⁵, М. Постоев, А. Тихов¹⁶). Эти научно-популярные работы характеризуются высокой степенью идеологизированности. Однако несомненной заслугой авторов является то, что они сделали первые попытки специально осветить и проанализировать социально-историческое развитие отдельных городов и районов. В этот период стали появляться исследования региональных ученых-историков, посвященные истории отдельных краев и областей (В. А. Осипов¹⁷, В. П. Загоровский¹⁸, Ю. А. Мизис¹⁹).

С 1990-х гг. тематика историко-краеведческих исследований становится особенно актуальной. Всплеск интереса ученых к далекому прошлому региона связан с фундаментальными политическими изменениями в жизни общества, с надеждой на возрастание роли регионов в жизни страны. Рассматривая историю Прихоперского края, следует отметить и усилия современных региональных ученых-историков, внесших существенный вклад в изучение исторического развития края. Особого внимания заслуживают исследования социальных и экономических вопросов развития регионов, в которых территориально входит Прихоперье. Здесь следует выделить фундаментальный труд М. В. Булычева по экономической истории Саратовского края в XVIII – первой половине XIX в.²⁰ Автор на основе обширного материала центральных и местных архивов, официальных документов рассмотрел социально-экономическое состояние Саратовской губернии в связи с ее массовым заселением и хозяйственным освоением в указанный период, а также осветил последствия этого важного процесса: формирование социального состава крестьянства в регионе, динамику крестьянского населения края.

В исследовании Ю. А. Мизиса анализируется процесс заселения и хозяйственного освоения Тамбовского края²¹. В диссертации В. Т. Петрова в историческом аспекте исследуется развитие Новохоперского края, части Воронежского Прихоперья от момента возникновения до современного состояния²². Диссертация О. В. Василенко посвящена изучению процесса заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в XVII–XVIII вв.²³ Диссертационное исследование М. А. Лукьяновой отражает социально-экономические и урбанизационные изменения, происходившие в уездных городах Саратовской губернии в конце XVIII – середине XIX в.²⁴ В ряде работ современных региональных исследователей раскрываются особенности культурного развития Прихоперья в связи с его экономическим развитием²⁵.

Однако большинство авторов в своих исследованиях ориентируются только на региональный подход, не учитывая межрегиональные связи, административно-территориальные трансформации, происходившие в государстве в конце XVIII – начале XIX в., а также ряд источников, которые стали доступны в последнее время. Это опубликованное «Краткое описание Саратовского наместничества вообще и порознь каждой округи, составляющее оное»²⁶, отложившиеся в фондах Российского архива древних актов, опубликованные рукописи «Топографическое описание Саратовской губернии»²⁷, хранящиеся в фондах Российской государственной библиотеки, «Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии» М. И. Славинского, хранящееся в фондах Российской национальной библиотеки²⁸.

Цель данной статьи заключается в разностороннем рассмотрении (исходя из возможностей,

предоставляемых источниками) динамики социально-экономического развития уездов, образованных в результате административных реформ конца XVIII в. и находившихся в примерно одинаковых географических и социально-экономических условиях. Хронологически исследование ограничивается последней четвертью XVIII – первой третью XIX в., т. е. временным периодом, достаточным для проявления определенных тенденций в социально-экономическом развитии новообразованных административных единиц.

Важным вопросом при исследовании социально-экономического развития территорий является численность населения, ее динамика и социальный состав. Указанный показатель имеет тесную и очевидную связь с выявлением основных тенденций экономического развития населенных мест, показывая негативные и позитивные стороны развития социально-экономической инфраструктуры.

Все уезды Прихоперья были образованы в результате реформы местного управления на основе «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи», начавшейся в 1775 г. и продолжавшейся практически 10 лет. В сентябре 1779 г. Екатерина II подписала «Указ о составлении Тамбовского наместничества из пятнадцати уездов». В него вошли 15 городов, в том числе расположенные на р. Хопер Борисоглебск и Новохоперск²⁹. Уже в 1780 г. Новохоперский уезд был возвращен Воронежскому наместничеству, а в 1782 г. передан с частью Борисоглебского уезда в Саратовское наместничество³⁰. Указом Екатерины II от 7 ноября 1780 г. из состава Астраханской губернии в течение 1780–1781 гг. предписывалось выделить Саратовское наместничество в составе 9 округов, административными центрами которых должны стать ранее существующие слободы и дворцовые села, среди которых были дворцовое село Балашово, переименованное в город Балашов, и казенное поселение пахотных солдат Большая Сердоба, переименованное в город Сердобск³¹.

Император Павел I, заняв трон, внес изменения в административно-территориальную структуру империи. В декабре 1796 г. были упразднены ряд губерний, в том числе Саратовская³², которая уже в марте 1797 г. была восстановлена. Однако г. Балашов лишился статуса уездного города и стал заштатным городом Саратовской губернии, а территория уезда была разделена между Новохоперским и Сердобским уездами³³. В Сердобский уезд отошло 86 поселений, а в Новохоперский – 29, в том числе и г. Балашов³⁴.

Император Александр I, сменивший на троне Павла I, также произвел ряд административно-территориальных изменений в государстве. Согласно сенатскому указу от 29 марта 1802 г. Новохоперский уезд был передан из Саратовской в Воронежскую губернию³⁵. По результатам ревизии Саратовской губернии сенаторами М. Г. Спи-

ридовым и В. И. Нелидовым в мае 1803 г. был восстановлен Балашовский уезд, и г. Балашов вновь стал уездным центром, так как «с отчислением г. Новохоперска с уездом» к Воронежской губернии стало «весьма неудобно исправному управлению», потому что «по пути от Саратова до границы около четырех сот верст, не имея в сем том великом пространстве ни единого уездного города»³⁶.

В «Кратком описании Саратовского наместничества...» указывается, что к 1783 г. Балашовская «округа <...> довольно населена, имеет довольство плодородных как казенных, так и владельческих земель»³⁷. В уездном городе проживают 6 купцов, записанных в купечество из дворцовых крестьян, и 49 мещан, которые «опричь хлебопашества, ничем ни промышляют», а «в округе считается <...> 125 селений, в них живущих государственных разного звания 11405 душ, помещичьих 21799, а всех с городскими обывателями 33 259 душ»³⁸.

К 1790 г. в городе числятся только 743 мещанина, записанных из дворцовых крестьян, «которые упражняются в хлебопашестве», а в городе «ни ярманок, ниже недельных не бывает, по причине новости того места»³⁹. В Балашовском уезде значатся 7772 крестьянина «разного звания» и 19066 «владельческих крестьян», «в нескольких селениях <...> бывают еженедельные торжки», «фабрик и заводов нет»⁴⁰. «Словарь географический Российского государства...» А. Щекатова дублирует сведения официально опубликованного источника⁴¹. Однако архивные источники указывают, что к 1795 г. (V ревизия) в Балашове проживали 24 представителя духовенства, 92 купца, 253 мещанина, 534 разночинца, а в уезде 551 дворянина, 236 священно- и церковнослужителей, 16720 государственных и удельных крестьян, 30272 помещичьих крестьян, причем как мужчин, так и женщин⁴².

В 1798 г. Балашов стал безуездным городом Саратовской губернии, хотя и сохранил магистрат, что свидетельствовало о достаточном количестве горожан. Это обстоятельство существенно повлияло не только на социально-экономическое положение уже заштатного города, но и окружавших его поселений. Начали разрушаться складывающиеся экономические связи, замерла торговля, остановилось промышленное развитие. По указу императора Александра I от 24 мая 1803 г.⁴³ Балашову был возвращен статус уездного центра и приписан уезд, так как в Сердобском уезде было превышено число жителей, установленное Учреждениями об управлении губерниями 1775 г., что создавало «неудобства к исправному управлению и надзору земской полиции и другим начальствам»⁴⁴. В Балашове к началу XIX в. имелись обветшавшие присутственные места, городской магистрат, полиция, денежная кладовая, винный и соляной «магазин», 240 домов, из которых 7 дворянских и 5 священно- и церковнослужи-

телей, деревянная церковь «Архистратига Михаила»⁴⁵.

Балашовские купцы, «в сие звание быв при начальном открытии города записаны по необходимости», не имели «свойственного сему званию капитала и торгов» и в основном занимались мелочной торговлей, скупкой хлеба, рогатого скота, «мерлушек и разных кож», «привозимых сельскими жителями на базары, бываемые в городе Балашеве и в уезде онога», сбывая их по ярмаркам, а хлеб отправляли на Моршанскую пристань Тамбовской губернии. Некоторые купцы и мещане были сидельцами в питейных домах или занимались кузнечным ремеслом. В городе не имелось гостиного двора, но действовало 13 лавок, из которых одна торговала ежедневно, а 12 – только в базарный день, по понедельникам. Ярмарок в Балашове не было, но ежегодно проводился «на Троицын день съезд из ближних городов и из разных селений с товарами <...> суммою всего примерно на 50000 рублей», который длился 2 дня⁴⁶. В 1805 г. купцом Ковалевым был построен кирпичный завод, производивший 500000 кирпичей в год⁴⁷.

В Балашовском уезде в тот период было 60 сел и 38 деревень, 5 каменных и 51 деревянная церковь, 42 водяных, 105 ветряных, 2 лошадиные мельницы⁴⁸, действовали кирпичные и винокуренные заводы, 2 суконные фабрики, располагавшиеся в помещичьих имениях уезда⁴⁹. М. В. Булычев отмечает, что «активное освоение земель в уезде, сопровождавшееся развитием хлебопашества и скотоводства», способствовало укреплению рыночных связей Прихоперья с другими регионами и превращали Балашов из чисто административного в экономический центр уезда⁵⁰. Этому благоприятствовало его выгодное положение на торговых путях: через город проходил почтовый тракт на Воронеж и Тамбов⁵¹, также Хопер был судоходен в среднем течении в весеннее время.

К моменту открытия города в 1781 г. в Сердобске проживали пахотные солдаты (их количество не указано), из которых 40 были записаны в купцы, а 1754 – в мещане, но «торгов никаких они не имеют, а все упражняются в хлебопашестве и скотоводстве»⁵². В городе, кроме еженедельного торга, «бывает ярмоношный съезд июля 8-го дня». В уезде находилось 132 селения, в которых проживали «разного звания государственных 4517 душ, помещичьих 25319»⁵³. К 1790 г. в Сердобске числилось купцов – 14, мещан – 1222, а в уезде проживало государственных крестьян – 3932 д.м.п., владельческих – 16045 д.м.п.⁵⁴. Заводов и фабрик в городе и уезде не было, но в трех селениях уезда ежегодно проводились «ярмоношные съезды», куда привозили «деревянную посуду, кадки, бочки, колеса, рогожи, и прочия нужные степным жителям вещи»⁵⁵.

По материалам V ревизии в городе проживали 27 духовных лиц, 294 купца, 545 мещан, а в уезде числились 248 дворян, 132 священно-

церковнослужителя, 6681 д.м.п. государственных и 32238 д.м.п. помещичьих крестьян⁵⁶. К 1800 г. в городе имелись каменный собор, деревянная приходская церковь, два кладбища, «на коих деревянные ж церкви, присутственные места, дом городской полиции, домов обывательских 87, из которых «дворянских и чиновников порядочно выстроенных – 22»⁵⁷. М. А. Лукьянова сообщает, что к 1802 г. «население города составляли 535 купцов, 390 мещан и 15 цеховых мастеров»⁵⁸. Гостиного двора в городе не было, а было 8 деревянных лавок, еженедельный торг по пятницам и Казанская ярмарка 8 июля ежегодно. Купцы и мещане, «в сие звание быв не по воле при учреждении города обращены, не имеют соответствующего к тому состояния и весьма недостаточны», занимаются, в основном, мелочной торговлей, перепродажей скота, хлебопашеством, а некоторые «по совершенной бедности» нанимаются в работники и пастухи⁵⁹.

В Сердобском уезде в тот период насчитывалось 136 селений, в которых были 41 деревянная церковь, мельниц водяных – 79 и ветряных – 586, 2 кирпичных завода в Надеждине и Бекове, винокуренный завод в с. Надеждине, 7 небольших конных заводов и суконная фабрика в с. Урусове. Крестьяне не только занимались хлебопашеством и скотоводством, но и добычей известняка, отхожим промыслом (нанимались косцами и бурлаками), а зимой извозом: возили соль «из городов Саратова и Камышина в города Аткарск, Петровск, Сердобск и Балашев»⁶⁰. Ярмарок в уезде действовало 5. Самая известная из них – в с. Беково, на которую «съезжается как продавцов, так и покупателей довольно, так что все село, имеющее в себе до 200 дворов, занимается приезжими людьми»⁶¹.

Город Новохоперск, ранее бывший крепостью, уже имел к моменту учреждения городское население (купцов – 131, мещан – 146), присутственные места, денежную кладовую, каменный собор, госпиталь, торговые лавки. Рядом с городом находилась адмиралтейская верфь, «где строились суда», т. е. Хопер в этом месте был судоходен. В уезде было 60 селений, а в «них живущих государственных разного звания 12475, помещичьих 7615»⁶². К 1790 г. в городе числились 464 мещанина и однодворца, которые «упражняются в торговых промыслах, в хлебопашестве и скотоводстве», был еженедельный торг⁶³. В селениях уезда «живущих разного звания русских и малороссиян 13042 души»⁶⁴. Однако, опираясь на архивные источники, можно утверждать, что к 1785 г. в Новохоперске числилось 39 купцов (IV ревизия)⁶⁵, а к 1801 г. в уезде только помещичьих крестьян насчитывалось 18 309 д.м.п. (V ревизия)⁶⁶. К 1818 г. в Новохоперском уезде было 5 слобод, 25 сел, 47 деревень и хуторов, в которых находилось 30 церквей. В уезде проживали 12 558 помещичьих, 715 удельных, 3340 экономических, 1443 казенных крестьян, 16518 одно-

дворцев и их крестьян, 6 свободных хлебопашцев, действовало 4 винокуренных завода, 10 конских заводов, 31 мельница⁶⁷.

Город Новохоперск «по высочайше конфирмованному плану» в 1806 г. был разделен на 35 кварталов, состоявших из 357 домов, из которых один был каменный. В городе имелась одна каменная церковь, проживали 32 лица духовного звания обоюбого пола, 1516 д.м.п. и 1604 д.ж.п. прочих сословий, действовало 9 торговых лавок, торговавших разными товарами, 6 кузниц, 1 салотопенный, 1 кирпичный, 1 кожевенный заводы, водяная мельница «об 11 поставках с сукновальней и толчеею» и ветряная мельница⁶⁸. Было открыто духовное училище⁶⁹. В самом Новохоперске «бывают» 3 ежегодные ярмарки (1 января, 29 июня и 14 сентября), а в селах уезда проходило 7 ежегодных ярмарок⁷⁰.

В 1802 г. Новохоперск с уездом по указу императора Александра I был передан из Саратовской в Воронежскую губернию. Однако это особо не повлияло на его экономические связи с другими городами Прихоперья, так как река Хопер до Новохоперска была свободна для судоходства, и городская пристань являлась важным пунктом транзитной торговли сельскохозяйственной продукцией региона с югом России, особенно хлебом. Как отмечал М. И. Славинский в «Историческом, топографическом и статистическом описании Воронежской губернии», составленном им к 1818 г., «от устья Вороны плывут вниз по Хопру суда, называемые будары», которые нагружены разными товарами в Воронеж у села Пойма Верехнеломовского уезда, «и те, кои снаряжены у Телермановского леса и нагружены разными материалами для составления деревянной посуды»⁷¹. По его наблюдениям в год из Борисоглебского уезда проходило до 25, из Новохоперского уезда до 10 судов, а в 1816 г. ушло 8 полубарок в донские станицы «с материалами для деревянной посуды» на сумму 17000 рублей⁷². Основными занятиями жителей города и уезда оставались земледелие и скотоводство, хотя многие из них, «особливо малороссияне», занимались поставкою соли «из запасных камышинских магазинов в разные города»⁷³.

Город Борисоглебск, основанный в конце XVII в. как крепость, стал в 1779 г. уездным городом Тамбовского наместничества. При учреждении города в Борисоглебске числилось купцов – 70, мещан – 19, священно- и церковнослужителей – 38, однодворцев – 789, однодворческих людей – 1, помещичьих крестьян – 15⁷⁴. В городе имелись 2 деревянные церкви, 400 обывательских домов, 37 торговых лавок, в которых торговали «разным мелочным товаром», действовала ежегодная ярмарка, проходившая 8 июля, «на которой торгуют три дня приезжие из ближних городов купцы большею частию мелочным товаром»⁷⁵.

В начале XIX в. в Борисоглебске было уже 3 церкви, 2 из которых каменные, 5 каменных и

349 деревянных домов, 13 торговых лавок, 3 питейных дома, 2 харчевни, 2 кузницы. В окрестностях города действовали 2 салотопенных завода, на которых вытапливалось до 1000 пудов сала в год, и 1 пивоваренный завод, производивший 2000 ведер пива в год⁷⁶. Вся продукция заводов сбывалась в Борисоглебске и уезде. Действовало народное училище⁷⁷. В городе проживали 38 дворян обоюбого пола, 82 священно- и церковнослужителя обоюбого пола, 231 купец обоюбого пола, 1315 мещан обоюбого пола, а все население города составило к 1800 г. 1423 д.м.п. и 1111 д.ж.п.⁷⁸. Борисоглебские купцы и мещане, как и жители других городов Прихоперья, занимались мелочной торговлей, закупали рогатый скот, лошадей, сырые кожи, шерсть, щетину, мед, воск, деготь и отправляли «для продажи в Тулу и разные города, а другие «содержат постоянные дворы»⁷⁹. В Борисоглебске проходили ежегодно 2 ярмарки (8 июля и 22 октября), которые продолжались по 4 дня и на «сеи ярмарки приезжают купцы из разных городов»⁸⁰.

В конце XVIII – начале XIX в. Борисоглебский уезд состоял из 75 селений, в которых числилось 20654 государственных и удельных крестьян, 6987 помещичьих крестьян, принадлежащих 293 владельцам. В уезде было 35 деревянных церквей, при которых состояли 498 священно- и церковнослужителей, имелись 1 винокуренный завод, 33 мельницы. Население уезда занималось хлебопашеством и скотоводством, а также торговлей хлебом, которой продавали «в станицы Донских казаков», и скотом, который продавали «прасолам, приезжающим в великом числе из внутренних городов». Ярмарок в уезде в данный период не было, «кроме еженедельных торгов в селах Больших Алабухах и Куваровке»⁸¹.

В начале XIX в. прихоперские уезды и их уездные центры мало отличались друг от друга в социально-экономическом плане: население городов и уездов в основном занималось земледелием и скотоводством, торговля и промышленность находились в зачаточном состоянии. Уезды демонстрировали даже больший экономический рост, чем уездные города, что было связано с деятельностью помещиков, стремившихся получить максимальную прибыль от своих земельных владений и, следовательно, развивавших промышленную переработку сельскохозяйственной продукции.

К 1830 г. все заметнее становился экономический рост уездных городов. Этому способствовала продолжавшаяся государственная колонизация края. Население городов и прилегающих к ним сел росло, что увеличивало число свободных рабочих рук. В 1825 г. в Балашове насчитывалось 2711 жителей, из которых 141 купец; в Сердобске было 2417 чел., купцов – 42; в Новохоперске – 2343 жителя, из них – 62 купца; в Борисоглебске проживали 2202 чел., из которых – 151 купец⁸². Купцы в основном занимались мелочной торговлей и перепродажами и относились по капиталам к 3 гильдии. Население уездов

многократно превышало число жителей уездных городов: Балашовский уезд – 91113 д.м.п.; Сердобский уезд – 66275 д.м.п.⁸³; Новохоперский уезд – 52709 д.м.п.⁸⁴; Борисоглебский уезд – 78175 д.м.п.⁸⁵.

Кроме того, развитие рыночных отношений привело к увеличению торговли. Если в начале XIX в. ярмарка проводилась только в Сердобске, то к 1830 г. А. Ф. Леопольдов, отметив плохое благоустройство Балашова, указывал, что в нем бывает 3 ярмарки и «внутренняя торговля делает оборот на 163 тысячи рублей, внешняя на 330500 рублей»⁸⁶. В Балашове также постоянно действовали 3 лавки и 3 питейных дома⁸⁷. В г. Сердобске в тот период также действовали 3 ярмарки, 11 лавок, 2 трактира и 3 питейных дома⁸⁸. В Новохоперске в указанный период было открыто 3 лавки, 6 трактиров и 10 питейных домов⁸⁹. В Борисоглебске было 20 лавок, 1 трактир и 4 питейных дома⁹⁰. Увеличение торговых оборотов дало толчок к развитию промышленного производства в городах, которое в основном ориентировалось на переработку сельскохозяйственной продукции. К 1830 г. в городах Прихоперья стала развиваться перерабатывающая промышленность, наметился рост различных заводов этого профиля. К 1840 г., по данным М. В. Булычева, в г. Балашове находилось 9 салотопенных, мыловаренный, кожевенный, маслобойный заводы купцов и мещан, продукция которых сбывалась в Саратов и Моршанск⁹¹. В г. Борисоглебске насчитывалось 1 кожевенный завод и 1 воскобойный завод, 10 салотопенных заводов, 4 мыловаренных и 3 шерстяных завода, которые сбывали продукцию в Козлов, Моршанск и другие города, а в Борисоглебском уезде появилось 2 свеклосахарных завода, отправлявших сахар в Москву⁹². В Новохоперске к 1842 г. указан 1 завод, а к 1850 г. – 8 кирпичных, 2 салотопенных и 1 пивоваренный, с которых «сало сбывается в гг. Козлов и Москву», а пиво «расходится по городу и уезду его»⁹³. Значительный прирост промышленных предприятий в указанный период наблюдался и в Сердобске – 5 заводов и 4 мельницы⁹⁴.

Таким образом, в обозначенный период уезды и уездные города Прихоперья продемонстрировали определенный рост в социально-экономическом развитии, которое для них оказалось в целом существенным и перспективным. Этому способствовали продолжавшаяся колонизация юго-восточных территорий империи, складывающийся общероссийский рынок, в котором они пытались занять свою нишу. Основными тенденциями социально-экономического развития уездов Прихоперья в тот период можно считать следующие: постоянно растущее население края, увеличение объемов производства сельскохозяйственной продукции, возрастающая торговля этой продукцией, ориентация на ее переработку в регионе.

Примечания

- 1 См.: Булычев М. В. Социально-экономическое развитие Саратовского края в первой половине XIX века. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1990. С. 3.
- 2 [Линицкий С. И.] Описание Воронежского наместничества 1785 года. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1982. 147 с.
- 3 [Поливанов И. И.] Описание Саратовского наместничества // Собрание сочинений, выбранных из месящеловов за разные годы. СПб. : Императорская Академия наук, 1790. 480 с.
- 4 См.: Болховитинов Е. А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж : Воронеж. обл. типография, 2011. 247 с.
- 5 См.: Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века : в 2 т. СПб. : Тип. тов-ва «Общественная польза», 1888. Т. 1. 517 с.
- 6 См.: Любавский М. К. Историческая география России в связи колонизацией. СПб. : Лань, 2000. 302 с.
- 7 См.: Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. 349 с.
- 8 См.: Ден В. Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века : в 2 т. М. : Университетская типография, 1902. Т. 1. 377 с.
- 9 См.: Веселовский Г. М., Воскресенский Н. В. Города Воронежской губернии, их история и современное состояние. Воронеж : Типография Г. М. Веселовского, 1876. 122 с.
- 10 См.: Вейнберг Л. Б. Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Воронеж : Типография Губ. правления, 1884. 192 с.
- 11 См.: Дубасов И. И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов : Тамбовский государственный педагогический институт, 1993. 443 с.
- 12 См.: Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов : Друкарь, 1923. 376 с.
- 13 См.: Юровский Л. Н. Саратовские вотчины : Статистико-экономические очерки и материалы из истории крупного землевладения и крепостного хозяйства в конце XVIII и начале XIX столетия. Саратов : Саратовский институт народного хозяйства, 1923. 238 с.
- 14 Бульин Н. П., Махалкин С. М. Сердобск. Саратов : Приволжское книжное издательство, 1979. 39 с.
- 15 См.: Печурин Е. А. Танонин А. А. Город Балашов. Саратов : Приволжское книжное издательство, 1979. 110 с.
- 16 См.: Постоев М., Тихов А. Борисоглебск. Воронеж : Воронежское областное книжное издательство, 1949. 84 с.
- 17 См.: Осипов В. А. Очерки по истории колонизации Нижнего Поволжья во второй половине XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1940. 101 с.
- 18 См.: Загоровский В. П. Общий очерк по истории заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма (XVI – начало XVIII в.) // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма / отв. ред. В. П. Загоровский Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1987. 142 с.

- 19 См.: Мизис Ю. А. Тамбовская черта и заселение Тамбовского уезда в XVII в. : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1985. 213 с.
- 20 См.: Булычев М. В. Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII – первой половине XIX века и ее последствия. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2004. 75 с.
- 21 См.: Мизис Ю. А. Заселение Тамбовского края в XVII – XVIII веках. Тамбов : Тамбовский государственный педагогический институт, 1990. 105 с.
- 22 См.: Петров В. Т. Новохоперский край : история и современность : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006. 202 с.
- 23 См.: Василенко О. В. История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в XVII – XVIII вв. (на примере Центральной части) : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2010. 216 с.
- 24 См.: Лукоянова М. А. Социально-экономическое развитие уездных городов России в конце XVIII – середине XIX века (на материалах Саратовской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2017. 210 с.
- 25 См.: Вахрушев В. С. «Большой, как солнце, Балашов» (очерки по истории и культуре среднего Прихоперья). Балашов : Николаев, 2007. 264 с.
- 26 См.: Краткое описание Саратовского наместничества вообще и порознь каждой округи, составляющее оное / под ред. М. С. Полуобоярова. URL: <http://gorodkuzneck.ru/download/%20%201783.pdf> (дата обращения: 21.10.2020).
- 27 См.: Топографическое и историческое описание Саратовской губернии / под ред. И. О. Тюменцева. Волгоград : Издатель, 2011. 239 с.
- 28 См.: Славинский М. И. Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии. Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2014. 238 с.
- 29 См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. I (далее – ПСЗ–I) : в 45 т. М., 1830. Т. XX, № 14917.
- 30 См.: ПСЗ–I. Т. XXI. № 15343, № 15485.
- 31 См.: ПСЗ–I. Т. XXI. № 15080.
- 32 См.: ПСЗ–I. Т. XXIV, № 17634.
- 33 См.: ПСЗ–I. Т. XXV, № 18482.
- 34 См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 546 «Саратовская палата суда и расправы». Оп. 1. Д. 54. Л. 3об.–4.
- 35 См.: ПСЗ–I. Т. XXVII, № 20205.
- 36 ПСЗ–I. Т. XXVII, № 20774 ; Т. XLIV. Кн. шт. Отд. IV, № 20774.
- 37 Краткое описание Саратовского наместничества... С. 24.
- 38 Там же. С. 24–25.
- 39 [Поливанов И. И.] Указ. соч. С. 54–55.
- 40 Там же. С. 56.
- 41 [Щекатов А. М.] Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически все губернии, города и их уезды, крепости, форпосты, редуты, слободы, сибирские остроги, ясажные зимовья, пограничные заставы, казачьи станицы, погосты, ямы прежние и новые, иностранные поселения, многие достопамятные урочища и годовые ярмарки и проч. : в 7 ч. Ч. 1. М. : Университетская типография, 1801. Стб. 327–328.
- 42 См.: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1355 «Экономические примечания к планам дач генерального межевания». Оп. 1. Д. 1258 «Краткая табель Саратовской губернии, состоящая из десяти городов с ия уездами, сообщенная в 1830 году». Л. 3 об.
- 43 См.: ПСЗ–I. Т. XXVII, № 20205.
- 44 См.: Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. С. 106.
- 45 Там же. С. 106–107.
- 46 Там же. С. 107.
- 47 Там же. С. 108.
- 48 Там же. С. 109.
- 49 См.: Булычев М. В. Помещичье предпринимательство в Балашовском уезде в первой половине XIX века // Материалы исторических чтений, посвященных акад. С. Б. Веселовскому / отв. ред. В. М. Захаров. Балашов : Балашовский краеведческий музей, 1992. С. 20.
- 50 См.: Булычев М. В. Торгово-промышленное развитие Балашова (конец XVIII – середина XIX вв.) // Из истории Прихоперья : материалы научной конференции (ноябрь, 1993 г.) / отв. ред. В. М. Захаров. Балашов : Балашовский краеведческий музей, 1994. С. 3.
- 51 См.: Топографическое и историческое описание Саратовской губернии... С. 108.
- 52 Краткое описание Саратовского наместничества... С. 25.
- 53 Там же. С. 25–26.
- 54 [Поливанов И. И.] Указ. соч. С. 51–52.
- 55 Там же. С. 52.
- 56 См.: РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1258.
- 57 Топографическое и историческое описание Саратовской губернии... С. 95.
- 58 Лукоянова М. А. Социально-экономическое развитие уездных городов Саратовского наместничества в 1780-е – начале 1800-х гг. // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 91. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-87-93
- 59 См.: Топографическое и историческое описание Саратовской губернии... С. 96.
- 60 Там же. С. 97–100.
- 61 Там же. С. 99.
- 62 Краткое описание Саратовского наместничества... С. 24.
- 63 [Поливанов И. И.] Указ. соч. С. 57.
- 64 Там же. С. 58.
- 65 См.: ГАСО. Ф. 407 «Саратовская губернская ученая архивная комиссия». Оп. 1. Д. 9. Л. 5 об.
- 66 См.: ГАСО. Ф. 179 «Канцелярия Саратовского губернского предводителя дворянства». Оп. 2. Д. 4. Л. 4 об.–5.

- ⁶⁷ См.: *Славинский М. И.* Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии... С. 144.
- ⁶⁸ Там же. С. 146.
- ⁶⁹ Там же. С. 46.
- ⁷⁰ Там же. С. 146.
- ⁷¹ См.: *Славинский М. И.* Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии... С. 143.
- ⁷² Там же. С. 143–144.
- ⁷³ Там же. С. 145.
- ⁷⁴ [*Щекатов А. М.*] Словарь географический Российского государства... Ч. 1. Стб. 523.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ См.: РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1573 «Описание г. Борисоглебска. Тамбовская губерния Борисоглебский уезд». Л. 1 об.–2.
- ⁷⁷ Там же. Л. 2.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Там же. Л. 2 об.–3.
- ⁸⁰ Там же. Л. 3.
- ⁸¹ [*Щекатов А. М.*] Указ. соч. Ч. 1. Стб. 524–525.
- ⁸² См.: Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год / сост. из офиц. сведений под руководством дир. Деп. полиции исполнительной М. П. Штера. СПб. : Типография Ивана Глазунова, 1829. С. 4–5, 70–71, 52–53, 6–7.
- ⁸³ См.: Ведомость о народонаселении России по уездам губерний и областей. 1846 г. СПб., 1850. С. 32.
- ⁸⁴ Там же. С. 8.
- ⁸⁵ Там же. С. 36.
- ⁸⁶ *Леопольдов А. Ф.* Статистическое описание Саратовской губернии : в 2 ч. СПб., 1839. Ч. 2. С. 110.
- ⁸⁷ См.: Статистическое изображение городов и посадов... С. 5.
- ⁸⁸ Там же. С. 71.
- ⁸⁹ Там же. С. 53.
- ⁹⁰ Там же. С. 7.
- ⁹¹ См.: *Булычев М. В.* Торгово-промышленное развитие Балашова (конец XVIII – середина XIX вв.). С. 3–4.
- ⁹² См.: Военно-статистическое обозрение Российской империи : в 18 т. Т. XIII, ч. 1 : Тамбовская губерния. СПб. : Тип. Департамента генерального штаба, 1851. С. 130.
- ⁹³ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIII, ч. 2 : Воронежская губерния. СПб. : Тип. Департамента генерального штаба, 1850. С. 98.
- ⁹⁴ См.: Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. V, ч. 2 : Саратовская губерния. СПб. : Тип. Департамента генерального штаба, 1852. С. 157.

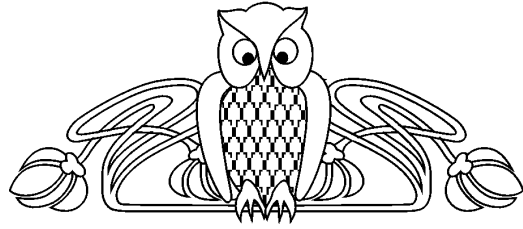
Поступила в редакцию 12.12.2020, после рецензирования 22.12.2020, принята к публикации 28.12.2020
Received 12.12.2020, revised 22.12.2020, accepted 28.12.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 264–269
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 264–269

Научная статья
УДК 908(470.44)+929Минх
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-264-269>

Изучение А. Н. Минхом истории заселения Саратовского Поволжья

А. С. Майорова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Майорова Алла Степановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, majorova-as@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9582-6811>

Аннотация. Проблема заселения Саратовского Поволжья крестьянством освещалась в первых трудах по местной истории. Начало ее специального изучения было связано с необходимостью выяснения причин напряженной социальной ситуации, которая сложилась в регионе к середине XIX в. Первой попыткой целенаправленного поиска и обобщения материалов о крестьянской колонизации стала монография А. Н. Минха, которая открыла серию работ по данной теме, опубликованных членами Саратовской ученой архивной комиссии.

Ключевые слова: колонии иностранных поселенцев, укрепленные поселения, Саратовский губернский статистический комитет, А. Ф. Леопольдов, Н. И. Костомаров, М. В. Булычев, В. А. Осипов

Для цитирования: Майорова А. С. Изучение А. Н. Минхом истории заселения Саратовского Поволжья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 264–269. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-264-269>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-264-269>

A. N. Minh's study of the history of the Saratov Volga region settlement

A. S. Mayorova

Saratov State University, 83 Astrachanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alla S. Mayorova, majorova-as@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9582-6811>

Abstract. The issue of the Saratov Volga region settlement by the peasantry was covered in the first works on local history. The beginning of its special study was associated with the need to clarify the reasons for the tense social situation that had developed in the region by the middle of the 19th century. A. N. Minh's monograph was the first attempt at a purposeful search and consolidation of evidence on peasant colonization. It opens a series of papers devoted to this problem and published by members of the Saratov Scientific Archive Commission.

Keywords: colonies of foreign settlers, fortified settlements, Saratov Provincial Statistical Committee, A. F. Leopoldov, N. I. Kostomarov, M. V. Bulychev, V. A. Osipov

For citation: Mayorova A. S. A. N. Minh's study of the history of the Saratov Volga region settlement. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 264–269 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-264-269>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Проблема заселения Саратовского Поволжья крестьянством обозначилась в региональной историографии в 80-е гг. XIX в. Интерес к ней возрастал в последующие десятилетия. К настоящему времени она является одним из направлений исследований местных регионоведов и занимает видное место в их трудах. Вопросы заселения Нижнего Поволжья нашли отражение в книге В. А. Осипова «Саратовский край в XVIII веке»¹, в третьей и четвертой главах первого тома коллек-

тивной монографии «Очерки истории Саратовского Поволжья»². В начале текущего столетия была издана работа М. В. Булычева, в которой подробно рассмотрены процессы, связанные с крестьянской колонизацией Саратовского края, их особенности и последствия как в экономическом аспекте, так и в социальном³.

Следует отметить, что история заселения Нижнего Поволжья не была оставлена без внимания и в исследованиях по истории России, пред-

принятых в XX в. Так, А. А. Зимин, рассматривая события российской истории последних десятилетий XVI в., обратил внимание на источники формирования населения территорий, освоение которых русскими началось в тот период. Правительство осуществляло заселение новых городов выходцами из центральных районов страны. Одновременно в Поволжье и в Сибирь устремлялся «поток крестьян, холопов и ремесленников, спасавшихся от голода, гнета и вымирания»⁴. Зимин акцентировал внимание на последствиях этнодемографических процессов, происходивших в государстве в целом, для освоения Поволжья и Сибири выходцами из России.

Вполне закономерно, что данный вопрос получил освещение в той или иной форме уже в первых трудах саратовских авторов по местной истории. Содержание «Исторического очерка Саратовского края» А. Ф. Леопольдова охватывает очень длительный период – от упоминаний Поволжья в трудах «греческих писателей», которые «темно намекали» о заселении скифами территорий, прилегающих к Волге, и до 1847 г. В представлении Леопольдова история Саратовского Поволжья начинается именно тогда, когда здесь было создано государство, основанное завоевателями-монголами. «Первыми обитателями мест, занимаемых ныне Саратовскою губерниею» он называет монголо-татар⁵.

В «Историческом очерке» Леопольдова заметно стремление автора оценить все достижения в экономическом и культурном развитии Саратовского Поволжья как блестящий результат заботы правительства и местных властей о его процветании. «Умножение населения» региона он представляет в качестве итога внутренней политики государства. Создание Саратовской губернии, по его мнению, «имело самое благотворное влияние на здешний край: усилило его народонаселение, обезопасило города и села от своеволия, оживило земледелие, торговлю и промышленность»⁶. А. Ф. Леопольдов не уточняет, как именно происходил данный процесс. Однако в своей работе он уделил особое внимание истории создания на территории Саратовского Поволжья колоний иностранных поселенцев и подчеркнул их значение для развития экономики региона.

Сочинение Н. И. Костомарова «Очерк истории Саратовского края от присоединения его к Российской державе до вступления на престол императора Николая I»⁷ было опубликовано спустя 10 лет после выхода в свет «Исторического очерка» Леопольдова. Его появление связано с драматическими обстоятельствами в жизни Н. И. Костомарова. С июля 1848 г. по август 1856 г. он проживал в Саратове в качестве поднадзорного ссыльного, а позднее уже по собственной воле оставался саратовским жителем до осени 1858 г., когда окончательно переехал в Петербург⁸. «Очерк истории Саратовского края» Н. И. Костомарова был опубликован в первой Памятной книжке

Саратовской губернии, которая была издана губернским статистическим комитетом.

В оценке многих событий Н. И. Костомаров кардинально расходится со своим предшественником. Историю Саратовского края он начинает «от присоединения его к Российской державе». В самом начале очерка ученый принципиально ставит вопрос о рассмотрении истории данного региона в рамках общерусского исторического процесса: «Падение царства Астраханского в 1557 году даровало России огромное протяжение юго-восточных степей... и ввело этот край, носивший общее название Низовья, в систему русской жизни»⁹. В этой работе нашли отражение взгляды Н. И. Костомарова на первенствующую роль русского народа в заселении и освоении территории Нижнего Поволжья. В контексте «распространения русской национальности» и укрепления власти Русского государства на новых территориях он обращает особое внимание на роль казачества в истории Нижнего Поволжья¹⁰. Историк отмечает и негативные последствия активности казаков: «Служа оплотом России и орудием расширения и распространения русской национальности, казаки в то же время были важнейшим препятствием к водворению гражданственности на юге России»¹¹. Н. И. Костомаров, судя по всему, к русским относит и украинское население. При этом он обращает пристальное внимание на законодательные акты, которые дают материал для изучения вопроса об украинском компоненте в процессе заселения территории Саратовской губернии.

Подробно останавливается Н. И. Костомаров на фактах, связанных с появлением в Саратовском Поволжье украинцев-солевозчиков после учреждения в Саратове соляного комиссарства (он называет дату – 1749 г.)¹². Внимательно изучив все правительственные постановления, касавшиеся этой категории населения, он обратил внимание на то, что Павел I в 1797 г. освободил от всех податей и повинностей жителей малороссийских слобод на луговой стороне Волги, приписанных к солевозцам, а годом позже это право было предоставлено жителям малороссийских слобод в Вольском и Балашовском уездах – Самойловки, Петровки и Порубежной¹³. При этом Н. И. Костомаров в своем очерке не поднимал вопрос о том, почему к середине XIX в. на территории Саратовской губернии, помимо украинцев, имевших статус государственных крестьян, довольно значительный контингент составляли крепостные.

А. Ф. Леопольдов и Н. И. Костомаров, изучая историю Саратовского Поволжья, касались проблемы заселения его территории и расширения на ней земледельческих угодий. Отмечая важность этого процесса, оба историка уделили внимание созданию колоний иностранных поселенцев, особенностям правового положения колонистов и развития их хозяйства. Н. И. Костомаров отвел освещению этих вопросов гораздо больше места, чем А. Ф. Леопольдов. Выводы двух историков

о результатах политики по созданию и поддержанию колоний оказались противоположными. А. Ф. Леопольдов завершает свое повествование о колониях следующим образом: «Русское правительство заботилось о здешних переселенцах и довело их до желаемого благосостояния»¹⁴. Н. И. Костомаров пишет, что колонии в экономическом плане не оправдали возложенных на них надежд: «... Ясно было, что поселение колонистов не могло приносить тех выгод, каких ожидали некогда», – и тут же приводит данные о средствах, потраченных на основание колоний¹⁵. Таким образом, Н. И. Костомаров поставил под сомнение целесообразность их создания и существования.

Уже в первых исследованиях по истории Саратовского Поволжья, которые были написаны в середине XIX в., заметно внимание авторов к проблеме его заселения. При этом акцент сделан на изучении истории создания колоний иностранных поселенцев и рассмотрении их роли в развитии экономики региона. Подробности переселения в Саратовское Поволжье крестьян из России и Украины и формирования на его территории контингента русского крестьянства, в основном, крепостного, не получили достаточного освещения в первых обобщающих трудах по истории Саратовского края. Фактически неизученным оставался и процесс превращения Саратовской губернии в территорию развитого земледелия. Можно предположить, что эти проблемы не имели в глазах А. Ф. Леопольдова и Н. И. Костомарова самостоятельного значения. Однако, скорее всего, дело было в том, что историки не имели необходимой источниковой базы для их изучения.

Авторы первых трудов по истории Саратовского края располагали, с одной стороны, документами учреждений, существовавших в губернии, а с другой – публикациями законодательных актов. Документы саратовской конторы опекунов иностранных поселенцев содержали сведения о населении колоний, их хозяйственном развитии, органах самоуправления и т. п. Н. И. Костомаров, судя по тексту его «Очерка», изучал эти документы более подробно, чем А. Ф. Леопольдов. Что касается притока на территорию Саратовского Поволжья русских и украинских казаков, крестьян, однодворцев и других категорий поселенцев, то сведения о них, как писал саратовский статистик С. А. Харизоменов, можно было получить из жалованных грамот, владенных выписей, купчих крепостей, копий с решений Сената¹⁶. Такие документы хранились у землевладельцев, т. е. в семейных и родовых архивах, а не в архивах губернских учреждений. Кроме того, на саратовские земли приходили «самовольные засельники», появление которых не фиксировалось в документах, этот процесс шел «вне контроля, за глазами правительства»¹⁷.

Необходимость специального изучения процесса заселения Саратовского Поволжья обозначилась к середине XIX в. В это время уже существовала напряженная социальная ситуация, причиной кото-

рой считалось малоземелье крестьянских хозяйств, а оно, на первый взгляд, стало следствием прироста крестьянского населения, происходившего здесь с конца XVIII в. В процессе подготовки и проведения крестьянской реформы представители дворянства, проявившие серьезный интерес к перспективам развития экономики Саратовской губернии, отметили обострение социальных противоречий и падение доходности помещичьего хозяйства. Это заставило местных регионоведов обратиться к изучению процесса крестьянской колонизации в регионе.

Следует подчеркнуть, что именно в ходе осуществления реформы по отмене крепостного права при составлении уставных грамот мировые посредники получили доступ к документам землевладельцев о пожалованиях земли и крестьян, об основании сел и деревень. Это способствовало введению в научный оборот источников, которые освещали условия и результаты переселения крестьян в Саратовский край из других регионов России и Украины. Первой попыткой целенаправленного поиска и обобщения этих данных была монография А. Н. Минха «Материалы для истории оседлого заселения Саратовского края», в ней автор указал цель своей работы: «...Собрать возможно более приблизительно верного материала по истории заселения нашего края»¹⁸. К сожалению, этот труд не привлекал внимания саратовских исследователей, которые занимались изучением развития местной исторической традиции. Ссылки на него не встречаются в трудах по истории Саратовского края, написанных в XX в. Дело в том, что он был опубликован не полностью и, судя по всему, его газетная публикация довольно быстро оказалась утраченной. Она была осуществлена в 1885 г. в «Саратовских губернских ведомостях». В сохранившейся рукописи монографии имеется помета автора с указанием номеров газеты, в которых она была помещена¹⁹. В настоящее время в Саратове нет ни одного номера «Губернских ведомостей» за этот год, и о содержании данной работы Минха мы можем судить только по рукописи. Она хранится в Государственном архиве Саратовской области в фонде Саратовской ученой архивной комиссии²⁰.

Александр Николаевич Минх (1833–1912) – выдающийся саратовский регионовед второй половины XIX – начала XX в. – принадлежал к тому поколению исследователей, которые занимались комплексным изучением Саратовской губернии, ее природных условий, экономики, этнографии, истории, археологии. Труды А. Н. Минха, особенно этнографического и историко-археологического направления, получили признание у современников. В XX в. и в настоящее время саратовские регионоведы обращались и продолжают обращаться к его монографиям и статьям. Некоторые работы А. Н. Минха, созданные на региональных материалах, заслужили признание за пределами Саратовской губернии и являются вкладом в российскую науку. Одним из наиболее

известных сочинений А. Н. Минха до настоящего времени остается монография «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии», изданная в Петербурге в 1890 г.²¹ За нее автор был удостоен серебряной медали Русского географического общества. Не менее известным является составленный им «Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1 Южные уезды: Камышинский и Царицынский», четыре выпуска которого были изданы в Саратове и Аткарске в 1898–1902 гг.²²

В отличие от А. Ф. Леопольдова и Н. И. Костомарова А. Н. Минх не имел университетского образования, но благодаря интересу к научным изысканиям, выдающимся способностям и трудолюбию, он внес значительный вклад в изучение региона. С 1861 г. А. Н. Минх был мировым посредником Аткарского уезда Саратовской губернии, а в 1869 г. избран участковым мировым судьей в Аткарском судебном округе. Занимая эти должности, он собирал материалы экономико-географического, этнографического, исторического и археологического характера по своему уезду и по Саратовской губернии в целом. С 1878 г. в «Саратовских губернских ведомостях», а затем и в других местных газетах появлялись статьи А. Н. Минха по истории и археологии Саратовского Поволжья, статистические описания.

В 1880 г. А. Н. Минх был избран действительным членом Саратовского губернского статистического комитета²³, а затем стал одним из основателей Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК)²⁴. После ее создания многие статьи А. Н. Минха публиковались в Трудах комиссии, начиная с 1887 г. Кроме того, А. Н. Минх сотрудничал с научными обществами. Он состоял членом-корреспондентом Императорского Московского археологического общества, а также являлся членом-сотрудником Императорского Русского географического общества и членом нескольких ученых архивных комиссий (помимо СУАК) – Нижегородской, Тамбовской, Владимирской, Ставропольской и Витебской.

Деятельность в качестве мирового посредника и участие в работе губернского статистического комитета позволили А. Н. Минху получить доступ к разнообразной документации. В ней фиксировались пожалования земель, переход имений из рук в руки, изменения в их статусе, а также социальное положение различных категорий земледельцев. Первоначально некоторые материалы, касавшиеся истории оседлого населения Саратовской губернии, были включены в составленные Минхом статистические описания «Коленская волость»²⁵ и «Саратовский уезд»²⁶, опубликованные в двух томах «Саратовского сборника».

Начало работы над монографией «Материалы для истории оседлого заселения Саратовского края», как видно по замечаниям автора, относится ко времени после 1882 г. Работу над проблемой заселения территории губернии Минх продолжал и после

опубликования части текста рукописи в «Саратовских губернских ведомостях». Вслед за отметкой о публикации в ней начинается текст, озаглавленный «Материалы для истории оседлого заселения Саратовского края. (Продолжение)»²⁷. Далее идет следующий раздел работы под заголовком «Дополнения к истории и заселению Саратовского края»²⁸.

В целях изучения процесса заселения крестьянами Саратовского Поволжья Минх использовал делопроизводственную документацию, частные акты и данные официальной статистики. Им были рассмотрены материалы опекунского межевания (в них фиксировались результаты выделения земель для иностранных поселенцев) и Генерального межевания. При отсутствии документов, из которых можно было бы узнать о времени и обстоятельствах возникновения населенных пунктов, Минх обращался к устным источникам – «рассказам старожилов». Эти свидетельства иногда оказывались единственными данными по истории сел и деревень.

Автор монографии не только изучал процесс заселения территории края крестьянами. Он уделял внимание вопросу об укреплении рубежей России в Саратовском Поволжье в XVIII в. А. Н. Минх отразил в своей работе очень интересные факты – существование поселений, которые не являлись городами, но выполняли оборонительную функцию. При этом он стремился выяснить самые ранние сведения, которые относились к XVIII в., – из документов опекунского межевания за 1779 г., материалов второй ревизии за 1744–47 гг., а также из устных свидетельств.

На основании устных рассказов А. Н. Минх отметил село Стрелковку Александровской волости, которая существовала, как он полагал, до 1720 г. Стрелковка находилась «в 7 верстах к югу от Саратова и почти на самой Волге» и являлась «старым сторожевым пунктом, населенным служилыми людьми»²⁹. По преданию, сообщил А. Н. Минх, «жители поселены здесь в давние времена на правах казаков для охранения берегов Волги от набегов киргиз»³⁰. Он писал: «Просматривая старые документы, планы опекунского и генерального межеваний, мы увидим, что передовая грань петровской Руси 1698–1718 гг. ясно очерталась поселением пахотных солдат, этих сторожей порубежной черты государства...». В примечаниях он уточнял: «Исходным пунктом этой сторожевой черты петровского времени надо принять селение Эткару (ныне г. Аткарск), где в то время поселены были на правом берегу р. Медведицы южнее Петровска пахотные солдаты. Эткаринская сторожевая слобода основана после сооружения Петровской крепости между 1699 и 1702 г., в то же время построена сторожевая слобода Бурацкая на верховье р. Медведицы и таковая же на реке Сердобе»³¹. Следует обратить внимание на то, что две слободы, названные Минхом, – Сердобская и Эткаринская – стали в конце XVIII в. городами Саратовской губернии Сердобском и Аткарском.

По сведениям, которые А. Н. Минх почерпнул из статьи некоего Людмилава в «Саратовских губернских ведомостях», после основания г. Петровска «велено было поставить отъезжие сторожевые слободы в пензенскую сторону по реке Сердобе, что было исполнено около 1702 г.»³². С 1698 г. «к юго-востоку от Петровской крепости образуется целая сторожевая линия <...> из сторожевых поселков». Она была заселена в короткий период времени до 1718 г. Минх указывает и социальные категории поселенцев – помимо пахотных солдат, здесь были ясачные и черносошные крестьяне, бобыли, однодворцы³³. Он называет села, которые первоначально являлись «сторожевыми поселками»: Казачье в Петровском уезде, Косолаповка (Яруга), Гремячка (Никольское) и Лох.

Монография А. Н. Минха «Материалы для истории оседлого заселения Саратовского края» является первым шагом в изучении крестьянской колонизации в регионе. В то же время она знаменует новый этап изучения процесса интеграции Саратовского Поволжья в социально-экономическую жизнь России.

В некоторых статьях А. Н. Минха, опубликованных в Трудах СУАК, автором были использованы сведения и наблюдения из этой монографии. Так, в статье «Замедведицкий край до р. Карамыша» (1888 г.) географическое описание местности от с. Новые Бурасы на Малой Медведице по границе Саратовского уезда с Петровским сходно с фрагментами из монографии, в которых дано описание этой же территории. Однако в указанной статье основное внимание уделяется курганам, которые находились к югу от этой местности «на степном пространстве» Марьевской волости, упоминается о поселках пахотных солдат, но обширных сведений по истории заселения Саратовского уезда здесь не содержится³⁴.

В статье «Материалы для истории заселения Саратовского уезда» (1889 г.) А. Н. Минх продолжает тему истории заселения будущей Саратовской губернии, а также сообщает новые полученные им сведения относительно оборонительной линии. Он называет села Старые Бурасы, Алексеевку и Стригай, населенные пахотными солдатами. Историк приводит также дополнительные данные из «весьма ценных материалов устных сказаний по заселению Саратовского уезда», которые были им получены благодаря С. А. Панчулидзеву, одному из членов СУАК³⁵.

Статья «Исторический очерк начала заселения Саратовского уезда» (1890 г.) интересна тем, что ее содержание местами сходно с содержанием монографии «Материалы для истории оседлого заселения...». В то же время в ней нашла отражение еще одна тема в творчестве А. Н. Минха, которая была связана с собиранием фольклора. Как уже говорилось, труд Минха «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии» заслужил широкое признание. Собираение сведений о различных сторонах духовной жизни саратовского крестьянства

Минх осуществлял с 1861 г., т. е. с того времени, как он начал работать на территории Саратовской губернии. В монографии, посвященной народным обычаям, автор уделил достаточно много внимания народным преданиям о разбойниках и кладах.

А. Н. Минх сделал определенные выводы о причинах устойчивости подобных преданий в Саратовском крае. Наиболее четко эти выводы ученый изложил именно в статье «Исторический очерк начала заселения Саратовского уезда». Он писал: «В Саратовском крае за сторожевой чертой г. Петровска и Бурацкой слободы мог селиться лишь такой люд, которого гнала невзгода и тягота, или же шедший добровольно на разбой и грабеж». И тут же Минх перечисляет имена легендарных атаманов разбойничьих шаек и тех атаманов, чьи имена зафиксированы в документах конца XVIII в. Важны его замечания о том, что разбой не прекращался в Саратовском крае в течение всего XVIII в. и что не только «мирным хлебопашцам, но и ратным людям «опасно» было в этом краю»³⁶.

На основе приведенных высказываний А. Н. Минха видно, что он уделял внимание такой существенной особенности социальной обстановки в Саратовском Поволжье, как постоянная угроза разбойных действий, и сделал собственные выводы об ее причинах. Не исключено, что данная проблема привлекла внимание историка в результате ознакомления с трудами его старшего коллеги по работе в губернском статистическом комитете – Д. Л. Мордовцева. Известно, что Д. Л. Мордовцев, помимо трудов о восстании под предводительством Пугачева, написал целый ряд работ о разбойниках в Поволжье. Причем он использовал как архивные материалы, так и устные источники. Одним из его ранних трудов на эту тему является монография «Понизовая вольница», впервые опубликованная в 1860 г.³⁷ О том, что А. Н. Минх с уважением относился к историческим трудам Д. Л. Мордовцева, можно судить по его высказыванию о своем коллеге: Минх называет его «нашим почтенным историком»³⁸.

Статьи А. Н. Минха, опубликованные в Трудах СУАК, свидетельствуют о продолжении им изысканий, связанных с историей заселения Саратовского Поволжья. В каждой из названных статей частично использовались данные из монографии «Материалы для истории оседлого заселения...». Однако по ходу изучения этой проблемы ученый обращал внимание на вновь открывавшиеся ее аспекты.

Монографией А. Н. Минха «Материалы для истории оседлого заселения Саратовского края» открывается целая серия работ по данной тематике, которые были опубликованы в Трудах Саратовской ученой архивной комиссии с 1888 г. В дальнейшем она стала одной из ведущих тем для местных историков. В. И. и Г. И. Холмогоровы, члены Саратовской ученой архивной комиссии, писали, что «вопрос о колонизации» в истории Саратовского края «является одним из интереснейших»³⁹. Заслуживает внимания тот факт, что

Минх во всех своих работах, посвященных проблеме заселения Саратовского Поволжья, уделял внимание вопросам, связанным с ее социально-экономическими аспектами. Его интересовали категории населения, приходившего в Поволжье, развитие земледелия на его территории и вместе с тем – распространение крепостнических отношений, причины возникновения и постоянного пополнения разбойного элемента. Тематика и содержание этих трудов Минха связаны как с работами его предшественников, так и с последующей историографической традицией.

Примечания

- 1 См.: *Осипов В. А.* Саратовский край в XVIII веке. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1985. 88 с.
- 2 См.: *Очерки истории Саратовского Поволжья* : в 2 т. / под ред. И. В. Пороха. Саратов : Издательство Саратовского университета; ИИЦ АО «Заволжье», 1993. Т. 1. 270 с.
- 3 См.: *Булычев М. В.* Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII – первой половине XIX века и ее последствия : учебное пособие для студентов исторического факультета. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2004. 80 с.
- 4 *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М. : Мысль, 1986. С. 236.
- 5 [*Леопольдов А. Ф.*] Исторический очерк Саратовского края. Соч. Андрея Леопольдова. М., 1848. С. 23.
- 6 Там же. С. 23, 131.
- 7 См.: *Костомаров Н. И.* Очерк истории Саратовского края от присоединения его к Российской державе до вступления на престол императора Николая I ... // Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год. Саратов, 1858. Отд. 3. С. 1–55.
- 8 См.: *Киреева Р. А.* Живые образы эпох. К 200-летию со дня рождения члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской академии наук Н. И. Костомарова // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87, № 12. С. 1123.
- 9 *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 1.
- 10 Там же. С. 4.
- 11 Там же.
- 12 Там же. С. 21–22.
- 13 Там же. С. 41.
- 14 [*Леопольдов А. Ф.*] Указ. соч. С. 91.
- 15 См.: *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 51.
- 16 См.: *Харизоменов С. А.* Материалы по истории заселения Саратовской губернии // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1, вып. 3. С. 264.
- 17 Там же. С. 266.
- 18 Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО) Ф. 407 Саратовская губернская ученая архивная комиссия Оп. 2. Д. 776. Л. 103.
- 19 Там же. Л. 102.
- 20 Там же. Л. 86 об.–140 об.
- 21 [*Минх А. Н.*] Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1861–1888 годах. Репр. воспр. изд. 1890 г. Саратов : [б. и.], 1994. 152 [8] с.
- 22 См.: *Минх А. Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Южные уезды : Камышинский и Царицынский». Т. 1, вып. 1 : Лит. А – Г. Саратов, 1898. С. 1–208 ; Т. 1, вып. 2 : Лит. Д – К. Саратов, 1898. С. 209–278 ; Т. 1, вып. 2 : Лит. Д – К. Продолжение. Саратов, 1900. С. 279–555 ; Т. 1, вып. 3 : Лит. Л – Ф. Саратов, 1900. С. 557–1091 ; Т. 1, вып. 4 : Лит. Х. – Ф. Аткарск, 1902. С. 1093–1409.
- 23 См.: *Преображенский Ф. М.* Отчет о действиях и занятиях Саратовского статистического комитета за 1880 год // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии : в 2 т. Саратов : Издательство Саратовского статистического комитета, 1882. Т. 2. С. 1.
- 24 См.: *Хованский Н. Ф.* Краткие биографии некоторых членов Саратовской ученой архивной комиссии за 25 лет ее существования. Минх Александр Николаевич // Соколов В. П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1911. С. 21–22.
- 25 См.: *Минх А. Н.* Коленская волость // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии : в 2 т. Саратов, 1881. Т. 1. Отдел первый. С. 65–176.
- 26 См.: *Минх А. Н.* Саратовский уезд // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1882. Т. 2. С. 203–327.
- 27 ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 776. Л. 105.
- 28 Там же. Л. 114 об.
- 29 Там же. Л. 105.
- 30 Там же. Л. 104 об.
- 31 Там же. Л. 105.
- 32 Там же. Л. 109 об.
- 33 Там же. Л. 105–105 об.
- 34 См.: *Минх А. Н.* Замедведицкий край до р. Карамыша // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1, вып. 3. С. 278–284.
- 35 См.: *Минх А. Н.* Материалы для истории заселения Саратовского уезда // Труды СУАК. Саратов, 1889. Т. 2, вып. 1. С. 26–38.
- 36 *Минх А. Н.* Исторический очерк начала заселения Саратовского уезда // Труды СУАК. Саратов, 1890. Т. 2, вып. 2. С. 268.
- 37 См.: *Мордовцев Д. Л.* Понизовая вольница. (Материалы для истории народа) // Русское слово. 1860. Декабрь. С. 1–51.
- 38 *Минх А. Н.* Наша статистика (Из недавнего прошлого) // Труды СУАК. Саратов, 1903. Вып. 23. С. 168.
- 39 *Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И.* Материалы для истории колонизации саратовского северо-восточного края до второй половины XVIII века // Труды СУАК. Саратов, 1891. Т. 3, вып. 2. С. 1.

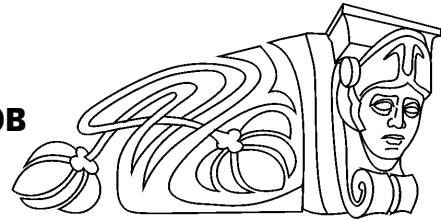
Поступила в редакцию 01.12.2020, после рецензирования 15.12.2020, принята к публикации 28.12.2020
 Received 01.12.2020, revised 15.12.2020, accepted 28.12.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 270–276
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 270–276

Научная статья
УДК 94(571.6)
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-270-276>

Аграрное развитие Дальнего Востока в начале XX века на страницах журналов Приморского и Амурского обществ сельского хозяйства

В. А. Тощенко

Дальневосточный федеральный университет, 690922, г. Владивосток, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 10

Тощенко Виктория Андреевна, аспирант Департамента истории и археологии, ekimova_va@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8302-7844>

Аннотация. В статье рассматриваются печатные периодические издания крупных сельскохозяйственных обществ Приамурья начала XX в. Установлено, в какой мере опубликованная в них информация отражает развитие аграрного сектора региона: правительственную деятельность; тенденции развития колониального земельного фонда; характер и методы решения специфических для региона сельскохозяйственных проблем. Показаны условия, в которых действовали приамурские общества сельского хозяйства, и история их печатных периодических изданий. Анализ изданий обществ позволяет утверждать, что они являются важным источником для изучения истории аграрного развития дореволюционного Дальнего Востока.

Ключевые слова: Дальний Восток, хозяйственное освоение, сельское хозяйство, общественные организации, сельскохозяйственные общества, периодические издания, исторический источник

Для цитирования: Тощенко В. А. Аграрное развитие Дальнего Востока в начале XX века на страницах журналов Приморского и Амурского обществ сельского хозяйства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 270–276. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-270-276>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-270-276>

The journals of the Primorsky and Amur communities of agriculture as a source on the history of the agrarian development of the Far Eastern region (early XX century)

V. A. Toshchenkova

Far Eastern Federal University, 10 Russky Island Ajax village, Vladivostok 690922, Primorsky Krai, Russia

Victoria A. Toshchenkova, ekimova_va@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8302-7844>

Abstract. The article deals with printed periodicals of large agricultural communities of the Amur region of the early XX century. It is shown to what extent the information published in them reflects the development of the agrarian sector of the region: government activities; development trends of the colonization land fund; the nature and methods of solving agricultural problems specific to the region. The conditions in which the Amur agricultural societies and the history of their printed periodicals operated are shown. An analysis of the publications of the communities suggests that they are an important source for studying the history of the agrarian development of the pre-revolutionary Far East.

Keywords: Far East, economic development, agriculture, public organizations, agricultural communities, periodicals, historical source

For citation: Toshchenkova V. A. The journals of the Primorsky and Amur communities of agriculture as a source on the history of the agrarian development of the Far Eastern region (early XX century). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 270–276 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-270-276>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Одним из направлений в изучении «аграрной истории» считается история сельскохозяйственных обществ, имеющая прочную историографическую традицию. В современных исследованиях

нашло отражение их место в модернизации аграрного сектора страны¹, типология и классификация², деятельность отдельных сельскохозяйственных обществ преимущественно Централь-

ной России. Наиболее изучена сегодня история старейшего и крупнейшего центра аграрной науки и практики – Московского общества сельского хозяйства (МОСХ)³. Исследователями введены в научный оборот периодические издания сельскохозяйственных обществ⁴, оценено их значение как источников по истории развития аграрной мысли в России⁵.

Однако история сельскохозяйственных обществ на дальневосточной окраине империи пока не была предметом самостоятельного исследования. До сих пор не изучена и их издательская деятельность, не введены в научный оборот и печатные издания обществ, на страницах которых нашли отражение многочисленные аграрные инициативы на местах.

В статье предпринята попытка проанализировать периодические издания крупнейших на Дальнем Востоке Амурского и Приморского сельскохозяйственных обществ и показать, как на их страницах отразились основные проблемы развития сельского хозяйства Дальнего Востока России.

Сельскохозяйственные общества на Дальнем Востоке России стали появляться в начале XX столетия с целью содействия «или сельскому хозяйству вообще или отдельным его отраслям»⁶. Форму их организации и основные направления деятельности регламентировало государство: определяло порядок организации и регистрации, вырабатывало эталонные уставы, устанавливало правила жизнедеятельности. Особую известность приобрели Амурское сельскохозяйственное общество (1905) и Приморское общество сельского хозяйства (1911). На страницах издававшихся ими журналов «Амурский земледелец» и «Приморский хозяин» нашли отражение основные направления деятельности сельскохозяйственных обществ Приамурского края.

Комплекты журналов «Амурского земледельца» за 1912–1917 гг. сохранились в фондах Амурской областной научной библиотеки им. Н. Н. Муравьева-Амурского и в научно-справочной библиотеке Государственного архива Амурской области (г. Благовещенск); а номера «Приморского хозяина» хранятся в Приморской краевой публичной библиотеке им. А. М. Горького (г. Владивосток), а также научно-справочных библиотеках Государственных архивов Хабаровского и Приморского краев. Номера «Приморского хозяина» за 1913–1917 гг. доступны исследователям в электронном виде: 14 номеров оцифрованы полностью, остальные представлены отдельными статьями, что затрудняет анализ издания в целом. К сожалению, часть номеров обоих журналов утрачена безвозвратно.

Оценивая значение периодических изданий сельскохозяйственного профиля для населения, нельзя не согласиться с агрономом А. Я. Эггенбергом, отмечавшим, что «нигде, быть может, русская поговорка “век живи, век учись” неприменима в

такой степени, как в сельском хозяйстве»⁷. Для Дальнего Востока это значение усиливалось еще и в связи со спецификой формирования сельского населения. «Мне кажется, что причина недородов кроется вовсе не в климатических условиях Приморской области, а в неприспособленности русского населения области»⁸, – писал анонимный автор в журнале «Приморский хозяин». Действительно, крестьяне-переселенцы, прибывшие на Дальний Восток, не были знакомы с климатическими особенностями региона, характером местности, почвы. Этот факт подтверждают и данные анкет, с помощью которых сельскохозяйственные общества опрашивали крестьян. Например, часты были заявления крестьян, что «удобрить землю – напрасный труд»⁹ или «вследствие того, что рядом селение Красный Яр, которое скот на волю пускает без присмотра пастуха, вследствие чего бывает вытравление посевов... поэтому вынуждены никакими полеводствами не заниматься на своей земле; арендуем пахотную землю на стороне»¹⁰. Сами крестьяне отмечали, что ведут хозяйство самым примитивным способом, но вместе с тем выражали желание модернизировать свои хозяйства. Однако при отсутствии разумного указателя и личного опыта они нуждались «в советах агрономических», и ждали, «когда придет на помощь всему этому культурная рука»¹¹. Поэтому не удивительно, что оба общества стремились к изданию журналов с целью просвещения населения.

Отметим разную «судьбу» близких по целям и тематике журналов. «Амурский земледелец» выпускался непосредственно обществом с 1912 по 1916 г. Его редакторами в разное время являлись члены Амурского общества В. А. Смолич, В. Т. Ковалев, Н. А. Дехтерев. «Приморский хозяин» с 1912 г. издавался Переселенческим управлением, и лишь в 1916 г. передан Приморскому обществу сельского хозяйства. Сменив издателя, он печатался во Владивостокской типографии газеты «Далекая окраина», а его редактором стал председатель общества А. В. Суханов. В годы Гражданской войны журнал издавался нерегулярно, а затем и совсем перестал выходить.

Тираж обоих журналов по меркам того времени был большим – 2000 экземпляров. У «Приморского хозяина» значилось 600 подписчиков, у «Амурского земледельца» – 500. Среди авторов были люди разной сословной и профессиональной принадлежности. На страницах «Амурского земледельца» выступали ведущие агрономы, ветеринары и другие специалисты, имевшие большой опыт теоретической и практической работы в крае. Среди них статьи в одиннадцати номерах с рекомендациями по сельскому хозяйству Амурского областного агронома В. А. Рубинского, заведующего пиканским опытным полем К. И. Упельнека, агронома земельного отдела Л. Ю. Людевига, практика по садоводству и огородничеству Э. К. Залкстера. Особенно тесно сотрудничали с изданием редактор и издатель газеты

«Амурский край» Г. И. Клитчоглу. Его статьи о пошлинах на маньчжурский хлеб, алкоголизме среди крестьянского населения, проблемах в земельных отношениях, а также аналитические заметки в рубрике «Корреспонденция» регулярно печатались на страницах «Амурского земледельца». Писали для журнала и известные амурские земледельцы, такие как член Томбовско-Гильчинского общества сельского хозяйства А. В. Ланкин, и простые крестьяне – А. Глушенко, П. Денисов, Н. Калинин, И. Агенков, Г. Е. Ефименко. Интересно, что некоторые авторы скрывались за «говорящими» псевдонимами или просто инициалами. В шести номерах «Амурского земледельца» встречаем: «Хуторянин», «Тамбовец», «Вопиющий», «Икс», «Житель», а также заметки, подписанные: С.Т., А.Р., Г.А., В.С., М. К-ъ, И.С. И. Как правило, в их публикациях поднимались злободневные темы: закрытие кабаков, контрабанда алкогольных напитков и влияние алкоголя на деревню, взяточничество волостных старшин и пр.

Как и с «Амурским земледельцем», с журналом «Приморский хозяин» сотрудничали ведущие специалисты в аграрной сфере: агроном при Приамурском управлении государственных имуществ А. Я. Эггенберг, младший специалист по пчеловодству департамента земледелия А. Алексеев, инструктор по пчеловодству И. Пименов, агроном А. Пашинский, лесной ревизор А. Строгий, войсковой агроном С. И. Мацкевич, заведующий опытным полем Н. Богусевич. И, конечно, анонимных авторов, поднимавших острые темы и скрывавшихся за инициалами, здесь тоже было немало. На страницах журнала встречаем заметки, подписанные Ф. Б., А. К., К., Е. О., Е. О-на и др. Статьи чиновников и представителей интеллигенции также встречаются на страницах «Приморского хозяина» – крестьянского начальника Д. А. Холодцова, члена Переселенческого управления А. А. Меньщикова, статского советника А. В. Суханова, профессора Восточного института Н. В. Кюнера. Постоянными авторами журнала были хуторянка О. Мушкина, крестьянин И. Худяков, ветеринарный фельдшер И. Голуб.

Редакторы «Амурского земледельца» определили задачи издания как «слежение за успехами современного сельского хозяйства и сообщение о них в легкой и доступной форме Амурскому крестьянину и сельскому хозяину; изучение особенностей Амурского края и условий ведения в нем сельского хозяйства; приходиться на помощь сельскому хозяину в его стремлении поставить свое хозяйство на лучший лад и всеми силами побуждать его к этой неотложной работе»¹².

Подобную цель ставил перед собой и «Приморский хозяин»: «распространение практических сведений по всем отраслям сельского хозяйства, всестороннее освещение вопроса о положении его в Приморской области и выяснение его коренных нужд»¹³. Необходимость издания обоих аграрных журналов вытекала из той роли, которую сельско-

хозяйственные общества играли в модернизации аграрного сектора Приамурского края.

«Приморский хозяин» выходил с 1912 г. ежемесячно и стоил 1 руб. в год и 10 коп. за отдельный номер; в 1917 г. цена поднялась до 1 р. 50 коп. в год, и 30 коп. за номер. А в 1920 г. ввиду повышения цен на бумагу, а также непростой деятельности по выпуску журнала в условиях Гражданской войны было принято решение об увеличении стоимости за отдельный номер до 25 руб., за два номера – до 30 руб.

Как правило, номер журнала состоял из следующих рубрик: «Специальные сельскохозяйственные статьи»; «Из газет и журналов»; «Хроника»; «Корреспонденция и письма», «Вопросы и ответы». После передачи журнала в ведение Приморского общества сельского хозяйства количество статей в нем увеличилось, некоторые рубрики исчезли, но появились новые: «Полезные советы», «Из газет и сельскохозяйственных журналов», «Смесь», «Кооперативная жизнь», «Домашнее хозяйство», «Лесной отдел» и др.

«Амурский земледелец» с 1912 г. выходил 2 раза в месяц. К сожалению, цена подписки и отдельного номера в самом начале издания пока не установлена. Мы располагаем данными на 1916 г., когда годовая подписка стоила 2 руб., а один номер – 20 коп. Для сельскохозяйственных обществ, кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, учителей, переселенцев цена годовой подписки была снижена до 1,5 руб.; волостным и станичным правлениям, сельским и хуторским обществам журнал предоставлялся бесплатно¹⁴.

Рубрики «Амурского земледельца» отличались от рубрик журнала Приморского общества сельского хозяйства. Это были статьи, «Заметки по сельскому хозяйству», «Хроника» (либо российская и иностранная, либо по тематике: кооперативная, сельскохозяйственная и пр.), «Корреспонденция», «Объявления», «Почтовый ящик», «Метеорологические сведения». Большая часть объема журнала занимали статьи и заметки. Иногда появлялись и другие рубрики: «Вопросы и ответы», «Библиография», «Война», «По белу свету», «Справочный отдел». А с 1916 г. появилась постоянная рубрика – «Кооперация», которая, как считали редакторы журнала, «должна привлечь не только больший круг читателей, но и пополнить состав сотрудников лицами, работающими в соответствующих кооперативных организациях»¹⁵.

Отметим, основным жанром публикаций в журналах были статьи, причем в «Приморском хозяине» это произошло только после его передачи в ведение общества сельского хозяйства. Статьи являлись наиболее информативной частью журналов и именно из них можно почерпнуть сведения о развитии аграрной сферы Приморской и Амурской областей Приамурского генерал-губернаторства. Немаловажную роль играли заметки, хроника, корреспонденция. В этих рубриках содержалась важная информация о количестве

пахотной земли в частном землевладении и продуктивности сельскохозяйственных культур; обсуждались общие вопросы землевладения, землепользования и колонизации; о мерах борьбы с различными вредителями и опытах по выращиванию отдельных сельскохозяйственных культур, использованию удобрений. Кроме того, публиковавшиеся в журналах отчеты о деятельности сельскохозяйственных обществ, информационные заметки или реклама давали возможность установить некоторые важные факты по истории самих сельскохозяйственных обществ: условия вступления в общество, задачи, агрономические и культурно-просветительские планы.

В качестве примера приведем № 2 журнала «Приморский хозяин» за 1913 г. В нем 5 статей, 7 заметок, 14 материалов хроники, а также корреспонденции, письма, вопросы и ответы, реклама. Всего 29 публикаций. Тематически они распределялись следующим образом: животноводство – 9; растениеводство – 3; борьба с вредителями – 1; лесопромышленность – 1; сельская кооперация – 1; кустарная промышленность – 1; рабочий вопрос – 2; рыболовство – 1; общие вопросы сельского хозяйства – 10. Направленность публикаций журнала частично изменилась в годы Первой мировой войны. Этот вывод можно сделать на основе анализа 12 номеров журнала за 1916 г., в номерах которого появляются 60 публикаций по кооперации, 37 советов по сельскому хозяйству, статьи по применению наемного труда в сельском хозяйстве.

В целом, анализируя содержание журналов, можно представить земледельческий облик Приморья. Амурская область представлялась авторам публикаций территорией с плодородной почвой; здесь создавались показательные участки, на которых выращивались овес, рожь, просо, чечевица, конопля, горчица. В 1913–1914 гг. появились зерноочистительные пункты и передвижные ободы, за минимальную плату очищавшие зерно от засоров. Кроме того, существовали прокатные станции, которые позволяли крестьянам до покупки техники испытать ее на собственном поле и объективно оценить ее возможности. Публикации свидетельствуют о том, что часть населения понимала необходимость в рационализации аграрного сектора, использовании для этого удобрений и сельскохозяйственной техники. Хозяйственная колонизация края сравнивается с Соединенными Штатами Америки: населена «далеко не рядовым крестьянином. Сюда пришел и идет наиболее развитой и предприимчивый народ, именно такой, который более склонен к новшествам...»¹⁶.

На страницах журналов нашли отражение и проблемы существования самого крестьянского социума. Некоторым сельским хозяевам Амурского региона давалась характеристика как слабо отзывчивым, «не привычным к самодеятельности...»¹⁷. Не обошли корреспонденты журнала стороной такие проблемы, как пьянство

в крестьянской среде. «Взрослое население пьет в страшных количествах. Молодежь пьет так же, но неизвестно с какого возраста»¹⁸, – отмечал автор статьи «Алкогольное вырождение» редактор газеты «Амурский край» Г. И. Клитчоглу. Однако можно встретить и противоположное мнение. В журнале за 1916 г. автор заметки, озаглавленной «Осиротелая деревня», не видел ничего страшного в пьянстве и сожалел, что кабак закрылся, негде выпить¹⁹.

Предприимчивость, присущая одним крестьянам-переселенцам, сочеталась с низкой общей и земледельческой культурой других местных сельчан. Например, известный деятель Переселенческого управления А. А. Меньшиков сравнивал местных хозяев с невежей, «отапливающим зимнюю пометом с разбитыми стеклами»²⁰. Ему вторил автор, подписавший свою статью (заметку) инициалами В. С.: крестьянин «привез с собой ту технику хозяйства, которую выработали его деды и прадеды и которая в известной степени отвечала и климатическим, и экономическим условиям его родины. Но эта техника здесь, при других климатических, и экономических условиях, совершенно не применима и не пригодна...»²¹.

Ветеринарный врач А. И. Сильванов, перечисляя все заблуждения крестьян относительно методов лечения животных, критиковал сельских жителей за «косность в суевериях и обрядности, большую его веру при лечении в разных бабок, знахарей и коновалов, чем во врачей»²². Приведем несколько примеров. Крестьяне «считают, что средство тем действеннее для лошади, чем оно сильнее пахнет и чем больше оно имеет отвратительный вид и вкус, тем оно более полезнее для животных... Например, практикуется при коликах раздавливание паховой железы» или отрезание концов ушей, от головной боли – заколачивание под кожу переносья клина из лиственницы, а при болезнях у лошадей ничего общего с глазами не имеющими – вырезание мигательной перепонки; в некоторых местностях Приморской области разрезают глазное яблоко лошадям и засыпают его нюхательным табаком, если лошадь «неожиданно для хозяина ляжет во время перевозки тяжестей»²³, лечение наружных заболеваний калом. Конечно, в статье не приводились точные сведения о распространенности подобной практики, но представляется, что поднявший эту тему ветеринарный врач действительно был озабочен размахом такого «лечения».

Недостаток агрономических знаний у населения и понимание этого факта членами обществ сельского хозяйства прослеживался во многих публикациях журналов. Закономерно, что для решения этой проблемы Приморское общество сельского хозяйства предложило собственный проект создания сети сельскохозяйственных учебных заведений, опубликованный в № 9 журнала за 1916 г. Во-первых, предлагалось создать сеть низших школ для распространения сельскохо-

зяйственных знаний среди земледельцев и для подготовки агрономического персонала, который мог бы стать основой педагогического состава данных школ; была определена специализация будущих сельскохозяйственных школ Приморской области, в зависимости от той отрасли, которая преобладала в разных ее частях. Во-вторых, предполагалось создать высшее сельскохозяйственное учебное заведение, которое, кроме общего агрономического, имело бы гидротехническое, лесное и другие специальные отделения. В общих чертах была намечена и программа занятий.

На страницах «Приморского хозяина» обсуждались и социальные проблемы земледельческой колонизации, в частности, разделение крестьянского общества на «старожилов-стодесятильников» и «новоселов». Авторы публикаций обвиняли «новоселов» в том, что те надеялись исключительно на государственную поддержку. «Получив пособие, они не расходуют его на то, на что оно дано, т. е. на домообзаводство, а тратят на совершенно посторонние предметы... и смотрят на Переселенческое управление, как на какую-то кладовую, из которой должны получать даром все, даже тогда, когда все у них обстоит благополучно»²⁴, – отмечал в своей статье священнослужитель Т. Кучерук. Подобные характеристики не удивительны, поскольку «новоселы», в отличие от адаптировавшихся к местным условиям и имевшим опыт выживания «старожилов», воспринимались, как правило, как «чужие».

Социальный состав участников сельскохозяйственных обществ в какой-то мере определял характер публикаций журналов. Распространенной практикой было членство в сельскохозяйственных обществах Приамурского края представителей администрации. Так, почетным членом Амурского общества сельского хозяйства и Приморского общества сельского хозяйства состоял Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. В Приморское общество входили Сахалинский губернатор Д. Д. Григорьев, военный губернатор Приморской области М. М. Монакин, вице-губернатор Приморской области Н. В. Монолахов. Не случайно на страницах журналов были представлены не только официальные материалы, но и отражена деятельность чиновников в аграрной сфере.

В 1912 г. в журнале «Амурский земледелец» были опубликованы распоряжение правительства о пособиях для сельскохозяйственных обществ, кредитных товариществ, кружков, артелей²⁵; порядок выдачи пособий на осуществление мер массового улучшения животноводства от государства²⁶; в 1913 г. – новые правила закупки зерна интендантством и наградах за образцовые хозяйства²⁷. Кроме того, в статье «Областная агрономическая организация» освещалась деятельность отдельных агрономов и перечислялись конкретные мероприятия созданной агрономической организации: появление участковых агрономов и инструкторов и обслуживание ими определенных

районов, устройство прокатных станций и зерноочистительных пунктов и т. д.²⁸

На страницах журналов обсуждались вопросы, связанные с казачьим населением, поскольку в одно время редактором «Амурского земледельца» был агроном Войскового правления Амурского казачьего войска – В. Т. Ковалев, а членом Приморского общества сельского хозяйства, в чьем введении находился журнал «Приморский хозяин» – С. И. Мацкевич, агроном Уссурийского казачьего войска. Известная казачья поговорка гласит: «Отец один раз жизнь дает, а конь много раз», поэтому неудивительно, что в «Амурском земледельце» в ряде публикаций освещались вопросы коневодства и скотоводства. В номерах журнала за 1912 г. ветеринар Войскового правления А. П. Любимов публиковал статьи о болезнях лошадей, которые должны были познакомить читателей с различными заболеваниями животных и причинами их возникновения; давал рекомендации по прививанию лошадей. В этом же ключе написаны статьи В. Смолича в № 1 за 1913 г., В. Туземцева в № 15 за 1912 г., Дехтерева в № 10 и Мацкевича в № 23 за 1912 г., раскрывавшие историю проведения мероприятий по улучшению коневодства в казачьем войске.

Одна из острых проблем, поднимавшихся журналами сельскохозяйственных обществ, была связана с обострившимся в Приамурье так называемым «жёлтым вопросом». «Амурский земледелец» в ряде публикаций информировал население о мерах, направленных на ограничение «жёлтого труда» в промышленности. Авторы высказывались в пользу ограничения иностранного труда и в земледелии, поскольку русский земледелец также не может конкурировать с китайцем. В статье «О ввозной пошлине на Маньчжурский хлеб» В. Туземец писал о необходимости увеличения пошлины на иностранный хлеб, так как зерно русского производства не может с ним конкурировать из-за его дешевизны²⁹. Более того, земледельцы И. Ф. Дружинин и А. В. Ланкин – члены Амурского общества сельского хозяйства – прислали на имя члена Государственной Думы Ф. Н. Чиликина образцы зерна с просьбой представить их в Департамент земледелия для проведения анализа с целью «доказать всему правительству ошибочность распространенного мнения, будто маньчжурское зерно лучше Амурского»³⁰. Тем самым проблема конкуренции маньчжурского и амурского зерна выносилась не только на региональный, но и на общероссийский уровень. Добиваясь повышения пошлины на маньчжурское зерно, авторы опубликованных в «Амурском земледельце» статей отстаивали допущение «жёлтого труда» в сельском хозяйстве Приамурья. Они считали, что «корейцы – самый желательный рабочий...»³¹, поскольку русских сельскохозяйственных наемных рабочих не хватало, а те, что были, часто начинали пить, бросали работу и уходили в тот момент, «когда земледельцы в них нуждаются»³².

Ряд авторов статей, опубликованных в журнале «Приморский хозяин», поднимали специфическую для Приморской области проблему неразвитости местного животноводства. В качестве причин ее возникновения назывались: наличие мелкого беспородного скота, который плохо подавался метизации; малочисленный ветеринарный персонал; отсутствие знаний по уходу за скотом и др.³³ Скотоводство и молочное хозяйство было в полной мере развито только в двух частновладельческих хозяйствах Приморской области – члена Приморского общества сельского хозяйства С. И. Конрада «Конрадовка» и ученого, агронома, чиновника по особым поручениям при Приамурском генерал-губернаторе К. Г. Гольденшtedта. Из небольших скотоводческих хозяйств существовали хутора И. М. Янковского, В. И. Шевелева, Г. А. Суханова. Из-за неразвитости животноводства местный Приморский рынок находился в зависимости от поставок мяса из Кореи, Маньчжурии и Западной Сибири.

Директор Владивостокской метеорологической обсерватории С. Д. Грибоедов, поднявший данную проблему, пытался заглянуть в будущее с надеждой на то, что «уссурийский крестьянин возьмет в свои руки всецело пропитание всего городского и воинского населения мясом, салом, молоком и маслом... и перед нами вместо захудалого землероба, который пухнет от сырости и развращается казенными подачками, встанет мощная фигура крестьянина, экономически сильного, знающего себе цену, который сгорит со стыда при мысли о казенных помочах»³⁴. Если взглянуть на проблему шире, можно выделить идею автора о том, что развитие предприимчивого, экономически сильного земледельца напрямую зависит от него самого; земледелец должен усовершенствовать свое хозяйство, не бояться опытов с молодняком, вводить удобрения и постоянно усовершенствовать свои аграрные знания.

О значимости работы двух сельскохозяйственных журналов среди населения свидетельствовало все увеличивающееся число корреспонденций и писем рубрики «Вопросы и ответы». Одновременно возрастало и количество крестьянских писем, в которых без прикрас описывалась жизнь деревни. Часто крестьяне обращались в редакцию с просьбами прислать номера журнала или сельскохозяйственную литературу, порекомендовать места приобретения племенного скота и отборных семян.

Подводя итог, отметим, что в настоящем исследовании были проанализированы два аграрных журнала, принадлежавших сельскохозяйственным обществам дореволюционного Дальнего Востока. В них представлен широкий спектр информации: статистические данные о количестве переселенцев на Дальний Восток; сведения о ходе водворения новоселов и отношение к ним среди средних и зажиточных земледельцев; о количестве свободных земель; итоги колонизации; оценки уровня аграрных знаний населения; мероприятия по пере-

селению и помощи населению в аграрной сфере края; представления авторов журнала о проблемах сельского хозяйства двух наиболее развитых в аграрном отношении областей Приамурского генерал-губернаторства. Все это дает основание для вывода о том, что журналы сельскохозяйственных обществ являлись важными источниками по истории самих обществ сельского хозяйства, а также позволяет представить земледельческий облик Приморской и Амурской областей.

Примечания

- 1 См.: Елина О. Ю. Сельскохозяйственные общества России, 1765–1920-е гг. : вклад в развитие агрономии // Российская история. 2011. № 2. С. 27–45.
- 2 См.: Елина О. Ю. Местные сельскохозяйственные общества : на пути к аграрной модернизации // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4, № 3. С. 34–63.
- 3 См.: Козлов С. А. «Служение интересам всей страны» : Московское общество сельского хозяйства (1820–1930 гг.) : в 3 т. Т. 1. СПб : Центр гуманитарных инициатив, 2020. 588 с.
- 4 См.: Козлов С. А. Традиции и новации в сельскохозяйственной помещичьей рационализации дореформенной эпохи (по материалам журнала Московского общества сельского хозяйства) // Аграрные технологии в России IX–XX вв. / под ред. Л. В. Милова. Арзамас : Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара, 1999. С. 175–184.
- 5 См.: Нохрина В. А. Издания Московского общества сельского хозяйства как источник по истории развития аграрной мысли в России (к 200-летию общества 1820–1930) // International agricultural journal. 2020. № 3. С. 65–75. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43032924_95706765.pdf (дата обращения: 29.09.2020). DOI: 10.24411/2588-0209-2020-10183
- 6 Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ : утв. 28 февр. 1898 г. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1910. 20 с.
- 7 Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 55. Приморское общество сельского хозяйства. г. Владивосток. Оп. 1. Д. 35. Л. 84.
- 8 В. С. К вопросу о некоторых задачах местного сельского хозяйства // Приморский хозяин : ежемесячный сельскохозяйственный журнал (далее – Приморский хозяин). 1916. № 3–4. С. 23. URL: <https://pgpb.ru/digitization/detail/1848/> (дата обращения: 05.09.2020).
- 9 Меньщиков А. А. Первоочередные задачи Приморского сельскохозяйственного общества // Приморский хозяин. 1913. № 2. С. 2.
- 10 Там же.
- 11 Там же.
- 12 От редакции // Амурский земледелец : сельскохозяйственный журнал (далее – Амурский земледелец). Благовещенск. 1912. № 1. С. 2.
- 13 Меньщиков А. А. Указ. соч. С. 2.
- 14 См.: Смолич В. А. Амурский земледелец // Амурский земледелец. 1916. № 3–4. С. 97.

- ¹⁵ Ближайшие задачи // Амурский земледелец. 1917. № 7–8. С. 17.
- ¹⁶ В. С. К вопросу о некоторых задачах местного сельского хозяйства // Приморский хозяин. 1916. № 3–4. С. 23.
- ¹⁷ По поводу закрывшегося съезда сельских хозяев // Амурский земледелец. 1912. № 5. С. 1.
- ¹⁸ Там же. С. 9.
- ¹⁹ См.: Осиротелая деревня // Амурский земледелец. 1916. № 15–16. С. 304.
- ²⁰ *Меньщиков А. А.* Указ. соч. С. 2.
- ²¹ В. С. К вопросу о некоторых задачах местного сельского хозяйства // Приморский хозяин. 1916. № 3–4. С. 23.
- ²² *Сильванов А. И.* Народное лечение животных // Приморский хозяин. 1916. № 9. С. 3.
- ²³ Там же. С. 6.
- ²⁴ *Кучерук Т.* Переселенец и его сельскохозяйственная жизнь // Приморский хозяин. 1916. № 5–6. С. 51.
- ²⁵ См.: Распоряжение правительства // Амурский земледелец. 1912. № 2. С. 12–14.
- ²⁶ См.: Законы и распоряжения правительства // Амурский земледелец. 1912. № 9. С. 32–33.
- ²⁷ См.: *Софонов А. М.* Новые правила закупа зерна военным ведомством // Амурский земледелец. 1913. № 10. С. 420–423.
- ²⁸ Там же. С. 417.
- ²⁹ См.: *Туземец В.* О ввозной пошлине на Амурский // Амурский земледелец. 1912. № 1. С. 13.
- ³⁰ *Чиликин Ф. Н.* Письмо // Амурский земледелец. 1912. № 9. С. 11–12.
- ³¹ Сельскохозяйственная хроника Приамурского края // Приморский хозяин. 1916. № 1–2. С. 81.
- ³² Там же. С. 18–20.
- ³³ Там же. С. 19.
- ³⁴ *Грибоедов С. Д.* В чем будущность Уссурийского края // Приморский хозяин. 1916. № 10. С. 8.

Поступила в редакцию 10.11.2020, после рецензирования 20.11.2020, принята к публикации 28.12.2020
Received 10.11.2020, revised 20.11.2020, accepted 28.12.2020

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 277–279
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 277–279

Рецензия
УДК 930.23
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-277-279>

Английские просветители о проблемах роста преступности в период коммерциализации общества

Рецензия на книгу: *Васильева С., Эрлихсон И.* Преступление и наказание в английской общественной мысли XVIII века. Очерки интеллектуальной истории. СПб. : Алетейя, 2020. 484 с.

Н. С. Креленко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Креленко Наталья Станиславовна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, krelenkon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7691-6811>

Аннотация. Рецензия посвящена анализу монографии, рассматривающей отклики английских философов, писателей, юристов, общественных деятелей на распространение преступности в английском обществе XVIII в. Внимание рецензента сосредоточено на авторской характеристике подходов современников к решению обозначенной проблемы в течение столетия.

Ключевые слова: Англия XVIII века, криминализация общества, рационализм, христианство, законодательство, реформы

Для цитирования: *Креленко Н. С.* Английские просветители о проблемах роста преступности в период коммерциализации общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 277–279. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-277-279>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Review's report
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-277-279>

English enlighteners about the problems of the growth of crime during the period of commercialization of society

Book review: *Vasilieva S., Erlichson I.* Crime and Punishment in 18th Century English Social Thought. Essays on intellectual history. Saint Petersburg : Aleteja, 2020. 484 p.

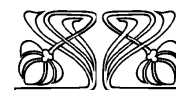
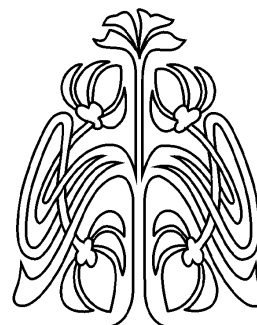
N. S. Krelenko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

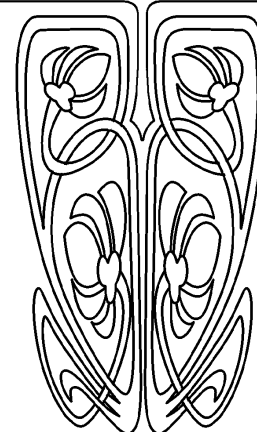
Natalia S. Krelenko, krelenkon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7691-6811>

Abstract. The review is devoted to the analysis of the monograph, which examines the responses of English philosophers, writers, lawyers, and public figures to the spread of crime in the English society of the 18th century. The reviewer's attention is focused on how the authors of the monograph characterized the change in the approaches of their contemporaries to solving this social problem for a century.

Keywords: England of XVIII century, criminalization of society Rationalism, Christianity, legal system, reforms

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

For citation: Krenko N. S. English enlighteners about the problems of the growth of crime during the period of commercialization of society. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 277–279 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-277-279>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Монография С. Васильевой и И. Эрлихсон посвящена пришедшему на XVIII в. поворотному периоду в английской истории, когда общество осваивало реалии новой системы отношений, в которой преступление как социокультурный феномен превратилось в важную составляющую общественной жизни и общественной мысли. В такие переломные периоды происходит дестабилизация привычной жизни, на фоне коммерциализации усиливаются социальные девации, особенно заметные в городской среде. В Англии, переживавшей начало переломного времени на протяжении XVIII в. и криминализацию общественной жизни, особенно в Лондоне, новые тенденции проявлялись очень болезненно.

Впрочем, Лондон на уровне массового сознания всегда считался (достаточно обратиться к литературной классике: историям о Шерлоке Холмсе) и был (о чем свидетельствует содержание книги Акройда «Лондон. Биография города») местом, где жить было очень опасно. Просто в рассматриваемый период, в XVIII в., криминальная ситуация проявилась особенно отчетливо, это, во-первых. Во-вторых, в рамках указанного периода произошла «смена вех», т. е. наметились изменения в представлении о том, как изменить эту ситуацию.

Работа состоит из девяти глав, каждая из которых представляет собой самостоятельный научный очерк, одновременно являясь частью единой структуры. С самого начала XVIII в. стало заметно усиление напряженности в жизни английского общества, проявившейся в распространении преступности. Современники видели причины происходящего в быстром росте богатств, в желании каждого откусить от этого пирога и упрекали власти в неспособности обеспечить общественный порядок.

Проблема рассматривалась аналитиками через призму религиозного подхода, особенно категорично проявляющегося в протестантизме, предполагающего изначальную греховность человеческой породы в ее исходном состоянии, а решение виделось в ужесточении мер наказания. Протестантская ментальность была ориентирована на то, что суд земной должен стать своего рода репетицией Высшего небесного суда для грешников-преступников. Развитие английского законодательства на протяжении почти всего века Просвещения шло именно по пути ужесточения карательных мер. Не случайно М. Фуко отметил, что обновление законодательства в Англии произошло в течение следующих десятилетий и выразилось в том, что в 1760 г. смертная казнь полагалась за 160 преступлений, а спустя полвека – за 223¹.

Первая глава, создающая событийно-исторический фон с точки зрения криминальной обста-

новки, наблюдавшейся в стране на протяжении большей части XVIII в., называется «Кровавый реестр негодяев: Ньюгетский календарь как исторический источник». В ней анализируется уникальное издание, объединившее разнообразный материал, касающийся судеб преступников, заключенных в Ньюгетскую тюрьму. Освещению и осмыслению всего массива этой информации способствуют разнообразные источники – от документов заседаний центрального уголовного суда Олд-Бейли до уличных баллад и так называемых «исповедей» преступников, обычно сочиненных тюремными священниками. Причем именно эти нарративные источники преобладают в «Ньюгетском календаре», изданном впервые в последней четверти XVIII в. и многократно переиздававшимся на протяжении двух последующих веков.

Авторы справедливо обратили внимание на то обстоятельство, что появлению этого издания способствовала специфика национальной ментальности, рассматривающей все через призму протестантского понимания греховности человеческой природы, с одной стороны, и требующей от литературы информативности и дидактичности, с другой. Так, описания судебных преступников представляют собой смешение занимательных историй, полных драматических ситуаций, и схематичной назидательности в толковании отдельных биографий. Показательно, что «Ньюгетский календарь» рассматривался как дидактическое чтение, а потому издавался в богатых переплетах, и был представлен в самых уважаемых библиотеках аристократов и буржуа. А ведь содержание этих солидных томов составляли те же самые тексты дешевых «листочков» с описанием злодеяний героев преступного мира, которыми зачитывались обитатели лондонской улицы.

Пристрастие к конкретике, к факту позволяет создать картину того, сколько и каких преступлений совершалось, кто их совершал, к каким наказаниям приговаривались преступники и приводились ли приговоры в исполнение в каждом конкретном случае. Вся эта информация была представлена в судебных делах, а также в специфических материалах, связанных с общественным интересом к судьбам преступников. Деяния и злодеяния, воздаяние за них, а также реакция на все эти коллизии находили отражение в народных балладах о героях преступного мира, в так называемых исповедах приговоренных, которые писались тюремными священниками. Все эти разнородные тексты позволили авторам монографии создать убедительную картину криминальной жизни Лондона, выявить определенные тенденции, показать наиболее интересные психологические портреты «героев» преступного мира.

Большая часть монографии (гл. 2–9) содержит материалы, демонстрирующие эволюцию восприятия проблемы в сочинениях английских интеллектуалов и общественных деятелей в течение второй половины XVIII в. Соответственно, внимание авторов акцентировано на том, как менялись рекомендации, предлагавшиеся с целью решения этой проблемы.

Вторая глава посвящена теме преступности многократно рассматривавшейся в сочинениях Д. Дефо. Вымышленные персонажи, такие как нечистая на руку Моль Фледерс или уголовник «полковник Джек», представлены писателем столь же жизненно и убедительно, как реально существовавшие «рыцарь большой дороги» Д. Шепард и скупщик краденого Д. Уайльд. Романы и памфлеты Дефо в равной степени обращены на осмысление причин неудержимо растущей преступности. «Его пронизательность проявилась главным образом в том, что автор усматривал корни преступности в области нравственно-этических норм, одновременно связывая их трансформацию с влиянием набиравшего обороты капитализма, стремительно меняющего структуру общества и одновременно стиль мышления и поведения»².

Содержание третьей главы сводится к анализу одного из памфлетов философа-моралиста Б. Мандевила, представившего собственное понимание проблемы криминализации общественной жизни своего времени и путей ее решения. По мнению автора этой главы И. М. Эрлихсон, Б. Мандевил «... очень четко обозначил факторы, играющие ключевую роль в генерировании *преступления*: безразлично-снисходительная позиция общества, несовершенство законодательства и его недобросовестное исполнение»³.

В этих двух главах представлены позиции аналитиков, наблюдателей, внимательных и заинтересованных людей, выступавших в данном вопросе, условно говоря, как любители. В следующей главе данная проблема рассматривается с позиции профессионала-законника, каким на протяжении нескольких лет выступал Генри Филдинг: «Ключевой тезис Генри Филдинга, впоследствии закреплённый и преобразованный его последователями, состоял в том, что рост преступности был структурным следствием коммерциализации общества, освободивший низшие сословия от состояния зависимости и изменивший их отношения с властью»⁴.

В этой связи можно отметить, что этот тезис лег в основу практики воспитания низов обще-

ства в духе принятия собственного положения ради общественного спокойствия. Данный подход четко озвучен в назидательных стихах, утверждавших: «Хоть бедные мы – мы послушны, честны / За пищу трудом отплатить мы должны...»⁵.

Если в памфлетах и трактатах, написанных в первой половине XVIII в., преобладает фиксация сложившейся криминальной ситуации и попытка ее объяснения, то во второй половине века оформляется и усиливается другая тенденция, смысл которой можно свести к тому, что следует не только и не столько карать, сколько перевоспитывать людей, преступивших закон. Сочинения и в большей степени практическая деятельность таких просветителей, как Д. Хэнвей, Д. Говард, И. Бентам, С. Ромилли, Д. Брюстер, обращены на то, чтобы подготовить «... возможность существования такой системы наказания, главной целью которой станет исправление преступника и возвращение в общество честного гражданина»⁶.

В английской общественной мысли эта тенденция, смысл которой раскрыт в работе М. Фуко «Надирать и наказывать» как «... контроль над индивидом... изменение его преступных наклонностей...»⁷, отчетливо проявилась со второй половины XVIII в. в трудах отдельных авторов, позиция которых со временем получила широкое распространение.

В целом хочется отметить, что рецензируемую работу отличают цельность и логичность построения, продуманность концепции, опирающейся на огромный фактический материал.

Примечания

- 1 См.: Фуко М. Надирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М. : Ад Мерингем Пресс, 1999. С. 13.
- 2 Васильева С., Эрлихсон И. Преступление и наказание в английской общественной мысли XVIII века. Очерки интеллектуальной истории. СПб. : Алетейя, 2020. С. 196.
- 3 Там же. С. 218.
- 4 Там же С. 289.
- 5 Цит. по: Барлова Ю. Е. «Что такое хорошо и что такое плохо» для бедняка (английские нравоучительные сочинения для бедных конца XVIII –первой половины XIX в.) // На перекрестках британской истории / под ред. А. Б. Соколова. Ярославль : Издательство ЯрГПУ, 2013. С. 36.
- 6 Васильева С., Эрлихсон И. Указ. соч. С. 300.
- 7 Фуко М. Указ. соч. С. 15.

Поступила в редакцию 28.11.2020, после рецензирования 28.12.2020, принята к публикации 28.12.2020
Received 28.11.2020, revised 28.12.2020, accepted 28.12.2020

ХРОНИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 280–283

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 280–283

Сообщение

УДК 94(4)[653]:303.446.4

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-280-283>

Историк и его время (жизнь и судьба В. А. Ермолаева)

А. Н. Галямичев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, galyamichev57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9508-0901>

Аннотация. В публикации рассматриваются основные вехи жизненного и творческого пути видного исследователя истории германской Реформации В. А. Ермолаева. Обосновывается вывод о том, что незаурядность его научного наследия была во многом предопределена богатством жизненного опыта и твердостью внутренних убеждений.

Ключевые слова: В. А. Ермолаев, Саратовский университет, история Реформации в Германии

Для цитирования: Галямичев А. Н. Историк и его время (жизнь и судьба В. А. Ермолаева) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 280–283. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-280-283>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Communication

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-280-283>

The historian and his time (life and fate of V. A. Ermolaev)

A. N. Galyamichev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexandr N. Galyamichev, galyamichev57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9508-0901>

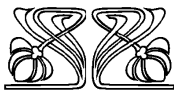
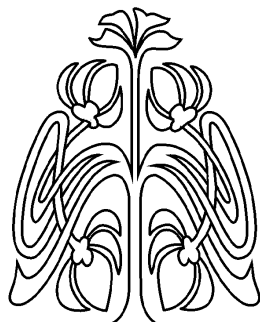
Abstract. The article deals with the main milestones of the life and creative path of a prominent researcher of the history of German Reformation V. A. Ermolaev. The author concludes that the uniqueness of his scientific heritage was largely determined by the richness of life experience and firmness of internal beliefs.

Keywords: V. A. Ermolaev, Saratov University, history of the reformation in Germany

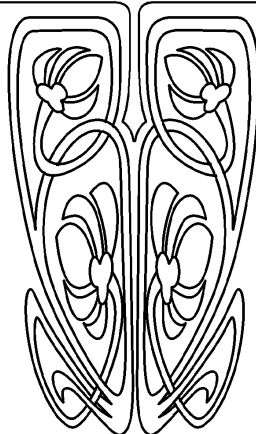
For citation: Galyamichev A. N. The historian and his time (life and fate of V. A. Ermolaev). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 280–283 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-280-283>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Состоявшаяся 9 октября 2020 г. в Институте истории и международных отношений Саратовского государственного университета Всероссийская научная конференция «Реформация и конфессиональные процессы в контексте истории цивилизаций» была посвящена 110-ле-

ПРИЛОЖЕНИЯ

тию со дня рождения Всеволода Александровича Ермолаева (1910–2000). Если подходить к этой дате с формальной точки зрения, то она представляется достаточно скромной: стаж его работы на историческом факультете СГУ – 15 лет, учёная степень и звание – кандидат наук, доцент, список опубликованных работ состоит из 24 названий¹.

И всё же нельзя не признать, что этот юбилей является веским доказательством сомнительности формальных критериев оценки итогов жизненного пути: по всеобщему признанию, В. А. Ермолаев оставил глубокий след в истории нашего факультета, добрую память о себе как в сердцах студентов 1950–1960-х гг., так и среди коллег, особенно работников кафедры истории средних веков.

В. А. Ермолаев остался в памяти истфаковцев как яркий преподаватель, поражавший высокой культурой, редкой эрудицией и оригинальностью оценочных суждений. Помимо лекционных курсов, он запомнился вдумчивым руководством практических занятий, первыми опытами научной работы студентов. Нельзя не вспомнить о том, что именно он стоял у истоков одного из самых интересных и любимых многими поколениями студентов слагаемого учебного процесса саратовского истфака – музейной практики в северной столице. Она выросла из инициативы В. А. Ермолаева, который прочитал спецкурс по истории искусства Немецкого Возрождения для группы студентов, специализировавшихся по кафедре истории средних веков (большая редкость во времена его преподавательской работы!), а затем добился организации их поездки в Ленинград (помогли традиции сотрудничества с Ленинградским университетом, заложенные в годы Великой Отечественной войны) для работы в собрании Государственного Эрмитажа.

Опыт медиэвистов вдохновил весь факультет, и на следующий год практика распространилась на всех студентов, а затем приобрела новые грани и достоинства благодаря другим энтузиастам (нельзя не вспомнить заслуги профессора кафедры истории России Г. Д. Бурдея).

Если давать оценку значению научного творчества В. А. Ермолаева, то оно, несомненно, принадлежит к числу крупнейших достижений отечественной науки в изучении истории Германии в эпоху Реформации.

Важнейшее звено его научного наследия – три сборника документов, переведенных с немецкого языка XV – первой четверти XVI в. Первая публикация содержит материалы о крестьянских движениях накануне Реформации², за ней последовало два выпуска источников о событиях Крестьянской войны 1525 г. во Франконии³. Решение этой задачи потребовало от историка глубоких знаний в области истории немецкого языка, особенностей духовной и материальной культуры, быта и повседневной жизни Германии эпохи Реформации.

Две монографии В. А. Ермолаева – «Революционное движение в Германии перед Рефор-

мацией»⁴ и «Гейльброннская программа»⁵ – отображают многокрасочную панораму германской истории рубежа XV–XVI столетий, событий Реформации и Крестьянской войны 1525 г. Они содержат немало оригинальных выводов и наблюдений, обогативших представления нашей науки об этих драматических страницах истории Германии.

В. А. Ермолаев работал на самом высоком уровне современной ему науки, о чем свидетельствуют дошедшие до нас материалы его переписки с виднейшими советскими и немецкими исследователями (часть переписки В. А. Ермолаева опубликована⁶, большая часть ждёт опубликования).

О признании высокой научной квалификации В. А. Ермолаева свидетельствует приглашение его к сотрудничеству с редколлегией 2-го издания «Большой советской энциклопедии» и «Советской исторической энциклопедии», для которых он подготовил ряд содержательных статей.

Истоки этих достижений следует, на наш взгляд, искать в особенностях личности историка, формировавшейся на основе жизненного опыта. Отметим, что его жизненный путь был исключительно богат на неожиданные повороты. Всмотреться в факты биографии и прикоснуться к внутреннему миру В. А. Ермолаева дают возможность написанные им на склоне лет воспоминания, которые увидели свет в 2009 г.⁷

Будущий историк родился 10 февраля 1910 г. в Саратове в семье банковского служащего, ставшего в годы Первой мировой войны прапорщиком русской армии.

В. А. Ермолаев успел поступить в классическую гимназию, но события 1917-го и последовавших за ним лет коренным образом изменили судьбу нашей страны и стали временем суровых испытаний для семьи Ермолаевых. Отец будущего историка, не питавший симпатий к советской власти, в 1919 г. был мобилизован в ряды Красной Армии и вскоре после призыва умер от тифа в военном госпитале Симбирска.

Перенесенные в годы революции и Гражданской войны потрясения оставили глубокий след в душе В. А. Ермолаева, в течение всей жизни сохранявшего критическое отношение к советской власти и ее идеологии и усмотревшего в распаде СССР «неожиданную радость», подаренную ему судьбой на склоне жизни: «На старости лет меня ждало утешение, неожиданное и тем более приятное – очень быстро, как прогнивший гриб, лопнула и развалилась советская система, КПСС была разогнана своими же, постепенно потеряла свое значение и система идейного и политического надзора»⁸.

Справедливости ради следует, на наш взгляд, все же признать, что в целом жизненный путь В. А. Ермолаева в Советской России складывался относительно благополучно, а невосполнимая потеря отца дала ему основание считаться сыном погибшего красноармейца, что устранило возмож-

ные препятствия на пути к получению высшего образования.

В 1926 г. В. А. Ермолаев поступил на факультет хозяйства и права Саратовского государственного университета, по окончании которого он успешно работал в проектных организациях Саратова и Сталинграда. Высшее образование обеспечивало В. А. Ермолаеву достаточно высокий жизненный уровень, но в середине 1930-х гг. он решил сменить род занятий и связать свою дальнейшую судьбу с изучением и преподаванием истории.

Интерес к истории зародился у В. А. Ермолаева ещё в детские годы, однако в 1920 – начале 1930-х гг. он мог поддерживаться только любительскими занятиями: в советской трудовой школе история не изучалась, не велась подготовка историков и в лучших учебных заведениях Советского Союза.

После издания известного постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 14 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» были восстановлены исторические факультеты, и В. А. Ермолаев поспешил воспользоваться открывшейся возможностью, поступив на исторический факультет Саратовского педагогического института.

Увлеченность, эрудиция и достигнутые студентом-заочником успехи были по достоинству оценены, и по окончании обучения В. А. Ермолаев стал преподавателем в alma mater, а затем поступил в аспирантуру при кафедре истории средних веков Саратовского университета.

Научным руководителем В. А. Ермолаева стал талантливый ученый, воспитанник Ленинградского университета Алексей Сергеевич Бартенев (1906–1942), предложивший аспиранту малоизученную не только в отечественной, но и в мировой медиевистике тему, которая продолжала работы А. С. Бартенева по истории средневековой Нормандии – вопрос о своеобразии общественно-политического строя Сицилийского норманнского королевства.

В. А. Ермолаев с увлечением приступил к изучению источников и литературы по теме диссертации. В архиве СГУ сохранился приказ ректора Д. И. Лучинина, согласно которому 23 июня 1941 г. аспирант Ермолаев должен был выехать в Ленинград для работы в библиотеках⁹.

Начало Великой Отечественной войны заставило его надолго отложить планы научной работы. 26 июня 1941 г. В. А. Ермолаев был призван в ряды РККА как офицер запаса и сначала занимался формированием маршевых рот на одной из железнодорожных станций в Саратовской области, а затем вместе с эшелоном новобранцев влился в войска Брянского фронта.

4 сентября 1941 г. на реке Десне близ города Трубчевска В. А. Ермолаев был тяжело ранен разрывной пулей немецкого снайпера и по воле судьбы вернулся на излечение в Саратов. Уди-

вительный факт: раненый оказался в той самой аудитории переоборудованного под госпиталь здания пединститута, где он читал последнюю лекцию накануне войны.

После выздоровления В. А. Ермолаев был направлен в Ставропольский военный институт иностранных языков, закончив который стал военным переводчиком в штабе лыжной бригады, а после второго ранения был переведен в 7-й отдел Политуправления 3-го Прибалтийского фронта, занимавшийся работой с военнопленными. Здесь он стал преподавателем антифашистской школы для военнопленных немцев, выразивших желание бороться с гитлеровским режимом. Речь шла об их подготовке не только для борьбы в немецком тылу, но и в качестве кадров для будущей, освобожденной от фашизма Германии.

Привлечение В. А. Ермолаева к столь сложной и ответственной работе свидетельствовало о высоком авторитете, который он сумел заслужить во время боевых действий.

По окончании войны в судьбе историка произошел новый поворот: он стал сотрудником Советской Военной Администрации Германии. В круг обязанностей старшего референта аппарата Политсоветника В. А. Ермолаева входили вопросы взаимоотношений Советской Администрации и немецкого духовенства, сыгравшего важную роль в послевоенном восстановлении Германии.

Работа в Германии оказала определяющее влияние на последующую судьбу В. А. Ермолаева. Глубокое проникновение в тайны немецкого языка и духовной культуры немецкого народа открыли для него возможность плодотворного изучения исторического прошлого Германии, а тесное общение с видными деятелями немецкой церкви определило особый интерес к роли и месту эпохи Реформации в исторических судьбах немецкого народа.

Во время службы в Германии В. А. Ермолаев стал собирать библиотеку по истории Реформации, рассчитывая вернуться к научно-педагогической деятельности. Он ежегодно подавал рапорты с просьбой о демобилизации, и в 1951 г. она состоялась.

Вернувшись в Саратов, В. А. Ермолаев восстановился в аспирантуре при кафедре истории средних веков СГУ и стал работать над диссертацией «Немецкий город в Крестьянской войне 1525 г.» под руководством профессора МГУ М. М. Смирин. В 1954 г. диссертация была успешно защищена в Московском университете.

В 1953 г. В. А. Ермолаев стал преподавать на географическом факультете Саратовского университета, а через 3 года, как уже было сказано, перешёл на кафедру истории средних веков исторического факультета.

Уход В. А. Ермолаева на пенсию в 1970 г. в расцвете творческих сил стал неожиданностью для большинства коллег и студентов. Думается, что он не кривил душой, когда на страницах воспоми-

наний писал о том, что преподавательская работа перестала приносить ему удовлетворение, а выход на пенсию создавал благоприятные условия для завершения многочисленных творческих планов.

Осуществление одного из них – выход в 1986 г. в свет монографии «Гейльброннская программа» – стал важным событием в научной жизни нашей страны, привлекая внимание многих историков.

В. А. Ермолаев не оставлял научных занятий до последних дней своей жизни, поскольку, несмотря на многочисленные повороты судьбы отличался постоянством внутренних убеждений и привязанностей, одной из которых был глубокий интерес к изучению истории.

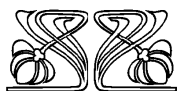
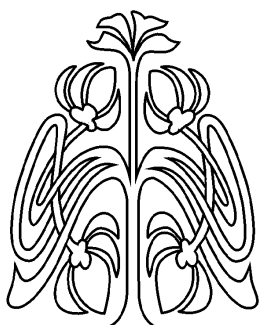
Примечания

- ¹ См.: *Девятайкина Н. И., Мельникова Т. А.* Список основных научных трудов В. А. Ермолаева и материалов о нём // *Средневековый город.* Саратов : Наука, 2011. Вып. 21. С. 84–85.
- ² См.: *Крестьянское движение в Германии перед Реформацией* : сб. документов / пер., сост., коммент.

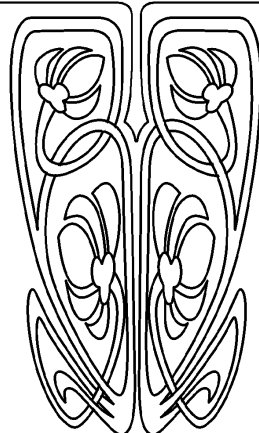
В. А. Ермолаева. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1961. 215 с.

- ³ См.: *Крестьянская война 1525 года во Франконии* / сост. и пер. В. А. Ермолаева : в 2 вып. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1968–1969. Вып. 1. 55 с. ; Вып. 2. 59 с.
- ⁴ См.: *Ермолаев В. А.* Революционное движение в Германии перед Реформацией. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1966. 88 с.
- ⁵ См.: *Ермолаев В. А.* Гейльброннская программа. Программа немецкого радикального бюргерства в Крестьянской войне 1525 г. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1986. 263 с.
- ⁶ См.: *Соломонов В. А.* Письма М. М. Смирин к В. А. Ермолаеву (1952–1973) : из архива В. А. Ермолаева // *Средние века.* М. : Наука, 2011. Вып. 72 (3–4). С. 280–304.
- ⁷ См.: *Ермолаев В. А.* «Без гнева и пристрастия» : Записки историка. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2009. 564 с.
- ⁸ Там же. С. 337.
- ⁹ См.: *Архив Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.* Личное дело аспиранта В. А. Ермолаева. Л. 24.

Поступила в редакцию 28.10.2020, после рецензирования 28.12.2020, принята к публикации 28.12.2020
Received 28.10.2020, revised 28.12.2020, accepted 28.12.2020

ПОДПИСКА

Подписка на 2022 год

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36018,
раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов».
Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Оформить подписку онлайн можно
в Интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Институт истории и международных отношений

Тел.: +7(845-2) 21-06-32

Факс: +7(845-2) 21-06-51

E-mail: larisachernova@mail.ru

Website: <https://www.sgu.ru/structure/imimo>